

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА (МОСКВА)

ОТ «ДОМАШНИХ ДЕЛ»

К «ДЕЛАМ ГОСУДАРСТВА»:

ГЕНДЕР И ВЛАСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Гендерная система, несмотря на все многообразие определений этого понятия¹, фактически представляет собой систему власти и доминирования. В гендерном анализе проблема власти является ключевой. При этом речь идет равным образом как о гендерных аспектах власти, так и о властной составляющей гендерных отношений: семья рассматривается как гендерно-социальный конструкт и как основа социального, экономического и политического могущества; религия — как сквозь призму предписываемых ею гендерных ролей, так и в свете ее способности наделять мужчин и женщин разными видами власти; образование — поскольку его доступность и, соответственно, приобретаемые через него власть и влияние являются гендерно-дифференцированными; определения гражданского равенства и политического подчинения описываются в гендерных терминах и базируются на специфическом понимании различий между мужчинами и женщинами.

Одной из характерных примет современной историографии стала новая концепция власти и более широкое понимание того, что определяется как «политика» и «политическое». В исторических исследованиях конца XX – начала XXI вв. все чаще проводится сознательное различие между обладанием, с одной стороны, легитимной политической властью, формально признанным авторитетом, дающим санкционированное обществом право принимать

¹ См.: Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 44–46.

обязательные для других решения, и с другой — возможностью оказывать на людей, их действия и происходящие события неформальное влияние, то есть, так или иначе, воздействовать на них или — еще жестче — манипулировать ими — для достижения своих целей. В соответствии с этим расширяется и понимание политической истории, в предмет которой теперь включается не только официальная политика, но и все, что, так или иначе, касается властных отношений в обществе. Политический аспект стал усматриваться в отношениях не только между монархом и подданным, но также между хозяином и слугой, землевладельцем и держателем, отцом и сыном, мужем и женой. С этой же концептуальной платформы ставится в настоящее время и вопрос о роли гендера и гендерной системы в распределении властных полномочий.

Максимально расширенная и обогащенная концепция власти занимает весьма заметное, можно с уверенностью сказать — центральное место в гендерной истории, поскольку одной из ее главных задач является изучение возможностей и способности женщин, на протяжении многих веков лишенных — в пользу мужчин — доступа к формальным институтам политической власти, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп людей в условиях патриархатного господства. Многие здесь было заимствовано историками у антропологов, занимавшихся изучением того, как изменялся статус женщин в публичной сфере. Историки, антропологи и социологи фиксируют частичное или полное совмещение дихотомии мужского/женского (маскулинного/феминного) и дихотомии публично-го/приватного в разных культурах и обществах. При всем разнообразии интерпретаций сложился определенный консенсус: каковы бы ни были действительные первопричины разделения публичного и приватного, — а установить их невероятно трудно именно потому, что это произошло так давно, за пределами письменной истории, — с течением времени оно претерпевало существенные изменения.

Понятие «власть женщин» (*women's power*) применяется во множестве работ по женской и гендерной истории². Размышляя об

² Эта концепция, начиная со второй половины 1980-х годов, стала базовой для целого ряда индивидуальных монографий и коллективных проектов. См., например: *Women and Power in the Middle Ages* / Ed. by M. Erler and

общественном статусе и действительной роли женщин в средневековом обществе, Джоан Ферранте пишет:

«Имея ограниченные возможности на деле распоряжаться своей собственной или чужими жизнями, женщины в средневековой литературе, а иногда и в реальной жизни, находили более тонкие или скрытые способы осуществлять такую власть, манипулировать людьми и ситуациями, сочинять небывлицы, которые нравились им больше, чем действительность, и благодаря которым они могли или надеялись эту действительность контролировать»³.

Стенли Чойнаки, исследуя супружеские отношения в среде городского патрициата и воздействие изменений в статусе и влиянии женщин на культуру ренессансной Венеции, пользуется метафорой «власть любви»⁴. Гизела Бок составляет краткий перечень видов «женской власти»:

«За фасадом формального распределения власти между полами женщины обладали также и собственными видами власти, которые зачастую имели неформальный характер. Эти виды власти... могли проявляться по-разному: например, как участие в системе власти мужчин, как власть над мужчинами, как власть над другими женщинами, как способ самоутверждения женщины»⁵.

«Власть женщин» исследуется во всем многообразии ее проявлений: рассматривается воздействие женщин на политические реше-

M. Kowaleski. Athens–L., 1988; *Gender Relations in German History: Power, Agency and Experience from the Sixteenth to the Twentieth Century* / Ed. by Lynn Abrams and Elizabeth Harvey. Durham (N.C.), 1997; *Watts, Ruth*. Gender, Power and the Unitarians in England, 1760–1860. L., 1998; *Kent, Susan*. Gender and Power in Britain, 1640–1990. L., 1999; *Jones, Helen*. Women in British Public Life, 1914–1950: Gender, Power and Social Policy. Harlow, 2000; *Johns, Susan M*. Noblewomen, Aristocracy, and Power in the Twelve-Century Anglo-Norman Realm. Manchester–New York, 2003; *Thomas, Natalie*. The Medici Women: Gender and Power in Renaissance Florence. Aldershot, 2003 etc.

³ *Ferrante, Joan*. Public Postures and Private Maneuvres: Roles Medieval Women Play // *Women and Power in the Middle Ages*... P. 213.

⁴ *Chojnacki, Stanley*. The Power of Love: Wives and Husbands in Late Medieval Venice // *Women and Power in the Middle Ages*... P. 126.

⁵ *Бок Гизела*. История, история женщин, история полов // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». С. 307.

ния и исторические события, их роль в семье, в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (в том числе посредством культурного патронирования, или меценатства, и собственной творческой работы), а также особенности так называемых женских социальных сетей, или сетей влияния, под которыми понимаются межличностные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины.

Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния. Устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали мужчинам делать политическую карьеру; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т.д. Инструменты и формы этого влияния рассматриваются гендерными историками в рамках различных моделей соотношения частного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности через систему политических, культурных, экономических институтов, которая в каждом обществе определяла конкретно-историческое смысловое наполнение понятий «мужского» и «женского». Иначе говоря, именно исторические изменения в конфигурации частной и публичной сфер общественной жизни выступают как необходимое опосредующее звено в социальной детерминации гендерно-исторической динамики, то есть в определении траектории и темпов изменений в гендерных отношениях и представлениях. Причем степень жесткости и интенсивности этих связей также изменялась.

Антропологи уже на заре исторического развития, во всех обществах, где имело место выделение публичной власти из частной, фиксируют тенденцию отстранения женщин от публичной власти⁶. Их роль в частной жизни и отношение к публичной стояли в центре проблематики исследований по истории женщин, которые пытались выяснить механизм действия патриархальной системы, сохранявшей в течение многих столетий — и в самых разных условиях — подчиненное положение женщин как в сексуально-репродуктивной («ча-

⁶ *Stacey M., Price M. Women, Power, and Politics. L., 1981.*

стной»), так и в социально-экономической и политико-правовой («публичной») сфере⁷. Согласно этим теориям, и «приватизация женщин» в семье, и рост их активности вне дома описывались в терминах оппозиции частного и публичного, индивида и государства, домашнего хозяйства и общественного производства⁸.

В классической Греции, где производственная деятельность сосредоточивалась в домохозяйстве, сфера публичного, или полис, была чисто политической, и ею заправляла небольшая группа взрослых граждан мужского пола. В Древнем Риме, с его четкой концепцией публичной власти, женщины были исключены из нее со всей определенностью. Но уже в каролингский период, когда действительным центром отправления власти стала курия крупного феодала, а не государство, это различие почти исчезло, что практически свело на нет ограничения властных полномочий женщин-наследниц. В дальнейшем — с постепенным развитием государственного аппарата и усилением контроля с его стороны — влияние женщин снижалось⁹. В целом ряде работ по истории нового времени приводятся убедительные доказательства того, что так называемое освобождение индивида, которое у большинства историков ассоциируется со временем и с воздействием Реформации, подъемом национальных государств и разрушением традиционных общинных структур, не было последовательным и отличалось гендерной исключительностью: через определенный промежуток времени, в XIX в., происходит «второе закрепощение» женщины семейными структурами: создается культ семьи и домашнего очага, который индивидуальной свободе женщины отнюдь не способствовал.

Уже в раннее новое время маскулинизация публичной сферы усиливается и в теории, и на практике. Гендерные роли и отношения часто становятся предметом общественного обсуждения. Начало XIX века отмечено очень высоким уровнем демаркации частного и

⁷ Kelly J. *Women, History, and Theory*. Chicago, 1984. P. 61–62.

⁸ Nicholson L. J. *Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family*. N.Y., 1986. P. 201–208.

⁹ McNamara J. A., Wemple S. *The Power of Women through the Family in Medieval Europe: 500–1100 // Clio's Consciousness Raised / Ed. by M. Hartman, L. W. Banner*. N.Y., 1974.

публичного. Именно публичная сфера, включающая мир политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, признавалась сферой «реальной» власти, престижа и могущества. Метафора разделенных сфер, которая зримо выражала и подспудно оправдывала расхождение гендерных статусов, стала — наряду с культом домашнего очага и «кодексом чистоты» — своеобразной ортодоксией общественного сознания и совсем не случайно именно основанная на ней теоретическая модель заняла впоследствии ведущее место в концептуальных построениях и риторике «женской истории»¹⁰.

Новый взгляд на проблему соотношения частного и публичного появился с развитием теоретических и исторических гендерных исследований. Гендерные историки, в значительной степени опираясь на антропологические исследования, которые связывают доминирующее положение мужчин и неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную сферы и с вытеснением женщин из

¹⁰ И это несмотря на обоснованные сомнения в ее адекватности и размах экспериментов по деконструкции абсолютизированной дихотомии приватного и публичного как элемента гендерной идеологии викторианской эпохи. См.: *Gendered Domains: Rethinking Public and Private in Women's History* / Ed. by D. O. Helly, S. M. Reverby. Ithaca-N.Y., 1992; *History and Feminist theory* / Ed. by A.-L. Shapiro Middletown (Conn.), 1992; *Elshain J. B. Public Man, Private Woman*. Oxford, 1981; *The Public and the Private* / Ed. by E. Gamarnikow. L., 1983; *Landes J. Women and the Public Sphere: A Modern Perspective* // *Social Analysis*. 1984. Vol. 15. № 4. P. 20–31; *Yeatman A. Gender and the Differentiation of Life into Public and Domestic Domains* // *Ibid.* P. 32–49; *Hall C. Private Persons versus Public Someones: Class, Gender and Politics in England, 1780–1850* // *Language, Gender and Childhood* / Ed. by C. Steedman et al. L., 1985. P. 10–33; *Gender, Ideology, and Action: Historical Perspectives on Women's Public Lives* / Ed. by J. Sharistanian. N.Y., 1986; *Wiesner M. E. Women's Defense of their Public Role* // *Women in the Middle Ages and the Renaissance: Literary and Historical perspectives* / Ed. by M. B. Rose. Syracuse, 1986. P. 1–27; *Kerber L. K. Separate Spheres, Female Worlds, Woman's Place: The Rhetoric of Women's History* // *Journal of American History*. 1988. Vol. 75. № 1. P. 9–39; *Poovey, Mary. Uneven Developments: the Ideological Work of Gender in Mid-Victorian England*. L., 1989; *Steedman C. 'Public' and 'Private' in Women's Lives* // *Journal of Historical Sociology*. 1990. Vol. 3, № 4. P. 294–304; *Rewriting the Victorians: Theory, History, and the Politics of Gender* / Ed. by Linda M. Shires. N.Y.-L., 1992; *McKee, Patricia. Public and Private: Gender, Class, and the British Novel (1764 – 1878)*. Minneapolis, 1997 etc.

последней, вносили в эту схему свои коррективы¹¹. Во многих работах вопрос о так называемой автономизации частной сферы уходит на задний план. Исходным моментом является понимание зависимости функционирования публичной сферы, в которой почти безраздельно доминировали мужчины, от созидательной деятельности женщин в домашней частной жизни, участия в повседневном управлении семейным хозяйством. Семья становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности¹².

Особое внимание уделяется проблеме внутрисемейных отношений и «политическому устройству» семьи. При этом учитываются как идеальные и нормативные модели, так и весьма отклоняющиеся от них жизненные ситуации. Гендерная идеология, дающая развернутые обоснования господства мужа в патриархальной семье и рисующая удобный идеал «хорошей жены», смиренно подчиняющейся мужу, вне зависимости ни от качеств ее «господи-

¹¹ Новый подход позволил, в частности, описать сложные конфигурации и переплетения классовых и гендерных различий в анализе двух иерархически организованных общностей — семьи и локальной (деревенской или приходской) общины — с характерным для каждой из них комплексом социальных взаимодействий, включающим и отношения равноправного обмена, и отношения господства и подчинения. Как жены были подвластны мужьям в семье, так и женщины в общине подчинялись мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально (правом) и неформально (общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями). Далекое не все взаимоотношения мужчин и женщин укладывались в эту модель. В некоторых жизненных ситуациях (например, в качестве матери, хозяйки, богатой соседки) женщины могли иметь власть над мужчинами. — *Amussen S. D. An Ordered society: Gender and class in early modern England. Oxford–N.Y., 1988. P. 1–33.*

¹² Самый значительный вклад в разработку этой проблемы в контексте истории маскулинности принадлежит известному британскому историку Джону Тошу. См.: *Tosh J. A Man's Place: Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England. New Haven, 1999; Idem. Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain: Essays on Gender, Family, and Empire. Harlow–N.Y., 2005.*

на», ни от справедливости или разумности его приказаний¹³, оставляет «за кадром» роль женщины в семейном управлении, ее возможности оказывать реальное влияние на принятие решений (в том числе и по важным для семьи делам) и ее умение — если потребуется — незаметно «подтолкнуть» главу семьи в нужном направлении. Конечно, незамужние наследницы и вдовы обладали гораздо большей самостоятельностью в распоряжении собой и своим имуществом, но и в семейной жизни многое зависело от индивидуальных качеств как жены, так и мужа. Следует также иметь в виду, что женские способы управления главой семьи были уже давно апробированы и зафиксированы в общественном сознании, что подтверждается, прежде всего, литературными и околотитулярными произведениями разных эпох. Таковы, например, примечательные картинки семейно-брачного быта, которые многообразно и с явной мизогинистической направленностью представлены в сборнике сатирических новелл «Пятнадцать радостей брака» (рубеж XIV и XV вв.)¹⁴. Не менее яркое впечатление оставляют неуправляемые «строптивые жены» шекспировской драматургии¹⁵.

Более широкий спектр супружеских отношений рисует массовый материал дешевых и популярных английских печатных изданий для простонародья (тексты многочисленных народных баллад, а также имевших широкое хождение сборников шуток, пословиц и

¹³ «Если простолюдины наказывают своих жен кулаками, то благородных дам лишь журят, иначе поступать не следует. Поэтому любая благородная дама должна показать, что у нее доброе и честное сердце, то есть кротко и с приличиями выказать свое стремление к совершенствованию, покорности и послушанию перед господином, страх и боязнь ослушаться... Каждая должна быть готова выполнить любой приказ, хороший ли, плохой ли — все равно. И если даже приказание порочно, она не будет повинна, выполнив его, ибо вина ляжет на господина». — Из «Книги рыцаря Делатур Ландри, написанной в назидание дочерям» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М., 1991. С. 174.

¹⁴ Чего стоит такая красноречивая сентенция: «...Какого бы характера ни была жена, покладистого или вздорного, она, как и все женщины на свете, держится одного главного и непреложного правила в браке, а именно: что муж ее самый слабый да немощный из всех мужчин и что нет никого ничтожней его в тайных супружеских делах». — Пятнадцать радостей брака... С. 66–67.)

¹⁵ См.: *Gay P. As She Likes It: Shakespeare's Unruly Women*. L.–N.Y., 1994.

поговорок), введенный в источниковую базу гендерной истории XVII столетия британским историком Дж. Шарпом¹⁶. В балладах нашли свое место строгое разграничение ролевых функций между мужем и женой, идеология мужского превосходства и одобрение патриархатной системы, но они моделируют и ситуации равноправного партнерского участия в совместном принятии решений. Важно подчеркнуть то, что это — не нормативные предписания и не высказывания конкретных исторических лиц или описания бытовых реалий, но речи и действия литературных персонажей, которые по замыслу авторов должны были оправдывать ожидания аудитории и, следовательно, так или иначе соответствовать представлениям, чувствам, мыслям, убеждениям, надеждам и даже фантазиям многих простых людей — мелких собственников, слуг, подмастерьев, представителей тех общественных слоев, которые составляли ядро потребителей произведений массовой культуры¹⁷.

В XVI–XVII вв. отмечается усиление внимания к авторитету и роли патриархального главы семейства, но одновременно протестантские писатели всячески подчеркивали власть жены над детьми и слугами, а также значение взаимной любви и привязанности между супругами. Эта же тема параллельно осваивается и гуманистической литературой католической Европы¹⁸. В связи с этим исследователи ставят вопрос о действительном характере супружеских отношений, который нередко формулируется следующим образом: какому же из двух наставлений в семейной жизни — тому, что предписывало беспрекословное подчинение жены мужу, или тому, что рекомендовало строить семью на взаимном уважении и любви — больше следовали на практике?

После целого ряда продолжительных дискуссий историки, которые пытались найти однозначный ответ на этот вопрос в конкретно-историческом материале разных стран и регионов, так и не при-

¹⁶ Sharpe J. A. Plebeian Marriage in Stuart England: Some Evidence from Popular Literature // Transactions of Royal Historical Society. 1986. Vol. 36. P. 69–90.

¹⁷ Можно говорить о самостоятельном значении некоторых литературных реминисценций, но было бы нелепо отрицать роль реального и претворенного жизненного опыта в формировании этих текстов, как и всей культурной среды.

¹⁸ См., например: *Лаббе, Луиза*. Сочинения. (Литературные памятники). М., 1988. С. 41.

шли к консенсусу. Они извлекли из источников огромный объем интереснейшей, но чрезвычайно противоречивой информации, в которой в изобилии представлены примеры и ситуации, свидетельствующие как о тирании мужей, так и о нежном взаимопонимании и равноправных отношениях супругов. Последние обычно складывались в тех матримониальных союзах, в которых супруги были близки по возрасту и социальному положению, а жена не только приносила в семью достаточно весомое приданое¹⁹, но и могла опереться на активную поддержку своей родни в семейных конфликтах²⁰.

Один из аспектов проблемы участия женщин во всепроникающей системе властных отношений и их неформального влияния в публичной сфере затрагивает тему женской религиозности. Нельзя забывать о том, что в течение всего средневековья, хотя и в разной степени, служение Господу давало многим женщинам-настоятельницам (чаще всего из аристократических родов) доступ к властным позициям, пусть и за толстыми монастырскими стенами.

¹⁹ Например, английское общее право лишало замужних женщин возможности распоряжаться недвижимостью от собственного имени, заключать контракты, составлять завещания, но обычное право, касавшееся низших сословий, давало им доступ к собственности именно потому, что они работали. Что касается вдов, то они становились полноправными хозяйками, обретали самостоятельность в распоряжении имуществом и контрольные функции в семье и домохозяйстве. — См., в частности: *Bennett J. M. Women in the medieval English countryside: gender and household in Brigstock before the Plague*. N.Y., 1987.

²⁰ *Interest and Emotion: Essays on the Study of Family and Kinship* / Ed. by H. Medick, D. Sabean. Cambridge, 1984; *Klapisch-Zuber C. Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy*. Chicago, 1985; *Pardaithe-Galabrun A. The Birth of Intimacy: Private and Domestic Life in Early Modern Paris*. Philadelphia, 1991; *The Family in Italy from Antiquity to the Present* / Ed. by D.I. Kertzer, R. P. Saller. New Heaven, 1991; *Hunt, Margaret R. The Middling Sort: Commerce, Gender, and the Family in England, 1680–1780*. Berkeley, 1996; *Hardwick, Julie. The Practice of Patriarchy: Gender and the Politics of Household Authority in Early Modern France*. University Park, 1998; *Howell, Martha C. The Marriage Exchange: Property, Social Place, and Gender in Cities of the Low Countries, 1300–1550*. Chicago, 1998; *Foyster E.A. Manhood in Early Modern England: Honour, Sex, and Marriage*. L.–N.Y., 1999; *Chapman, Tony. Gender and Domestic Life: Changing Practices in Families and Households*. Houndmills, Basingstoke, 2004; *The Marital Economy in Scandinavia and Britain, 1400–1900* / Ed. by Maria Ågren and Amy Louise Erickson. Aldershot, 2005; etc.

Даже идеальный образ настоятельницы, созданный во времена христианской античности, этой реальности не противоречит, хотя и смещает акценты. Св. Иероним (ок. 340–420 г.), в частности, писал:

«Кто может достойно восхвалить жизнь нашей Леи? Она так была предана Господу, что, будучи начальницей монастыря, казалась матерью девиц; она, носившая прежде легкие одежды, обременила члены власяницею; она проводила бессонные ночи и поучала своих соратниц более примером, чем словами. Она была так смиренна и так покорна, что, будучи некоторым образом госпожою многих, она казалась служанкою всех — быть может, для того, чтобы, не считаясь госпожою людей, быть больше рабою Христовой»²¹.

Этим описанием была задана высшая норма, но жизнь, разумеется, отличалась большим разнообразием вариантов.

Сфера ответственности и распорядительные функции аббатис были весьма широки²². Настоятельница монастыря получала возможность управлять монахинями, почти как суверен своими подданными, а иногда ее власть простиралась и далеко за пределы обители²³. Нельзя в этой связи не вспомнить о замечательной женщине — первой немецкой поэтессе и первом враче, аббатисе, обладавшей визионерским даром («случилось так, что я узрела величайший свет, из которого был глас небесный»), Хильдегарде Бингенской, к которой обращались за советами короли и императоры, папы и другие высшие церковные деятели. Интересно, что она позволяла себе равным образом критиковать и пап (Евгения III и Анастасия IV) за их слабую власть, и императора Фридриха Барбароссу — за римскую политику и продолжение схизмы. К советам средневековых визионеров прислушивались самые знатные особы²⁴.

²¹ Иероним. Письмо к Марцелле о кончине Леи // Памятники средневековой латинской литературы IV — VII веков / Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров. М., 1998. С. 142–143. (Пер. И. П. Стрельниковой).

²² См. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 52–57.

²³ О специфике ситуации в Европе раннего нового времени см., например: Walker, Claire. Gender and Politics in Early Modern Europe: English Convents in France and the Low Countries. Houndmills, Basingstoke–N.Y., 2003.

²⁴ См., в частности: Суприянович А. Г. Стать святой... женщиной: к проблеме репрезентации образа св. Дуселины // Адам и Ева: альманах гендерной истории. Вып. 5. М., 2003. С. 56–77.

В эпоху Реформации религия была одной из немногих сфер, открытых для проявления индивидуальных предпочтений и реализации невостребованных способностей женщин, для их самостоятельных решений и действий. Хотя женщины формально не участвовали в разработке вопросов религиозной политики и в публичных спорах по вопросам религии, тем не менее, это была главная сфера жизни, где они отвечали за себя сами. У них всегда предполагалось наличие религиозных убеждений, которые могли повлечь за собой ситуацию конфликта между двумя авторитетами — людскими суждениями и божьими заповедями.

Женщина должна была выбирать между тем, что требует от нее принадлежащая мужчинам политическая и церковная власть, и тем, что — как подсказывал внутренний голос — было ей предназначено самим Господом. Причем, как это ни парадоксально, именно к ветхозаветным героиням и к библейским примерам благочестивых жен чаще всего обращались ослушницы, стараясь таким не раз апробированным способом обосновать свои поступки, идущие вразрез с мужскими директивами²⁵.

В произведениях женщин этой эпохи часто утверждается, что их религиозная деятельность является частным делом, и только Бог мог бы быть им в этом истинным судьей. Тем не менее, их религиозные убеждения, вступая в противоречие с идеалом покорности и пассивности, иногда являлись побудительным мотивом и внутренним оправданием публичных акций. Вполне естественно, что самые заметные последствия имел религиозный выбор тех женщин-правительниц, которые, оказавшись волею династических судеб на вершине власти, принимали решения и за свою семью, и за всех своих подданных. Но та же возможность религиозного оправдания независимых действий во многом обеспечила

²⁵ *Davis N. Z. City Women and Religious Change // Eadem. Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975. P. 65-96; Collinson P. The Role of Women in the English Reformation // Studies in Church History / Ed. by G. J. Cuming. V. II. L., 1975. P. 258-272; Renaissance, Reformation, Resurgence / Ed. by P. de Klerk. Grand Rapids, 1976; Bainton R. H. Women of the Reformation. Minneapolis, 1977; Marshall S. W. Women in the Reformation Era // Becoming Visible: Women in European History / Ed. by R. Bridenthal, C. Koontz. Boston, 1977. P. 165-191; Womanhood in Radical Protestantism 1525-1675 / Ed. by J. L. Irvin. N.Y.—Toronto, 1979; etc.*

массовое участие женщин в радикальных протестантских сектах и в различных религиозно-политических конфликтах эпохи ранних европейских революций в целом²⁶.

Возможность высказываться в диспутах по религиозным вопросам (в том числе и в печатной форме, рассчитанной на широкую аудиторию) неизмеримо расширила зону женского влияния в публичной сфере²⁷. Тот факт, что большинство публикаций, авторами которых были женщины, касались религиозных сюжетов, был неслучаен: благочестие являлось одним из наиболее социально приемлемых оправданий вмешательства «второго пола» в исключительно мужскую область деятельности, поскольку «перо — как меч — считалось мужской прерогативой»²⁸.

Многочисленные исследования посвящены разработке проблемы гендерной дифференциации в политической сфере, особен-

²⁶ *Parish D. L.* The Power of Female Pietism: Women as Spiritual Authorities and Religious Role Models in Seventeenth-Century England // *Journal of Religious History*. 1992. Vol. 17. N 1. P. 33-46; *Mack P.* Visionary Women: Ecstatic Prophecy in Seventeenth-Century England. Berkeley etc., 1992; *Harrison W.* The Role of Women in Anabaptist Thought and Practice: the Hutterite Experience of the Sixteenth and Seventeenth centuries // *Sixteenth Century Journal*. 1992. V. 23. N 1. P. 49-70; *Crawford P.* Public Duty, Conscience, and Women in Early Modern England // *Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England* / Ed. by J. Morrill et al. Oxford, 1993. P. 57-76 etc.

²⁷ *Warnicke R. M.* Women of the English Renaissance and Reformation. Westport (Conn.), 1983; *Silent but for the Word: Tudor Women as Patrons, Translators, and Writers of Religious Works* / Ed. by M. P. Hannay. Kent (Ohio), 1985; *Triumph over Silence: Women in Protestant History* / Ed. by L. R. Greaves. Westport (Conn.), 1985; *Wiesner M. E.* Women's Response to the Reformation // *The German People and the Reformation* / Ed. by R. Po-Chia Hsia. Ithaca, 1988; *Women in Reformation and Counter-Reformation Europe: Public and Private Worlds* / Ed. by S. Marshal. Bloomington, 1989; *Crawford P.* Women and Religion in England, 1500-1720. L., 1993; *Wiesner, M. K.* Gender, Church, and State in Early Modern Germany. L.-N.Y., 1997; etc. Об активной роли женщин-католичек в католических и протестантских странах см.: *Reynes G.* Convents des femmes. La vie des religieuses cloîtrées dans la France des XVII et XVIII siècles. Paris, 1987; *Rapley E.* The Devotés: Women and the Church in Seventeenth-Century France. Montreal, 1990; *Walker, Claire.* Gender and Politics in Early Modern Europe: English Convents in France and the Low Countries. Houndmills, Basingstoke-N.Y., 2003.

²⁸ *Mendelson S.* The Mental World of Stuart Women: Three Studies. Brighton, 1987. P. 4.

но в области «высокой политики». Многие десятилетия источниковая база специалистов по политической истории ограничивалась официальными докладами государственных советов, протоколами их заседаний и дипломатической корреспонденцией. Но все эти документы производились мужчинами и для мужчин, составлявших официальную придворную иерархию. Таким образом, эти доклады вовсе не отражали то неофициальное, неформальное влияние на политику, которое осуществлялось незаметно, вдали от дипломатической авансены — например, членами семьи. Но такое влияние, которое отдельные женщины оказывали, прямо или косвенно воздействуя на короля или его министров, проявляется в других исторических документах: придворных хрониках, архивах религиозных учреждений, завещаниях, частной переписке. Эти документы часто обеспечивают первоклассную информацию об использовании женщинами системы патроната, главного механизма, посредством которого представительницы элиты могли осуществлять и реально осуществляли свое политическое влияние.

Власть «выплескивалась» за пределы государственных институтов — монархии, парламентов, судебных палат — и даже за пределы королевского двора. В то время как правительственные органы производили документы, предназначенные для того, чтобы подтвердить, что принятие решений находилось в руках избранной группы мужчин и что этот процесс осуществлялся именно через официальные правительственные органы, наблюдатели, например при испанском дворе, замечали, что переговоры часто велись в таких неподходящих местах, как конвенты, сады летних резиденций или за королевским обедом. Принятие политических решений не было исключительной прерогативой государственных советников. Протоколы заседаний Государственного Совета, фиксирующие в деталях мнения конкретных его членов, часто скрывают сложный переговорный процесс, имевший место задолго до того, как король встречался со своими советниками. При изучении этих неформальных переговоров возникает совершенно иная «дипломатическая» картина, более широкая панорама придворной политики, в которой женщины монаршего семейства и королевские фаворитки стано-

вятся весьма заметными и влиятельными действующими лицами²⁹. Это заставляет пересмотреть и общий взгляд на функционирование политической сферы и особенно придворной политики в начале нового времени: несмотря на преобразования в сторону рационализации политических институтов, сохранялись позиции неформальной политической культуры, характерной для средневековья. В целом, имеется выраженная тенденция, противостоящая традиции исключения женщин из политической истории.

История средневековой Европы свидетельствует о том, что в благоприятных обстоятельствах политическое влияние королевы оказывалось не только ощутимым, но и превалирующим, не говоря уже о случаях регентства при несовершеннолетнем наследнике или единоличного правления. Яркий пример — причисленная к лику святых императрица Адельгейд (931–999), которую называли «матерью королевств» (*mater regnorum*) за то, что она в течение полувека была одной из самых влиятельных политических фигур, стояла у руля государства и дважды управляла Империей (сначала за умершего сына, а затем за малолетнего внука). Одилон, аббат Клюни, автор «Жизнеописания императрицы Адельгейд», писал о ней:

²⁹ Так, новые исследования показывают, что дипломатическая сеть австрийских Габсбургов при испанском дворе, и по замыслу, и по недостатку иных средств, функционировала главным образом через родственников, большинство которых составляли женщины. «Габсбургские женщины» при испанском дворе начала XVII столетия (императрица Мария, Маргарита Австрийская и др.) утверждали, что они просто защищают интересы семьи и религии, но фактически речь шла о политических делах, которые касались финансовых и экономических интересов испанского государства. Эти женщины «манипулировали представлениями о феминности семейной и религиозной сфер для того, чтобы прикрыть или даже оправдать свое вступление в трудные политические дискуссии и воздействовать на их исход»; они «оказываются сильными и ловкими политиками, неожиданно искусными политическими игроками, действующими не только в интересах своей семьи, но также и преследуя независимые личные цели»; «они действовали не только на благо Австрийского Дома, но и для того, чтобы сохранить ту личную власть, которую давало им политическое влияние... Послы, специальные посланники, нунции, эрцгерцоги, императоры и короли с готовностью признавали решающую политическую власть и положение Императрицы Марии или Маргариты Австрийской». *Sanchez M. S. The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore–L., 1998. P. 5–10, 272–273.*

«...она достойна называться и прославляться августейшей из всех август. Прежде ее никто//Так не прославил державу, //Упрямую Германию//И тучную Италию//Вместе с их князьями//Подчинив оплоту римскому...»³⁰.

Вместе с тем, говоря о цели своего труда в письме к аббату Андрею, Одилон счел необходимым сделать небольшую, но чрезвычайно значимую оговорку: дабы «рассказ о великих делах звучал в ушах императриц и королев, кои, услышав великое о великих, возымели бы желание сравняться добродетелями с той, о коей речь идет, *по крайней мере, чтоб они о домашних делах проявляли такую же заботу, как та всегда и повсюду некласть о делах государства* (курсив мой — Л. Р.)»³¹.

Не менее выдающейся личностью была Бланка Кастильская (1188–1252), которая после смерти мужа Людовика VIII в 1226 г. «полностью посвятила себя защите интересов сына-престолонаследника, короля-отрока, и вместе с тем делу сохранения и упрочения французской монархии. Она взяла бразды правления, которые «правительственная команда» вверила ей на время несовершеннолетия Людовика, и уже не выпускала их»³². И более чем через двадцать лет, отправляясь в крестовый поход в 1248 г., Людовик Святой вновь вверил ей правление королевством: «Нашей дражайшей Госпоже королеве-матери мы вверяем всю полноту власти и желаем, чтобы во время нашего пребывания в крестовом походе вся власть и ведение дел королевства принадлежали ей...»³³. Биографы Людовика Святого отмечают, что «сила, рвение, справедливость и властность, с какой управляла его мать, оберегала и защищала права королевства», подчеркивают ее «прозорливость», объясняя эти качества королевы тем, что «хотя душой и

³⁰ Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клунийского. Пер., вводн. ст. и коммент. В. Д. Балакина // Диалог со временем. Вып. 3. М., 2000. С. 317.

³¹ Там же. С. 313. Подробнее о жизни Адельгейд см. также: *Вонсович Л. В.* Знаменитые женщины средневековой Германии (X–XII века) // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 2. Минск, 2002. С. 63–66.

³² *Ле Гофф Жак.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 71.

³³ “Carissimae Dominae et matri reginae et voluimus quod ipsa in hac nostrae peregrinationibus absentia plenariam habeat potestatem recipiendi et attrahendi ad regni nostri negotia...”. — Цит. по: *Ле Гофф, Жак.* Указ. соч. С. 517.

телом была женщиной, имела сердце мужчины (*masculinum animi*): «она укрепила женское сердце мужской отвагой и правила мужественно, мудро, властно и справедливо...»³⁴. Интересно, что та же аргументация повторяется — практически дословно — и в отношении достоинств правящих королей последующих эпох.

В раннее Новое время женщины, близкие к престолу, неизбежно оказывались в центре политического мира Европы. «Королевские женщины», жены и вдовы, матери и дочери, были политическими существами. Сами их браки преследовали политические цели, и они служили неофициальными дипломатическими представителями своих родных. Чтобы нарушить наложенные мужчинами политические ограничения, женщины использовали религиозный патронат и семейные дела, то есть те области, в которых мужчины признавали и терпели женскую власть. Женщины предпринимали сознательные усилия обойти традиционные сети управления и использовать мужские представления о приемлемом женском поведении в своих интересах или в интересах своих родственников. Им удавалось, благодаря своим могущественным линиям, а также полученному воспитанию и образованию, играть роль в политической жизни, в той жизни, которая утверждала социальную и личную ценность мужчин, но которая во все большей мере закрывалась для женщин. Анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени занимает важное место в обсуждении проблемы «гендер и власть».

Историческая ситуация и события XVI века, и в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола и регентствующих матерей при несовершеннолетних монархах (Изабелла в Кастилии, Мария и Елизавета Тюдор — в Англии, Мария Стюарт — в Шотландии, Екатерина Медичи и Анна Австрийская — во Франции и др.)³⁵, оставили яркий след в политической мысли этого времени. Так характерной приметой многих произведений ее выдающихся представителей и дебатов между ними стало пристальное внимание к

³⁴ Там же. С. 536–537.

³⁵ О гендерном аспекте регентства во Франции раннего Нового времени см. вышедшую недавно монографию: *Crawford, Katherine. Perilous Performances: Gender and Regency in Early Modern France. Cambridge (Mass.–L., 2004.*

неожиданно выдвинувшейся на первый план проблеме, напрямую связанной с тем, что сегодня понимают под термином «социальное конструирование гендера»: может ли женщина, рожденная в королевской семье и обученная «монаршему делу», преодолеть ограничения своего пола? Или иными словами: что было (или что следует считать) главной детерминантой в определении социальной роли индивида — гендер или ранг?

Самыми резкими оппонентами женского правления были английские пуритане и шотландские кальвинисты, которые эмигрировали на континент из-за репрессий «Кровавой Мэри» и Марии де Гиз. В сочинениях, опубликованных в изгнании, Кристофер Гудман, Джон Нокс и другие сравнивали Марию Тюдор с Иезавелью и доказывали, что правление женщин противоречит природе, закону и Святому Писанию. Разящие инвективы трактата «Первый трубный глас против правления женщин», изданного в Женеве в 1558 г., Джон Нокс направлял в адрес и Марии Тюдор, и Марии Стюарт. Позиция решительно и ясно сформулирована уже в его первой фразе:

«Допустить женщину к управлению или к власти над каким-либо королевством, народом или городом противно природе, оскорбительно для Бога, это деяние, наиболее противоречащее его воле и установленному им порядку...»³⁶.

В сочинениях Нокса и его соратников определяющей в оценке правления женщины как «чудовищного» выступала сама принадлежность к женскому полу, и ее подданные в дополнительном оправдании для восстания против «такого монстра» не нуждались.

Ирония судьбы состояла в том, что именно в год публикации этого и других аналогичных памфлетов пуританских критиков женского правления, после смерти ревностной католички Марии Тюдор на английский трон взошла защитница реформированной церкви Елизавета, что сделало их негативную позицию по отношению к законности прав женщины занимать престол довольно уязвимой. И вот тогда-то стало ясно, насколько в действительности малоопределяющим был в этом случае для реформаторов вопрос пола, или то, что нынешние историки называют гендерным фактором.

³⁶ Цит. по: Английская Реформация. (Документы и материалы). М., 1990. С. 55.

«Ваше Величество напрасно гневается на меня из-за моей книги, которая была написана в другие времена и касалась правления других особ, — оправдывается «опасный бунтовщик» Джон Нокс в письме к королеве Елизавете от 20 июля 1559 г. — Господь... вознес Вас на вершину власти, чтобы Вы правили его людьми для славы церкви Господа. Поэтому в своем правлении Вы должны уповать только на вечное провидение Божие, а не на законы, которые из года в год могут меняться. Только в этом случае Ваше правление будет долгим и счастливым, а я, с моей стороны, буду благославлять и укреплять Вашу власть языком и пером»³⁷.

Ряд придворных авторов елизаветинского времени выдвинули совершенно новые аргументы против автоматического исключения женщин из порядка престолонаследия. Так, Джон Эйлмер утверждал, что даже замужняя королева может править легитимно, потому что ее подчинение мужу ограничивается частной жизнью и не распространяется на публичную сферу, в которой она и для своего мужа, как для всех подданных, является законным монархом. Эту концепцию «расщепленной идентичности» Эйлмер и другие политические мыслители описывали метафорой «двух тел» государя, которая позволяла различать королеву как персону и как воплощение власти, отделяя ее телесную женственность от обнаруживаемых в ней мужских качеств, которые считались необходимыми для управления подданными и которые она могла получить по династическому рождению и воспитанию. Таким образом, как показала, в частности К. Джордан, Эйлмер и другие защитники «женского правления» отчетливо разделяли пол-секс и пол-род, или гендер³⁸. Сама Елизавета прекрасно осознавала преимущества этой метафоры и использовала сочетание женских и мужских гендерных стереотипов в своих целях, выразив это ярко и лаконично в знаменитой фразе: «Я знаю, что имею тело хрупкой и слабой женщины, но у меня ум и мужество короля»³⁹. (От Бланки Кастильской Елизавету отделяют

³⁷ Цит. по: Англия в эпоху абсолютизма. (Статьи и источники). М., 1984. С. 57.

³⁸ Jordan C. Renaissance Feminism: Literary Texts and Political Models. Ithaca, 1990.

³⁹ Teague F. Elizabeth I: Queen of England // Women Writers of the Renaissance and Reformation. Athens, 1987. P. 542. См. также: Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998.

«всего» три столетия!). Парадоксально, подчеркивают С. Мендельсон и П. Кроуфорд, «что успех Елизаветы как женщины-правительницы зависел от того, чтобы дистанцироваться от всех других женщин», продемонстрировать, что она, с ее политическими дарованиями, является выдающимся исключением из правила, которое утверждает неспособность женщин к управлению... Из современных комментариев по поводу ее правления ясно, что общественные представления о месте женщин в политике никак не связывались с практическим опытом отдельной королевы⁴⁰.

Напротив, французский мыслитель и юрист Жан Боден в своей оппозиции женскому правлению вернулся к постулатам Писания и естественного права и, помимо этого, выдвинул тезис, на который затем, в XVII веке, чаще всего ссылались его единомышленники в этом вопросе: государство подобно домохозяйству, и потому так же как в домохозяйстве мужу/отцу принадлежит власть над всеми другими, так и в государстве всегда должен править мужчина/монарх. Идея патриархального авторитета и образ Отца использовались монархами для обоснования своих притязаний на власть над подданными, как, например, в утверждении Якова I Стюарта: «Я — муж, а весь остров — это моя законная жена»⁴¹.

Аналогия между королевской и отцовской властью могла «работать» и в обратном направлении — на укрепление авторитета мужского главы домохозяйства. Как подданные не имели никакого или же строго ограниченное право на восстание против государя, так и жена и дети не могли оспаривать авторитет мужа/отца в семье, поскольку считалось, что и монархи, и отцы получили свою власть от Бога, а домохозяйство в этом контексте рассматривалось не как ча-

⁴⁰ Mendelson S., Crawford P. *Women in Early Modern England, 1550–1720*. Oxford, 1998. P. 356–357. Представления о роли женщин в истории и в политике нашли яркое отражение в литературе раннего Нового времени. См., в частности: Levine, Nina S. *Women's Matters: Politics, Gender, and Nation in Shakespeare's Early History Plays*. Newark–L., 1998; Rose, Mary Beth. *Gender and Heroism in Early Modern English Literature*. Chicago –L., 2002.

⁴¹ Цит. по: Wiesner M. E. *Women and Gender...* P. 243. Логика подобной «семейно-политической» аргументации отличалась высокой стабильностью. См.: Weil, Rachel Judith. *Political Passions: Gender, the Family and Political Argument in England 1680–1714*. Manchester, 1999.

стная сфера, а как мельчайшая политическая ячейка и, соответственно, как часть публичной сферы. Вот как это сформулировал Боден:

«Оставив рассуждения о морали философам и теологам, *займемся тем, что относится к политической жизни, и поговорим о власти мужа над женой* (курсив мой — Л. Р.), которая является источником и основой всякого человеческого общества»⁴².

Многие историки указывают на то, что Реформация способствовала упрочению авторитета глав семейств, придав им еще более важные религиозные и надзирательные функции, чем те, которыми они располагали при господстве католицизма. Правда, представители протестантского духовенства отводили матерям некоторую роль в религиозном и нравственном воспитании, но все же непременно второстепенную, по сравнению с ролью патриарха — отца семейства. В католических странах власть отца в семье в этот период также усиливается в результате проводимой абсолютизмом политики централизации⁴³.

В XVI–XVII вв. власть мужей над женами редко оспаривалась, и следствием этого было исключение женщин из дискуссии о политических правах: поскольку замужние женщины в правовом плане находились под опекой супруга, они не могли быть причислены к политически независимым лицам, на тех же основаниях, что и слуги и ученики. Именно зависимость женщин от мужей была использована как повод не прислушаться к их требованиям в тех немногих случаях, когда они открыто предприняли самостоятельные политиче-

⁴² Faure C. Democracy without Women: Feminism and the Rise of Liberal Individualism in France. Bloomington, 1991. P. 40.

⁴³ Например, во Франции между 1556 и 1789 гг. была принята целая серия законов, которые одновременно усиливали и мужской авторитет в семье, и власть государства за счет компетенции церкви, которая для признания брака действительным требовала, по меньшей мере, номинального согласия обеих сторон. Новые законодательные акты вводили тюремное заключение для детей, которые не подчинялись решениям отцов, причем сроки наказания для дочерей были значительно дольше, чем для сыновей. Этот двойной пресс семьи и государства нанес существенный ущерб правам женщин распоряжаться личными судьбами и собственностью. — Hanley S. Engendering the State: Family Formation and State Building in Early Modern France // *French Historical Studies*. 1989. Vol. 16. № 1. P. 4-27.

ские акции. Самым ярким примером являются парламентские петиции женщин в эпоху Английской революции. Несколько раз во время Гражданской войны большие группы женщин напрямую обращались к парламенту с петициями по важным вопросам экономики и политики, и неизменно сталкивались с пренебрежением и насмешками⁴⁴. Если они и получали какой-то ответ, то сопровождавший его комментарий сводился к тому, что подобные вопросы находятся выше женского понимания, и, поскольку муж представляет жену в публичных делах за пределами домохозяйства, женщины не имеют права обращаться в парламент.

В некоторых женских петициях специально подчеркивалось — «не все мы являемся женами», а в петиции 1649 года были использованы самые сильные аргументы, когда-либо звучавшие вплоть до XIX века в пользу политических прав женщин: «Так как мы убеждены в нашем сотворении по подобию Божьему и в нашем стремлении к Христу, равном с мужчинами, как и в пропорциональной доле свобод этой Республики, нас просто не может не удивлять и не огорчать, что мы кажемся вам настолько презренными, что недостойны подавать петиции или представлять наши жалобы этой distinguished Палате... Разве мы не заинтересованы равным образом с мужчинами нашей страны в тех вольностях и гарантиях, которые содержатся в Петиции о правах и других добрых законах?..». Язык этого уникального исторического документа совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что его авторы чувствовали себя вправе действовать на политической сцене. Однако никто серьезно не обсуждал эти аргументы, а авторы газетных заметок настоятельно рекомендовали мужьям осуществлять более строгий контроль над своими женами и так загружать их домашними обязанностями, чтобы у них не было времени беспокоиться о политике⁴⁵.

То, что правовая ответственность за действия жен возлагалась на их мужей, имело и другое, можно сказать, обратное следствие,

⁴⁴ Например, в 1649 г. сотни женщин подали прошение об освобождении лидера левеллеров Джона Лильберна, а в 1659 г. семь тысяч квакерских жен подписали петицию в парламент об отмене десятины.

⁴⁵ *Smith H. L. Reason's Disciples: Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982. P. 55.*

так как это снимало некоторые психологические преграды и стимулировало участие женщин в таких специфических типах политической активности, как бунты, восстания и другие движения народного протеста. Особенно велика была роль женщин в голодных бунтах по всей Европе, где они часто выступали в качестве зачинщиц, а также в антиналоговых движениях в Голландии и Франции XVI–XVII вв. Лидерство женщин в таких чрезвычайных обстоятельствах, видимо, не воспринималось как нарушение гендерной иерархии, учитывая их кратковременность. Но когда дело касалось более широких и продолжительных восстаний политического характера массовое вовлечение в них женщин вызывало обостренное внимание и дополнительное беспокойство властей, а, в конечном счете, — особенно ожесточенную реакцию⁴⁶.

Использование женщинами скрытых каналов влияния, а некоторыми из них — и официальных властных полномочий, могло быть сколь угодно успешным, что, однако, не отменяло устойчивой гендерной асимметрии и, более того, стимулировало механизмы ее воспроизводства. Из всех возможных способов иерархической организации общества — в соответствии с классом, возрастом, рангом, занятием и т.д. — гендер воспринимался как самый «естественный», а покушения на его незыблемость как самые опасные.

⁴⁶ Подробно об этом см. *Mendelson S., Crawford P.* Op. cit. P. 380–387.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ ВЛАСТИ: СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ЦЕРЕМОНИИ

С. В. АРХИПОВА, Л. Л. СЕЛИВАНОВА

ХАТШЕПСУТ: ЖЕНЩИНА-ФАРАОН

Период XVIII династии был одним из самых ярких в истории и культуре древнего Египта. Это было время сильных и выдающихся женщин, вписавших в анналы страны, да и всей истории древнего

Востока немало блестящих страниц. В Египте по сравнению с другими странами древности женщина вообще отличалась независимостью. Особое положение египтянок не раз отмечалось античными писателями (Hdt. II.35). Они были равноправны с мужчинами в юридическом отношении. Владение и титул могли наследоваться по женской линии

(земельные владения Яххотеп перешли к ее внучке Яхмос)¹. Наиболее яркой индивидуальностью в славной плеяде представительниц царского дома эпохи XVIII династии обладала царица Хатшепсут, объявившая себя фараоном (1467–1445 гг. до н.э.)².

Не только в древнеегипетской, но и во всей мировой истории правление Хатшепсут принято считать явлением уникальным. Феномен «женщины-фараона», присвоившей себе мужские prerogatives, противоречил традиционным египетским представлениям о царе как о земном воплощении Хора. Женщина в этой роли нарушала ес-

¹ Матье М. Э. Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 74–75.

² Годы правления фараонов приводятся по изданию: *Schneider Th. Lexikon der Pharaonen. München, 1996. S. 496.*

тественный порядок вещей, поэтому имя Хатшепсут, правившей страной около двадцати лет, не вошло в царские списки и незаслуженно было предано забвению. В то же время такой рискованный шаг Хатшепсут выглядит очень «национальным», ибо только интерпретация основных религиозных концепций позволяла обосновать и легализовать ее положение. С другой стороны, «проблема Хатшепсут», обсуждаемая в историографии с конца XIX в., оказалась удивительно близка современной дисциплине, получившей название Women Studies. Образ женственно-прекрасной царицы, которая предстает в мужском костюме, в традиционной накладной бородке фараонов и со всеми атрибутами царственного мужа, выглядит символично, словно соединяя разные эпохи и континенты и внося элемент условности в само понятие времени, которое странным образом не властно над миром идей. Мы попытаемся в нашей статье показать, как и почему проявлялись в личности царицы черты обоих полов, какое влияние это оказывало на нее и ее окружение, на историю, культуру и политику, как произошло *рекрутирование гендерного самосознания*. Иначе говоря, речь пойдет о гендерном дисплее.

В высокопарных фразах официальных памятников, описывающих правление Хатшепсут, постоянно прорывается радостное на-

строение, совершенно не свойственное бесстрастным царским надписям, как будто современники просто не могли сдерживать восхищения царицей. Рельефы ее храма в Дейр эль-Бахри — настоящий гимн любви, красоте и гармонии, недаром для возведения храма было избрано место, посвященное богине любви и веселья Хатхор. Невольно может возникнуть впечатление, что вся жизнь Хатшепсут представляла собой сплошной праздник, с розыгрышами и переодеваниями, а ее взор услаждали боготворившие ее мужчины: отец, муж, незаурядные личности из среды придворных. Однако многие исследователи склонны приписывать царице сильный характер, безмерное властолюбие и государственный ум. Такое сочетание качеств, по их мнению, могло подтолкнуть наследницу Тутмоса I к тому, чтобы физически устранить мужа, заслонявшего ей путь к вершине власти, и подняться над мнением общества,

отводившего женщине роль лишь продолжательницы рода, усладительницы и помощницы своего мужа. Царица — это в первую очередь жена, «благодатная пашня для своего господина», «добрая сердцем», «небо», «зачатая богом добрым», изливающая на мужа и ближайших членов семьи «добро» и «благодать». Но прагматический подход египтян исключал любовь супругов ради любви. Главной целью супружеских отношений было рождение ребенка. Поэтому основными титулами египетских цариц были «жена царева великая» (главная царица), «жена царева» (побочная жена), «мать царева», «сестра царева». Как же воплотилась эта традиционная схема в жизни царицы Хатшепсут?

Хатшепсут была дочерью Тутмоса I и его главной жены, царицы Яхмос. Она приходилась правнучкой национальному герою Яхмосу I — освободителю и прямо наследовала традиций славной семьи. Вне всякого сомнения, по образованию и по самому семейному духу Хатшепсут была подготовлена к той роли, которую ей предстояло сыграть.

Основательницей семьи была Тетишери, бабушка Яхмоса I, родившегося от брака детей Тетишери, единоутробных брата и сестры. Браки между родными или сводными братьями и сестрами, освященные религией (Великая Эннеада), были приняты в царских семьях, хотя среди частных лиц являлись большой редкостью³. Замужество старшей дочери правящего фараона от главной царицы, «жены царицы великой», обеспечивало ее супругу египетский трон.

Яхмос I решил возвести в честь Тетишери кенотаф в Абидосе, на что испросил одобрения супруги Яхмос-Нефертари. В память этого знаменательного и беспрецедентного в отношении участия египетских цариц в политических делах события была выбита стела. Дочь Тетишери, царица Яххотеп, регентша при малолетнем сыне Яхмосе I, подавила восстание, вспыхнувшее в Фивах, и поддерживала боевой дух в войске, когда египтяне терпели временные поражения под Аварисом. «Та, которая заботится о Египте, надзирает за

³ См. Матье М. Э. Указ. соч. С. 74.

воинами [и] правит им (т.е. Египтом — С. А., Л. С.); она обратила вспять бегущих, вернула дезертиров; она умиротворила Верхний Египет [и] изгнала мятежников его», — повествует источник⁴. В период несовершеннолетия Яхмоса I и позже, когда он вел затяжную войну с гиксосами, Яххотеп, безусловно, осуществляла реальную верховную власть в стране. После смерти она была обожествлена.

С влиянием царицы Яхмос-Нефертари принято связывать начало широкого храмового строительства Нового царства. Ее супруг, высоко ценивший ум и участие в государственных делах Яхмос-Нефертари, учредил для нее наследственный титул цариц «супруги бога Амона», связанный с крупным землевладением и отправлением жреческих функций. Есть мнение, что этот титул имел сексуальную окраску и его носительницы, по-видимому, были призваны ритуально «стимулировать» бога, чтобы поддерживать гармонию во вселенной (маат) и препятствовать погружению мира в хаос (исефет)⁵. Яхмос-Нефертари надолго пережила не только мужа, но и сына, Аменхотепа I, и умерла в глубокой старости. О почтении к ней говорит тот факт, что в ходе приготовления мумии царицы к ее голове, совершенно лишенной волос (вследствие преклонного возраста и постоянного ношения парика), были приложены густые длинные локоны, накрепко прибинтованные погребальными пеленами⁶. Яхмос-Нефертари, так же как ее царственная предшественница, удостоилась обожествления и почиталась жителями Дейр эль-Медины как их патронесса.

Вторая носительница титула «супруга бога Амона», жена и сестра Аменхотепа I (1504–1483 гг. до н. э.) Меритамон, умерла, по-видимому, прежде Яхмос-Нефертари. На престол вступает Тутмос I (1483–1470 гг. до н. э.), рожденный женщиной по имени Сенисенеб, которая не имела даже титула «жены царицы». Поэтому вероятнее всего Тутмос I был не членом царствующей семьи, а представителем ее младшей ветви. Предполагается, что Тутмос был избран наследником престола Аменхотепом I, который не имел сыновей.

⁴ *Robins G. Women in Ancient Egypt. Cambridge. 1996. P. 42–43.*

⁵ *Большаков В. А. Хатшепсут. Женщина-фараон. М., 2001. С. 9; Robins G. Op. cit. P. 142–156.*

⁶ *Bakry H. S. K. A brief Study of Mummies and Mummification. Cairo, 1965. P. 41–42.*

Взяв в жены дочь Аменхотепа I, царевну Яхмос, Тутмос I показал себя сильным политиком и военачальником. Он покорил митаннийцев и установил пограничную стелу на Евфрате, которую почти полвека спустя видел Тутмос III. Этот фараон охотился на слонов в Сирии и развернул широкомасштабное строительство в Карнаке, которым руководил знаменитый архитектор Сенени. От брака Тутмоса I и «жены царевой великой» Яхмос и родилась Хатшепсут. Генеалогия Хатшепсут выглядит следующим образом:

Браки между единоутробными и сводными братьями и сестрами на протяжении нескольких поколений не прошли бесследно: Тутмос II, по-видимому, был не совсем полноценен. После его ранней кончины Хатшепсут откровенно пренебрегала памятью мужа даже ритуально⁷. Официальным наследником престола становится

⁷ Бросается в глаза отсутствие заупокойного храма для мужа, наполовину оставленная гробница, отсутствие похоронного инвентаря, ненадписанный саркофаг. В то же время для своего отца Тутмоса I, который был первым фараоном, отказавшимся от царской усыпальницы, Хатшепсут построила особое здание и учредила культ, просуществовавший до эпохи Рамессидов. Кроме

маленький Тутмос III, слишком юный, чтобы управлять страной самостоятельно. Регентство Хатшепсут в сложившейся ситуации выглядело бы совершенно естественным. Однако Хатшепсут никогда не утверждала, что правит *вместо* Тутмоса III за его малолетством, не выступала она и *официальным соправителем*, она претендовала на роль полновластного главы государства. Так как Тутмос III, вероятно, с самого начала пользовался поддержкой жречества, Хатшепсут не решилась физически устранить его и оказалась в роли *параллельного правителя*, тщательно следя за тем, чтобы в официальных надписях ее имя и изображение стояли на первом месте.

Начиная с седьмого года правления Хатшепсут, надписи начинают говорить о ней в мужском роде как о прямой наследнице Тутмоса I. Царицу изображают в мужском костюме. Почему?

Права на власть она обосновывала тем, что ее непосредственно избрал Амон своим оракулом. Умная, ловкая, наделенная недюжинными административными способностями и головой политика, Хатшепсут унаследовала деятельный характер отца, которого боготворила. Она вела активную внешнюю политику (военно-торговая экспедиция в Пунт, военные кампании в Нубии и Сиро-Палестине). В египетской истории и раньше случалось, что на престоле оказывались женщины: Нитикерт (VI династия) и Нефрусобек (XII династия). Это были сильные личности, отличавшиеся волей и характером настолько, что правили страной единолично. Но и они, оказавшись на престоле, приняли царскую мужскую пятичленную титулатуру и именовались «сыновьями Ра»⁸.

Это было естественно, ведь фараон был живым воплощением Хора, а Хор, вне всякого сомнения, являлся мужчиной — правителем, воителем и мстителем за отца. Существует мнение, что в случае занятия трона женщиной интерпретировался миф об андрогинности изначального бога-творца Атума, что давало ей основание сопричислить себя этому божеству и тем самым легализовать по-

того, она перенесла в свою усыпальницу саркофаг отца (*Müller Ch. Ibid.; Bakry H. S. K. Op. cit. P. 18.*).

⁸ *De Rougé E. Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon. P., 1866. P. 151; Budge E. A. W. The Nile. L., 1912. P. 946, 949; Бадж Э. А. У. Мумия. Материалы археологических исследований египетских гробниц / Пер. с англ. С. В. Архиповой. М., 2001. С. 431, 437.*

ложение на троне⁹. Однако Хатшепсут этого показалось мало — ведь у ее предшественниц не было царственных соперников.

Чтобы подчеркнуть законность своего положения, поощрялось развитие фиванской теологии божественного царя. Хатшепсут первой начала изображать себя в качестве рожденного Амоном-Ра фараона, которому свыше было предопределено царствовать. Она учредила Опет, который, пожалуй, стал самым популярным и массовым среди египетских праздников. Высказывалось даже предположение, что чуть ли не все население Египта съезжалось к берегам Нила между Карнаком и Луксором, чтобы собственными глазами увидеть происходившее в эти дни чудо преобразования царя. Видимо, Опет сначала отмечался не каждый год, и единственным «божественным» участником его был Амон¹⁰. Возможно, для согласования женской природы с занимаемым положением, Хатшепсут выдвигает на первый план женский элемент фиванской триады — богиню Мут, а затем и ее сына Хонсу. При ее преемнике, Тутмосе III, Опет превращается в самое красочное явление столичной жизни и одновременно в один из важнейших праздников правящей династии.

При Тутмосе III «Прекрасный праздник Опет» начинался 15 числа месяца паофи и продолжался 11 дней. В начале правления Рамсеса III он длится уже 24 дня. К концу правления этого фараона Опет насчитывал уже 27 дней. Однако впоследствии его продолжительность сократилась до 14 дней, и торжества оканчивались 2 хатир. В эпоху Рамсеса III (1187–1156 гг. до н. э.), а возможно также и при Пианхи (750–712 гг. до н. э.), в дополнение к празднику Опет отмечался его канун. После XXV династии сведения об Опете становятся невразумительными и туманными, но есть основания предполагать, что он окончательно исчез существование только с падением язычества в Египте.

Ритуальная часть праздника Опет состояла из торжественной процессии из Карнака в Луксор, где фараон «лицом к лицу» встречался с его божественным отцом Амоном-Ра.

⁹ Assaad F. À propos de Hatshepsout: Mythe et Histoire // Sesto Congresso Internazionale di Egittologia. Atti. Vol. I. Torino, 1992. P. 23–27.

¹⁰ Амон — с эпохи Нового царства общегосударственное универсальное божество. В Карнакском храме, главном центре его культа, в качестве его супруги почитали Мут, а Хонсу был их сыном (фиванская триада).

Ранним утром царь с небольшой свитой приходил в Зал Празднеств карнакского храма, расположенный позади главного святилища Амона-Ра, за священной баркой, внутри которой хранилась статуя царского ка (т.е. царская статуя). Группа во главе с царем забирала барку Амона-Ра, при этом к царской свите присоединялись жрецы, сопровождавшие бога. Они выходили в открытый двор и, повернув на юг, через 8-й пилон выходили к храму Хонсу, чтобы прихватить его священную барку со статуей. Вместе со жрецами Хонсу группа направлялась вдоль аллеи бараноголовых сфинксов в храм богини Мут, божественной супруги Амона.

В открытом дворе храма царь совершал жертвоприношения перед барками, которые устанавливались на пьедесталах. Затем жрецы на плечах переносили их к реке. Рядом с каждой баркой шли по 4 жреца в накинутых поверх одеяния леопардовых шкурах, сопровождая богов. Опахалоносцы навевали прохладу пышными опахалами на длинных шестах. По ходу следования процессия несколько раз останавливалась для каждения благовоний и возлияний свежей водой. На остановках опахала почтительно склонялись перед богами.

При Хатшепсут процессия весь путь в Луксор проделывала по суше, вдоль Нила. Обратное путешествие участники совершали по реке, причем королевский корабль тянул на буксире церемониальную баржу Амона.

Однако чаще избирался речной путь в Луксор. В этом случае у каждого из богов была своя церемониальная барка. Она помещалась в центральной кабине баржи, на палубе, а жрецы располагались на корме. Эти баржи тянуло на канатах множество судов, которые, распустив паруса, шли против течения. По берегу двигались группы людей, которые тоже тянули баржи за канаты. Место среди «бурлаков» считалось очень престижным, такой чести добивались высшие военные и гражданские сановники. «Бурлаков» сопровождали певцы, музыканты и нубийские танцоры-акробаты. На пути в Луксор иногда звучали очень древние напевы, которые были намного старше самого праздника Опет. Барабаны и кастаньеты задавали ритм. Всю дорогу нубийские танцоры исполняли трюковые танцы, демонстрировали чудеса гибкости и выносливости, вызывая восторги собравшихся толп. Люди пели и хлопали в ладоши. Вслед за музыкантами по берегу наравне с флотилией шли египетские и чужеземные

отряды войск в полном боевом снаряжении, неся боевые топоры, луки, копья, дубины и щиты. У воинов-чужеземцев волосы были украшены перьями. Впереди каждого отряда несли штандарты, увенчанные разноцветными перьями и длинными яркими лентами. Ехали блестящие колесницы, запряженные лошадьми в парадной сбруе и пополах, с пышными плюмажами на головах.

Наконец, флотилия причаливала к берегу в Луксоре, и участники процессии входили в перистиль через одно из двух церемониальных ворот, где ее встречали ряды принцев, принцесс и придворных с букетами в руках и дарами. Сюда приводили откормленный скот, предназначенный для торжественных жертвоприношений, весь в цветочных гирляндах. Жрецы переносили священные барки со статуями в первый двор храма, где их помещали в северо-западном углу. Когда священные барки вplывали в перистильный двор на плечах жрецов, там уже толпился народ, ожидавший их прибытия.

Сначала богам показывали принесенные дары. Затем следовали красочные выступления, в которых принимали участие «певицы Амона» и танцоры-акробаты. На глазах многочисленных зрителей царь совершал церемониальные жертвоприношения по случаю благополучного прибытия богов и вместе со спутниками покидал перистильный двор, удалившись в темную колоннаду. Затем они выходили на залитый солнцем двор Аменхотепа III. Здесь, по всей вероятности, их тоже ожидала толпа, однако это были специально избранные люди — свидетели чудесного преображения его величества. Миновав солнечный двор, царь, жрецы со статуями богов и свита входили в уединенный срединный храм и надолго исчезали с глаз толпы, которая терпеливо дожидалась их возвращения.

После непродолжительного отдыха царь вновь совершал жертвоприношения, которым на этот раз придавалось особое значение. Если они выполнялись должным образом и были угодны Амону-Ра, то эта акция умножала силу бога. В ответном жесте он увеличивал силу царя, омолаживая его. Чем более значительны были царские устремления, чем больше риск в случае неудачи, что навлекало бы беды на всю страну, тем сильнее надежда на омолаживание и упрочение власти.

При подборе даров особое значение уделялось игре слов: «чистая вода» (вода, собранная в день Открытия года, которой

приписывались укрепляющие и исцеляющие свойства) оказывала «очищающее» воздействие. «Свежие цветы» делали «моложе». Каждение «благовоний» сулило царю «обожествление» и т.д. Разумеется, помимо ритуальных даров, во время праздника Опет царь жертвовал фиванской триаде и более весомые сокровища.

После приношения даров царь приближался к священной барке Амона-Ра, открывал дверцы наоса и заходил внутрь, оказываясь в тесном пространстве «лицом к лицу» с божественным отцом. Мгновенно ореол Амона-Ра падал на вошедшего, преображая его в нового бога, моложе и прекраснее телом, чем он был до этого. Царь опускался на колени и божество (определенно!) короновало его.

Возможно, эта церемония была сложнее. Автохтонным божеством Луксора был Аменемопе — местный бог-творец, породивший самого себя, Камутеф — создатель всего сущего и форма воплощения царского кА — все в одном лице. По мнению Л. Белл, царь сначала исполнял ритуал отверзания уст и очей перед Аменемопе, касаясь теслообразным орудием губ статуи и вливая в нее новый заряд энергии. К барке Амона-Ра царь возвращался, неся в себе заряд возрожденного бога, который он передавал «умирающему» божеству Карнака, Амону-Ра. Получив новый прилив сил, оба бога упрочивали царствование правящего царя и мощь государства в целом.

Затем в затемненных внутренних помещениях храма царь, жрецы и боги проводили некие тайные обряды. Собравшаяся толпа, с нетерпением ожидавшая появления фараона, раздражалась криками восторга и восхищения, когда к ней выходил преображенный фараон в новом богатом убранстве, и на плечах жрецов выплывали барки фиванских богов, заряженных новой жизнью. Вместе с ними, считали египтяне, обновлялась вся вселенная. Все последующие дни праздника собравшиеся люди отмечали это великое событие.

Отдохнув после напряженных трудов, царь в сопровождении богов и жрецов направлялся обратно в Карнак. На этот раз речное течение благоприятствовало флотилии. В Карнаке тоже устраивалась торжественная встреча — видимо, подобная той, что имела место в Луксоре. По окончании ее, царь объявлял завершение праздника в главном святилище храма Амона-Ра¹¹.

¹¹ Temples of Ancient Egypt / Ed. by Byron E. Chafer. Ithaca–N.Y., 1997. P. 144–176.

Праздник Опет был вторым по значимости после праздника хеб-сед, основной целью которого было обновление жизненных сил правителя Египта¹². Хатшепсут сделала свой праздник ежегодным.

В правление Хатшепсут была также продолжена разработка идеологической концепции о «богосыновстве»: божество (Амон) в облике царственного супруга навещает царицу, чтобы зачать царственного ребенка, наследника престола.

Эта сцена занимала центральное место среди рельефов храма царицы в Дейр эль-Бахри. На ней изображен бог Тот, сообщающий Амону о царице Яхмос, будущей матери Хатшепсут:

«Эта молодая женщина... Имя ее — Яхмос, она прекраснее любой другой женщины во всей этой земле. Это супруга этого владыки, величества Тутмоса, которому дана жизнь вечно. А ее величество — молодая девушка»¹³.

В царской иконографии эта сцена становится канонической. На стенах заупокойного храма в Дэйр эль-Бахри сам Амон берет в жены прекраснейшую из женщин мать Хатшепсут и обещает дочери счастливое царствование. На другой фреске богиня любви Хатхор выступает как мать Хатшепсут, Амон протягивает царице символ жизни «анх», а Хатхор поддерживает ее тиару. Священная корова кормит царицу молоком (так изображался только царь!).

На основе изображения была создана священная драма или мистерия, представляющая чудесное рождение будущего царя (в случае Хатшепсут — царицы), которая разыгрывалась в маммизии или при храме в определенные дни. Традиция подобных представлений, зародившаяся в правление Хатшепсут, просуществовала до римского периода. Маммизии пользовались огромной популярностью в Позднем Египте, так как были более доступны, чем храмы «великих богов». Праздники, во время которых происходили мистерии рождения бога (или царя), были распространены по всей стране, но в каждом храме, разумеется, «рождались» свое, местное, божест-

¹² Матье М. Э. Хеб-сед (Из истории древнеегипетской религии) // *Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта*. М., 1996. С. 106-134.

¹³ Werbruck M. Le temple d'Hatchepsout à Deir el-Bahari. Bruxelles, 1948. P. 49.

во. Примером такой праздничной священной драмы служит рождение бога-царя Ихи, о чем повествуют надписи в храмах Дейр эль-Бахри, Луксора, Дендеры, Филе и Эдфу. На основе их надписей и изображений можно судить о том, как египтяне интерпретировали божественное зачатие и чудесное рождение Хатшепсут.

В первой сцене перед зрителями предстал бог Амон, увенчанный короной с двумя высокими перьями. Бог восседал на троне, установленном на возвышении. В правой руке он держал знак жизни «анх», в левой — посох. Рядом с ним находился бог мудрости Тот. Поскольку в текстах содержится очень много пояснительных фраз, избыточных эпитетами богов, можно предположить наличие ведущего, который по ходу драмы пояснял происходящее. Его роль представляется тем более значимой, что часть сцен проходила без речей, персонажи обменивались величественными жестами, которые могли остаться непонятными.

Начиналась мистерия¹⁴ диалогом Амона и Тота¹⁵.

«О, сколь прекрасно твое появление, великий бог!» — произносил Амон, — «Мое сердце наполняется радостью и восхищением [при виде тебя]. Я превозношу твое совершенство!» Тот отвечал ему: «Поспешి узреть своего сына. Твое сердце возликует, когда ты соединишься с ним во имя жизни и постоянства. Он обретет место в твоём сердце. Ты укрепишь своего наследника на земле, чтобы правил он, подобно Хору. Ты определишь под власть его Юг и Север, в то время как верховная власть останется в твоём кулаке!»

К двум богам является великая Эннеада. Каждый из её богов произносил добрые пожелания, которые призваны сотворить какие-то блага для рождающегося бога. «Монту¹⁶, владыка Фив, владетель власти, могучий бык. Он сулит годы вечности, достойные царя Обеих Земель: «Я даю тебе радость сердца, исходящую от меня». Атум¹⁷, повелитель Обеих Земель, пребывающий в Гелиополе, он сулит годы вечности и постоянство: «Я даю

¹⁴ *Daumas F. Le mammisies des temples `egyptiens. P., 1958. P. 388–471.* Текст мистерии впервые переводится на русский язык.

¹⁵ Тот — покровитель мудрости, мудрецов и писцов. Вел счет дням и записывал в специальные книги дни рождений и смертей.

¹⁶ Монту — бог-воин, обеспечивавший победу в битвах.

¹⁷ Атум — андрогинный бог-демиург. Воплощение заходящего солнца.

тебе всякую пищу». Ху, сын Ра, бог великий, владыка неба, он сулит мощь, подобную мощи Ра: «Я даю тебе силу и победу». Тефнут¹⁸, владычица небесная, госпожа богов, она сулит здоровье, исходящее от нее: «Я даю тебе все страны». Геб¹⁹, отец богов, он сулит свой трон на земле и годы вечности: «Я даю тебе все [возможные] дары». Нут²⁰, породившая богов, она сулит жизнь, здоровье и благополучие: «Я даю тебе всякую пищу». Осирис²¹, бог великий, владыка неба, он сулит юбилеи бесчисленные: «Я даю тебе вечность, достойную Владыки Обеих Земель». Исида²², почтенная, госпожа Обеих Земель, она сулит все, что исходит от нее: «Я даю тебе любовь». Хор Эдфутский, владыка неба, он сулит силу, исходящую от него: «Я даю тебе полную власть над страной и Девять Луков²³». Нефтида²⁴, сестра божественная, она сулит жизнь и здоровье: «Я даю тебе все чужеземные страны». Хор Бехдетский, бог великий, владыка неба, он сулит долгий срок правления: «Я даю тебе царство». Хатхор, владычица Дендеры, небесная владычица, сулит жизнь: «Я даю тебе юбилеи Ра». Хор-Сехат²⁵, бог великий, он сулит постоянство, подобно Ра, вечно: «Я даю тебе все дары». Иунит, дочь Ра, владычица Обеих Земель, она сулит полное благополучие, исходящее от нее: «Я даю тебе все свежие, благоухающие растения».

Далее Амон с помощью особых жестов приветствовал Тотта, чья мудрость содействовала явлению в мир божественного наследника Амона. Эннеада присоединялась к этим приветствиям и славилась обоим богам.

¹⁸ Тефнут — в гелиопольской космогонии богиня влаги, дочь Атума, мать Геба и Нута, бабушка Осириса и Сета.

¹⁹ Геб — бог земли.

²⁰ Нут — богиня неба, супруга Геба.

²¹ Осирис — бог-царь загробного мира Дуата, когда-то царствовал на земле, но был погублен коварным братом Сетом. Верная жена Исида нашла тело мужа и похоронила его в Абидосе, в некрополе «Захват дыхания».

²² Исида — единоутробная сестра и жена Осириса, верная жена и преданная мать. Считалась искусной в чарах.

²³ Девять Луков — термин, использовавшийся в египетских текстах для выражения идеи господства фараона, а в широком смысле Египта, над окружающими странами.

²⁴ Нефтида — сестра и жена Сета. По некоторым мифам родила от Осириса сына Анубиса.

²⁵ Хор-Сехат — его храм был расположен на восточном берегу Нила, близ Дендеры.

Затем перед зрителями представляли два божества, Амон и Хатхор, восседавшие на ложе, с четырех сторон украшенном львиными головами. Львиные головы символизировали львов-акеров, охранявших вход в мир иной. Присутствие этого элемента в качестве детали, украшавшей ложе, играло роль оберега для царя, который должен был родиться.

Сопроводительные надписи гласят: «Произнесение слов Амоном-Ра, обращенных к Хатхор, владычице Дендеры: «Твой нос полон жизни. Я совокупаюсь с тобой по желанию своего сердца. Твоя свежесть пленяет меня. Твой аромат — это аромат Страны бога, твое тело благоухает ароматами Пунта²⁶. Я упрочу положение твоего сына [который родится у тебя], чтобы он смог унаследовать корону Обеих Земель, чтобы он украсил храмы богов по всей стране и установил повсюду их статуи». Хатхор, владычица Дендеры и госпожа богов, отвечала на это: «О, сколь сладостно сказанное тобой. Ты — повелитель богов. Все, что ты говоришь, тут же сбывается». Здесь к зрителям выходил Хнум, бог-творец, создавший первых людей на гончарном круге, который говорил: «Я сотворю твоего сына, который изойдет из тебя, — в соответствии с твоим совершенством. В нем будет семя великого бога. Своим царственным видом он будет походить на тебя, на совершенство твоего величества. Он станет царем на твоём троне, он примет наследие Обеих Земель».

Хатхор удалялась, действие мистерии продолжали Амон и Хнум. Повелитель богов Амон приказывал: «Сотвори царя Верхнего и Нижнего Египта Ихи, сына Хатхор». Хнум отвечал немедленным согласием: «Я исполню твое повеление, ибо ты — повелитель богов. Я поверну круг таким образом, что он (т.е. сын) будет походить на тебя. Ибо твое имя прекрасно среди богов, действительна твоя мысль, и все возникает по слову твоему».

²⁶ Пунт (Страна Бога) — упоминается только в египетских источниках. За дальностью расстояния Пунт не участвовал в войнах, не фигурировал в текстах международных договоров, что могло бы пролить дополнительный свет на локализацию этой земли. Пунт был источником получения путем меновой торговли различных видов золота, золотого песка и электрума, ароматных смол, благовоний растительного происхождения и ценных пород древесины. Основным предметом ввоза из Пунта был молочно-белый ладан, использовавшийся в культовой практике. О локализации см. *Cozzolino C. The Land of Pwnt // Sesto Congresso Internazionale di Egittologia. Atti. Vol. II. Torino, 1993. P. 391–398; Fat-tovich R. Punt: the archaeological perspective // Op. cit. P. 399–405.*

Далее демонстрировалось «формование» божественного ка, и перед зрителями поднимался на платформе ребенок — новый бог. Сын Хатхор еще не зачат, а его ка уже готово, то есть это рождение предопределено. Хнум вновь садился за свой круг. Приводя его в движение левой ногой, он с помощью особых инструментов, «совершенствовал» облик бога. К сотворенному ка приближалась, приседая, богиня Хекет²⁷, держа в левой руке скипетр, а в правой — знак жизни, который она подносила к носу ребенка-Ихи: «Твой нос полон дыхания жизни, о Хор, возлюбленный Маат²⁸. Тебе суждено множество юбилеев и ты воссядешь на трон отца твоего». Ей вторил Хнум: «Я сотворил тебя моими собственными руками, я создал твое тело — это божественное тело. Я добавил тебе совершенства. Я сделал так, чтобы твоя продолжительность [жизни] превзошла время существования небес. Пока будут небеса, до тех пор ты будешь царем!»

В следующей сцене встречались Хатхор и Тот. Тот приглашал богиню во дворец: «Взойди во дворец, чтобы узреть царя богов. Его сердце исполнено сладости из-за твоей любви. Он восхищен тобой». Хатхор отделялась молчанием, но тут вышел Хнум и просил Хатхор о том же: «Ступай в храм отца твоего, Амона-Ра. Его сердце ликует из-за твоей любви. Он даст защиту и благоденствие твоему [будущему] сыну».

Хатхор, в сопровождении приседающей Хекет и Хнума, каждый из которых поддерживал ее под руки, направлялась к месту родов (хотя ребенок все еще не зачат!): «Иди, не бойся», — успокаивала богиню Хекет, — «дана тебе защита от искажений лица, все зло отвращено от тебя. Все боги и все богини восхищаются тобой». Хнум также пытался ободрить будущую мать бога: «Эннеада вышла из храма. Повелитель богов, божественный владыка Египта, устремляется к тебе».

Далее последовательность действия прерывалась выступлением хора, участники которого также были представлены богами. Участники хора располагались двумя группами: в Зале Приношений и во дворе храма.

«О, Амон, войди к Хатхор, владычице Дендеры,
Приступающей в мире к тому, что ей предстоит.

²⁷ Хекет — прародительница всего сущего, изображавшаяся с головой лягушки. Считалась супругой Хнума.

²⁸ Маат — богиня истины как в космологическом, так и в социальном отношении. Олицетворение альтернативы хаоса.

Ведь ты посылаешь дыхание каждой ноздре
И даешь надежду той, которая в тревоге.
Ты избавляешь от всякой хвори,
И ведомы тебе все сердца.
Ты без труда удлиняешь жизнь,
И даруешь одоление трудностей верным.
Ты руководишь всеми поступками.
Это ты даешь жизнь птенцу,
Когда он находится еще в скорлупе.
Ты творишь зародыш в теле,
И к тебе зывают посреди беды.
Ты возвращаешь радость усталым сердцам.
Ты владыка жизни, который дает ее
Тем, кого он любит.
Ты находишь радость в том,
Чтобы творить правду,
А неправда ненавистна тебе.
Ты даришь радости жизни тем,
Кто поклоняется тебе,
И ты выслушиваешь жалобы,
Когда другие не преклоняют к ним слух.
Это ты наполняешь жизнью все вокруг.
Обратись же к Ихи, сыну Хатхор!
Приди к его ка, великий Амон-Ра,
Пребывающий в Карнаке!»²⁹

Продолжалось действие мистерии вторым выходом Амона, который возглашал: «Я обеспечиваю стабильность, продолжительность жизни и здоровье, радость сердца и сладостное дыхание северного ветра. Я спешу, чтобы произвести на свет защитника земли!».

Далее следовали необходимые приготовления и, наконец, восхищенные зрители становились свидетелями акта теогамии, после чего сразу происходило рождение божественного ребенка и признание его богом-отцом (то есть рождение ребенка было целью и смыслом теогамии). Перед родами богиню Хатхор навещала «добрая Месхенет», богиня благополучных родов: «Я пришла, чтобы даровать всякую жизнь, здоровье, благополучие и радость сердца», — говорила Месхенет. — «Благодаря мне воз-

²⁹ *Daumas F.* Op. cit. P. 429–431. На русский язык переводится впервые.

веселится духом младенец, находящийся в твоей утробе, и выйдет наружу, чтобы сделаться наследником Хора в любом месте, освещаемом солнечным диском, чтобы возводились храмы богов по всей стране и высекались статуи!»

Амон, который нигде прямо не изображается в сценах рождения Ихи, все же незримо присутствует при таком важном событии. Сразу после родов он появлялся, чтобы признать сына: «Возьми сына своего, которого ты любишь, и сделай его царем». Хатхор давала обещание отцу своего ребенка: «Я вскормлю своим молоком сына, которого ты любишь, чтобы это молоко наполнило его жизнью». Бог-отец, любуясь на сына, продолжал: «У него есть сходство с моим совершенством, воистину он мой преемник! Я создам ему трон из этой страны. Он объединит Юг и Север в своем кулаке, этот Ихи, почтенный, сын Хатхор». Хатхор, которая на этот раз названа «первородной дочерью Ра», говорила: «Взгляни на сына своего, которого ты любишь. Сделай же так, чтобы продлилось его царствование на земле». К ее призывам присоединялся Тот: «Взгляни на дочь свою. Сердце твое наполняется радостью, когда соединяешься ты с ней во плоти, во имя жизни и постоянства³⁰. Ты полон ликования. Так утверди своего наследника на троне твоём!»

Далее вновь выступал хор:

«В небесах царит веселье,
На Двух Утесах воцарилась радость.
Се грядет тот, при взгляде на кого молодеет его отец.
Вся страна Хора склонилась перед ним.
Боги издают крики восторга,
Богини простирают [к нему] руки в радости,
Сердца людей преисполнены ликованием –
Ведь Обе Земли слились воедино
Под его господством.
Вот венчают голову сына Исиды,
Чтобы смягчилось твое сердце,
Владыка богов!
Взгляни, у твоего сына
Есть сходство с твоим величием

³⁰ Богам древних египтян были присущи пространность и неуловимость. Бог мог проявляться в разных образах, мог слиться с другими богами или стать одним из них. Это носило символический характер, особенно в религиозных драмах или в риторических сравнениях.

До мельчайшей черточки.
Возведи же его на трон,
На отцовское место!»³¹

К юному богу обращался Хор Эдфутский: «Будь здоров, мой наследник почтенный, сын мой первородный, рожденный царицей и зачатый царем! Все, что ни есть под небесным сводом, принадлежит твоей матери, могущественной богине. Все, что ни есть на спине земли, принадлежит твоему отцу, породившему тебя».

Затем с двух сторон к юному богу приближались две кормилицы с коровьими головами и протягивали ему свои сосцы. Молоко этих кормилиц прибавляло божественности. Хатхор молча наблюдала сцену кормления, восседая на том же ложе со львиными головами, которое упоминалось выше. Рядом с ней находилась богиня Нехбет, которая простирала к ней руки в охранительном жесте: «Вот мои руки [простерты] позади тебя, чтобы не оставили тебя жизнь, здоровье, сила, стабильность и радость сердца. Я оберегаю твое величество».

Две богини-коровы, тем временем, брали на колени божественного ребенка и его ка, приговаривая: «Да взойдешь ты на трон Хора живого! Да будешь ты молодеть, став царем Обеих Земель!»

В сцене интронизации нового царя, которая следовала сразу после сцены вскармливания, участвовали 15 богов, восседавших на своих тронах. К ним приближались два божества, облаченных в набедренные повязки с хвостом позади. Один из них, бритоголовый, держал на руках ребенка, приговаривая: «Я превознесу перед Эннеадой твои достоинства, В тебе есть семя великого бога, которое делает тебя царем. Тебе суждено властвовать над Обеими Землями и Девять Луков припадут к твоим сандалиям». Второе божество, голову которого украшал царский платок-немес, вытягивал вперед руки, словно держал что-то невидимое. Далее следовало «двукратное очищение царя Верхнего и Нижнего Египта Ихи, почтенного, сына Хатхор, молоком его матери». Присутствовавшие при этом боги выражали свое удовлетворение: «Наши сердца полны радостью, ибо Амон получил сына и установил его правителем над Девятью Луками. Сын укрепит его трон».

³¹ *Daumas F.* Op. cit. P. 453-454. На русский язык переводится впервые.

Разработанная Хатшепсут концепция «богосыновства» стала переломной для всей египетской идеологии. До этого всякий фараон считался сыном бога Ра. Теперь же принцип преемственности трона основывался на утверждении, что наследование божественной царской власти происходит через женщину. Этим положением Хатшепсут обосновывала законность своего царствования.

Однако Хатшепсут не только учредила праздник и мистерии и занимала центральное место в культе (непосредственно совершала моление перед богами, как фараон). Согласно концепции маат, фараон — это божественная должность со своими обязанностями: он должен служить богам, совершать жертвоприношения и вести обязательное строительство. Строительство — священная обязанность только фараона-мужчины, ни одна царица не могла строить храмы и возводить обелиски. И только Хатшепсут, подчеркивая законность власти, «по-мужски» установила два обелиска в восточной части храма Амона в Карнаке. Событие, считающееся главным в ее деятельности наряду с экспедицией в Пунт³². Об этом напоминает резная печать: два обелиска, между которыми картуш Хатшепсут³³.

Мааткара Хатшепсут претендовала на то, чтобы быть самовластным царем (не регентшей и не соправителем Тутмоса III). Поскольку женщина не могла занимать египетский престол, ее положение нуждалось в особом обосновании. Она использовала прецеденты из истории VI и XII династий, когда царицы принимали мужскую царскую титулатуру. Логическим продолжением этой тенденции явилось то, что в иконографии она выступает как мужчина. Фараон Хатшепсут не могла, естественно, иметь главной жены, которая обязательно присутствует в ритуалах. Поэтому эту роль исполняла ее дочь Нефрура. «Царская дочь», «Царская дочь и царская сестра», «Жена бога», «Супруга Амона», — такие титулы носила Нефрура. Она же сопровождала Хатшепсут, когда та служила богам. Когда же Нефрура умерла, и пасынок Хатшепсут Тутмос III, который все это время наряду с Хатшепсут продолжал оставаться правящим фараоном, хотя и не был допущен ею к власти, стал взрослым, он сохра-

³² Seipel W. Hatschepsut I // Lexikon der Ägyptologie. Bd. II. Wiesbaden, 1977. Sp. 1046.

³³ Rühlmann G. Die Nadeln des Pharao. Ägyptische Obeliskten und ihre Schicksale. Dresden, 1972. S. 22.

нил свое положение. В стране создалась уникальная ситуация — не регентство, не соправление, а правление двух легитимных *фараонов* — женщины и мужчины. Но и тогда фактическая власть по-прежнему оставалась в руках нашей героини³⁴. Бразды правления женщина-царь уже не выпускала.

Возникают вопросы: почему с этим мирился Тутмос III, почему такое положение терпели чиновники? По всей видимости, Тутмоса III вполне устраивала такая ситуация и он был ею доволен. Возможно, со временем у него и появилось какое-то недовольство, но он не испытывал к тетке неприязни и после ее смерти не стал соскабливать ее имя и изображения с памятников (как это обычно совершали по отношению к тем, кто не вписывался в рамки нормы). Что до чиновников, то все они зависели от нее³⁵ и принимали ее волевой характер и незаурядный ум.

Хатшепсут оказалась достаточно сильной, чтобы порвать с традициями царской власти, когда царем мог быть только мужчина. Ей удалось проявить жесткость с самого начала правления. Ее поддерживало чиновничество, она была любима в народе. Был создан миф о ее божественном происхождении. При этом легенду о ее рождении нельзя рассматривать как завышенные претензии на престол и политическую пропаганду. Это впервые сформулированная «каноническая» форма далеко простирающейся концепции фараона как сына бога³⁶. Царица изображена охотящейся, поражающей врагов Египта. Хатшепсут, как пишет английская исследовательница Гай Робинс, «присвоила мужскую гендерную роль» и, наверное, испытывала противоречия между своим биологическим полом и тем, в который она играла³⁷. Это было очень сложно, тем более 3500 лет назад.

Если поставить вопрос, задаваемый социальными конструктивистами, что чувствует человек в условиях гендерного конфликта (*gender trouble*)³⁸, то следует признать, что Хатшепсут чувствовала

³⁴ Redford D.B. Thutmosios III // Lexikon der Ägyptologie. Bd. VI. Wiesbaden, 1986. Sp. 541-548.

³⁵ Robins G. Op. cit. P. 50.

³⁶ Seipel W. Op. cit. Sp. 1046.

³⁷ Robins G. Ibid.

³⁸ Пушкарева Н. Л. Как заставить заговорить пол? (Гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // ЭО. 2000. № 2. С. 32.

себя превосходно в обеих ипостасях. В ее личности присутствовало как женское, так и мужское. В иконографии царицы женские черты сглаживались, так как она приказывала изображать себя в мужском облике, при всех регалиях фараона-мужчины. Известны, между прочим, ее скульптурные изображения с накладной бородкой, которую фараоны подвязывали как знак царской власти. Кстати, там, где царица представлена в своем настоящем облике, это стройная, хрупкая, прекрасная женщина с утонченными чертами лица, обаятельная и женственная. Полная царская титулатура Хатшепсут — «Изобильный созидающей силой», «Зеленеющий годами», «Тот, чьи обличья божественны», «Царь Верхнего и Нижнего Египта Мааткара (Истина есмь ка бога Ра)», «Сын Ра», «Тот, который обнимает Амона, Хатшепсут (Первая среди благородных)»³⁹. При этом, хотя титулатура дается в мужском роде, наполнение ее сугубо женское. И в образе царицы сочетались мужские и женские черты. Ее именовали «Владычицей приказаний, превосходной замыслами своими; той, согласно речи которой постоянно (пребывают) довольными Оба Берега (Египет)».

Один из самых прекрасных ее портретов — сфинкс с головой Хатшепсут, с чертами одновременно нежными и непреклонными. Сильнейшее впечатление производит мумия царицы. В зрелом возрасте у нее сохранились роскошные густые, темные, вьющиеся волосы до пояса. Красота ее поразила французского исследователя Кристиана Жака: «Несмотря на маску, наложенную смертью на это лицо, в нем угадываются силы, непреклонная воля и лучезарное очарование женщины»⁴⁰.

... Хатшепсут осталась в истории как «буксирный канат Нижнего Египта, швартовая стойка Верхнего Египта и руль⁴¹ Дельты»⁴².

³⁹ UAR IV, 341; *Seipel W.* Op. cit. Sp. 1045–1048, 1051 not. 88.

⁴⁰ *Кристиан Ж.* Египет великих фараонов... С. 137.

⁴¹ Распространенное в древности уподобление государства кораблю.

⁴² *Navill E.* The Temple of Deir el-Bahary. L., 1896. V. II. Pl. 11–13.

Ф. КОЗАНДЕЙ

**АННА БРЕТОНСКАЯ
И МОНАРХИЧЕСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРОЛЕВЫ ФРАНЦИИ
НА РУБЕЖЕ XV-XVI ВЕКОВ***

На заре Нового времени королева Франции впервые удостоилась трех пышных церемоний, обозначавших вступление на трон и уход с него. Если коронование и торжественные въезды в города организовывались и задолго до Анны Бретонской, то церемония похорон оформилась лишь со смертью этой принцессы. Содействуя оформлению единого церемониального цикла включающего вступление, презентацию и уход супруги монарха, эти королевские похороны утвердили нововведения, во многом связанные с глубокими потрясениями XV-XVI вв., затронувшими как монархию в целом, так и членов королевской фамилии.

Взойдя на трон на рубеже средневековья и нового времени, принцесса Анна, герцогиня Бретонская и дважды королева Франции, воплотила все ценности нового времени, не утратив, однако, и черт средневековья. Именно этот двойственный характер, сохранявшийся до самой смерти принцессы Анны, отразился в церемониях, которыми ее чествовали. Это стало возможным лишь в той мере, в какой супруга Карла VIII, а затем Людовика XII была вовлечена в заключительный этап длительного процесса трансформаций, уходящих корнями в кризисы XIV в. и завершившихся с переопределением статусов короля и королевы.

Чтобы лучше понять положение королевы в институте монархии конца XV в., необходимо вернуться к кризисам наследования, разразившимся начиная с 1316 г. В этом году смерть Людовика X,

* Статья представляет собой текст доклада, сделанного на международном коллоквиуме в Монпелье «Королевы и принцессы в Средние века»: *Reines et princesses au Moyen Age // Actes du cinquième colloque international de Montpellier. Université Paul-Valéry. 24-27 novembre 1999. V. 1. P. 205–214.* Перевод и прим. А. В. Стоговой.

не оставившего наследников мужского пола¹, положила конец «капетингскому чуду» и впервые после воцарения Гуго Капета поставила вопрос о передаче короны по женской или по боковой линии. Воцарение Филиппа V, брата Людовика X, в обход прав дочери умершего короля Жанны, повлекло за собой формулирование первого структурирующего принципа, предписывающего передачу трона: дочери короля не могут наследовать отцу. Со смертью третьего сына Филиппа Красивого², в 1328 г., вновь встал вопрос о передаче короны, и наследником стал Филипп VI³, в ущерб Эдуарду Английскому, сыну Изабеллы, которая, в свою очередь, была дочерью Филиппа Красивого. Передача короны не должна была осуществляться через женщин, и внуки короля по женской линии были исключены из наследования⁴. Второй принцип появился через 12 лет после первого, и отныне у королевства имелись правила наследования, потребовавшие от юристов огромных усилий для их утверждения. Именно из этой юридической деятельности, ведущей к переопределению как персоны короля, так и королевы, зародились основы монархии Нового времени.

Определение правил наследования кажется тем более сложным, что активное участие женщин в политических играх не позволяло юристам ссылаться на какую бы то ни было их неспособность. Аргументация никогда не простиралась на эту область, и отсутствие референций такого рода в утверждающейся теоретической разработке позволяет рассматривать правила наследования иначе, нежели под углом простого желания исключить женщин из политики⁵. В

¹ Сын Людовика X, Иоанн I, родился уже после его смерти и прожил всего несколько дней. (Прим. переводчика.)

² Речь идет о короле Карле IV, младшем брате Людовика X и Филиппа V. (Прим. переводчика.)

³ Филипп VI был сыном брата Филиппа III Красивого — Шарля, графа Валуа — и таким образом, являлся ближайшим родственником последнего короля по мужской линии. (Прим. переводчика.)

⁴ *Viollet, Paul.* Comment les femmes ont été exclues en France de la succession à la Couronne. P., 1893 (Extrait de Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. T. XXXIV, 2e partie, P. 125–178).

⁵ *Cosandey, Fanny.* La loi salique et la construction d'un espace publique pour les femmes / Annie Bleton-Ruget, Marcel Pacaut et Michel Rubellin (dir.) //

действительности, упорядочивание королевского наследования имело основной целью прояснить принципы передачи короны и избежать возможности ее перехода к английскому королю. Если исключение из наследования Жанны в 1316 г., и правда, скорее является свидетельством противоборства политических сил, то решение 1328 г. было принято с целью утверждения трона за французским принцем. В противном случае имел бы место целый каскад притязаний: количество королевских дочерей к этому времени в самом деле создавало риск создания неустрашимой ситуации, если бы наследники мужского пола этих принцесс были бы включены в наследование⁶. Таким образом, закон, ставший основополагающим для королевства, состоял, прежде всего, в том, чтобы урегулировать династическую проблему, неожиданно возникшую в начале XIV в. и оправдать *a posteriori* наследование по мужской линии, а не в том, чтобы исключить из политики женщин. Добиваясь этого, юристы мобилизовали весь теоретический арсенал, который, помимо установления стабильности королевского наследования, повлек за собой глубокую модификацию как положения женщины в монархии, так, в более общем плане, и самого королевства и отношений короля и королевства.

Невозможность свободно располагать короной, проистекавшая из установления правил передачи трона, имела следствием неотчуждаемость домена, в зародыше содержащуюся в коронационной клятве Карла V. Теперь король был обязан передавать наследнику весь домен короны, которым он отныне мог лишь пользоваться. Скорее пользователь, нежели собственник наследия Капетингов, суверен не мог распоряжаться своим наследственным владением по своему усмотрению. Эта публично выраженная юридическая неспособность короля во всей полноте пользоваться собственностью четко отделила его от подданных⁷.

Georges Duby : Regards croisés sur l'œuvre. Femmes et féodalité. Actes du colloque de Mâcon. Presses Universitaires de Lyon, 2000.

⁶ Cazelles, Raymond. La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. P., 1958, P. 48–53.

⁷ Анализ кризисов наследования и их юридических и институциональных последствий представлен здесь в общих чертах. Для более детального знаком-

Фигура короля принимает уже отчетливую форму, в то время как контуры фигуры королевы лишь начинают вырисовываться. Установление в 1374 г. принципа, по которому дочери короля получали приданое в виде денег (а не земель), подтвердило полное и окончательное исключение женщин из капетингского наследования. Тот факт, что никакая часть домена не может доставаться принцессе, — следствие понятия неотчуждаемости, которое, в свою очередь, напрямую выводится из правил наследования. В том же году ордонанс Карла V о регентстве определил возраст совершеннолетия короля в четырнадцать лет и повторил принцип наследования короны ближайшим мужским родственником по линии короля, впервые выраженный в законодательном тексте. Что же касается грамоты о регентстве, также появившейся в 1374 г., то, согласно ей, принцам было доверено управление, а королеве — опека над юным королем. Такое распределение конечно не нарушало традиций, но, формально введя королеву в качестве условия функционирования государства, распоряжение оформило первый этап участия женщин в регентстве.

Второй этап начался в 1407 г., когда Карл IV обнаружил ордонанс, организовывавший управление королевством в случае королевской неспособности. В качестве краеугольного камня политической стабильности этот ордонанс вводил понятие «мгновенного наследования». Благодаря этому уничтожался период междуцарствия, который могло повлечь за собой регентство по малолетству. Появление «короля-который-никогда-не-умирает»

ства с этим периодом в том, что касается как политического сообщества, так и теоретического конструирования монархии, помимо указанных работ см.: *Krynen, Jacques*. L'empire du roi. P., 1985 (незаменима для понимания юридических оснований монархии Нового времени), *Lewis, Andrew*. Le sang royal. La famille capétien et l'Etat, France Xe-XIVe siècles. P., 1986; *Giesey, Ralph*. The juristic Basis of Dinastic Right to the French Trone // *Transactons fo the American Philosophical Society*. T. LI. №5, 1961, P. 3–44; а также для знакомства с контекстом: *Cazelles, Raymond*. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V, Genève-P., 1982; *Caron, Marie-Thérèse*. Noblesse et pouvoir royal en France, XIIIe-XVIe siècles. P., 1994. В том, что касается XV века, нельзя не отметить проблематику следующей работы: *Beaune, Colette*. Naissance de la nation France. P., 1985. Приведенный список далеко не исчерпывает всей существующей литературы по вопросу.

позволило утвердить непрерывность монархии и защитить права совсем юного принца⁸. Чтобы стать полными, эти меры должны были сопровождаться законодательством об осуществлении власти, в случае, если король на это неспособен. Королева опять включалась в борьбу, на этот раз более прямо, поскольку вместе с принцами и королевскими советниками должна была исполнять властные функции. Таким образом, ордонанс 1407 г. сопрягал в одном тексте идеи, что верховная власть непрерывно воплощена в персоне короля, и что опека над малолетним королем не может, по своим условиям, быть отделена от управления королевством. Регентство прописывалось здесь в коллегиальной перспективе.

Основываясь именно на этой взаимосвязанности опеки и управления, Анна де Божё в 1489 г. осуществляла власть от имени своего брата. Доверяя обучение юного короля после своей смерти старшей дочери, Людовик XI создал условия собственно женского регентства, поскольку тот или та, кто держал в своих руках короля, держал также и все государство. Третий этап по введению женщин в регентство был связан, таким образом, с завершением процесса конструирования монархии, который вел в конечном итоге к реинтеграции женского элемента в систему, исключившую их по линии наследования. И это в тем большей мере, что принцессы, по законам салического права, не могли править сами. Не существовало риска, что они узурпируют трон, и поэтому они не представляли никакой опасности для осуществления управления⁹.

Нововведения, касающиеся регентства, были позднее подтверждены. В завещании Людовика XII, датированном 1505 г., регентство по малолетству мыслилось как союз двух женщин — матери короля и королевы¹⁰. Хотя этот документ остался лишь

⁸ *Krynén, Jacques*. Le mort saisit le vif. Genèse médiévale du principe d'instantanéité de la succession royale française // *Journal des Savants*. Juillet-décembre 1984. P. 187–221.

⁹ *Cosandey, Fanny*. De lance en quenouille. La place de la reine dans l'Etat moderne (XIVe-XVIIe siècles) // *Annale. Histoire. Sciences Sociales*. № 4. Juillet-août 1997. P. 799–820.

¹⁰ Речь идет о Луизе Савойской и королеве Анне Бретонской, поскольку это регентство должно было иметь место лишь в том случае, если Людовик XII умрет бездетным, а предполагаемый наследник, Франсуа Ангу-

мертвой буквой, он, тем не менее, показывает, что титул королевы становится столь же важным, что и положение матери короля. Если в 1374 г. только мать была способна присматривать за юным королем и лишь по этой причине вводилась в регентство, отныне и королева стала полностью причастна к этой форме правления. И именно в этом королевском статусе участия в функционировании монархии супруги короля подтверждаются приобретения королевы Нового времени: супруга монарха, облаченная королевским достоинством, которое окончательно и четко отличает ее от подданных, королева разделяет с королем первенство и почет своего ранга.

Эти приобретения становятся окончательными лишь с конца XV столетия, когда утверждение мифа салического закона и появление короля, который не приходился сыном предыдущему, дают правилам наследования новые подтверждения. Первый после кризиса наследования принц, не происходивший по прямой линии от своего предшественника, Людовик XII¹¹ получил трон не вызвав протестов, что позволяет проверить хорошее функционирование принципов 1328 г. В это же время, юристы стирают недавний и несколько искусственный характер салического закона, проводя идею о том, что он был обнаружен Фарамоном — первым христианским королем и легендарным основателем королевства, — и потому уходит корнями в самые основания монархии¹². Благодаря этому, теоретики монархии придали салическому закону надежную легитимность, что вело к репрезентации его как основополагающего принципа, к которому привязывались все прочие, от неотчуждаемости домена до непрерывности наследования. Стабильность политики в теоретическом плане была обеспечена.

Эти нововведения существенны для понимания того, что представляла собой королева Нового времени. Мифические корни придали принципам наследования непоколебимый характер, создав четкое и фундаментальное различие между королевой и королем.

лемский, еще не достигнет совершеннолетия (в 1505 году ему было только одиннадцать лет).

¹¹ Людовик XII принадлежал к Орлеанской ветви дома Валуа, будучи внуком Луи герцога Орлеанского, брата Карла IV. (*Прим. переводчика.*)

¹² *Beaune, Colette. Naissance de la nation France. Op. cit. Chap. IX.*

Если ранее последний держал в руках властные функции монарха со времени вступления на престол в каком бы то ни было возрасте, а королева, напротив, не располагала ими, то с этого момента она была наделена всеми атрибутами власти и разделяла королевское достоинство, не вызывая никакой путаницы относительно того, кто исполняет власть. Подтверждение исключительности фигуры королевы происходило через демонстрацию сана, отделявшего ее от других принцесс, и проявлявшегося, в частности, в пышных церемониях, организованных монархией и для монархии, таких как коронация, въезды в города и похороны.

Именно в контексте становления фигуры королевы и выступает Анна Бретонская. Она занимала трон подле двух властителей с 1490 по 1514 гг. Герцогиня Бретонская, королева Франции, вдовствующая королева, а затем вновь королева, она умерла в 1514 г., прежде своего второго супруга, так и не сумев дать наследника короне, несмотря на многочисленные беременности, и оставив лишь двух дочерей — Клод, невесту Франсуа Ангулемского, и Рене, будущую герцогиню Феррарскую. Принцесса герцогского ранга, Анна последняя вошла в королевскую семью, принеся короне приданое в виде земель¹³. В этом она сохранила связь с феодальной эпохой, представленной королевами XV века¹⁴. Но как супруга короля, наделенная знаками королевского достоинства, которые были тем более очевидны в глазах всех, что в ее положении не было никакой двусмысленности, она воплощает уже черты королей Нового времени и заметно отличается в этом от своих предшественниц на троне. Как супруга монарха она впервые в истории удостоилась королевских похорон, сравнимых с похоронами короля. И именно с ней связаны многие новые церемонии, которые впоследствии оказывались и самим королям. Анна Бретонская, таким образом, блестяще воплощает собой эту «королеву межвременья», несущую в

¹³ Хотя Клод Французская также была герцогиней Бретонской, ее нельзя сопоставить с матерью, поскольку она имела статус дочери короля.

¹⁴ См., например, как Б. Шевалье описывает супругу Карла VII: *Chevalier, Bernard. Marie d'Anjou, une reine sans gloire // Autour de Marguerite d'Ecosse, Reines, princesses et dames du XVe siècle. Actes du colloque de Thouars. P., 1999. P. 81–98.*

себе черты и Средневековья и Нового времени; что отобразилось в пышных церемониях, организованных по ее желанию.

Обозначая вступление на трон и уход с него, коронация, въезды и похороны напоминали о статусе и положении королевы во французской монархии. Но включая не только структурные, но и конъюнктурные основания, эти три церемонии, а в особенности первая и последняя, отражают и стратегии интеграции в королевский домен герцогства, приобретение которого было далеко не бесспорным.

На самом деле, если первый контракт, подписанный Анной и Карлом VIII, был благоприятен для короны, то последующий, ратифицированный в 1499 г., во время второй свадьбы королевы-герцогини, был существенно более выгоден именно ей. Формы передачи Бретани, установленные отныне, должны были позволить, в конце концов, вернуть герцогству независимость. С этого момента монархия мобилизует церемониал, чтобы противостоять юридическим препятствиям, настаивая на королевском положении герцогини с целью подтвердить идею, что герцогство находится в домне, поскольку его наследница является членом королевской семьи. Этот двойственный характер, проходящий через всю жизнь королевы Анны, был представлен во всем ансамбле организованных для нее церемоний, особенно отчетливо проявившись в грандиозных похоронах, устроенных в 1514 г. Однако, настаивая на королевском статусе супруги государя, ритуал также требовал прояснить и упрочить положение королевы во все более и более структурированной монархической системе.

Коронавание — первая из значительных церемоний, которые устраивались для королевы после свадьбы. Будучи одновременно торжественным посвящением и интронизацией, эта операция подчеркивает суверенный статус супруги короля, обозначая при этом и ограниченность ее функций. В этом отношении, церемония отражала положение королевы в государстве посредством сложного ритуала, который в некоторых аспектах был заимствован из подобной церемонии для короля, но во многом и расходился с ней.

При Анне Бретонской местом миропомзания и коронации королевы окончательно утвердилось Сен-Дени. Таким образом, коронация расходилась во времени и пространстве с коронацией

короля, которая происходила в Реймсе и всегда раньше. Следовательно, поставленная на вторую позицию церемония, предназначенная для супруги короля, выражала зависимость — во многих случаях подчеркиваемую — той, что посвящают в сан. Однако, будучи единственной, кто разделяет с королем почести подобного события, королева является во всей славе своего превосходства. Это превосходство гораздо лучше выражено, благодаря прочному установлению салического закона.

Соответственно, в апогее почестей этого со-превосходства есть ограничения, обозначающие ту, что подчинена, несмотря ни на что, авторитету короля и отстранена от власти. Множество деталей напоминает о том, что супруга короля имеет «суверена над собой»: если король получал девять помазаний, то королеве полагалось всего два, с освященным маслом, а не со святой ампулой, которая лишь королю сообщала чудодейственную власть. После помазания головы и плеч, Анна получала корону, скипетр и длань правосудия. Но она не имела права ни на рыцарские знаки отличия, предназначенное лишь для того, кто должен вести дворянство на войну, ни на священнические одежды, которые вводили короля в церковную иерархию. Поскольку королева была отстранена от власти, ей не прислуживали пэры Франции, служившие лишь королю, ее же сопровождали до трона, установленного в хорах церкви, вельможи. Зато, однажды помазанная, коронованная и возведенная на трон, она уже могла являться достойной представительницей монархии, и во время мессы, завершающей церемонию, ее действия были в точности такими же, как и ее супруга.

Таково постепенное введение королевы на престол, совершившееся во время помазания. Она была представлена как супруга, и поэтому для нее имелись некоторые отличия в ритуале, но, утверждаясь как королева, супруга монарха обретала в ходе церемонии королевское достоинство и божественную милость, которые позволяли ей воплощать все ценности монархии.

Это вхождение во власть, начинающееся свадьбой, подтвержденное коронацией, утверждалось въездом в Париж через церемонию представления королевы ее народу. Это событие, которое следовало сразу за коронацией, было гораздо менее близко: лич-

ность чествуемой королевы неизменно отражалось в убранстве города. И армия Бретани, объединенная с войсками Франции, напоминала всем, что герцогиня вышла замуж за короля и что, хотя она показывается наделенной всеми атрибутами высшей власти, она к тому же является еще и наследницей Бретани. Двойственное положение принцессы Анны положено в основу всего ритуала, начиная с торжественных речей у ворот города и кончая возведенными в ее честь триумфальными арками с ее инициалами. Последующий маршрут устанавливал королеву в самом сердце сосредоточия власти, каковым является столица, согласно порядку, который послужил в будущем матрицей для похорон 1514 г.

В этом смысле церемония погребения королевы двенадцать лет спустя после помазания представляет собой «выход из королевского сана», благодаря церемониальной инверсии, которая одновременно давала короне возможность объявить и об исчезновении герцогини. Проблема Бретани не является совершенно сторонней по отношению к организации монархических похорон 1514 г., и не случайно подобные церемонии были организованы только для двух принцесс, Анны и Клод, которые являлись наследницами Бретани¹⁵. Проблема инкорпорации герцогства, поставленная в контракте 1499 г., уже стала объектом церемониальной инновации, поскольку во время второй коронации Анны ритуал был дополнен вручением кольца, впервые по отношению к королеве, и окончательно принят в последствии. Событие сопровождалось речью, в которой акцентировался союз королевы и королевства¹⁶, как бы для того, чтобы сильнее подчеркнуть соединение — ведь речь идет об обручальном кольце — Бретани и домена. Первый признак церемониального разрешения,

¹⁵ Эти церемонии, конечно, особенно сильно определялись контекстом. Для их организации было необходимо, чтобы королевы умирали на территории королевства и раньше супругов, чего не было очень долгое время после смерти Клод. Но все же устройство таких похорон для Анны и ее дочери остается признаком определенной их связи с бретонским вопросом.

¹⁶ «...обозначая и свидетельствуя, что она обручилась и приняла во владение, обладание и пользование королевство Францию», говорит реляция 1504 года. См. *Le sacre d'Anne de Bretagne et son entrée à Paris en 1504 // Mémoires de la société de l'histoire de Paris et d'Ile de France*. 1902. Т. XXIX.

предложенного для юридической проблемы, поставленной формой перехода герцогства, эта риторика была развита в похоронах 1514 г. Скопированные с похорон королей, они казались еще более грандиозными.

Анна упокоилась 9 января в Блуа в возрасте 37 лет. Тело почившей, прежде чем быть перенесенным в парадный зал дворца, в течение шести дней выставлялось напоказ на постели, где она умерла. Там, на кровати, покрытой золотой простыней, почившая королева была явлена в «королевском достоинстве»: великолепно одетая, с короной, скипетром и дланью правосудия. Через два дня тело поместили в гроб, зал переделали в траурный при помощи больших черных занавесей, и единственное, что осталось последним зримым знаком королевского достоинства, регалии, были положены на гроб, покрытый черным драпом и пересеченный белым крестом. В течение трех недель принцы, принцессы и высшие сановники проходили перед телом, и лишь корона, скипетр и длань правосудия напоминали еще о личности умершей. Монахи, сопровождавшие останки, прерывали молитвы лишь для песнопений мессы. Наконец, 3 февраля умершая покинула Блуа для первой погребальной церемонии в Церкви Сен-Савёр. Торжественно привезенное тело вернулось обратно в замок, и следовало дожидаться вечера следующего дня, чтобы похоронная процессия двинулась в сторону Парижа, которого она достигла после недели путешествия.

Вслед за этим начались церемонии в столице. Кorteж, отправленный встречать королевские останки у ворот Парижа, чтобы сопроводить их к Нотр-Даму, а оттуда к воротам Сен-Дени, был особенно пышен и тщательно организован. Представители от религиозных, городских, государственных институтов участвовали в шествии, которое должно было в последний раз представить столице королеву. После ночи с двумя мессами в Нотр-Даме тело королевы было передано монахам Сен-Дени через одноименные ворота, согласно ритуалу, который весьма напоминал королевский въезд в столицу: тот же маршрут, очень похожий corteж, и каждый раз ворота Сен-Дени обозначали переход — въезд или выезд из королевства. Наконец, в аббатстве свершилась последняя церковная церемония. После мессы тело было опущено в могилу, и с первой

горстью земли, брошенной на гроб, главный герольд трижды объявил о смерти королевы. Регалии были опущены в могилу, затем жезл мажордома сломан, чтобы, наконец, ясно продемонстрировать, что со смертью королевы ее дом прекратил существование.

Описанное погребение Анны Бретонской — вполне королевские похороны, устраиваемые для королей. Обычно речь шла о том, чтобы превознести королевское достоинство умерших, именно поэтому их сопровождали внешние атрибуты королевской власти. В то время как останки Анны исчезли в гробу, регалии остались видимы, напоминая о ее статусе. К тому же, пересечение Парижа, возвращающее к триумфальному въезду двенадцатью годами ранее, давало королевству последний образ королевы во славе. Портрет королевы, несущей скипетр и корону, помещенный над гробом во время шествия по столице, напоминал о живой принцессе.

Таким образом, почитаемая после смерти как и короли, королева также воплощает верховную власть. Это стало возможным лишь при четком определении различий между тем, кто действительно властвует, и той, которая имеет лишь тень власти. В этом смысле женские королевские похороны широко связаны с салическим законом, который выражен к тому же в церемониале, поскольку при погребении крик «королева умерла» заменяет возглас «король умер, да здравствует король», принятый для монарха. Это объявление о кончине герцогини Анны, единственное очевидное церемониальное отличие, было средством еще раз напомнить фундаментальный принцип передачи трона. Исчезновение королевы влечет за собой разрыв, тогда как смерть короля должна подтверждать продолжение династии: «король-который-никогда-не-умирает» выражается в этой простой формуле, провозглашаемой при погребении короля¹⁷.

В этой перспективе, достойные короля похороны, организованные для Анны Бретонской, позволяли тесно связать ее с монархией и представить со смертью герцогини Бретонской исчезновение королевы Франции. Превращение королева /герцогиня и королевство/герцогство, совершившееся благодаря

¹⁷ *Giessey, Ralph*. Le roi ne meurt jamais. Les obsèques royales dans la France de la Renaissance. P., 1987.

ловкости церемониального фокусника, ведет в итоге к тому, чтобы представить ассимиляцию территории герцогства королевским доменом. Отождествление герцогини с королевой Франции при помощи достоинства, которое она воплощает, и которое естественно поглощает герцогское, ведет к пониманию отношений герцогство-королевство в схожих понятиях, и к созданию благодаря этому смешения Бретани и Франции.

Церемониал становится политическим орудием, которое служит интересам Франции. Но это оказывается возможным лишь в силу точного определения салического законом места женщины в монархии. Таким образом, подтверждение салического закона позволяет сконструировать церемониал, который возвеличивает королевское достоинство. Церемониал, используемый монархией, чтобы подчеркнуть королевский статус Анны в противовес ее герцогскому званию, приводит также к тому, что королева в итоге, даже в смерти представлена наделенной всеми атрибутами высшей власти — надгробные монументы Анны и Людовика XII очень красноречивы с этой точки зрения. И тем самым становится возможным упрочить ее положение подле короля, предоставив сиять во всем величии.

Приобретение установленного положения, дублирующееся использованием церемониала для разрешения основных проблем территориального приобретения, позволили королеве стать совершенным воплощением того достоинства, что она разделяла с королем, и тоже представлять французскую корону. Это институционное основание, которое проходит также через политическую репрезентацию, неотделимо от доминирующей роли, которую играла королева в регентстве.

С. Е. ФЕДОРОВ

В ПОИСКАХ СЦЕНАРИЯ:

АННА ДАТСКАЯ И ЕЕ ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Английский королевский церемониал¹ всегда отличался от его континентальных аналогов. Он начал складываться значительно раньше, чем общеевропейский, и даже во времена безраздельного господства католической церкви обнаруживал черты, дававшие право считать его оригинальным и в чем-то неповторимым². Даже тогда, когда бургундское влияние стало более чем очевидным, заимствования были только частичными, а их общее композиционное решение рождало негативные отклики континентальных соседей³.

Среди королевских церемониалов похоронные процессии были особенно необычны. Их своеобразие усилилось при Тюдорах, когда Англия взяла курс на отделение от католической церкви. Судьба потомков Генриха VII сделала их еще более своеобразными. Вынужденные ориентироваться в том числе на атрибуты жен-

¹ Вклад в изучение раннего этапа складывания английского королевского церемониала внесли следующие работы: *Wilkinson B.* The Coronation of Edward II // *Historical Essays in Honour of James Tait* / Ed. by E. Jacob. Manchester, 1933. P. 405–416; *Idem.* The Coronation Oath of Edward II and the Statute of York // *Speculum*. XIX. 1944. P. 445–469; *Idem.* Constitutional History of Medieval England, 1216–1399. L., 1952; *Idem.* Notes on the Coronation Records of the Fourteenth Century // *English Historical Review*. LXX. 1955. P. 581–600; *Schramm P.* A History of English Coronation. Oxford, 1937; *Idem.* Ordines-Studien III: die Krönung in England vom 10. Jahrhundert bis zur Neuzeit // *Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde*. XV. 1938. *Idem.* Neue Folge. I. S. 305–391; *Idem.* Die Krönung bei den Westfranken und Angelsachsen von 878 bis um 1000 // *Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*. V. LIV. 1934; *Hoyt R.* The Coronation Oath of 1308: The Background of *les leys et les costumes* // *Traditio*. V. IX. 1935; *Ward P.* The Coronation Ceremony in Medieval England // *Speculum*. V. XIV. P. 160–178; *Idem.* Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // *English Historical Review*. V. LVII. 1942. P. 345–361.

² Более подробно об этом см.: *Müller E.* Die Anfänge der Königssalbung im Mittelalter. Köln, 1939.

³ *The Household of Edward IV. The Black Book and the Ordinance of 1478* / Ed. by A.R. Myers. Manchester, 1972.

ского правления, они преобразились, внося в королевскую символику ранее неизвестные формы⁴.

Стюарты продолжили искания Тюдоров, разработав собственный сценарий власти⁵. Похороны наследника престола — принца Генри, а затем Анны Датской — супруги Якова I Стюарта подвели в них известную черту, разведя мужскую и женскую обрядность. Церемониал похорон принца Уэльского стал прообразом похоронной процессии Якова I и затем Карла II и Якова II Стюартов. Похороны Анны Датской⁶ — образцом для подражания в процессиях, организованных по случаю кончины представительниц знатнейших английских родов во второй половине XVII столетия и много позднее.

Королева Анна скончалась 2 марта 1619 г., но тело ее было предано земле только 13 мая того же года. Официальная причина смерти, засвидетельствованная ее личным врачом — датчанином Мейерном и его двумя английскими коллегами — докторами Аткинсом и Тарнером, гласила, что «сердце королевы остановилось», Анна «перестала дышать», и последствия этого «оказались необратимыми».

Анна долгое время страдала от двух типичных для того времени заболеваний. Доктора часто указывали на то, что «обе ноги королевы выглядят отекающими из-за разбухших вен». Судя по всему, у нее был тромбофлебит, причина которого коренилась в последствиях тяжелых родов и малоподвижном образе жизни. Возможно, определенную роль играли осложнения после какого-то перенесенного в

⁴ *Loach J.* The Function of Ceremonial in the Reign of Henry VIII // *Past and Present*. V. 142. 1994. P. 43–68.

⁵ *Smuts R. M.* Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987. Федоров С. Е. Стюартовские придворные // Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество. СПб., 1997.

⁶ Об Анне Датской написано совсем немного. Наиболее общей и единственной биографией королевы является работа Этель Уильямс: *Williams E.* Anne of Denmark, Wife of James VI of Scotland and James I of England. London, 1970. Барбра Левальски написала прекрасную главу в монографии о придворных масках Анны, пытаясь проследить возможные формы ее антипатриархальных выступлений: *Lewalski B.* Enacting opposition: Queen Anne and the Subversions of Masquing // *Writing Women in Jacobean England*. Cambridge, 1993. P. 15–45. Наконец, совсем недавно появилась работа Лидс Бэрролл: *Barroll L.* Anna of Denmark, Queen of England: a Cultural Biography. Philadelphia, 2001. См. рецензию Джейн Арчер, опубликованную в *Renaissance Journal*. V. 1. No. 5. 2002. P. 29–31.

младенчестве заболевания: некоторые современники указывали на то, что по неизвестным причинам маленькую принцессу вплоть до девяти лет носили на руках, не давая ей двигаться самостоятельно. Наконец, у королевы случались частые легочные кровотечения, последнее из которых доктора зафиксировали в конце февраля 1619 г. Судя по симптоматике протекавших подобным образом обострений, Анна была больна еще и чахоткой — заболеванием то прогрессирующим, то входившим в стадию ремиссии.

Королева была не готова покинуть этот мир. Должно быть, она не отдавала себе отчета в том, что смерть ее была близка: обострения, как правило, были недолгими, и она регулярно появлялась на многочисленных в ту пору представлениях и даже отправлялась в поездки по стране. Но с конца февраля 1619 г. двор жил в ожидании кончины королевы. С 26 февраля в Гемптон-Корт стали съезжаться придворные. Прибыл туда и наследник престола Карл в сопровождении архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского. С самого утра 1 марта двери королевской спальни были закрытыми для посетителей. В окружении двух наиболее преданных фрейлин — графинь Бедфорд и Эрандел, а также ее давней приближенной — датчанки Анны-Марии она предавалась воспоминаниям и молитвам. К вечеру того же дня королева впала в беспамятство, но около полуночи ее сознание прояснилось. Судя по всему, тогда состоялся последний разговор с сыном о завещании, которое так и не было составлено. Она смогла ответить на вопросы о судьбе принадлежавших ей драгоценностей, и сделать последние распоряжения. Около трех часов ночи ей стало хуже, и к шести часам утра 2 марта 1619 г. Анна Датская скончалась. Ее тело было предано земле 13 мая.

Причины столь длительной подготовки официальной церемонии похорон королевы до сих пор вызывают недоумение. В английской истории это, пожалуй, единственный пример беспрецедентных церемониальных проволочек.

Церемониал погребения английских монархов, действовавший в начале XVII в., был разработан Коллегией герольдов совместно с Маргарет Бофорт — бабкой Генриха VIII. Он был известен как Вестминстерский порядок. Предусмотренная в нем процедура похорон была в религиозном отношении нейтральной, что сохраняло определенную привлекательность этого регламента и для протестант-

ски ориентированных монархов⁷. Этот порядок содержал все необходимые рекомендации и разъяснения церемонии похорон монарха-мужчины и наследных принцев. Женская половина королевской семьи — собственно королевы и принцессы — подлежали захоронению согласно сокращенной процедуре, которая в целом не утрачивала сходства с начальной версией Вестминстерского порядка.

Трудности с использованием этого регламента возникли тогда, когда умерла Мария Тюдор. Герольдмейстеры столкнулись с противоречием, поскольку обе версии регламента — полная и сокращенная — учитывали ситуацию, когда на престоле находился государь/мужчина, а королева/женщина была лишь его супругой. Именно тогда в регламент были внесены поправки, и он претерпел существенные изменения, касавшиеся символики власти и атрибутов женского правления. Элементы, заимствованные для создания обновленной версии церемониала, были скорее испанскими, чем английскими, а религиозные акценты процедуры — ортодоксальными католическими. После смерти Елизаветы Тюдор Коллегия герольдов пересмотрела и изъяла исправления, внесенные в регламент после смерти ее старшей сестры, и восстановила начальную версию.

В основу процессии и процедуры погребения Анны Датской была положена сокращенная версия Вестминстерского порядка. Об этом свидетельствуют сохранившиеся описания похорон королевы-консорты, хранящиеся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде⁸, а также опубликованные Джоном Николсом регламенты из коллекции Бирча в Британской библиотеке⁹. Эти документы фиксируют только часть процедуры — процессию от Денмарк-хауза до Вест-

⁷ Оригинал хранится в архиве Коллегии герольдов: College of Arms. MS. I. 3. Fol. 52. Полный текст см.: *Ordo de exequiis regalibus // Missale ad usum ecclesie Westmonasteriensis / Ed. by J. W. Legg. 3 vv. L., 1891–1897. V. 2. P. 734–735.* Описание самой церемонии погребения можно найти у Джона Страйпа: *Strype J. Ecclesiastical Memorials. 6 vv. Oxford, 1822. V. 6. P. 257–290.*

⁸ Bodlean Library. Rawlinson MSS. B. 138. Fol. 16. (Procession at Queen Anne's Funeral) Bodlean Library. Tanner MSS. 236. Fol. 80. (Offerings at Queen Anne's Funeral). В регламентах указаны лишь титулы участвующих в похоронной церемонии особ. Их личные имена идентифицированы мною.

⁹ British Library. Birch MSS. 4174. *Nichols J. The Progressess, Processions and Magnificent Festives of King James the I. V. I–IV. L., 1828. V. III. P. 538–541; 542–543.*

министра и церемонию оплакивания и подношения даров усопшей. События, происходившие в Гемптон-Корте и затем в Денмаркхаузе до начала официальной процессии, в них не описываются; их освещают современники (в частности хорошо информированный Джон Чемберлен). В сообщаемых ими сведениях много несоответствий и противоречий, хотя некая общая канва все же ощутима.

Смерть английских монархов и членов их семей влекла за собой целую серию последовательно исполнявшихся процедур и церемоний. После официального освидетельствования смерти начиналась процедура бальзамирования тела усопшего. Затем гроб с телом покойного выставлялся для всеобщего бдения в специально отведенном для этого холле — процедуре, длившейся около семи дней и предполагавшей присутствие узкого круга придворных капелланов и джентльменов/дам. Далее гроб, водруженный на катафалк-колесницу, перемещали в один из лондонских королевских дворцов, где, как правило, в придворной часовне организовывали периодически повторявшиеся службы, куда допускали знать и придворных. Продолжительность этой части церемонии могла варьироваться, но, как показывает практика, англичане отводили для нее более скромные сроки, чем их континентальные соседи. Следовавшая за этим церемония перемещения гроба с телом усопшего в Вестминстер была, несомненно, наиболее регламентированной и упорядоченной, символизировавшей величие умершего монарха или члена его семьи. С начала XVI в. дальнейшие мероприятия проходили в часовне Генриха VII — усыпальнице Тюдоров и практически всех Стюартов. Именно там последовательно происходили процедуры оплакивания усопшего, подношения даров и само захоронение.

Было бы ошибочным предполагать, что процедура похорон Анны Датской с точностью повторяла версию погребального церемониала ранних Тюдоров. При самом поверхностном сличении сохранившихся описаний и регламента процедуры с елизаветинскими обнаруживаются определенные расхождения. Во-первых, герольд-мейстеры (Подвязки, Кларенсо и Норрой), готовившие процедуру захоронения, должны были учесть появившийся на момент коронации Якова I Стюарта и Анны Датской титул новой королевы. Она, как известно, была коронована в качестве королевы-консорта, т.е. королевы-супруги. Ранее регламенты не выделяли подобного

статуса. В версии коронационного регламента 1603 г. подобное уточнение становилось ощутимым и улавливалось в символике и атрибутах, обозначавших место королевы-консорты в торжественной процессии. Во-вторых, определенное значение имело отсутствие монарха на церемонии погребения. Яков, избегавший «печальных» событий, не присутствовал ни на похоронах старшего сына — принца Генри (1612 г.), ни жены.

Итак, Анна скончалась 2 марта 1619 г. До 9 марта набальзамированное тело находилось в королевском дворце в Гемптон-Корте, а затем было перенесено в Денмарк-хауз — перестроенный по проекту Иниго Джонса старый дворец герцога Сомерсета.

Что происходило сначала в Гемптон-Корте, а затем в Денмарк-хаузе вплоть до начала мая 1619 г. практически неизвестно. Время от времени туда наведывались принц Карл, архиепископ Кентерберийский и глава лондонской епархии, но основная тяжесть приготовлений падала на придворных дам и кавалеров. Чемберлен сообщает, что те, кто непрестанно находились с телом королевы, жаловались на усталость и недоумевали на счет отсутствия конкретных распоряжений по поводу предстоящих похорон. Ходили слухи, что причиной задержки являются финансовые сложности, которые испытывал король в этот момент. Некоторые полагали, что английские герольдмейстеры заняты составлением нового регламента. Кто-то видел причины задержки в очередной болезни короля. Часть придворных все-таки были склонны считать, что торжественное погребение королевы состоится сразу же после Пасхи и, следовательно, надеялись, что все произойдет не позднее конца апреля¹⁰. Так или иначе похороны задерживались.

Только к вечеру 2 мая 1619 г. гроб с телом королевы, покрытый золотой парчой, был установлен в холле Денмарк-хауза, после чего началась изрядно запоздавшая подготовка процедуры всеобщего бдения. Для этой цели во дворец прибыли четыре королевских ка-

¹⁰ Chamberlain to sir Dudley Carleton. March. 6. 1619 (описание событий, происходивших в Гемптон-Корте до переноса гроба в Денмарк-хауз); Chamberlain to sir Dudley Carleton. April, 24. 1619 (описание слухов о причинах задержки похорон королевы Анны); Chamberlain to sir Dudley Carleton. May. 14. 1619 (описание церемонии похорон королевы Анны) // Chamberlain Letters / Ed. by D. Mclure. Philadelphia, 1939.

пеллана, двое из которых несли верную службу королеве на протяжении многих лет. В полном составе собрались ее личные фрейлины, приехал принц Карл. Присутствовавшие при подготовке церемонии архиепископ Кентерберийский и епископ Лондонский удалились из дворца, когда пробило полночь. 3 мая, согласно сложившейся традиции, гроб был перенесен во дворцовую часовню, где впервые после длительного перерыва собрался весь двор Анны Датской. Для участия в первой официально назначенной траурной службе к придворным королевы присоединились титулованная знать, епископы и принц Карл. На протяжении десяти последующих дней подобные службы повторялись. Причем перед каждой герольдмейстер Норрой торжественно оглашал все титулы усопшей королевы.

Утром 13 мая траурная процессия двинулась из Денмаркхауза в Вестминстер, где в часовне Генриха VII должно было состояться погребение. Гроб с телом покойной королевы был установлен на колеснице, задрапированной золотой парчой. На ней же установили барельеф с изображением Анны Датской, работы Максимилиана Колта¹¹. Барельеф искусно прикрепили к колеснице шелковыми лентами, на которых были вышиты изображения с символикой королевских домов Англии, Шотландии и Дании. Шестерка лошадей, запряженных в колесницу-катафалк, была покрыта попонами из черного бархата, спускавшимися до самой земли. В их хвосты заплели шитые золотом траурные ленты, сделанные из того же черного бархата.

Вся процессия символизировала величие усопшей и подчинялась строгой иерархии¹².

Впереди процессии, облаченный во все черное, шел лорд Эффингем, державший знамя Норвегии. За ним двигались трубачи. Следом — с опущенными головами 260 нищих, специально собран-

¹¹ Об этом см.: *Hope W.* On the Funeral Effigies of the Kings and Queens of England, with Special Reference to those in the Abbey Church of Westminster // *Archaeologia*. Vol. LX. 1907. P. 517–570; *Howgrave-Graham R.* The Earlier Royal Funeral Effigies: New Light on Portraiture in Westminster Abbey // *Archaeologia*. Vol. XCVIII. 1961. P. 159–169.

¹² О порядке следования см.: *Федоров С.Е.* Порядок предпочтения титулованных особ и должностных лиц в раннестюартовской Англии: к истории становления // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. Вып. 3. Спб., 2001. С. 250–275.

ных по всему Лондону и ближайшей округе. Далее в определенном порядке шествовала младшая прислуга королевы, представлявшая различные службы ее хаузхолда. За ними в три колонны шли граверы и виночерпии королевы, ее советники и юристы. Завершал эту часть процессии начальник королевского Суда по опеке.

Отдельно друг за другом шествовали сэры Томас Стаффорд — придворный инспектор королевы и сэры Томас Трейси — ее казначей. За ними — лорд Клиффорд нес поднятым знамя Дании.

Следующая часть процессии, согласно традиции, должна была символизировать начало иерархии титулов, ее основание. В четырех колоннах по шесть человек в соответствии с порядком следования двигались 24 барона. Каждая из колонн попарно замыкалась ее наиболее родовитым представителем, так обозначалось направление качественно возмужавшей родословной, и образовывалось подобие четко размеченных генеалогических треугольников или пирамид. Бароны должны были олицетворять единство английской, шотландской и ирландской знати.

Левая колонна в основании была представлена шотландским лордом Дингуоллом, обретшим титул 8.06.1609. Далее по порядку шли лорды Ниветт (4.05.1607), Данверз (21.07.1603), Грей Бриджес, представлявший пятое поколение лордов Чандосов, Эдвард Кромвелл, пятый барон Кромвелл, Эмманюэль Скруп, одиннадцатый барон Скруп из Болтона. Следующая (слева направо) колонна начиналась шотландцем-лордом Кланкливеном (10.08.1607), затем по порядку шли лорды Эранделл из Уордура (4.05.1605), Расселл (21.07.1603), Дадли Норт, представлявший третье поколение баронов Нортов, Джон Мордонт, пятый барон Мордонт, Томас Стаффорд, тринадцатый барон Стаффорд. Третью колонну открывал лорд Дигби (25.11.1618), далее последовательно шествовали лорд Денни (20.10.1604), Френсис Норриз, представлявший второе поколение баронов Норризов из Рикота, Уильям Пэджит, восстановленный в наследственных правах на титул (18.04.1604) и, следовательно пятый барон Пэджит, Томас Уэнтворт, четвертый барон Уэнтворт и Грегори Дакар, восьмой барон Дакар. Четвертая колонна начиналась с барона Хаутона (1616), затем шли лорды Спенсер (21.07.1603), Оливер Сент-Джон, представлявший третье поколение баронов Сент-Джонов из Блесто, Эдмунд Шеффилд, третий

барон Шеффилд, лорд Уиндзор, представлявший шестое поколение баронов Уиндзоров, лорд Беркли, восьмой барон Беркли. Над первой и второй колонной главенствовал Роберт Берти, четырнадцатый барон Уиллогби из Ресби; над второй и третьей — Эдвард Зуч, одиннадцатый барон Зуч, а над третьей и четвертой — Эдвард Невилл, восстановленный в правах на родовой титул (25.04.1604) и, следовательно, десятый барон Эбергавенни.

Указанные в регламенте персоны свидетельствуют о том, что ирландское баронство оказалось на этом уровне непредставленным. Шотландское также присутствовало весьма условно (двое против двадцати двух). Приоритет, отданный англичанам, казалось, должен был преследовать вполне определенную цель: их было изначально больше. Порядок следования среди них считался наиболее выверенным, но и в этом случае выстроенная композиция на деле была недостаточно продуманной, если не случайной.

Следуя традиционным принципам ранжирования, герольдмейстеры должны были создать в генеалогическом отношении правильные прямоугольники, в которых каждая активная точка — участвующий в процессии барон должен был рядопоставлен так, чтобы каждая колонна сочеталась с другой вполне определенным образом. Начало и конец одной колонны должны были соответствовать началу и концу другой так, чтобы при чтении родословная участников возрастала не только справа налево, но и сверху вниз. Но требуемые пропорции не были соблюдены как внутри колонн, так и среди главенствующих над ними баронов.

За баронами шествовали духовные лорды — епископы. Согласно установившейся практике, они двигались по двое в четырех колоннах в соответствии с годами посвящения в епископский сан. Логика подсказывала, что справа налево между колоннами и снизу вверх внутри колонн должны были читаться те же принципы, что и у предшествующей группы. В левой колонне в основании шествовал епископ Бристоля, впереди него — Или; далее — епископ Чичестера, перед ним — Дарема; затем Ковентри, а впереди него — Уинчестера; в крайней правой колонне шли епископ Рочестера, впереди него — Лондона. Семеро из них представляли церковную провинцию Кентербери и только епископ Уинчестера — Йоркскую. Среди них не было викарных епископов.

Любопытна фигура, которая выстраивалась в этой части процессии. Справа налево, т.е. от епископа Рочестера к епископу Бристоля и от епископа Лондона к епископу Или возрастал срок пребывания во главе епархии. Также сохранялась правильная пропорция и внутри колонн. При этом Даремская и Уинчестерская епархии оказывались самыми древними. Получалось так, что их главы как бы выступали вперед, а стоявшие в том же ряду главы Лондонской и Илийской епархии несколько задвигались. Епископы, шествовавшие в заднем ряду, образовывали в целом единый ряд: возникла фигура 2+2+4.

Следующую фигуру похоронной процессии образовывали лорды старшие сыновья, носившие так называемые титулы учтивости. Регламент не дает четких рекомендаций относительно того, как должна была быть организована эта часть процессии. Есть указание лишь на то, что в основании шествовал Джон Полетт, лорд Полетт, приходившийся вторым сыном Уильяму Полетту, маркизу Уинчестеру, а далее — старшие сыновья графов. Судя по всему, их строй должен был все-таки напоминать колонну, поскольку лорды Кавендиш (старший сын графа Девоншира), Берли (графа Экзетера), Уолден (графа Саффолка), Бичам (графа Гертфорда), Райозли (графа Саутгемптона), Фитцуолтер (графа Сассекса), Клиффорд (графа Камберленда), Рафин (графа Кента), Мотраверз (графа Эрандела и Сарри), перечислены в регламенте в порядке возрастания их родословной.

Уильям Кавендиш — отец лорда Кавендиша, открывавшего колонну, стал графом Девонширом 7.08.1618, а Томас Говард — отец лорда Мотраверза, возглавлявшего ее, был восстановлен в наследственных правах на титул как двадцать шестой граф Эрандел и Сарри 18.04.1604 и, следовательно, считался самым родовитым среди перечисленных особ. Недоумение вызывает позиция, отведенная лорду Клиффорду, уступавшему в родословной как своему предшественнику, так и следовавшему за ним лорду: он приходился сыном пятому графу Камберленду в то время, как предстоявший ему лорд Фитцуолтер — десятому графу Сассексу, а надстоявший ему лорд Рафин — семнадцатому графу Кенту.

Обычно подобные ситуации специально оговаривались в регламентах и, кроме того, весьма ревниво воспринимались участниками

ми процессии. Но в двух сохранившихся описаниях церемонии не содержится никаких разъясняющих это обстоятельство положений; да и современники, судя по всему, на этот счет никак не отреагировали: о смысле состоявшегося нарушения приходится только гадать.

За старшими сыновьями графов шествовали виконты Хаддингтон (Джон Рамзи) и Уолингфорд (Уильям Ноллиз). Первый был шотландцем, а второй — англичанином. Оба представляли знать династии: продвижение барона Ноллиза из Риконта к виконтскому титулу Уоллингфорда состоялось 7.11.1616, а креация Хаддингтона — 11.06.1606.

Лорд Обиньи — старший сын Лодовика Стюарта, графа Леннокса, был единственным среди представлявших эту часть процессии и соответствующий ранг в порядке следования особ. Благодаря ему число шотландцев, участвующих в похоронах Анны Датской, увеличивалось до четырех человек.

Следующую фигуру в траурном шествовании занимали графы. Регламент выстраивал эту часть процессии подобно тому, как было организовано шествие баронов. Четыре колонны по два человека в каждой и трое ведущих эти колонны графов образовывали подобие треугольников. В крайней левой колонне шли сначала граф Келли, а впереди него граф Бриджуотер; далее в той же последовательности графы Девоншир и Солсбери, Уорвик и Дорсет, Нортгемптон и Линколн. Между первой и второй колонной впереди — граф Эссекс; между второй и третьей — граф Саутгемптон; между третьей и четвертой — граф Сассекс.

Среди всех перечисленных графов только Томас Эрскайн (Келли) был шотландцем; все остальные — англичанами. Самым знатным преемником графского титула был Роберт Деверо, насчитывавший в родословной девятнадцать предшественников. Генри Говард, граф Нортгемптон, Роберт Рич, граф Уорвик, Томас Саквилл, граф Дорсет, Джон Эгертон, граф Бриджуотер были яковитскими креатурами. Джон Сесил, второй граф Солсбери был старшим сыном Роберта Сесила, получившего графский титул 4.05.1605. Генри Райозли, четвертый граф Саутгемптон был восстановлен в наследственных правах на титул 21.07.1603. Только Джон Клинтон, восемнадцатый граф Линкольн и Роберт Рэдклифф, десятый граф Сассекс были потомками достоартовских креатур.

В целом представленная композиция титулов была составлена с нарушением требуемых правил. Лишь отчасти внутри пар порядок следования сохранен, но между колоннами явно нарушен; среди ведущих колонны графов только Сассекс и Эссекс занимают, казалось бы, подобающие места (от десятого колена к двадцатому), но в отношении Линкольна позиция Сассекса явно носит дискриминирующий характер (от восемнадцатого к десятому). Позиция Саутгемптона выглядит почти исключительной, хотя его тесные связи с двором Анны Датской, возможно, но лишь только отчасти проясняют такое ранжирование.

Впереди таким образом выстроеной фигуры участвовавших в процессии графов шествовал лорд-канцлер Бэкон. Его положение как бы завершало иерархию титулов английской и шотландской знати, подчеркивая то место, которое это должностное лицо занимало в верхней палате парламента. Известно, что к моменту похорон Анны Датской Френсис Бэкон был лишь бароном Веруламом и надстоять над графской процессией ему позволяла канцлерская должность — обстоятельство, специально оговоренное в регламенте.

Канцлер, подчеркивавший в какой-то мере иерархию светских титулов, уступал место в процессии архиепископу Кентерберийскому (Джорджу Эбботу) — примасу англиканской церкви. Он, особым местом в процессии, также подчеркивал конец иерархии духовных титулов.

В следующем ряду Филипп Герберт, граф Монтгомери (англичанин) и Джон Мюррей, граф Туллибардин (шотландец) несли Большое знамя с объединенной символикой Англии и Шотландии. Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой (в центре), персиванты Колборн (слева) и Стюард (справа), следуя чуть впереди, акцентировали значимость этой части процессии и близость центра события. От колесницы-катафалка их отделяли лорд-чемберлен (Роберт Сидни, граф Лестер) и лорд-стюард (Эдвард Сеймур, граф Гертфорд) хаузхолда королевы и шествовавший за ними принц Уэльский Карл.

Траурный катафалк королевы был установлен на колеснице, запряженной шестеркой великолепных лошадей. Со всех сторон в несколько рядов его окружали скорбящие. Впереди, как уже отмечалось, шел облаченный в черный бархат наследник престола. По бо-

кам — самые родовитые и высокопоставленные представители английской титулованной знати.

Начиная с принца Уэльского порядок церемонии изменялся. До наследника престола принципы следования участвующих в церемонии особ предполагали нарастание как родословной, так и знатной составляющих. От прица Уэльского в силу вступал иной принцип: обе составляющие действовали теперь в убывающей последовательности.

Справа за Карлом двигались по порядку двадцать шестой граф Эрандел, за ним — восемнадцатый граф Оксфорд. Третья позиция в правой колонне была обозначена как предназначавшаяся маркизу Бекингеу. Любопытный момент: титул маркиза по естественным причинам был выше, чем титулы даже таких графов как Эрандел (Томас Говард) и Оксфорд (Генри де Вер), несмотря на то, что продвижение Джорджа Вилльерса к новому титулу состоялось только 4.01.1618. Его место в церемонии должно было предшествовать обеим графским позициям. При этом оба сохранившихся регламента подтверждают мнение, что Бекингем отсутствовал на траурной церемонии и был вместе с королем в Теобалдсе. При этом утвержденный в качестве замены Френсис Маннерз, граф Ратленд — шурин фаворита уступал и де Верам, и Говардам в родословной. Однако, если нарушения порядка следования среди присутствовавших на похоронах королевы баронов никак не оговаривались, то факт специального распоряжения в пользу Ратленда — документально зафиксирован.

В левой колонне шествовали Чарльз Говард, десятый граф Ноттингем, Уильям Герберт, двадцать второй граф Пемброк и затем Джон Гамильтон, первый маркиз Гамильтон и граф Эрран. Относительно предпочтения, отданного Говарду, в регламенте нет никаких пояснений. Факт — необычный, но все-таки, как представляется, весьма симптоматичный.

К моменту похорон Анны Датской Чарльз Говард помимо прочих занимал должность лорда-адмирала Англии, а Уильям Герберт — лорда-чемберлена. Официально действующий порядок следования¹³ не оговаривал отдельно позиции, которые должны были занимать лорд-адмирал Англии и лорд-чемберлен королевского

¹³ Там же. С. 272–273.

хаузхолда, поскольку в начале XVII в. эти должности занимали исключительно пэры. Как свидетельствуют факты, ранжирование пэров, занимавших такие государственные посты, осуществлялось при Якове I с учетом s. 8 парламентского акта 1539 г., известного как The House of Lords Precedence Act. В нем содержались четкие разъяснения, что лорд-адмирал Англии всегда предшествует лорд-чемберлену в том случае, если должности занимают пэры одинакового достоинства. В данном случае Говард и Герберт были графами, следовательно, их ранжирование в траурной колонне было осуществлено согласно указанному акту.

У основания гроба посередине шел глава королевских герольдов — герольдмейстер Подвязки сэр Уильям Сегар. Справа и слева от него двигались персиванты Бэтелл и Таншелл.

Катафалк королевы накрывал специально сооруженный по этому поводу балдахин, который несли разделенные на две колонны двенадцать рыцарей, расположенных в порядке убывания дат креаций. Рядом с ними в той же последовательности двигались знаменосцы, державшие так называемые надгробные знамена (bannerolles), символизировавшие родственные связи усопшей королевы. В правой колонне по порядку несли надгробные знамена Англии и Дании; Дании и Саксонии; Дании и Померании; Ольденбурга и Бранденбурга; Ольденбурга и Шлезвига; Ольденбурга и Голштейна. В левой колонне: Дании и Мекленбурга; Саксонии и Брауншвейга; Померании и Польши; Бранденбурга и Саксонии; Шлезвига и Брауншвейга; Олденбурга и Дейпхольта.

В двух крайних колоннах двигались десять рыцарей в соответствии с датами креаций, которым предстояло снять гроб с катафалка, водрузить на специально сооруженные носилки и затем внести его в часовню Генриха VIII через западные ворота.

За королевским герольдмейстером на расстоянии двадцати шагов, облаченная в черный шитый по краям золотом покров, двигалась главная скорбящая — Элтеа Тэлбот, графиня Эранделл (обер-камеристка Анны Датской). Ее траурный шлейф за оба конца поддерживали Элизабет де Вер, графиня Дерби и Франсес Сидни, графиня Сассекс; между ними шел Джордж Керью, лорд Керью из Клоптона — вице-чемберлен хаузхолда королевы. Справа и слева от главной скорбящей двигались Эдвард Сомерсет, граф Вустер

(лорд-хранитель Малой королевской печати) и Лодовик Стюарт, герцог Леннокс (любопытно, но к этому времени он был уже графом Ричмондом, 6.10.1613) — лорды скорбящие.

Графини-помощницы главной скорбящей образовывали следующую фигуру похоронной процессии. Они шествовали в четыре колонны по три особы в каждой. Вторую и третью колонны замыкали еще две графини-помощницы Катарин Клифтон, леди Обиньи и Джоан Бойл, графиня Килдар. Первая вовсе не была графиней и ее участие в траурной процессии объясняется только родственными связями ее мужа Эсме Стюарта, приходившегося вторым кузеном Якову I Стюарту. Присутствие леди Джоан Бойл — единственное для этой церемонии факт участия жены ирландского графа. Семейству Килдаров будет оказана исключительная для этой церемонии честь, поскольку помимо жены Килдара в процессии будет участвовать и его тетка — баронесса Оффали.

В первой слева колонне шли по порядку Катарин Сеймур (Гертфорд), Элизабет Кранфилд (Бриджуотер), Элизабет Уортли (Девоншир); во второй — Мэри Сидни, вдова двадцать второго графа Пемброка, Франсес Смит (Экзетер), Пенелопа Деверо (Уорвик); в третьей — Люси Гаррингтон (Бедфорд), Энн Саквилл (Дорсет), Барбра Гемидж (Лейстер); в четвертой — Элизабет Вернон (Саутгемптон), Элизабет Клинтон (Линкольн) и Мэри Бомонт, графиня Бекингем (мать маркиза Бекингема).

Женская часть процессии с точки зрения ее комплектования была наиболее непоследовательной. Мотивы, по которым формировался ее состав, остаются неизвестными. Должно быть, существовали какие-то дополнительные разъяснения, не сохранившиеся до наших дней. Этель Уильямс приводит сведения о разногласиях по поводу кандидатуры главной скорбящей¹⁴. На эту церемониальную должность претендовали изначально Элтеа Тэлбот, графиня Эрандел и Маргарет Стюарт, графиня Ноттингем. Последняя настаивала на предпочтении, основывая притязания на том, что ее муж Чарльз Говард — лорд-адмирал Англии. Но древность рода леди Элизабет, а также родословная ее мужа все-таки оказались более весомым аргументом, чем те, на которых настаивала графиня Ноттингем. Судя по всему, ранжирование женских позиций в тра-

¹⁴ *Williams E. Op. cit. P. 203.*

урной процессии было осуществлено именно с учетом каких-то дополнительных аргументов. В противном случае объяснить имевший место порядок не представляется возможным.

За графинями-помощницами следовала любимая лошадь Анны Датской Персиваль, поддерживаемая под уздцы шталмейстером королевы сэром Томасом Сомерсетом.

Выстроенная за шталмейстером фигура была составлена в основном из жен старших сыновей английских графов, шедших в три колонны по семь особ в каждой. Композиция фигуры должна была ориентироваться на определенные принципы мужского порядка.

Официальный порядок следования отдавал предпочтение только старшим сыновьям маркизов, младшим сыновьям герцогов королевской крови и старшим сыновьям маркизов, рожденных графами, которые по сложившейся традиции должны были следовать за графами, но впереди виконтов. Очевидно, что по аналогии с этими требованиями выстраивались и соответствующие женские порядки.

В процессии, двигавшейся за шталмейстером королевы, женские позиции, приравненные к виконтским, не были выделены в отдельную фигуру. За женами старших сыновей графов следовали баронессы. Согласно установленным правилам для мужского порядка, впереди баронов должны были следовать младшие сыновья герцогов, рожденные графами, но таковые на церемонии также не присутствовали.

Должно быть, отчасти в силу этих обстоятельств фигуры, предназначенные для особ перечисленных выше рангов, были попросту изъяты, а вместо них была буквально вставлена та, что описывают оба сохранившихся регламента. Состав колонны в целом органичен и знатность супругов, казалось бы, полностью соблюдена. От леди Фитцуолтер — невестки графа Сассекса (первая в левой колонне) до леди Уолден — невестки графа Саффолка (третья в правой колонне) все необходимые условности соблюдены. Но при этом складывается впечатление, что в достаточно ровный строй англичанок, видимо, составленный заранее, были сделаны более поздние и, как представляется, весьма поспешные вставки. Мотивы, которыми руководствовались организаторы, мне неизвестны.

Появление в этой части процессии Люси Перси, виконтессы Донкастер, двигавшейся первой в третьей колонне, следовательно,

обозначенной самой знатной из всех составлявших эту фигуру особ, может вызывать недоумение при том, что отсутствие других виконтесс в процессии выглядит вполне объяснимым.

К моменту похорон королевы в Англии ситуация с виконтскими достоинствами складывалась весьма особым образом. Из двух елизаветинских виконтов-англичан Томас Говард, виконт Говард из Биндона скончался в 1611 г., не оставив после себя ни наследников, ни вдовы: его титул был объявлен выморочным. Здравствующий Этайни Мария Браун, виконт Монтагю, к этому времени овдовел. Из яковитских виконтов Томас Эгертон, виконт Брэкли скончался в 1617 г., успев к тому времени похоронить свою жену. Его сын был продвинут Яковом к графскому титулу Бриджоутеров 27.03.1617. Уильям Ноллиз, виконт Уоллингфорд, шедший за графами вместе с виконтом Хаддингтоном, был вдовцом, так что единственным, женатым на тот момент английским виконтом оставался Джеймс Хэй, виконт Донкастер.

Шотландец Джон Рамзи, виконт Уоллингфорд был к тому времени вдовцом, а его соплеменник Джон Мэйтленд, виконт Лодердейл в отличие от него был женат, и отсутствие его самого и супруги на похоронах королевы, пожалуй, необъяснимо, если учитывать его особые связи с королем.

Ирландцев, как уже легко можно было убедиться, от церемонии похорон королевы Анны фактически отстранили, а виконтов не пригласили и вовсе. Ирландские тюдоровские виконты Баттевант, Маунтгаррет, Горманстон, Фермой, а также яковитские — Батлер, Пауэрзкорт были женаты и, должно быть, могли прислать жен ко двору, но приглашение не было послано, и фигура, которая предназначалась для виконтесс явно не получалась.

Видимо, поэтому леди Люси Перси оказалась первой и единственной виконтессой в фигуре, следовавшей за шталмейстером королевы. Остальные особы женского пола, представлявшие старших сыновей графов, гармонично вписывались в установленный для процессии порядок.

Второе обстоятельство, явно нарушавшее порядок следования, касалось жен шотландских лордов, включенных в эту часть процессии. Из двадцати особ, следовавших за виконтессой Донкастер, леди Сьюзан Лонгвилл (четвертая во второй колонне), леди Кланк-

ливлен (пятая в той же колонне) и Элизабет Горджес (пятая в третьей колонне) были женами сыновей шотландских лордов. Каждая из них по полагающейся процедуре должна была быть включена в отдельную колонну в соответствии с родословной их мужей или датами креаций последних и таким образом следовать в процессии. Однако позиции, которые занимают леди, разбиты по двум колоннам (второй и третьей), и осуществленное таким образом ранжирование явно предполагает нарушения.

Как отмечалось ранее, виконты Хаддингтон и Уоллингфорд следуют по отдельности и представляют два пэрских порядка в соответствии с датами возведений — обстоятельство вполне допустимое. Смещение английских и шотландских позиций в порядке следования жен старших сыновей графов — обстоятельство непривычное, необычное и вряд ли объяснимое. Не проясняет этот вопрос и следующая фигура процессии, в которой шествуют баронессы и где шотландские, английские и появляющаяся ирландская позиции — напротив не совмещены.

Баронесса Оффали — сестра Уильяма Фитцджералда, тринадцатого графа Килдара, разделившая наследственный титул Килдаров и Оффали после его смерти с племянником Джералдом Фитцджералдом, четырнадцатым графом Килдаром, была второй (помимо Джоан Бойл — жены пятнадцатого графа Килдара) представительницей этого старинного англо-ирландского рода на траурной церемонии. Энн Чичестер, баронесса Кинлосс — жена Томаса Брюса представляла третье поколение лордов Брюсов из Кинлоса. Обе баронессы шли за четырьмя колоннами, образованными двадцатью английскими баронессами и, не нарушая общего порядка, занимали отдельные позиции между третьей и второй, второй и третьей колоннами.

Последнюю значимую фигуру в процессии занимали камеристки королевы, выстроенные в три колонны по двенадцать особ в каждой, замыкавшиеся двумя фрейлинами-датчанками. Далее следовали прислуживавшие графиням-помощницам служанки; за ними — приживалки королевы Анны: датчанки Томсен, Анна-Мария, Дуппа, Сванстид, Ридер, Мюллер, француженки Лавьен, Гвильом и Тилльер. Далее двигались служанки жен старших сыновей графов. Каждая из частей, замыкавших процессию прислуги, таким обра-

зом, в очередной раз подчеркивала значимые приоритеты обозначенной ранее иерархии женских титулов. Замыкал процессию капитан королевских гвардейцев (лорд Уолден) и следовавший за ним вооруженный отряд.

Процессия, достигнув входа в часовню Генриха VII, остановилась. Началась перестройка ее рядов. Участвующие в ней слуги и знать расступились так, что главенствующей фигурой стал архиепископ Кентерберийский. Лорд Эффингем, несший знамя Норвегии, торжественно прошел вдоль расступившихся рядов и встал за графами Монтгомери и Туллибардином, державшими Большое знамя. Архиепископ Кентерберийский вместе со стоявшими за ним особами первым вошел в часовню.

Процессия сократилась так, что принц Карл и двигавшаяся за ним колесница-катафалк выдвинулись вперед. При этом королевский герольдмейстер (Уильям Сегар) и два персиванта, покинув прежние позиции, описав против часовой стрелки полукруг, обогнули тем самым гроб с телом усопшей и встали впереди наследника престола, возглавив процессию.

Балдахин, возвышавшийся над катафалком, был сдвинут и собран; двенадцать рыцарей, несших его, встали слева от входа в часовню. Рыцари, несшие надгробные знамена, разделились. Шестеро из них, начиная от сэра Кэри Реннелла, державшего знамя Англии и Дании, до сэра Ричарда Янга, несшего знамя Олденбурга и Голштейна, заняли места в той же последовательности справа от входа в часовню, а шестеро во главе с сэром Робертом Осборном, державшим знамя Дании и Мекленбурга, слева от входа.

Облегченная таким образом процессия включала герольдмейстера Подвязки, двух персивантов, следующего за ними принца Карла, катафалк, окруженный с каждой стороны графами и рыцарями, которым надлежало снять гроб с катафалка и на специальных носилках внести в часовню. Оставшаяся часть процессии сохраняла прежний состав.

Снятие гроба с колесницы-катафалка и его перемещение на носилки — одна из наименее ясных частей церемонии. Носилки были подготовлены заранее и находились где-то у входа в часовню. Возможно, именно носилки служили центром, вокруг которого выстраивались рыцари, несшие балдахин и рыцари-знаменосцы.

Э. Уильямс, упоминая эту часть ритуала, указывала, что гроб с телом усопшей королевы через западные ворота часовни был внесен графами Эранделом, Пемброком и Оксфордом, маркизами Бекингемом и Гамилтоном¹⁵. Она ошибается. Известно, что Бекингема на церемонии не было, его заменял граф Ратленд. Граф Ноттингем, возможно, гроба не нес. На момент похорон он был в очень преклонном возрасте: ему шел восемьдесят четвертый год. Так или иначе пять человек не могли нести гроб: требовался, хотя бы ради симметрии еще один человек. Уильямс этого противоречия не замечает. Складывается впечатление, что она в чем-то уподобляет описываемый процесс современному.

На самом деле графы (включая престарелого Ноттингема) и маркиз только снимали гроб с катафалка и устанавливали его на носилках. Рыцари, стоявшие слева и справа от графов, вносили гроб в часовню. Затем графы и маркиз переставляли его с носилок и устанавливали на специально сооруженный перед алтарной частью постамент. Происходившее далее полностью следовало установившейся традиции и повторяло в сокращенной форме церемониал похорон Елизаветы Тюдор.

После отпевания, совершенного архиепископом Кентерберийским, следовала церемония подношения даров усопшей. Любопытен факт, что оба сохранившихся регламента не указывают на то, что собственно подносили к гробу королевы. Обычная процедура подношения даров усопшему монарху подразумевала, что в качестве даров фигурировали покровы (лат. *pallium*; англ. *rawl* или *pall*).

Начиная с Генриха VIII, эта процедура четко регламентировалась¹⁶. Так, например, во время его похорон архиепископу Кентерберийскому было вручено в сложенном виде шесть покровов; графы получили по четыре, а бароны по два покрывала.

Нет оснований думать, что покровы в расправленном виде водружали к ногам усопшего монарха. Судя по всему, их складывали рядом на постаменте. Истоки церемонии подношения даров усопшему монарху не совсем ясны. Отчасти подношения дублировали часть коронационной процедуры, когда до инвеституры

¹⁵ Ibid. P. 204.

¹⁶ *Strype J. Op. cit. V. VI. P. 290.*

после помазания монарха облачали помимо прочих атрибутов в епископский покров.

В Англии, особенно после Реформации, эта процедура приобрела особое значение, поскольку короновавшийся становился не только светским главой государства, но и духовным главой церкви. Прощание с королем, таким образом, включало и форму обряда прощания с духовным лицом. В этом смысле подносимые покровы играли вполне определенную роль. Прощание приобретало не только скорбную форму, символизировавшую сложение определенных сакральных функций, но и обновление, знаменовавшее собой приход нового духовного владыки.

По всей видимости, определенное влияние могли оказывать и ренессансные тенденции. Pallium даровали умершим философам в знак признания их мудрости. Тюдоры значительно более предшественников использовали в символике власти атрибуты мудрости, а Стюарты настаивали на первенстве этого атрибута, считая его источником их успешного воцарения и правления. В этом смысле ренессансные аллюзии могли играть вполне значимую роль.

Если в похоронных процессиях Гериха VIII и Эдуарда VI дуализм этого символа мог быть вполне допустим, то в похоронной процессии Елизаветы подобные мотивы должны были оказаться смягченными. Покров, подносимый к ее гробу, играл, должно быть, исключительно ренессансную роль,

поскольку его сакральная функция, связываемая с женщиной-государыней, выглядела бы слишком смелой.

Анна Датская, естественно, не была Елизаветой Тюдор, но процедура подношений отрабатывалась не менее тщательно. Были ли среди даров покровы — судить не берусь. Может быть, их наличие подразумевалось, хотя и имела место ритуальная симуляция. При коронации Анна не облачалась в покров, как не облачалась в него и Елизавета Тюдор.

Регламент детально описывает действия, совершаемые участниками ритуала. Графиня Эранделл — главная скорбящая в сопровождении графов Вустера и герцога Леннокса первой подходит к постаменту с гробом Анны Датской и совершает подношение. Затем аналогичную процедуру проделывают графини-помощницы, за ними в строгой последовательности — лорд-стюард, лорд-чемберлен, ка-

значей, контролер. Джентльмены личных покоев королевы присутствуют при этом. Каждый из подносящих совершает скорбный путь вокруг гроба и возвращается на место. За всем наблюдает герольдмейстер Подвязки; он же всякий раз шествует с подносящими вокруг постамента. Принц Карл, сидящий все это время на специально отведенной скамье, наблюдает за происходящим.

После того, как первая часть обхода завершена, герольдмейстер Подвязки подходит к нему; тот встает и в сопровождении герольдмейстера подходит к гробу королевы и совершает подношение. Оставаясь в изголовье, он принимает знамена.

Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой поднимают с колен и подводят к нему графов Монтгомери и Туллибардина, несущих Большое знамя. Затем те, получив согласие принца, устанавливают его с западной стороны от постамента рядом с главной скорбящей.

После этого к нему последовательно подходят герольды и лорды, держащие знамена. Йорк поднимает с колен и подводит лорда Клиффорда со знаменем Дании в руках; Сомерсет — лорда Эффингема со знаменем Норвегии в руках; Уиндзор — лорда Хансона со знаменем Швеции в руках; Ланкастер — сэра Эндрью Кейта со знаменем Готланда; Ричмонд — сэра Фердинандо Дадли со знаменем Вандалии; Честер — сэра Роуланда Сент-Джона со знаменем Шлезвига и Голштейна. В сопровождении персивантов Красного Креста и Голубой Мантии сэр Томас Джерард подносит знамя Олденбурга и Делменхурста, а сэр Джордж Чаурт, сопровождаемый персивантами Красным Драконом и Решеткой — знамя Унии. Все знамена устанавливаются с восточной стороны от постамента.

После водружения знамен в соответствии с требованиями процедуры, принцу подносят надгробные знамена. Шесть из которых (Англии и Дании; Дании и Саксонии; Дании и Померании; Ольденбурга и Бранденбурга; Ольденбурга и Шлезвига; Ольденбурга и Голштейна) устанавливаются с южной стороны от гроба, а шесть других (Дании и Мекленбурга; Саксонии и Брауншвейга; Померании и Польши; Бранденбурга и Саксонии; Шлезвига и Брауншвейга; Олденбурга и Дейпхолта) с северной стороны от постамента.

Когда знамена и надгробные знамена расставлены, к принцу подходит герольдмейстер Подвязки и отводит его к скамье. К постаменту во второй раз подходит главная скорбящая и уже одна делает

подношение; за происходящим следит герольдмейстер Подвязки; он же сопровождает главную скорбящую на отведенное ей место.

Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой подходят к графам Вустеру и герцогу Ленноксу, поднимают их с колен, подводят к принцу. Совершив поклон принцу, они уходят на свои места.

Герольдмейстер Подвязки подходит к графам, следовавшим прежде с катафалком. Маркиз Гамилтон, графы Оксфорд, Пемброк и Эранделл встают. Ноттингем, сославшись на недомогание остается на месте; вместо него встает граф Ратленд.

Герольдмейстер Норрой подходит и поднимает с колен графинь Дерби и Сассекс.

Герольды Уиндзор, Честер, Йорк, Ричмонд, Ланкастер и Сомерсет последовательно подходят к титулованным особам и поднимают их с колен. Видимо, в этот момент происходит необходимая перестройка рядов прощающихся с королевой.

Лорд-канцлер покидает свое место и присоединяется к графам. Капитан королевских гвардейцев — лорд Уолден уходит туда, где стоят старшие сыновья графов. Лорд Керью занимает подобающее место среди баронов.

Начинается последняя часть церемонии подношений. К постаменту подходят члены Тайного совета, лорд-казначей и контролер королевского хаузхолда, два государственных секретаря (Наутон и Калверт); канцлер Казначейства (сэр Юлиус Сизар), хранитель королевских свитков (сэр Томас Филиппс) и генеральный атторней (сэр Эдуард Кок).

После завершения церемонии подношений к гробу подходят в определенной последовательности придворные королевы, каждый из которых у ее изголовья ломает символы власти над непокрытой головой. Затем герольдмейстер Подвязки провозглашает все титулы королевы. Раздаются трубы, и декан Вестминстера (Роберт Тоусон) просит публику удалиться.

В часовне остаются только принц Карл, главная скорбящая, графы, герольдмейстеры, герольды и персиванты. Около шести часов вечера гроб с телом Анны Датской был опущен в каменный саркофаг и накрыт надгробной плитой. Постамент, на котором покоились останки королевы, оставался в часовне вплоть до 12 июля, и только потом был разобран герольдами.

Е. А. ВИШЛЕНКОВА

ГЕНДЕРНЫЕ КОДЫ В ВИЗУАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ «РУССКОСТИ» (XVIII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)

Данное исследование — часть проекта, нацеленного на анализ процесса складывания русской нации как ментальной и психологической общности. Я исследую, *как* в визуальной культуре России XVIII – начала XIX века репрезентировались представления о том, кто такой *русский*, изучаю участие визуальных культурных практик в формировании этих представлений.

Поскольку термин «русский» имеет множество значений (в том числе и метафорических) во времени, пространстве и социальном контексте, то его использование в качестве аналитической категории для меня оказалось затруднительным¹. В отличие от него неологизм «русскость», которым я пользуюсь, указывает на конструктивистский характер явления и более удобен для исследовательских нужд. Сейчас он широко используется в научной и в публицистической литературе. Правда, критерии его применения авторами либо не оговариваются вовсе, либо заимствуются исключительно в литературных практиках². Мне не удалось найти категоризированного опреде-

¹ *Rowley D.* Imperial versus national discourse: the case of Russia // *Nations and Nationalism*. 2000. № 1. P. 23–42; *Kaiser R. J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.-J., 1994; *Hosking G.* Russia. People and Empire. 1552–1917. Glasgow, 1997; *Tolz V.* Inventing the Nation: Russia. L., 2001; Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.

² *Оболенская В.* Германия и немцы глазами русских. М., 2000; *Knight N.* Ethnicity, Nationality and the Masses: the Concept of Narod in Imperial Russia // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices, 1800–1950* / Ed. by D. Hoffmann and Y. Kotsonis. N.-Y., 2000; *Hudspith S.* Dostoyevsky and the Idea of Russianness: a new perspective on unity and brotherhood. L.; N.-Y., 2004; *Martin A. M.* The Invention of «Russianness» in the late 18th — early 19th Century // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 119–134; *Idem.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1960; *Slezkine Y.* Natu-

ления «русскости» ни в одном из научных сочинений. Исследователи, оперирующие им, признаются, что оно трудно поддается «словесному выражению», и потому прибегают к использованию тропов о «специфическом духовном и умственном складе русского человека», о «таинственной русской душе»³.

Под термином «русскость» я подразумеваю ментальный продукт, имеющий двойственную природу — во-первых, сконструированный широким спектром культурных практик и, прежде всего, визуальных; во-вторых, возникший как вариант самооценки, обретенной, в том числе, посредством смотрения.

Гипотезы и заключения в предлагаемом исследовании сделаны в результате анализа массовой визуальной продукции времени «дофилософского» периода в развитии национального проекта — XVIII — первой четверти XIX вв. На основе художественных альбомов, каталогов выставок, искусствоведческих исследований, а также фондов визуальных источников музеев и библиотек я создала электронную коллекцию копий графических рисунков, гравюр, медалей, монет, статуэток, рисунков на ткани и посуде, написанных на «русские темы». Они рассматриваются здесь как единый визуальный текст.

И главная проблема, с которой исследователь сталкивается в его интерпретации, — это отсутствие алгоритма для адекватного перевода символов, метафор, тропов и других лексических единиц визуального языка на язык современного научного знания. Я не являюсь специалистом в области гендерных исследований, но убеждена, что взаимоотношения «власти-подчинения» между по-

ralists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917* / Ed. by R. Brower and E. J. Lazzarini. Indiana University Press, 1997. P. 27–57; *Russianness: studies on a nation's identity: in honor of Rufus Mathewson, 1918-1978*. N.-Y., 1990; *Haarmann H. Identity in Transition: Cultural Memory, Language and Symbolic Russianness* // *Beyond boundaries: Language and Identity in contemporary Europe* / Ed. by P. Gubbins and M. Holt. N.-Y., 2002; *Hellberg-Hirn E. Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness (Nationalism in Russia)*. Aldershot, 1998.

³ *Бычков В. В. Духовно-эстетические основы русской иконы*. М., 1995. С. 7.

лами структурируют любой язык, в том числе и визуальный. Поэтому моя рабочая гипотеза состояла в предположении, что гендер может послужить одним из базовых медиумов для осуществления такого перевода.

Деконструкция визуального текста требует применения специфических методов анализа. К сожалению, изучение исследовательской литературы показало, что большинство специалистов, рассматривающих влияние отношений между полами на способы осмысления действительности, а также на ее конструирование и восприятие, сосредоточены на литературных образах. И все же при помощи информационно-поисковых систем и консультаций со специалистами⁴ удалось обнаружить несколько работ, посвященных разным историческим периодам и даже культурам, но близким по «материалу» анализа и его интерпретации⁵. С их помощью разрабатывалась методика исследования.

⁴ Статья подготовлена в рамках проекта Freedom Support Educational Partnerships Program with Eurasia Building Democracies in Multy-ethnic Societies: академическое сотрудничество КГУ и Университета Ратгерс. Инициаторами проекта являются международный ежеквартальник *Ab Imperio* и инициативные группы преподавателей КГУ и Ратгерса. Автор благодарит за консультации Александру Суприянович, Галину Орлову, Алену Гапову, Марину Могильнер, Каюо Denda, Joanna Regulska, Jennifer Jones, Barbara Balliet, Bonnie Smith, а также участников презентации данного доклада в университете Ратгерс (ноябрь 2005).

⁵ *Зверева Г. И.* Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х годов: опыт гендерного анализа // *Пол, гендер, культура*. М., 1999. С. 155–180; *Здравомыслова О.* «Русская идея» и антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 109–115; *Мальшева С. Ю.* Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре // *Адам и Ева*. 2005. № 10. С. 21–40; *Waters E.* The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917–1932 // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B. E. Clements and al. Berkeley, 1991. P. 225–242; *Bonell V. E.* The Representation of Women in Early Soviet Political Art // *Russian Review*. Vol. 50. № 3. P. 267–288; *Hilton A.* Feminism and Gender Values in Soviet Art // *Gender Restructuring in Russian Studies, Slavica Tampere* / Ed. by M. Liljestrom and al. Vol. 2. Tampere, 1993. P. 99–116; *Reid S. E.* All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s' //

Что же касается проблематики данной статьи, то в докладе на конференции «Искусство, нация и гендер» (2000) Л. Эдмонсон сформулировала ряд ключевых вопросов, встающих перед всеми исследователями «русскости». Они важны и для изучения визуального языка, поэтому я воспроизвожу их почти дословно. Каковы репрезентации феминного и национального мифов, их формы и размеры; были ли символы нации одеты или раздеты, изображены в современном виде, в виде образов классической античности или извлечены из христианской иконографии, какова их связь с более ранними ритуалами; а также как соотносятся женские образы в национальном проекте с изображенным возрастом и концептом материнства. Наконец, может быть самый трудный вопрос — как и почему ассоциации с материнством и землей стали характерными для данного общества в данное время⁶. На некоторые из этих вопросов я попытаюсь ответить в этой статье.

Российская империя

Вопрос о том — женским или мужским было лицо Российской империи — не такой банальный, как может показаться на первый взгляд. Многочисленные утверждения на этот счет, воспроизводящие языковые тропы и позднюю национальную мифологию, как правило, являются следствием личной веры говорящего. Впрочем, можно попытаться использовать их в качестве отправной точки для анализа структуры визуального языка описания империи. Итак, что

Slavic Review. 1998. Vol. 57, № 1. P. 133–173; Reid S. E. Gender and Destalinization in Soviet Reformism Painting of the Khrushchev Thaw // Gender and History. 1999. № 2. P. 276–312; Engendering Slavic Literatures / Ed. by P. Chester, S. Forrester. Indiana University Press, 1996; Russia, Women, Culture / Ed. by H. Goscilo and B. Holmgren. Indiana University Press, 1996; Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century / Ed. by I. Blom, K. Hagemann. Berg, 2000; Zwischen Kriegen: Nationen, Nationalismen und Geschlechterverhältnisse in Mittel- und Osteuropa. 1918–1939 / Ed. by J. Gehmacher, E. Harvey, S. Kemlein. Osnabruck, 2004.

⁶ Edmondson L. Putting Mother Russia in a European Context // Art, Nation and Gender: Ethnic Landscapes, Myths and Mother-Figures / Ed. by T. Cusack and S. Bhreathnach-Lynch. Edinburgh, 2003. P. 59–60.

мы имеем? В упоминаемом мною докладе Л. Эдмондсон перечислила женские образы, ставшие репрезентантами России — «Матушка Русь», «Родина-мать», Богоматерь, «Мать Сыра Земля», русалки, языческие богини, «Волга-матушка», сказочная Баба Яга⁷. Конечно, данный перечень далек от полноты и в нем проигнорированы мужские образы, но он — свидетельство наличия отечественной традиции антропоморфизации страны и, одновременно, западной традиции мистификации России.

Устойчивая тенденция «одушевлять» империю, наделяя её образы телесными и психическими свойствами определенного пола, легко прослеживается в графическом наследии интересующего нас периода. Другое дело, какие гендерные признаки присваивались Российской империи и почему. Вот эти вопросы потребуют исторической контекстуализации.

Так как визуальное воплощение абстрактных понятий требовало определенных соглашений со зрителем, отечественные художники предпочитали пользоваться готовыми и однозначно воспринимаемыми европейскими образцами. Живописцы эпохи классицизма, как правило, изображали империю в виде сидящей на скале женщины или в образе абстрактной Добродетели, а иногда Венеры.

«У Художника, — объяснял особенности визуального языка В.И. Григорович, — божества суть отвлеченные понятия в олицетворенном виде и должны сохранять свой одинаковый характер, по которому можно было бы их распознавать... Венера, например у Ваятеля есть не что иное, как изображение любви. Красавица, но исполненная более важности, нежели стыдливости, это уже не Венера, а Юнона»⁸.

Узнаваемость достигалась типизацией. Отступления от образа, любая персонализация вели к изменению символических значений.

Получая от монарха заказ на художественное произведение, прославляющее страну, многие художники брали готовые модели

⁷ Ibid. P. 54.

⁸ О пределах между Живописью и Поэзией, и о том, что сии искусства могут заимствовать одно от другаго // Журнал Изыщных Искусств. Ч. 1. Кн. 5. 1823. С. 392–393.

из справочного альбома «Символы и эмблематы» (первое амстердамское издание Генриха Ветштейна, 1705)⁹. Это была своего рода энциклопедия, структурирующая и упорядочивающая античные и средневековые символы, застывшие и канонизированные культурой барокко. Таким образом, в поиске подходящего образа для империи отечественные художники пользовались некими универсальными для европейской культуры *imago* сборниками «общих мест». И то, что в большинстве случаев они делали свой выбор в пользу женского образа, не было оригинальным. Женские по своему художественному воплощению образы были типичны в символике западноевропейских стран эпохи классицизма¹⁰.

Оригинальность отечественного воображения дала о себе знать в другом — в том, что Древняя Русь, Московское государство, Российская империя предстают в графических рисунках и медалях XVIII – первой четверти XIX вв. как разновозрастные женщины. Утверждение о древности России кодировалось художниками в образе старой Руси (её почтенный возраст показан через сгорбленность фигуры и старинные одежды). А будущее утверждалось ими в образе молодой России — стройной молодой женщины в современных одеждах.

Благодаря этому визуально российская история получила обратную перспективу — движение идет от старости к молодости. Истоки такого видения лежат, видимо, в недооформленности мыслительного образа империи и нечеткости представления о ее месте в мировой истории. А может быть, он — результат вторжения в конструирование российского прошлого идей немецкого роман-

⁹ «Символы и эмблематы» (Амстердам, 1705) с отличными гравюрами и девизами к ним на 8 языках, в том числе славяно-русском были переизданы в России в 1788 г. Н. М. Албодиком под названием «Избранные эмблемы и символы» (*Selecta Emblemata et symbola*). Следующее переиздание было сделано в 1811 г.

¹⁰ *Davies N.* Polish National Mythologies // *Myths and Nationhood* / Ed. by G. Hosking and G. Schopflin. L., 1997. P. 141–157; *Lannon F.* Women and Images of Woman in the Spanish Civil War // *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series. 1991. Vol. 1. P. 213–238; *Helmreich A.* Domesticating Britannia: Representation of the Nation in Punch: 1870–1880 // *Art, Nation and Gender*... P. 15–29; *Landes J. B.* Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca and L., 2001.

тизма, наделившего молодостью и «длинным будущим» страны европейской периферии. Да и сосредоточенность современников на настоящем делала его более значимым, что согласно традиции иконописи передавалось через наделение центрального персонажа признаками здоровья и молодости, по сравнению с персонажами периферийными.

Складываясь из разнонаправленных векторов и противоречивых символов, визуальный рассказ о судьбе России, все же имел общее направление. Исторический процесс видится в нем как личный путь женщины, как её трудная дорога с множеством развилок. Видимо, усвоенный и культивируемый в национальной идентификации образ жертвы легче и понятнее передавался через гендерные коды. Россия — гордая героиня, которая постоянно страдает от внешней агрессии. При этом она либо побеждает разбойников, либо поработанная и изнасилованная мстит обидчикам. В любом случае каждый раз она возрождается и вновь ищет свою дорогу в жизни.

В визуальном воображении она представлялась как полуобнаженное раненое женское тело, что явно имело еще и сексуальный подтекст¹¹. Специалисты в области гендерных исследований утверждают, что, рисуя обнаженную женщину, художник-мужчина конструирует свою мужественность, отыгрывает собственный властный дискурс. А историки отмечают универсальность метафоры изнасилованного женского тела в описаниях наступления армии противника¹². В качестве примера Б. Коста показал вариации ис-

¹¹ В исследуемое время было принято рисовать по «программам», то есть литературным текстам, где вербальными средствами описывались желаемые визуальные образы. Показательным примером прочтения русского прошлого в феминных образах являются протоколы Академии художеств с описаниями программ для различных классов (Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Ред. П. П. Петров. СПб., 1864.), а также трактаты П. Ю. Львова «Храм славы российских Ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803) и А. А. Писарева «Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе». (Ч. 1–2. СПб., 1807).

¹² *Harris R. The 'Child of the Barbarian': Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // Past and Present. 1993, Vol. 41 (Nov.). P. 170–206.*

пользования женского тела для символического воплощения тела нации, которое всегда испытывает опасность нападения / насилия¹³.

Итак, в истории гендерных по своему кодированию отношений с окружающим миром Россия пережила ужасы монголо-татарского ига, грудью защитив западноевропейские страны от кочевников. Её оголенное тело кровоточит от ран, нанесенных польскими захватчиками. Она всем телом пробивается к морям при Петре Великом. А в конце XVIII века империя становится величавой женщиной, распластавшейся от Атлантики до Тихого моря и создающей свой внутренний дом. Но во время войны 1812 г. в лице Москвы она вновь переживает унижение физического насилия¹⁴. С начала XIX в. в этот художественный текст российской истории вводятся моральные соблазны — искушения иностранными культурными ценностями.

Обращает на себя внимание тот факт, что не современная, а идущая из исторического далека Российская империя в визуальных текстах предстает женщиной, которая в экстремальных ситуациях проявляет силу, стойкость и решительность, то есть качества, приписываемые мужчине. А военные и дипломатические успехи России на международной арене уже откровенно сопровождалась актуализацией маскулинного образа. В таких случаях художники изображали Россию мужчиной, выбирая подходящий образ между античными ликами великих полководцев, образами славянских витязей или портретом русского императора. Если выбирался портрет монарха, то, конечно, самый узнаваемый, ставший имперсональным знаком. Античные герои заимствовались из произведений эпохи Возрождения, а образы богатырей создавались посредством копирования воинских вещей из Оружейной палаты — музея Московского кремля. Выбор символа зависел от возобладавшей в данный момент тенденции в национальной самоидентификации.

¹³ *Kosta B. Rape, Nation and Remembering History. Helke Sander's Liberators Take Liberties? // Gender and Germanness. Cultural Productions of Nation / Ed. by P. Herminghouse and M. Mueller. Providence and Oxford, 1997. P. 217–229.*

¹⁴ Образ изнасилованной Наполеоном Москвы деконструирован в исследовании *Wesling M. W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y., 2001.*

В результате, зрители видели, что, например, после разгрома Наполеона не женщина-Россия, а русский император или славянский витязь выводили из плена страдающих дев — Грецию, Францию, Европу. Так почему же визуальный образ страны в одних случаях женский, а в других — мужской? Мне видятся два (возможно их

больше) объяснения тому. Во-первых, визуальный язык обладает богатыми возможностями для передачи ситуативных реалий, что делало создаваемый образ гибким и конвертируемым. А во-вторых, возможность замены женского образа Российской империи мужским является признаком отсутствия закрепленных конвенций между зрителем и говорящих с ним творцов художественных текстов.

Видимо, одновременное существование мужского и женского, старого и юного образов

России было возможным благодаря структуре визуального языка. Его символы многозначны, и потому так трудно сказать с полной определенностью, является ли конкретный образ символом России как страны, как земли, как империи или как нации. К тому же, визуальный язык того времени не создавал нарративности, то есть преемственности и связности сюжетов. И оттого-то было возможным, что неактуальные на данный момент символы, знаки или отдельные версии просто переставали прочитываться, становились немymi частями речи. Они как бы отходили на задний фон основного повествования. Но если это так, то ключевыми для данной темы являются вопросы: когда, в какие исторические моменты происходит переструктурирование пространства визуального текста, и как это связано с национальной идентификацией: что в этой связке было причиной, а что следствием?

Далее. Визуальный язык допускает показ отношений подчинения. В националистическом дискурсе для этого чаще всего используются когнитивные возможности метафоры «семьи», берущей ис-

токи в идеализированном прошлом. Она проста для объяснения, поскольку «семейные» гендерные роли четко определены, и хотя «мать» в данной метафоре играет центральную роль, ее власть вписана в патриархальный порядок¹⁵. Впрочем, в визуальных репрезентациях России данная метафора не была универсальной.

В графических рисунках, а также в памятных медальонах отношения между Российской империей и освобожденными ею странами передавались как восхищение благородного юноши красотой зрелой женщины, на обладание которой он не покушается. В гравюрах «Освобождение Европы» и «Освобождение Франции» использовались аллегории, где Россия персонифицирована в образе юного русского императора Александра I, выводящего из рабства Францию и Европу. Видимо, этот образ — иной (маскулинный) вариант визуального воплощения юности и незрелости России как европейского политика. В последующем найденная в визуальном пространстве гендерная метафора была переведена на вербальный язык, и когда, например, в начале XX века империя вступила в I Мировую войну и испытала поражение, её неуспех описывался В. В. Розановым через метафору любовной интриги старой распутной женщины Европы с молодым неопытным юношей Россией¹⁶.

В свою очередь политический союз глав государств, где лидировала Россия, визуализировался как братское рукопожатие и воинская клятва трех одновозрастных рыцарей-мужчин. В отличие от женского образа, где доминантным является защищаемое или искушаемое тело, мужской образ репрезентировал силу, решимость, смелость — качества, необходимые для претензии Российской империи на военное и политическое лидерство. И, кроме того, рукопожатие рыцарей порождало у современных зрителей ассоциации с христианским духовным союзом.

Незакрепленность визуальных соглашений видна и при анализе гендерных метафор, воплощающих отношения между народом и верховной властью. С одной стороны, это брачный союз женщины-народа/земли/империи и мужчины-государства/императора, вы-

¹⁵ *Wenk S. Gendered Representations of the Nation's Past and Future // Gendered Nations... P. 66–67.*

¹⁶ *Розанов В. В. 1912 и 1812 годы / Публ. А. Николюкин // Историк и художник. 2005. № 1. С. 176.*

строенный по модели Церковь и Христос, где подчинение основано на добровольности, заботе и любви. Эта метафора неоднократно становилась объектом интерпретаций исследователей русских литературных и символических текстов¹⁷. В таком союзе властные отношения выглядят естественными, как плод брака. С другой стороны, империя и сама видится средством осуществления господства над русской нацией. Для визуализации данных отношений использовался геронтологический ракурс, в котором властная и опытная женщина-империя, приобретшая в силу почтенного возраста мужские черты, понукает молодой девушкой — русской нацией — то ли дочерью, то ли падчерицей.

Образ ребенка в русской визуальной культуре был тоже двойственным. Изображенный вместе с матерью он обретал семейные коннотации, поэтому в образах детей часто изображались кочевые народы Российской империи. В то же время он нес в себе дискриминационные смыслы: ребенок тот же взрослый, только недоразвитый, недоросший, недо-... Не случайно в образе маленького мальчика изображался в российских карикатурах Наполеон.

Общим местом современной историографии русского национализма является утверждение о глубокой укорененности «материнских метафор» в русском вербальном языке и литературе¹⁸. Д. Хаббс

¹⁷ *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999; *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Вып. XVIII. Тарту, 1977. С. 3–36; *Они же.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Вып. XXIV. Тарту, 1975. С. 168–254; *Hubbs J.* Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988. P. XIV; *Baehr S.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991. P. 73–74; *Wortman R.* Scenarios power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995.

¹⁸ *Heldt B.* Motherhood in a Cold Climate. The Poetry and Career of Maria Shkapskaya // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. by J. T. Costlow, S. Sandler and J. Vowles. Stanford, 1993. P. 237–254; *Goscilo H.* The Gendered Trinity of Russian Cultural Rhetoric Today — or The Glyph of the H[i]eroine // Soviet Hieroglyphics. Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia. Bloomington, 1995. P. 68–92.

и Е. Хельберг-Хён уверяют, что образы «России-матушки» были ключевыми и для визуальной культуры империи, что они столь же часто встречаются в рисунках и эмблемах как орёл, царь, православный крест и тройка¹⁹. Правда, специалисты до сих пор не договорились об истоках и уникальности этой феминной традиции. Д. Хаббс считает, что русский культ материнства был инкорпорирован в обрядовую жизнь православной церкви из славянского язычества, и что он не знает аналогов²⁰. Л. Эдмондсон, напротив, доказывает, что феминное прочтение образа земли, если не архетипично, то, во всяком случае, характерно для европейской культуры²¹.

Но есть и более глубокое, концептуальное разногласие среди исследователей. Оно касается вопроса об укорененности данных метафор в национальном самовосприятии. В новейших публикациях высказывается обоснованное сомнение относительно значимости тропа «Матушка Русь» для русской народной культуры. Например, О. Рябов и О. Здравомыслова полагают, что его значимость утверждена зарубежными писателями, ищущими оплота для «русскости» — мистического и непознаваемого «другого»²². С их точки зрения, материнские репрезентации империи как феминного объекта есть следствие утвердившейся антиномии «Россия-Запад».

Впрочем, возможно, цитируемые исследователи смотрят на тропы «русскости» сквозь призму современного националистического дискурса, сместившего акценты в осмыслении социальных реалий и изменившего ракурс зрения современников. В национализированном сознании женщина воспринимается скорее элементом, стоящим вне нации, чем ее внутренней частью²³. Нация же видится мужским братством, в которое женщины допускаются лишь для то-

¹⁹ *Hellberg-Hirn E.* Op. cit. P. 111–135; *Eadem.* Ambivalent Space: Expressions of Russian Identity // *Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture* / Ed. by J. Smith. Helsinki, 1999. P. 49.

²⁰ *Hubbs J.* Mother Russia...

²¹ *Edmondson L.* Op. cit. P. 56, 63.

²² *Рябов О.В.* «Матушка Русь»: гендерный аспект образа России в западной историософии // *Общественные науки и современностью* 2000. № 4. С. 116–122; *Рябов О.В.* «Матушка Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001; *Hellberg-Hirn E.* Ambivalent Space... P. 65–69.

²³ *Edmondson L.* Op. cit. P. 61.

го, чтобы рожать сыновей и вдохновлять мужчин. В связи с этим, воображение уравнивало феминный образ Российской империи с образами «матери земли» и «матери природы», чья хаотическая власть и сила уважаются, но контролируются правителями мужчинами.

То, что вероятность такой трансформации представлений существует, подтверждают социологические исследования. Так, анализируя академические тексты, С. Медведев показал, что в современном представлении россиянка земля, наделенная феминными признаками, символизирует объект, а не субъект власти²⁴.

Но была ли аналогичной ситуация в исследуемую мной эпоху? Ведь, например, в революционной Франции женщина была «стержнем нации» и одновременно, олицетворяла страну²⁵. Да и исследователи русского Средневековья считают весьма сомнительными утверждения о периферийной роли русских женщин в социальных отношениях и соответственно, весьма недоверчиво относятся к аутентичности таковых ассоциаций в визуальном сознании²⁶. Универсализм страдательной позиции женщины, вероятно, является не более, чем символическим соглашением, существующим на уровне риторики.

К тому же специалисты в области визуальных исследований предупреждают, что ни образ земли, ни образ матери напрямую не ассоциируются с властью. В некоторых культурах земля вообще воспринимается инертной субстанцией, ожидающей посева, нуждающейся в солнце и воде для плодородия.

Очевидно, визуальная игра возрастными главными персонажами — Российской империи и русского народа — позволяла художникам показать наличествующее, но невидимое: власть как насилие. И вместе с тем, присутствие двух кодов — гендерного и геронтологиче-

²⁴ Medvedev S. A General Theory of Russian Space: A Gay Science and Rigorous Science // *Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture* / Ed. by J. Smith. Helsinki, 1999. P. 15–47.

²⁵ Landes J. B. *Op. cit.*

²⁶ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. история изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; *Она же*. Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996; см. также ее публикации <http://isl.ksu.ru/gender.bib.htm>.

ского — отражало имевшее место быть противоречие в образном восприятии империи. С одной стороны, она олицетворяла мужское насилие, а с другой, — тотальную, почти женскую заботу. Эти ракурсы подразумевали разную интерпретацию и программировали двойственное отношение зрителя к увиденной им реальности. В дальнейшем, данная полигlossия визуального языка была унаследована языком политическим. Например, в интерпретации славянофилов материнский троп России использовался для указания на альтернативные источники аутентичности и власти для народа.

Взятая в визуальной ретроспективе Российская империя выполняет сразу несколько социальных ролей — невесты, жены, матери и даже мачехи. Концепция прошлого, настоящего и будущего страны кодировалась то в привлекательном образе молодой смущенной девушки, заставляющей зрителя умиляться её «особой красотой», «загадочностью» и «неповторимостью», а соответственно и ее исторической судьбой, а в других случаях растущая территория империи предстает телом лежащей на землях разных народов молодой и тучной женщины.

Итак, для исследуемой эпохи и культуры гендер выступал в роли естественной метафоры упорядочения мира настоящего и прошлого. Она была близка русской традиционной культуре *imago* с её натуралистичностью восприятия исторической реальности и текущей жизни. Совмещаясь с наблюдениями зрителя за естественными циклами человеческой жизни, эта школа видения порождала эффект антропоморфности империи и её истории — довольно типичный когнитивный ход. Другое дело, что при изучении его продуктов исследователь по необходимости вынужден отслеживать специфические для русской визуальной культуры мотивы и способы антропоморфизации. Предлагаю их рассмотреть на материале русских «карикатур 12-го года».

Русский народ

В прочтении российских интеллектуалов «русская нация» с самого начала (то есть с конца XVIII в. — времени автономизации данного концепта в европейском сознании) была сопряжена с кон-

цептом «народ»²⁷. В период войны России с «Великой армией» Наполеона этот сплав стал главным мировоззренческим продуктом отечественных карикатуристов. Сейчас в распоряжении исследователей находятся около 200 сатирических рисунков, сохранившихся в фондах изобразительных музеев и национальной библиотеки С.-Петербурга. Многие карикатуры изданы в альбомах в виде гравюр.

В статье, специально посвященной анализу визуальных стратегий создания «русского человека», я утверждаю, что карикатуре принадлежала ведущая роль в этом творчестве²⁸. Почему? Во-первых, потому что новые понятия обыденного мышления формируются на уровне эмоций, в переплетении образных и вербальных представлений, через метафорическое переопределение нового через знакомое и привычное старое. Они возникают как результат совмещения различных семантических пространств. А карикатура же — есть жанр, наиболее тесно работающий с визуальными метафорами. Их выделение и анализ позволяет увидеть направления в поиске русской нации, обнаружить «белые нити» и неровные края пошитого тогда изделия. Во-вторых, «карикатура 12-го года» — продукт войны, прошедшей по территории европейской России и вовлекшей в себя мирное население страны. К сегодняшнему моменту исследователи гендерных проблем и национализма пришли к выводу, что актуализация гендерной темы, также как и ускорение процессов национальной самоидентификации происходят во времена быстрых изменений, опасности или переворотов. С одной стороны, они порождают социальную активность женщин, их вовлечение в публичную сферу, с другой — обостряют общественную потребность в героях нации. В результате отмечается процесс гендеризации нации — стремление интерпретировать национальные ценности в гендерных категориях²⁹. Справедливость данного утверждения видна и при прочтении текста «карикатур 12-го года».

Сегодня сатирические листы начала XIX в. являются неотъемлемой частью российской национальной памяти. Благодаря им и по

²⁷ Knight N. Op. cit.; Sunderland W. Becoming Territorial: Ideas and Practices of Territory in 18th-Century Russia (forthcoming).

²⁸ Вишленкова Е. А. Визуальный язык описания «русскости» в XVIII — первой четверти XIX века // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 97–146.

²⁹ Edmondson L. Op. cit. P. 60.

сей день исторические представления россиянина содержат иронично-шаржированный образ француза и сказочно-величественный образ его победителя — русского человека того времени.

Для России это был первый опыт создания политической карикатуры. Инициаторами данного проекта были молодые интеллектуалы, которых объединило желание издавать патриотический журнал «Сын Отечества» (С. Уваров, И. Тимковский, А. Оленин, А. Тургенев, Н. Греч). В каждом номере журнала читатель находил короткие рассказы о подвигах народных героев. Часть из них была выдумана, часть имела реальную основу³⁰. Все рассказы стилизовались под народные былины или сказания, и к ним прилагался сатирический рисунок. Он придавал напечатанному сюжету недостающей ему реалистичности. Впервые опубликованные в журнале, рисунки затем копировались и расходились по стране большими тиражами. То есть речь идет о массовой визуальной продукции для немассового общества. Современники вспоминали, что карикатуры можно было увидеть на стенах крестьянских домов, в трактирах и на постоянных дворах, в окнах магазинов. Их можно обнаружить на посуде и тканях.

Попробуем найти ответ на один из основных для данного сюжета вопросов — кому адресовались карикатуры и для чего они рисовались? Российские историки отвечали на него однозначно — чтобы вовлечь в войну с побеждающим противником мирное население, то есть рисунки служили в качестве призыва к крестьянам. Я сомневаюсь в этом, потому что большинство карикатур были созданы тогда, когда война уже заканчивалась победой России. Думаю, что ответ на этот вопрос следует извлекать из текста карикатур, выводить из анализа их визуальных метафор.

Если мы выделим «пары» из вербальных и визуальных образов, которые использовались для интерпретации войны, то обнаружим мегаметافору, представляющую войну как борьбу мирного населения с бандитами. Поэтому на рисунках с воинами Наполеона сражается не русская армия и государство, а молодые и старые

³⁰ *Тартаковский А. Г.* Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 год. К ста пятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 233–255; Полное собрание анекдотов достопамятной войны россиян с французами. М., 1814.

женщины, крестьянские мужики, дети и старики. Метафора бандитского нападения в разных вариациях появляется в картинках вновь и вновь. Очевидно, повторение обеспечивало подсознательное признание читателем этого метафорического концепта как нормы, как естественного способа видения происходящего³¹.

При обилии конкретных воплощений, в рисунках есть два главных действующих лица — «свой», то есть русский человек, и «чужой» — совокупный европеец: француз, Наполеон, поляк, немец. Карикатура могла и искажала параметры и пропорции их тел в угоду восприятию. Так, поскольку в русской литературе бытовало утверждение, что европейцы «нежнее и сублильнее» русских³², то есть женственнее, то карикатуристы изображали «чужих» неправдоподобно высокими, худыми, сутулыми, с выраженными феминными признаками. К тому же они помещались в пространство «женской жизни»: Наполеон посажен в кадку с тестом, его воины варят вороний суп, сидят в избе, окружены детьми и стариками. Визуальные проявления феминности воспринимались зрителями как знак недееспособности врага, а также как отсутствие у него мужской чести и человеческого достоинства.

Вероятно, нарисовать русского человека оказалось труднее, чем «чужого». Это был вопрос о том, что такое «русскость», и через что можно её выразить. До появления карикатур зритель не имел четкого представления о том, каким должен быть типичный русский человек из народа. С этнографических альбомов на него смотрели манекены в традиционных одеждах или люди-функции, а в памяти жили очень разные по внешним данным, по возрасту, по образу жизни мужчины и женщины. Многие из них могли бы претендовать на статус «исконно», «подлинно», «истинно» русского человека.

Создавая тело русского народа, карикатуристы опирались не на собственные визуальные впечатления. И они не искали универсальный антропологический тип, которого у русских людей нет. Тела героев были антитезой «чужого» и служили ключом для рас-

³¹ О метафоричном характере карикатуры см: *Refaie E. E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon // Journal of Visual Culture. 2003. Vol. 2 (1).*

³² Сын Отечества. 1813. Ч. 3. № 5. С. 279.

крытия внутреннего состояния русских, того, что является подлинной основой нации, понятой как общность. В этом замысле гендерные символы и презентации служили простейшим познавательным ходом, который давал художнику инвариантный набор стратегий для производства культурных значений.

На рисунках людям из простонародья приписаны благородные манеры, созданные Галантным веком. Они добротны одеты, красивы и неустрашимы. Их фигуры пропорциональны, они стоят с высоко поднятой головой и смотрят «свысока». Опознать на рисунке, где есть несколько персонажей, русского позволяют такие внешние атрибуты как пышная борода и богатые волосы у мужчин, светлая коса и элементы традиционного этнографического костюма — у женщин. Но эти символы вспомогательные. Не они — главное.

Народные типажи на карикатурах довольно разные по внешности, одежде, полу и возрасту. Но, всматриваясь в них, глаз выделяет универсальное, присущее всем персонажам свойство. Их «русскость» передается через наличие особой, нечеловеческой силы. На нее указывают и имена героев — Сила Вихрев (то есть сила движения), Сила Богатырев (то есть сила подъема), Сила Затычкин (то есть сила удержания), бронницкий крестьянин Сила (местная сила). На рисунках казак может одной рукой держать у седла противника (Е. Корнеев «Уральский казак Сила Вихрев») или подцепить его арканом (петлей на длинном колу) и поднять высоко над землей (Ф. П. Толстой «Казак так петлей вокруг шей французов удит...»). Охотник в состоянии нести тела нескольких убитых зайцев-французов (А. Н. Оленин «Русский мужик Вавило Мороз на заячьей охоте»). Старик и подросток (в другом варианте — одна юная девушка) удерживают дверь, которую пытаются открыть многочисленные враги (И. С. Бугаевский-Благодарный «Сычевцы», И. Тербенев «Если бы французы не скакали так как крысы, то не попали бы в мышеловку Василисы»). Пожилая женщина связала и гонит нескольких молодых мужчин (С. Шифляр «Французы голодные крысы в команде у старости Василисы»). И даже задумчивая девушка в летнем сарафане сильна как мужчина, потому что может легко заколоть вооруженного врага (Е. Корнеев «Русская героиня-девица, дочь старости Василисы»). Сильное тело становится репрезентантом русской нации.

Это была удачная находка карикатуристов. Дело в том, что поскольку концепт «русский народ» изначально сопрягался с крестьянством, он почти сразу обрел женский образ и соответствующие гендерные ассоциации. В визуальном образе крестьянина, так же как и женщины, присутствовали зависимость, спонтанность, чувствительность, жертвенность, способность к страданию и состраданию. «Одно только земледельческое [сословие], — писал в 1804 г. Иван Пнин, — является в страдательном лице»³³. Его, подобную женской, объектность в визуальном языке XVIII в. демонстрируют этнографические альбомы И. Г. Георги, Ж. Б. Лепренса, Х. Г. Гейслера, Р. Портера. В них русские крестьяне — суть манекены, выставленные для рассматривания зрителем.

Видимо, использование в карикатуре крестьянских типажей порождало феминные ассоциации, которые входили в противоречие с замыслом художников. Чтобы снять данный конфликт, образы «своих» обогащались гипертрофированной силой и другими признаками маскулинности. Такая стратегия позволила визуально наделить «русский народ» субъектностью. В результате форма осталась прежней — фольклорно-этнографической, а содержание образа оказалось перекодировано.

Рассматривая сатирические листы, замечаешь, что сила русского человека — не столько физическое свойство, сколько внешнее проявление особого строя души, которую образуют крепость характера, преданность и верность, а еще разумность. В отличие от своих противников русские люди позиционируются как *настоящие* люди, то есть одаренные сознанием. Поэтому в рисунках нет образов управляющей ими власти.

Еще одним смысловым новшеством визуального концепта является то, что русский народ представлен не как типизированный объект, а как братство. Это общность людей, объединенных не внешними признаками, а «строением души». Видимо, время «жизни карикатуры 12-го года» есть момент, когда произошло осознание, что русские — это совокупные исторические агенты, наделенные единством чувств и реакций. В результате такого подхода, несмотря на незавершенность и уязвимые места созданного проекта, карика-

³³ Пнин И. Опыт просвещения относительно к России. СПб, 1804.

туристы предложили современникам проторомантическую версию «русскости» как культуры. И их версия легла в основу последующей художественной и литературной работы над телом нации.

Также как и ранее, заимствованные из античной традиции образы Геракла, Курция и Сцевола широко использовались в карикатурах для обозначения мужской смелости России-страны. Но наряду с ними появился новый «местный» герой — Василиса. Вообще-то их две — пожилая крестьянка и ее юная дочь. Образ старшей Василисы — это иллюстрация к реальной истории о том, как в одной деревне женщина захватила в плен французов. А вот её дочь (Мартынов «Партизанская война в деревне») — персонаж выдуманный, рождающий ассоциации с Василисой Микулишной. Былина о Ставре Годиновиче, одна из наиболее оригинальных в киевском цикле, была популярна среди читателей XVIII в. Согласно её сюжету молодая женщина вступает в мужской спор-состязание: переодевается мужчиной, скачет на коне, мечет стрелы, борется с дружинниками, хитростью обманывает князя.

Благодаря этим женским персонажам в визуальное братство богатырей, которое было взято из западной традиции, вводятся сестры, то есть женские характеры, которым языковая риторика приписывала дискриминационное положение.

На рисунке Е. Корнеева «Русская героиня-девица, дочь старости Васи-лисы» девушка с суровым лицом прокалывает рога-

тиной сидящего на земле мужчину в форме французского кавалериста. При этом она явно олицетворяет Россию, мстящую обидчикам — бандита́м-насилъникам. Данной визуальной парой художник заверял зрителя, что расплата настигнет любого врага, где бы он ни находился, и со-

противляться этому бесполезно. Сидящий на земле мужчина — европеец. Он вооружен, у него присутствуют все внешние атрибу-

ты маскулинности — военная форма, усы, поза, но он по-женски слаб, парализован осознанием неотвратимости возмездия.

Здесь мы снова сталкиваемся с тактикой гендерного кодирования нравственного превосходства русской нации над французской. Россия представлена образом крестьянской девушки, обладающей маскулинными качествами. Она — молода и неопытна, но сильна умом и верой. Европейская же нация воплощена образом мужчины, наделенным феминным содержанием. Конечно, побежденный враг должен быть «женоподобен», так как он «не мужчина»³⁴. Но здесь данная формула обыденного сознания усилена женским образом победителя. В противостоянии с русскими французы побеждены физически и унижены морально, ведь наполеоновский воин повержен незамужней девушкой. Ее статус показан через элементы костюма. Вместо кокошника, который с сарафаном обычно носили замужние женщины, на открытых волосах дочери старостихи девичья повязка.

Впрочем, русская женщина сильна не вообще, а только в ситуациях, когда надо показать слабость / глупость врага. На картине А. Г. Венецианова «Мадамов из Москвы выгнали» изображена «женская сцена»: русские гонят француженок. При этом француженки выглядят рыхлыми и толстыми женщинами. Их развратный нрав и укорененность в грехе переданы через вульгарные позы (прорисованные «со спины», они как бы играют крутыми, не скрытыми одеждой бедрами), немолодой возраст и напыщенные наряды (платье со множеством рюш и глубоким декольте, из-под задравшейся юбки видно нижнее белье). А гонят их веселые, одетые в традиционные русские крестьянские костюмы люди: молодая женщина в сарафане с кокошником, девочка в рубаше и мальчик. Через мимику (приветливые, задорно улыбающиеся лица), изящные жесты и скромный, опрятный костюм художник выражал нравственную чистоту русских крестьянок. Они далеки от пассивности, но и не агрессивны. В отличие от «чужих» женщин их сексуальность скрыта — и просторной, не облегающей тело одеждой, и невинными жестами. В рисунке присутствует единственный мужчина —

³⁴ Жеребкин С. Сексуальность в Украине: гендерные «политики идентификации» в эпоху казачества // Гендерные исследования. 1998. С. 228-254.

крестьянин. Но он сторонний наблюдатель и не участвует в сцене: «не мужское это дело — сражаться с женщинами».

Итак, карикатуристами были созданы эталонные модели идентификации: «чужой» — это субтильный, слабовольный, испуганный и беспомощный; а «свой» — красивый, сильный, стойкий, высококонравственный.

В сатирических рисунках встречаются не только женские, но и мужские образы сражающейся с врагом России. Видимо, это были следы классицистического представления о том, как должен выглядеть русский человек. Определяя историческое место русских в семье прочих народов, Писарев — автор «программ» для художников, пишущих на исторические темы, заявлял, что это другие народы ведут свое происхождение от мифических богов и героев, истоки же русской нации иные: «слава была колыбелью народа Руссаго, а победа вестницею бытия его»³⁵. Отсюда вытекало представление, что русский человек должен быть воплощен в образе мужчины-воина.

Однако, судя по всему, маскулинный образ не прижился в визуальном сознании людей Александровской эпохи. Это становится видно при выстраивании стеммы графических рисунков. На акварели неизвестного автора первой половины XIX в.³⁶ две карикатуры военных времён И. Тербенева (на одной образ русского народа женский, на другой, с тем же сюжетом — мужской) слиты в единую композицию. У художника был выбор, и он сделал его в пользу феминного образа. И понятно почему. Во время войны родина (motherland) предстает в двойной функции: защитой для воюющих сыновей и защищаемым объектом. Мужской образ этому двойственному положению не соответствовал. К тому же он не мог передать идею превращения многострадальной России в нового субъекта европейского сообщества.

О существовании потребности выразить эти новые внутренние ощущения свидетельствует трансформация, которую претерпевает в это же время вербальный концепт «отечество». И. Ширле, изучавшая политическую риторику данной эпохи, заметила, что во

³⁵ Писарев А. А. Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. Ч. 1. СПб., 1807. С. 10.

³⁶ До исследования Н. Гончаровой эта карикатура приписывалась И. Тербеневу.

время войны понятие «отечество» оказалось вытесненным словом «Россия», что породило неологизм «сыны России» в контраст европейскому «патриоты» и предшествующему «сыны Отечества»³⁷. Россия стала живой, действующей и требовательной субстанцией, обрела антропологический облик. И эта подмена изменила весь тезаурус понятия, повлекла за собой новую гендерную интерпретацию концептов «служение» и «верность». Видимо, образ, найденный в недрах визуального языка, оказался настолько удачным, что почти тут же был введен в политическую риторику.

После войны конвенция относительно феминного образа России стала безусловной и перешла из графики в монументальные виды искусства. Пример ее идеологического использования для «внешних» презентаций дает история иллюстративного бытования полотен А. Г. Венецианова, считающегося основателем русской национальной живописи. До сих пор его «Жатва в летнюю пору», «Весна. На пашне» и другие полотна с образами русских крестьянок воспроизводятся в учебниках по российской истории как классический пример визуальной России-нации. Аналогичный образ крестьянской девушки воплощен в предметах знаменитого «Русского фарфорового сервиза» графа Гурьева. Но еще глубже в стойкости созданной конвенции убеждает не наличие повторяющихся типизированных женских образов, а отторжение российской элитой маскулинного образа страны, который предложил в 1817 г. вернувшийся из Италии О. Кипренский.

Впрочем, утвердившиеся в визуальном языке феминные репрезентации России / русского народа (перенесенные в последующем в литературу) не очистили представление о ней от внутренней антиномии феминности-маскулинности. Для литераторов-«западников» внешняя женскость русской нации служила свидетельством присущей ей внутренней слабости, пассивности, иррациональности; для «славянофилов», напротив, — духовности и моральной силы³⁸.

³⁷ Schierle I. Syn otecestva: Der 'wahre Patriot' // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit / Ed. by P. Thiergen. Cologne, 2006. P. 347–367 (forthcoming).

³⁸ Здравомыслова О. «Русская идея» и антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109–115.

Анализ визуальных метафор, как кажется, позволяет ответить на поставленный ранее вопрос о цели и адресате карикатур. Очевидно, их появление было рефлексией элит на происходящие социальные процессы. В этом смысле правы многочисленные исследователи войны 1812 г., утверждавшие, что народный патриотизм стимулировал появление карикатур, ростопчинских афиш, солдатских песен и прочих культурных симулякров. Суммируя эти высказывания, А. Мартин писал:

«непосредственные наблюдения («с натуры») над патриотизмом крестьян стали основанием формирования концепции самобытности России и ее миссии»³⁹.

Война дала рождение новому субъекту российского общества и тем самым породила необходимость промежуточного дискурса между элитой и народом. Конечно, и до этого к русскому народу обращались. С ним говорили люди власти и представители духовенства. Но каким языком? Языком туманных манифестов и «непрозрачных» проповедей. Ни то, ни другое не требовало от адресата понимания и установления с ним диалога. В этом смысле карикатура была одной из первых попыток создания культурного медиума, изобретением аутентичного для традиционной культуры языка.

Послесловие

Нацию вызывает к жизни специфическая идеология *массовизации*, то есть формирование представлений о коллективной общности и целостности. В них генерализируется миф о единстве происхождения и утопическая возможность «общего будущего». Такая идеология используется для политической мобилизации подданных или соотечественников с целью защиты от внешних или внутренних врагов или для легитимации сложившихся институтов⁴⁰. Соответственно, если мы хотим найти истоки формирования представлений о

³⁹ Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском Вестнике» С. Н. Глинки (1808–1812) // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 90.

⁴⁰ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Сентябрь–октябрь. С. 19–21.

русской самости, нам нужно перестать игнорировать источники массовой коммуникации, каковыми в условиях неграмотной России могли быть только устное слово и визуальные тексты.

Уникальность визуального языка в деле создания и описания нации состоит в его априорной синтетичности. Принципиальная нерациональность «картинки» ограничивала её создателей в концептуализации «русскости», но позволяла им формировать и выражать ощущения современников, а исследователям русского национализма она оставляет шанс понять этап дорационального конструирования национальной самости, её пренатальный период, когда рождались тропы национального сознания. Исследуя визуальный язык, можно выявить ситуации и оценить средства порождения таких тропов, в том числе и гендерные.

В данном исследовании я стремлюсь зафиксировать многообразие художественных порождений коллективного творчества и идеологического заказа на «русскость». Дошедший до нас визуальный текст XVIII – первой четверти XIX вв. содержит богатую гамму проектов русской идентичности. Некоторые из них более совершенны и отшлифованы, некоторые остались в виде заготовок. Есть и такие, что сохраняли неизменной форму, меняя во времени внутреннее содержание. В различных исторических и культурных ситуациях актуализировались разные версии, и доминирующая не уничтожала периферийные. После появления во второй четверти XIX в. философского проекта «русскости» в деле производства национальной самости визуальный язык отошел на второй план, уступив место литературократии. Но при этом его наследница усвоила созданную визуальными средствами полигlossию «русскости».

ГЕНДЕР И ПРАВО

М. В. ГРИГЕР

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

ИНСТИТУЦИИ ГАЯ И РАЗДЕЛ «НАШИМ» МИШНЫ

Правовой статус женщины в позднеантичном обществе — давно привлекает внимание историков как за рубежом, так и в России. Обращаясь к ней, историки и правоведы чаще всего сосредотачивают внимание собственно на римском праве, не утруждаясь размышлениями о том, что на территории Римской империи оформляются и другие правовые системы, в частности еврейское талмудическое право. Нам представляется, что изучение последнего и сравнение правового положения женщины в этих двух культурах способно расширить наше представление по указанной теме.

Хотя римская и еврейская правовые культуры развивались в один исторический период, в одном географическом регионе, их сравнение затруднено тем, что они обе являются уникальными культурными явлениями, развивавшимися почти независимо друг от друга. Несмотря на значимые различия, существуют и «точки соприкосновения», а именно, сравнение может быть произведено по вопросам о видах зависимости женщин; путях освобождения из-под нее; имущества в браке; приданом; правовых возможностях независимой женщины.

При выборе источников мы руководствовались следующими критериями: они должны датироваться одним историческим периодом; содержать достаточную информацию по исследуемой проблеме, в первую очередь по семейному праву; смысловые задачи авторов источников не должны в корне различаться друг от друга. Этим критериям полностью удовлетворяют Институции Гая и Мишна.

Институции представляют собой краткий учебник римского частного права (цивильного и преторского), предназначенный для предварительного теоретического преподавания в римских юридических школах¹. Они разделены на четыре части (книги): о лицах (1), о вещах (2-3) и об исках (4). Книга Гая пользовалась огромной популярностью уже в эпоху Поздней империи².

Главным источником по еврейскому праву является для нашего исследования Мишна³, точнее ее раздел «Нашим» (נשים — женщины), где собрана большая часть семейного права. Мишна⁴ явилась результатом долгого процесса развития «галахической» (законотворческой) литературы, которая возникла в период Второго Храма, и чаще всего известна под названием Устной Традиции или Устной Торы⁵. В соответствии с мнением большинства исследователей, редакция компиляций Устной традиции началась еще во времена Второго Храма. Работа по созданию таких компиляций была усилена во времена «таннаев»⁶. Мишну отредактировал в

¹ Гурлянд И. Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль, 1894. С. 96.

² Жизнь и деятельность Гая приходится на «золотой век» правления Антонинов и может быть приблизительно датирована 120–180 гг. н.э. По всей вероятности Институции были написаны вскоре после смерти императора Антонина Пия (138–161 гг. н.э.). Будучи популярной в поздней античности, в средневековье основной текст книги был полностью утрачен. Его обнаружил в 1816 г. немецкий историк Нибур в библиотеке Веронского собора. Он открыл под текстом письма Святого Иеронима следы стертого манускрипта, написанного, судя по всему, где-то в V в. н.э. См. Кофанов Л. Л., Савельев В. А. Предисловие в книге: Гай. Институции. М., 1997. С. 6.

³ Талмуд. Мишна и Тосефта / Критич. пер. Н. Переферковича. Т. 1–5. СПб., 1899–1902; (1998) משניות מנארות. מבוארות בידי פינקס קהתי. ירושלים, ה'תשנ"ח

⁴ Некоторые исследователи выводят слово «Мишна» от еврейского корня נשׁ, т.е. повторять, а также учиться и учить. Другие считают, что от корня נשׁ (второй), что показывает стремление Р. Иегуды га-Наси сделать его Мишну второй по значимости после Торы.

⁵ Характеристику Мишны как источника см.: *Elon M. Jewish Law. History, Sources, Principles*. Transl. from the Hebrew by Bernard Auerbach and Melvin J. Sykes. Philadelphia–Jerusalem, 1994. Vol. III. P. 1042–1074.

⁶ «Таннаи» — арам. «те кто повторяют» (т.е. учат наизусть) или «те, кто учат». Термин используется в двух значениях: мудрецы, жившие в таннаический период (с первого века н.э. до 220 г.); лица, чьей функцией было

конце II века н.э. Р. Иегуда га-Наси, приблизительно через 120 лет после разрушения Храма. Книга отличалась от других галахических источников, существовавших в то время, двумя характерными чертами: ее правила записали Устный Закон как абстрактные, самостоятельные установления, без связи и отсылок к Писанию; Мишна, как общее правило, была упорядочена в соответствии с предметами и темами. Собственно текст Р. Иегуды га-Наси стал обозначаться как «Мишна» или «Наша Мишна», а все другие мишнаитские собрания, созданные до того, в то же время или в последующем, были расположены и обозначены «вне Мишны». Книга включает в себя не только закон, но также все другие аспекты иудаизма, в том числе философский материал, этические принципы и моральную проповедь. До сих пор остается спорным вопрос, какова была цель Р. Иегуды га-Наси при кодификации Мишны: была ли она неким учебником или энциклопедией, цель которой было спасти от забвения значительный пласт культурной информации; или же Мишна исполняла роль кодекса действующего права.

Правовые документы, безусловно, не отражают истинные реалии жизни, в данном случае — место женщины в обществе, к тому же правовая литература, по своей сути, достаточно консервативна. Она часто содержит правовые нормы, которые уже не действуют (а может никогда и не действовали) в постоянно меняющемся социуме. Однако по ним можно судить об идейных представлениях юристов, проблемах волновавших их в той или иной правовой сфере, возможных метаморфозах, происходивших в сознании. Принципиально важно учесть, что древние правовые системы не знали понятия «равенства перед законом», а, следовательно, и понятия «равноправия мужчин и женщин»; сам вопрос о правовом положении женщины — совершенно современная постановка проблемы.

И Мишна, и Институции Гая согласны в представлении о том, что женщина в большинстве случаев должна находиться под чьей-либо властью. Рассмотрим, какие виды зависимости выделяют правовые системы, а также виды освобождения из-под нее.

запоминание энциклопедических сведений, эти люди существовали и в более поздние времена. Мы применяем термин в первом значении.

Мишна, как и Писание, знает шесть различных статусов свободной женщины. Можно различить две основные категории, каждая из которых содержит три подкласса. Первая категория включает три вида зависимых женщин; вторая — их независимых двойников. Зависимые женщины: несовершеннолетняя девушка, контролируемая отцом; жена, под властью своего мужа; левиратная вдова, чей муж умер, не оставив наследников, переходящая к брату мужа. Три подкласса независимых женщин: совершеннолетняя дочь, вышедшая из под отцовской власти; разведенная, на которую не распространялась больше власть мужа; обычная вдова, чей умерший муж оставил наследников и таким образом спас ее от левиратных уз⁷.

Начнем анализ с правового положения несовершеннолетней девушки и возможных путей выхода из-под власти отца. Мишнаитское право выделяет несколько периодов в жизни женщины: до конца третьего года ее называли «йонкет» (יונקת — грудной ребенок); до двенадцатого — «ктана» (קטנה — маленькая); между двенадцатью и двенадцатью с половиной — «наара» (נערה — девушка), а затем — «богерет» (בוגרת — взрослая, достигшая зрелости)⁸. Возраст двенадцать с половиной лет очень важен в жизни еврейской девушки, т.к. в правовом плане, достигая этого возраста, она становится самостоятельной (Ктуб. 3, 8)⁹. До этого она находится в полной власти отца:

«Права отца на свою дочь: он распоряжается освящением ее (т.е. ее замужеством)...; он имеет право на ее находку и на произведения рук ее и на уничтожение обетов...» (Ктуб. 4, 4).

Пени за ее изнасилование или обольщение также принадлежит ее отцу (Ктуб. 4, 1). Правовые акты и имущественные сделки несовершеннолетней дочери, видимо, считались недействительными (Иев. 12, 6)¹⁰.

⁷ Wegner J. R. Chattel or Person? The status of woman in the Mishna. N.Y.—Oxford, 1988. P. 14.

⁸ Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 127.

⁹ Это видно из того, что за «богерет» не дается «кенаса» (קנס). «Кенас» выплачивался отцу за обольщение и изнасилование дочери, находящейся в его власти. Независимость «богерет» подтверждается в Нед. 10, 2, где говорится, что отец не может уничтожить ее обетов.

¹⁰ Примером служит недействительность «халицы» (חליצה — обряд «разувания», т.е. отказ от левиратного брака) малолетней.

Мишна практически не говорит нам о каких-либо специальных обязанностях дочери по отношению к отцу. Сказано лишь, что он обладает «всеми ее находками и произведениями ее рук» (Ктуб. 4, 4). Несовершеннолетняя дочь в Мишнаитской системе является, по сути, имуществом отца, *de iure* он даже не обязан ее кормить (Ктуб. 4, 6). Если отец прекращал поддерживать дочь, она, по видимому, содержалась «остатками» еды и одежды, созданными ее матерью (Ктуб. 5, 5; 5, 9). Поражаясь тому, что Мишнаитский отец мог не кормить дочерей, мы должны помнить, что общество крайне низко оценивало детей-девочек, так что даже позволяла родителю убивать их во младенчестве. Греческая и римская культуры разрешали инфантицид. Также поступала и арабская до-исламская культура, о чем свидетельствует осуждение подобной практики в Коране.

В «Нашим» описаны три случая (Нед. 11, 10), которые могут «эманципировать» девушку или женщину: стать «сиротой при жизни отца»; стать настоящей сиротой через действительную смерть отца; достигнуть совершеннолетия. Девушка ставшая *sui iuris* через любую из этих возможностей пользовалась значительно большей правоспособностью. По крайней мере, обязательный характер ее клятв служит, как и в Писании, метафорой ее независимости. Впрочем, все три выхода из-под власти отца требуют пояснений.

«Сиротой при жизни отца» называлась несовершеннолетняя дочь, успевшая овдоветь или развестись после совершения бракосочетания. Стоит отметить, что таковой она становилась только после «ниссуин», но не после «эрусин»¹¹. Если несовершеннолетняя дочь овдовела или была разведена после «эрусин», но до «ниссуин», то она возвращалась под власть отца (Ктуб. 4, 2).

Действительная смерть отца приводила лишь к частичной независимости несовершеннолетней дочери. Хотя никто не мог уничтожить ее обетов (Нед. 11, 10), и она имела право заявить «миун», т.е. отказаться от мужа предлагаемого ей матерью и братьями

¹¹ Мишнаитский бракосочетание разделено на два этапа. «Эрусин» (ארוסין) — обручение, обряд вручения символа. «Ниссуин» (נישואין) — собственно бракосочетание; между ним и «эрусин» должен пройти промежуток времени, от одного до двенадцати месяцев.

(Иев. 13, 1-2)¹², тем не менее «произведения ее рук и находки» становились собственностью ее братьев (Ктуб. 4, 1).

Совершеннолетие, наступавшее в возрасте 12,5 лет, как мы уже отмечали, выводило дочь из-под отцовской власти. Но юридический статус независимой дочери редко находил практическое применение и являл собой исключение из правил. Девочки обычно выдавались замуж до наступления половой зрелости (т.е. они переходили из-под власти отца напрямик под власть мужа). Получить независимость можно было лишь в случаях развода или вдовства¹³. В «Нашим» «богерет» является наиболее редко упоминающимся статусом женщины. Иногда он имеет отрицательную коннотацию, например, «богерет» не имеет права выходить замуж за первосвященника (Иев. 2, 4; Иев. 6, 2; Иев. 6, 4)¹⁴. Было желательно, чтобы девушка выходила замуж до наступления совершеннолетия.

Вторым основным видом зависимости женщины в Мишнаитском праве являлась власть мужа над женой. Обязанность женить сыновей и выдавать замуж дочерей лежала на отце семейства (Нед. 5, 6; 9, 2). Мужья, как мы показали выше, чаще всего выбирались для девушек, когда те были еще малолетними. До бракосочетания дочь находилась под властью отца. В промежутке между «эрусин» и «ниссуин» девушка, по-видимому, находилась в переходном состоянии — уже не под властью отца, но еще и не под полной властью мужа (Нед. 10, 1)¹⁵. После «ниссуин» она попадала под власть мужа (Ктуб. 4, 1; 4, 4-5), из-под которой освобождалась двумя путями (Иев. 2, 9; Кидд. 1, 1): при разводе и в случае смерти мужа¹⁶.

¹² Интересно, что форма «миун» подразумевает отказ от мужа, данного только матерью и братьями, но не отцом, хотя именно отец главным образом организовывал свадьбу своей дочери — Ктуб. 4, 4.

¹³ *Wegner J. R. Op. cit. P. 15.*

¹⁴ Возможно, смысл этого запрета заключался в том, что по представлениям «таннаев» к этому возрасту девушка уже проходила этап дефлорации, и становилась нечиста для первосвященника.

¹⁵ Стоит отметить, что в случае развода обрученной девицы, «гет» (גט — разводное письмо) получает не она сама, а ее отец — Гитт. 6, 2.

¹⁶ Мы не будем заострять внимание на случае левиратной вдовы вследствие его сугубой специфичности.

В римской правовой системе существовало три формы зависимости женщин (Гай 1, 109; 1, 144): *in patria potestate* (в отцовской власти), *in manu* (во власти мужа), *in tutela* (под опекой). Как мы видим, первые две формы женской зависимости соответствуют подобным формам в еврейском праве. Однако в путях выхода из-под власти и в переходе под другую форму власти в правовых системах существуют различия. Нигде у Гая не говорится о том, что девушка, достигшая совершеннолетия (для римских девушек оно наступало в возрасте 12 лет) (Гай 2, 112–113), выходит из-под власти своего отца. По закону она всю жизнь, по крайней мере пока родитель был жив, могла состоять под отеческой властью. Принцип автоматического освобождения совершеннолетней дочери, как в Мишне, в Институциях не присутствует.

Переход девушки из-под власти отца под власть мужа также как и в еврейском праве происходит при бракосочетании. Но если Мишна подразумевает, что подобный переход всегда происходит при бракосочетании, то римский брак в этом отношении неоднозначен. В браке *cum manu* жена переходила под власть мужа, в браке *sine manu* она оставалась под властью отца. Наибольшее внимание Гай уделяет браку *cum manu*, но брак *sine manu* в его представлениях также обозначен (Гай 1, 114; 1, 137a).

Автоматическое освобождение женщины происходило вследствие смерти отца или мужа и в случае их изгнания из пределов отечества (Гай 1, 137). Из под отеческой власти выходили также девушки, ставшие весталками (Гай 1, 130)¹⁷.

Смерть носителя власти и в еврейском, и в римском праве (изгнание можно приравнять к смерти, т.к. оно означало исчезновение гражданина как субъекта правовой системы) освобождало женщину из-под его опеки. Интересно, что Гай не упоминает о разводе, как о пути выхода из-под власти мужа. На наш взгляд, это объясняется тем, что форма брака *cum manu*, при которой женщина освобождалась из-под власти отца и переходила под власть супруга, в

¹⁷ Весталки — 6 жриц римской богини Весты, хранительницы вечно-го огня в ее храме. Жрицы пользовались величайшим почетом, однако давали клятву сохранения целомудрия. Нарушение этой клятвы во все времена каралось смертью.

ранней империи уже едва ли встречается¹⁸. В этом случае развод не менял статус женщины — она как была, так и оставалась под властью отца. В связи с этим развод, ничего не менявший в правовом положении персон, не особенно важен для Гая, в отличие от Мишны, где внимание к процессу развода очень велико¹⁹.

Если Мишна лишь описывает механизм освобождения из-под власти отца или мужа, задействованный в следствии смерти, бракосочетания или развода; то Институции знают правовую операцию прямо направленную на освобождение лица из-под власти. Важным видом сделки была для римских женщин *mancipatio* (формальная передача или приобретение в собственность). Хотя по сути *mancipatio* превращала лицо в имущество, в действительности, как пишет Гай, ее использовали как раз с противоположной целью — «освободить этих лиц из под своей власти» (Гай 1, 118a), т.е. дочь из под власти отца, а жену из под власти мужа. Происходило это так: отец (муж) манипировал дочь (жену), а затем продавал ее в кабалу другому лицу, а тот, по договоренности, освобождал ее посредством *vindicta* (Гай 1, 132; 1, 137a)²⁰. При этом женщину, находящуюся под властью, освобождали только по воле ее отца или мужа.

Еврейская женщина, освободившаяся от власти мужа и отца становилась полностью самостоятельной, что, наверное, было для нее благом, если она обладала имуществом и средствами к существованию. По крайней мере, Мишнаитская правовая культура начинает трактовать ее как личность, а не как чье-то имущество²¹. Правовая позиция освободившейся римской женщины менее ясна, т.к. осложняется наличием третьего вида зависимости — *tutela* (опека).

По традиционным представлениям римского права женщина, вышедшая из-под власти отца и мужа, все-таки не получала юриди-

¹⁸ *Shm T.* «Власть женщин» в ранней римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // *THESIS*. Вып. 6. М., 1994. С. 247.

¹⁹ Большая часть материала из трактатов «Ктуббот» и «Гиттин» посвящена институту развода и процессов связанных с ним.

²⁰ *Vindicta* — преторский жезл освобождения (прикосновение им к рабу служило символом отпуска на волю); отпуск на волю, освобождение.

²¹ *Wegner J. R.* *Op. cit.* P. 19.

ческую независимость, а переходила под *tutela mulierum* (опеку) или ближайшего родственника по мужской линии — агната (Гай 1, 155)²², или опекуна, специально назначенного ей отцом (Гай 1, 144) или мужем (Гай 1, 148). Опека означала, прежде всего, ограничение дееспособности в распоряжении имуществом, что было вызвано заботой о сохранении фамильного состояния, отчуждению которого необходимо было воспрепятствовать²³. Таким образом, женщине для заключения сделок, составления завещания или получения наследства требовалось согласие опекуна (Гай 1, 176; 1, 178; 1, 180; 2, 118)²⁴, только тогда эти действия становились юридически законными (Гай 3, 108; 3, 119)²⁵. Причем дочь безропотно принимала кандидатуру опекуна, выбранную отцом (Гай 1, 149), а жена имела право выбора, хотя и по предложению мужа (бывало, что выбирать приходилось из ограниченного мужем списка лиц) (Гай 1, 150–152). Очевидно, что правовой статус дочери был ниже статуса жены.

Представление о том, что женщина должна постоянно находиться под контролем опекунов-мужчин покоилось на убеждении древних римлян, что «женщины, вследствие их легкомыслия (*propter animi levitatem*) должны находиться под надзором, хотя бы они достигли полного возраста» (Гай 1, 144); в то время как мужчины освобождаются из-под опеки при достижении совершеннолетия²⁶. Однако Институции Гая свидетельствуют об изменениях, произошедших в понимании данного вопроса в римской правовой культуре ко II веку н. э. Во-первых, со времени закона Юлия и Папия Пуппея женщина получала законную возможность стать юридически независи-

²² По представлениям римской правовой культуры опекуном мог быть только мужчина. — См. Гай 1, 195.

²³ *Gardner J. F. Women in Roman Law and Society*. London; Sydney, 1986. P. 14 и далее.

²⁴ Для опекуна было выгодно, чтобы женщина находящаяся под его опекой умерла не оставив завещания, т.к. в этом случае он наследовал ее имущество. — См. Гай 1, 192.

²⁵ Вообще финансовые взаимоотношения с женщинами могли привести к серьезным потерям, т.к. за сделки совершенные без опекуна они не отвечали. — См. Гай 3, 176.

²⁶ Совершеннолетие для женщин наступало в 12 лет, а у мужчин в 14 лет. — См. Гай 2, 112–113.

мой (в качестве награды), если она рожала троих детей (Гай 1, 145; 1, 194)²⁷. Во-вторых, император Клавдий отменил традиционную опеку женщин со стороны агнатов (Гай 1, 157; 1, 171). В-третьих, во времена Гая, большое значение для женщин получила фидуциарная купля. С помощью нее женщины могли не только вступать в брак без перехода под власть мужа, но она позволяла женщинам сменить опекунов (правда с их согласия) (Гай 1, 115) и получить новых, часто фиктивных²⁸. Кроме того, Гай пишет, что *coemptio* раньше была необходима женщинам для получения права составлять завещание, но в его время эта необходимость отпала, так как Адриан «отменил эту необходимость совершить коэмпцию, ибо теперь закон смотрит на женщин, как если бы они совершили коэмпцию» (Гай 1, 115 а)²⁹. Таким образом, свободная женщина без опеки или, скорее с фиктивной опекой, обладала правом составлять завещание.

Интересно, что под сомнение встал сам довод древних римлян относительно «легкомысленности» совершеннолетних женщин, который служил основанием для тотальной опеки. Вот рассуждения Гая по этому поводу:

«Но кажется, что назначение опеки над женщинами, достигшими совершеннолетия, не имеет справедливого основания, ибо, по общему мнению, женщины состоят под опекою лишь потому, что, по своему легкомыслию, подвергаются большей частью обману, а потому было бы справедливым, чтобы они оставались под надзором опекунов. Последний довод однако кажется скорее мнимый нежели действительный; ибо женщины ведь, достигшие совершеннолетия, сами занимаются своими делами, а в некоторых случаях опекун только для формы изъявляет свое согласие; часто опекун даже против своей воли принуждается претором давать соизволение» (Гай 1, 190).

²⁷ Вольноотпущеннице необходимо было родить четверых детей, чтобы выйти из-под опеки патрона.

²⁸ Т.н. фидуциарная опека — Гай 1, 166. Женщина могла даже принуждать их дать согласие для заключения юридических актов. — См. Гай 2, 122.

²⁹ См. также Гай 2, 112.

Так Гай практически констатирует отмирание института опекуна над взрослыми женщинами. Даже в тех случаях, когда это опекуноство формально сохраняется, оно носит фиктивный характер. Следствием изменения института опекуна по признаку пола стало расширение имущественной и деловой правоспособности женщин. Оно увеличило свободу действий для той группы женщин, которые располагали имуществом и не находились ни под властью отца, ни под *manus* супруга³⁰.

Институт опекуна широко представлен в правовом материале Институций. Хотя сущность этого института была утрачена к временам Гая, само его наличие отличает римскую и еврейскую правовые системы. Мишна не знает ничего подобного. Интересно, что впоследствии рабби Вавилонского Талмуда называли женщин «неустойчивыми» (фактически «легко мыслящие»), что в ивритском выражении выглядит дословным переводом с латыни, а именно קלה דעת (Б. Шаб. 33b; Б. Кид. 80b)³¹. Возможно, эта терминология была результатом самостоятельного развития, но вполне вероятно, что здесь присутствует влияние римского закона, поскольку ивритская формула странно неестественна и похожа на грубую попытку перевода латинской абстракции в конкретный гебраизм³².

Обе правовые культуры согласны, что женщина большую часть жизни должна находиться под властью мужчин. Однако Мишнаитская система однозначно признает существование статуса независимой женщины. Это — традиционные представления о независимой женщине, такие же присутствуют и в Писании. По этим представлениям основными типами независимой женщины были разведенные и вдовы, последние видимо обладали наибольшей степенью независимости и признания в рамках этой правовой культуры³³.

³⁰ *Шнем Т.* Указ. соч. С. 247.

³¹ Вавилонский Талмуд. Издание Штейнзальца. Антология Агады. Т. 1. М., 2001; (1984) ברכות. מבואר מתורגם ע"י הרב עדין שטיינזלץ. ירושלים, תשמ"ד (1984) תלמוד בבלי. מסכת

³² *Wegner J. R.* Op. cit. P. 236.

³³ Примером может служить, например, архив Бабаты — еврейской матроны жившей в пер. пол. II в. н.э., которая владела землей и руководила своей многочисленной семьей (См. *Милденберг Л.* Бар-Кохба — монеты и доку-

Древняя правовая культура римлян придерживалась концепции постоянной зависимости женщины. Но ко времени Гая отношение к ней изменилось, общая динамика развития права свидетельствовала о признании существования независимого статуса женщины. Поэтому в римской правовой системе наличествуют нетрадиционные пути освобождения женщины: эманципация, «право трех детей», ослабление института опеки.

Наличие статуса независимой женщины не должно приводить нас к выводу о равенстве в правах этих женщин со свободными мужчинами, в действительности это было не так. Лишь сравнив имущественные права зависимой и независимой женщин в правовых системах, мы поймем реальные отличия их прав и возможностей.

Обе правовые системы признают за женщинами право обладать собственностью. В большей степени это относится к независимым женщинам, так как зависимые, хоть и обладают имуществом, ограничены в праве распоряжаться им. Рассмотрим, каковы источники происхождения женского состояния. Ни римское, ни еврейское право практически ничего не говорят об имуществе дочери, находящейся под властью отца. По Институциям Гая, если дочь находится в отцовской власти, то все приобретенные ей вещи становятся собственностью отца (Гай 2, 87). Подобное правило можно наблюдать и в Мишне, где говорится, что отец «имеет право на находку и на произведения рук» (Ктуб. 4, 4)³⁴ дочери.

Основным путем получения имущества женщиной, не связанным с ее браком, было наследство. По римскому закону, дочери имели равные права с сыновьями на получение наследства (*hereditas*) от отца (или деда) (Гай 2, 124; 2, 156). И если раньше, по видимому, это право было связано с подвластным положением дочери, то ко времени Гая эта связь была размыта, так что и эманципированная дочь могла претендовать на получение наследства

менты // Евреи в Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н.э.). Тель-Авив, 1999. С. 322.). В родственной еврейской арабской, до-исламской культуре видимо было схожее отношение к вдовам, что иллюстрирует случай первой жены Мухаммеда — Хадиджи.

³⁴ Здесь несовершеннолетняя дочь вообще не может быть обладателем собственностью. См.: *Wegner J. R. Op. cit. P. 33.*

(Гай 2, 126)³⁵. Посредством института завещания (*testamentum*), которому Гай уделяет довольно много внимания, дочь могла, как лишиться наследства отца (Гай 2, 132), так и получить его от постороннего завещателя³⁶.

В правовой системе «Нашим» институт завещания отсутствует. В еврейском праве сыновья, но не дочери являются наследниками отца (Ктуб. 13, 3). В случае смерти родителя дочери получают право жить и питаться в его доме до момента их замужества (Ктуб. 4, 11). Как уже отмечалось, отец не обязан содержать дочь, если только подобная обязанность не была возложена на него брачным договором (Ктуб. 12, 1).

Итак, можно сделать вывод, что в римской правовой системе дочь была сильно связана имущественными отношениями с семьей своего отца, в то время как в Мишнаитской системе эта связь была значительно слабее. Все ожидания, по получению имущества еврейская девушка должна была связывать со своим браком.

Говоря об имущественных правах женщин в браке, необходимо еще раз отметить, что правовые системы не всегда согласуются между собой в правовых институтах. Например, нам трудно говорить о правах еврейской женщины, не сказав ни слова о «кетубе», хотя подобного института не наблюдается в римском праве, и таким образом отсутствует возможность для прямого сравнения. Вкратце рассмотрим, что собой представлял этот правовой институт.

Еврейская традиция связывает появление «кетубы» с законодательной деятельностью Шимона бен Шетаха (начало I века до н.э.). Возможно институт «кетубы» был заимствован из правовой культуры эллинистического Египта³⁷. Так или иначе, это был новое явление в еврейской правовой культуре, не имеющее корней в Танахе³⁸. В Мишнаитском брачном законодательстве «кетубе» (כְּתוּבָה — брачный договор) отводится значительное место. Очень часто «ке-

³⁵ Это возможно не за счет гражданского (Гай 3, 19), а за счет преторского права. — См. Гай 2, 135; 3, 26, 66.

³⁶ Например, от матери — Гай 2, 161.

³⁷ *Levin L. I. Judaism and Hellenism in Antiquity. Conflict or Confluence?*, Washington, 1998. P. 116–119.

³⁸ *Neusner J. The Evidence of the Mishna. BJS 129. Atlanta, 1988. P. 191.*

туба» также понимается как определенная сумма денег, которую муж обязался выплатить жене в случае развода. «Кетубам» посвящен второй трактат раздела «Нашим» — «Ктуббот».

Размер «кетубы» был связан с происхождением жены — израильтянка она или прозелитка или вольноотпущенница; вдова она или девица (Ктуб. 1, 2–5). Также размер «кетубы» зависел от суммы приданого, попавшего в руки мужа при бракосочетании (Ктуб. 6, 3–5). «Кетуба» была обязательной стороной брака, если муж не выписывал жене кетубу, то она взыскивала ее через «бейт-дин» (суд) (Ктуб. 4, 7). К выплате «кетубы» Мишна относится очень строго, наставляя мужа: «...хотя бы тебе нужно было продать волосы с головы твоей, и тогда ты обязан выдать ей кетубу» (Нед. 9, 5). Впрочем, мудрецы советовали мужу оплачивать «кетубу» самой плохой частью от принадлежащего ему имущества (Гитт. 5, 1).

Институции Гая не знают «кетубы», но они сообщают о более традиционном брачном институте — приданом. О приданом говорит и Мишна. В римском праве при заключении брака имущество определенное как приданое (*dos*) становится собственностью мужа³⁹. Однако Гай пишет, что согласно Юлиеву закону «запрещается мужу отчуждать приданое, недвижимое имущество (*dotale praedium*) против воли жены» (Гай 2, 63). Здесь возникают три вопроса. Первый, который зафиксировал сам Гай: «относится ли этот закон только к италийским недвижимым имуществам, или также к провинциальным передвижным участкам» (Гай 2, 63). Второй — подтвердил ли закон Юлия (время правления императора Августа) уже существующее правило, или, наоборот, ввел новое. Третий — становилось ли приданое собственностью мужа в браке *sine manu*, или же это происходило только в браке *cum manu*. Первый вопрос не столь важен сам по себе, но скорее в рамках ответа на второй вопрос. Поскольку Гай спрашивает — ко всем ли имуществам относится закон, то можно с большой вероятностью предположить, что закон являлся нововведением, и ранее муж мог законно распоряжаться приданным и против воли жены. Ответ на третий вопрос

³⁹ Вернее он только пользуется плодами от этого имущества на время брака. — См. Павел 2, 22, 1. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. М., 1998.

менее очевиден, т.к. не всегда понятно какой из двух видов брака имел в виду Гай. К тому же, как отметил Гурлянд, Гай в целом обделил вниманием институт *dos*⁴⁰.

После развода приданое должно было быть возвращено жене. Если этого не происходило, то жена могла истребовать его себе через суд путем иска (Гай 4, 62). После смерти жены приданое оставалось в распоряжении мужа, если к этому времени умер отец жены, или же приданое было дано другим лицом (т.н. «случайное» приданое). Если отец жены еще был жив, то большая часть приданого уходила к нему, а меньшая «на вечное время сохраняющаяся за каждым из детей, оставалась у мужа» (Ульп. 6, 4). Муж мог удержать часть приданого, на ту стоимость, которую он потратил на похороны жены (Павел 1, 21, 11).

В разделе «Нашим» приданое является одним из путей получения женщиной имущества, но если в Библейской правовой системе приданое было главным таким путем, то в Мишнаитские времена основным путем становится «кетуба». Интерес к институту приданого у создателей Мишны значительно меньше, чем к институту «кетубы».

Приданое рассматривается в небольшом отрывке трактата «Ктуббот». В нем говорилось, что сумму приданного и лицо, которому оно дается (т.е. жениха), определяет только отец невесты (Ктуб. 6, 2). Фиксировалась минимальная сумма приданого (Ктуб. 6, 5). Самое важное заключалось в том, что сумма приданого входила в «кетубу» и влияла на размер остальной ее части (Ктуб. 6, 3). В отличие от Институций, Мишна не говорит об институте, подобном римскому «случайному» приданому. Упоминается лишь замужество сироты без отца, за которую приданое платится из «кассы благотворительности» (Ктуб. 6, 5).

В римском праве после развода или смерти жены приданое отходило к ней или к ее отцу (Ульп. 6, 4; 6, 6), «случайное» приданое оставалось в собственности мужа (Ульп. 6, 5)⁴¹. В Мишнаитском праве приданное, формально остававшееся собственностью жены, т.н. имущество «цон барзел», в действительности переходило

⁴⁰ Гурлянд И. Указ. соч. С. 123.

⁴¹ Если только оно не было «рецепторным».

ло в полное распоряжение мужа. В случае прекращения брака стоимость приданого входила в «кетубу» (Ктуб. 6, 3), которую получала жена или ее наследники. В обеих правовых системах приданое на время брака становилось собственностью мужа, но при этом не теряло определенной принадлежности к имущественным правам жены и ее семьи.

Помимо приданого женщины могли иметь и другие виды имущества. Мишнаитская система делит имущество женщины в браке на две большие категории: имущество «цон барзел» и имущество «мелог» (Иев. 7, 1)⁴². «Цон барзел», как уже говорилось, — приданое, которое принесла жена; фактически принадлежит мужу, но стоимость его входила в «кетубу». Имущество «мелог» делится на две основные части.

Первая часть составляет имущество, полученное женой после бракосочетания в результате дарения, наследования или приобретения. Все это имущество муж должен перевести в недвижимость (Ктуб. 8, 3–5), доходами от которой он пользуется на всем протяжении брака (Ктуб. 6, 1). Однако он является лишь временным пользователем этой недвижимости и не может им распоряжаться, т.к. сказано:

«если что куплено у мужа, а затем куплено у жены, то купля не действительна, а если куплено у жены, а затем у мужа, то сделка действительна» (Гитт. 5, 6).

Таким образом, потенциальный покупатель этой недвижимости должен был сначала получить согласие жены (истинного владельца), а затем только покупать его у мужа (пользователя). С другой стороны жена также не могла продавать и дарить это имущество без согласия мужа, если такая сделка совершалась, то она считалась недействительной (Ктуб. 8, 1).

Вторая часть имущества «мелог» — имущество жены в полном смысле этого слова, муж не имеет на него никаких прав, жена может им распоряжаться и ее сделка будет действительной. Правовая природа данного вида имущества «таннаями» четко не определена, ясно, что это имущество досталось жене до брака, но не было частью приданого (Ктуб. 8, 1). Некоторую ясность вносит здесь мнение р. Си-

⁴² Здесь используется комментарий данный Переферковичем.

мона (Ктуб. 8, 2), представляющее отдельный интерес. Его критерий надления жены контролем над ее собственностью состоит не во времени приобретения женой собственности, а в том, знает ли муж о ее существовании. Муж может контролировать только те предметы, о существовании которых он знает. Симон полагает, что мужчина женился на данной женщине, принимая во внимание свое право на узуфрукт. Естественно он не может так думать о собственности, о которой ничего не знает. Более того, «собственность известная мужу» означает собственность невесты (только совершеннолетней женщины), которую она решила доверить ему, указывая ее в брачном соглашении. Таким образом, контроль мужа зависит от брачного соглашения между мужем и женой⁴³.

От брачного контракта («кетубы») зависит очень многое, если не все в имущественном положении женщины в браке, но условия брачного контракта сильно зависели от имущественного статуса ее отца, при условии ее несовершеннолетия, или от нее самой, в случае ее самостоятельности. Чем выше был этот статус, тем больше имущественных прав имела жена в браке. Особые условия в «кетубе» могли навязать мужу отказ от права пользования над имуществом «мелог» (Ктуб. 9, 1). В случае неравного брака, брачный контракт мог включать условие, согласно которому муж был просто работником в хозяйстве своей жены (Кидд. 3, 6).

«Кетуба» выступает институтом, гарантирующим имущественную независимость женщин в браке, особенно богатых женщин (например, вдов) или женщин из имущественных семей. Однако для большинства женщин из простонародья «кетуба» была не столько гарантией независимости, сколько, наоборот, гарантом сохранения брака⁴⁴, ибо в античном мире для женщины из низших классов брак был лучшим способом выживания, что понимали уже древние мудрецы, говоря, что брак повышает права женщины (Гитт. 1, 6).

В римском браке *cum manu* вся собственность жены переходит к мужу (Гай 2, 98; 3, 83). Происходит это вследствие того, что в браке *cum manu* жена «приобретает права дочери» (Гай 1, 115b) своего

⁴³ *Wegner J. R. Op. cit. P. 90.*

⁴⁴ *Moor G. F. Judaism in the first centuries of the Christian era. The age of the Tannaim. Voll. II. Cambridge; Harvard University Press, 1932. P. 122.*

мужа, в то время как муж получает право власти над женой, как над своей дочерью. Поэтому власть мужа-собственника подобна власти отца-собственника — все имущество, которое получает или приобретает женщина, находящаяся в их власти, становится их собственностью: «так как находящийся в нашей власти ничего своего иметь не может» (Гай 2, 87).

Однако, как мы уже отмечали, форма брака *cum manu* в ранней империи уже едва ли встречается⁴⁵, общепринятой стала форма брака *sine manu*. В этом браке жена не переходила под власть мужа, существовало разделение имущества между супругами, женщина имела права наследования в семье своего отца, в то время как никаких притязаний на наследство между мужем и женой не могло быть⁴⁶. Имущественные отношения в подобном браке Гая не интересуют⁴⁷, так как все просто — у мужа своя собственность, у жены — своя (или та, что принадлежит ее отцу). Таким образом, имущественные возможности женщины в браке *sine manu* определялись следующим: 1) освободилась ли она из-под власти отца; 2) обладает ли она достаточным имуществом (самый очевидный путь получения имущества женщиной — наследование после смерти отца (Гай 2, 124; 2, 156)).

Подводя итог теме имущественных прав женщин, пребывающих в браке, необходимо отметить следующее. Динамика развития обеих правовых систем показывает рост правоспособности женщины в браке: в еврейском праве это происходит за счет появления института брачного договора — «кетубы», в римском — за счет преобладания брака *sine manu* над браком *cum manu*. Общим является то, что рост подобных правовых возможностей имеет значение главным образом для женщин из высших классов. Увеличение имущественных прав женщин в обеих правовых системах может являться отражением общего для этого времени явления в средиземноморской культуре. Правовая культура в большей степени на-

⁴⁵ *Shnem T.* Указ. соч. С. 247.

⁴⁶ *Treggiari S.* Roman marriage. *Justi coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian.* Oxford, 1991. P. 32 и далее.

⁴⁷ В том числе, как нами уже отмечалось, Гая не интересует приданое (*dos*) — единственный имущественный институт, традиционно связывающий мужа и жену.

чинает оперировать не категориями общины и семьи (которую олицетворяет глава семейства — *paterfamilias*), а категорией индивида. Хотя женщины никогда не добивались равенства с мужчинами, т.е. не становились свободными гражданами, они могли получить больше самостоятельности в обществе индивидов, чем они имели ее в традиционной семейной общине.

Переход к форме брака *sine manu* показывает, что римская женщина была все больше связана имущественными отношениями с семьей отца, но не с семьей мужа. Подобное явление не могло не сказаться на крепости брачного союза. Появление института «кетубы» в еврейском брачном законе, наоборот, укрепляет имущественные взаимоотношения мужа и жены и соответственно силу брака.

Перейдем теперь к теме имущественных прав независимых женщин. Мы уже выяснили, что и римская и еврейская правовые системы признавали существование независимого статуса женщины. В еврейском праве независимостью традиционно обладали совершеннолетние («богерет»), разведенные и, главным образом, вдовы. В римском праве таким традиционным статусом независимости обладали лишь жрицы-весталки (Гай 1, 130). Однако мы знаем, что во времена Римской империи с распространением института эманципации и брака *sine manu*, использованием так называемых *coemptio tutelae evitandae causa* и *coemptio testamenti faciendi gratia*⁴⁸, освобождением от опеки женщин, имеющих трех детей по закону Юлия и Папия Поппея 18 г. до н.э. — 9 г. н.э., римская женщина получила возможность стать независимой, самостоятельно распоряжаться имуществом, составлять завещание. Очевидно, что моделью для расширения привилегий женщин были весталки⁴⁹. Ко

⁴⁸ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 309.

⁴⁹ Lidner M. *Infula and Turban: Iconographic interchange in Roman womens hair styles of the second century AD* // *The American Journal of Archaeology*. 100. 1996. P. 393–394. Исследовательница продемонстрировала, что во II в. н.э. головной убор весталок вдохновлял стиль причесок их современниц, в числе которых были и представительницы императорского дома. Это, как считает М. Линднер, доказывает, что императрицы II и начала III в. конструировали свою идентичность посредством сознательных отсылок к головному убору весталок.

времени Августа на практике римская женщина могла воспользоваться теми же правами, что и жрица Весты⁵⁰.

Основным видом получения имущества римской женщиной было наследство со стороны отца (Гай 2, 124; 2, 156), причем, как мы уже отмечали, получить наследство могла и эманципированная дочь (Гай 2, 126)⁵¹. Право на получение наследства от мужа жена получала только при переходе под его власть: «Ибо, если вообще по какой-либо причине жена будет под супружеской властью, то принято, что она приобретает права дочери» (Гай 1, 115 b) — и только в качестве дочери она получает право наследовать от него (Гай 2, 139; Гай 3, 3). Следовательно, в случае смерти мужа в браке *sine manu* жена не претендовала на наследство с его стороны.

По старым представлениям (закон Вокония — 169 г. до н.э.) женщина не могла получать очень крупное наследство. Тем не менее ко II веку н.э. получение женщиной значительного имущества видимо уже не вызывало протестов, и право давало возможность обойти этот ограничительный закон (Гай 2, 274)⁵². Другим путем получения женщиной имущества было возвращение приданого из собственности мужа. Если мужчина не собирался возвращать приданое после окончания брака, то женщина могла истребовать его через суд путем иска (Гай 4, 62).

Необходимо подчеркнуть разницу между подвластной женщиной и женщиной *sui iuris*, которая была в праве отвечать за свои экономические действия. Судя по всему, женщина, находящаяся под властью, не несла ответственности за данные финансовые обязательства (Гай 3, 104), например — за возвращение долга. Видимо такие сделки считались не совсем законными, но, впрочем, и «владелец» женщины не нес за них ответственности. Таким образом, тот, кто давал деньги в долг такой женщине в достаточной степени рисковал

⁵⁰ Смирнова О. П. Культ Весты в римском обществе: зеркало и модель // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2003. № 6. С. 49–50.

⁵¹ Это возможно не за счет цивильного (Гай 3, 19), а за счет преторского права. — См. Гай 2, 135; 3, 26; 3, 66.

⁵² Дион Кассий говорит об Августе, что тот, в противоположность закону Вокония, позволил некоторым женщинам наследовать большие суммы (LVI, 10).

(т.к., по гражданскому праву такой долг считался погашенным), хотя преторское право помогало ему в этой ситуации (Гай 3, 84; 3, 91; 4, 38, 80). Подвластная женщина не способна к самостоятельным юридическим действиям, например, вчинять иск (Гай 3, 114).

С другой стороны к юридическим действиям способна самостоятельная женщина или состоящая под опекой, с согласия опекуна (который часто был фиктивным). Гай отмечает способность женщины совершать финансовые операции, такие, например, как дача денег в долг. Причем эта операция считается вполне законной и без согласия опекуна женщины (Гай 2, 85)⁵³. Она правоспособна, через долговой иск, вернуть свои деньги, если должник не выполнил определенные обязательства (Гай 2, 82)⁵⁴. Здесь Институции говорят о праве женщины затевать судебное разбирательство с целью обезопасить свое имущество.

Еще одним примером расширения правовых возможностей женщин из имущественных классов является увеличение прав дочери патрона и его жены на часть наследства вольноотпущенников (Гай 3, 44–51). Это движение в сторону расширения прав происходит в имперский период за счет преторского права. Преторское право сыграло важную роль в росте имущественных возможностей римской женщины. Оно базировалось на идее *aequitas*, которая противостояла несовершенной *ius*. От Аристотеля римские правоведы восприняли идею противопоставления позитивного права справедливости, выражая последнее понятие термином *aequitas* (калька с греческого *ἠπιείκεια* — справедливость в отличие от официально установленного права). Если прежде *ius* и *aequum* были синонимами и «*aequum est*» означало «*ius (iustum) est*», выражая идею нормального, правильного, соответственного, — то теперь *ius* воспринимается как нечто установленное и жесткое, что может не всегда отвечать естественному порядку вещей, тогда как «*aequum*»

⁵³ Тем не менее, для вчинения исков, тяжб в суде, дачи различного рода обязательств женщине было необходимо формальное удостоверение опекуна. — Ульп. 11, 27.

⁵⁴ Юлий Павел отмечает, что «женщине в ее собственном деле не запрещено представлять свои интересы на судебном процессе. — Павел 1, 2, 2.

получает этический оттенок смысла и выступает в сочетании «bonum et aequum» («доброе и справедливое»)⁵⁵.

Такое расхождение *ius* и *aequum*, вызвало рождение параллельной *ius civilis* системы права. Сформировалась особая нормативная система — *ius honorarium* (*praetorium*). Она развивалась на основе эдиктов магистратов, главным образом преторов. Обладая *imperium* (высшей публичной и военной властью), преторы могли вводить экстраординарные правовые нормы, не соответствующие *ius civilis*. Каждый год они издавали принципы *iurisdictio*, которые они в течение года будут предоставлять для защиты тех или иных отношений (Гай 1, 6). Так, постепенно, к I в. н. э., сформировалась основа постоянного текста эдикта — *edictum tralaticium*. В эпоху принципата гражданское и преторское право в процессе взаимодействия медленно сближаются, образуя единую систему права (I., 2, 10, 3), что хорошо заметно на примере Институций Гая.

Таким образом, расширение имущественных возможностей женщин происходит за счет преторского права, основной идеей которого являлась *aequitas* — справедливость. Несправедливость традиционного закона (*ius civilis*) по отношению к женщине компенсировалась преторским правом (*ius praetorium*), что также иллюстрирует процесс атомизации античного общества, которого больше не устраивают традиционные общинные представления гражданского права.

Институт преторов — явление специфически римское. О существовании подобного (или схожего с ним) в общественной структуре Иудеи нам не известно. Поэтому правильно будет говорить, что эдикты магистратов — «чисто римский источник права»⁵⁶. Еврейское общество, также формировавшее культуру античности, претерпевало схожие с римским процессы. Расширение правового поля шло за счет законотворческой деятельности «таннаев».

Действительно, как отмечает Ньуснер:

⁵⁵ Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1996. С. 29.

⁵⁶ Римское частное право / Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1998. С. 26.

«Основной фокус Мишнаитской системы “Нашим”, с его острым интересом к регуляции перехода женщины от отца к мужу, вместе со всеми соответствующими документами, и к переходу собственности из владения отца к мужу и назад, к отцу или разведенной, не имеет соответствия в Писании»⁵⁷.

Женщина, которую традиционная правовая система (в данном случае Писание) не представляет в роли собственника, в изменившемся обществе начинает играть эту роль. Создатели Мишны пытаются решить появившуюся проблему путем ввода института «кетубы» (по которому жена получает собственность в браке) и дарования независимой женщине определенных прав собственника. Эти права мы и рассмотрим далее.

Мишнаитская система выделяет три вида независимых женщин (Нед. 10, 2; 11, 9–10; Нид. 5, 7)⁵⁸: «богерет», разведенная и вдова. Еврейская женщина не обладала правом наследования имущества отца (Ктуб. 13, 3), поэтому, как уже говорилось, все ее возможности получения имущества были связаны с браком. Статус независимой совершеннолетней дочери («богерет») и так выглядевший гипотетическим, представляется в данных обстоятельствах вообще плачевным.

Разведенная и вдова претендовали по прекращении брака на часть имущества мужа, которая входила в их «кетубу», но не более того (Ктуб. 9, 3). Хотя за время брака они могли обзавестись собственным имуществом (т.н. имущество «мелог»), которое по окончании брака также переходило в их распоряжение.

Правовой статус вдовы в Мишнаитской системе был предпочтительнее статуса разведенной. Во-первых, Мишна давала мужу множество возможностей развестись со своей женой, не выплачивая ей «кетубу» (Ктуб. 7, 6–7; Сота 1, 5). Во-вторых, факт невыплаты «кетубы» разведенной должен был доказываться через суд («бейт-дин») (Ктуб. 11, 3). Вдова, с целью получения «кетубы», могла сама продавать имущество наследников мужа не через суд (Ктуб. 11, 2), для этого ей достаточно было принести присягу (Ктуб. 9, 7).

⁵⁷ Neusner J. Op. cit. P. 189.

⁵⁸ Обязательный характер их клятв служит метафорой их независимости.

В целом Мишна придерживается права неприкосновенности в вопросах собственности; и все равновесие Мишнаитской правовой системы в целом покоится на этом основании⁵⁹. Эта точка зрения превалирует, даже когда собственником является женщина. Мудрецы признают полное право самостоятельной женщины вести дела и обладать собственностью⁶⁰, они наделяют ее также правом продавать собственность (Ктуб. 8, 6; 11, 1–3)⁶¹. Общее правило гласило, что «женщина включена в законы убытков (תקנות)» (Бава К. 1, 3), это означало, что женщина могла быть истцом или ответчиком по некоторым делам. Однако существовало другое общее правило, согласно которому женщина, лишь за некоторыми исключениями (Ктуб. 1, 6–9; 2, 1), не могла быть свидетельницей в суде (Шев. 4, 1). Но в Мишнаитской системе женщина, как и мужчина, имела законное право назначать посредника для управления ее делами, и таким образом агент-мужчина представлял ее в суде.

Все находки и покупки независимой женщины принадлежали только ей (Бава М. 1, 5). Если она подвергалась насилию, то пени принадлежало ей самой (Ктуб. 3, 6; 3, 8). Это выгодно отличало ее от несовершеннолетней дочери, у которой всю компенсацию за страдания получал отец (Ктуб. 3, 7), и от жены, вокруг которой шел спор, должна ли она получать всю пеню сама или делить ее с мужем (Ктуб. 6, 1).

Интересно, что для целей частного законодательства мудрецы трактуют независимую женщину, как равную мужчине. Этот факт находит конкретное выражение в некоторых ветвях закона: в силе независимой женщины организовывать свой брак (Кидд. 2, 1; Гит. 6, 1), затевать судебную тяжбу, свидетельствовать в суде (в ограниченных целях), давать клятву, поддерживающую или опровергающую законное требование, и делать клятву назорея, которую никто не в силах отозвать. Равная ответственность женщины появляет-

⁵⁹ Этот важный тезис развит в работе *Neusner J. A History of the Mishnaic Law of Damages*. Leiden: Brill. 1986. Vol. 5.

⁶⁰ Среди видов собственности, которыми может обладать женщина, «таннаи» часто упоминают рабов. См. Иев. 7, 1; Ктуб. 5, 5; Гит. 7, 4.

⁶¹ Показательно, что примером независимой женщины здесь везде выступает вдова.

ся также в уголовных правилах, которые дают ей такие же наказания, что и мужчине⁶².

Сделаем несколько обобщающих выводов. Римское и еврейское право согласны, что большую часть жизни женщина должна находиться под властью мужчин. Однако обе культуры признают существование независимого статуса женщины, хотя формы получения женщиной независимости в них различны.

Римская и еврейская правовые системы демонстрируют тенденцию наделяния независимой женщины правами собственника. В Риме это происходит за счет преторского права, а у евреев путем разработки «таннаями» тем, которых совершенно не касалось Писание. В целом, это отражает изменения, произошедшие в античном мире, атомизацию общества, смену ориентира правовой культуры с понятий «община» и «семья» на понятие «индивид».

Мишна выделяет в этом плане вдову, которая, с точки зрения «таннаев», выполнила свой долг, побыв женой и родив детей (без детей она стала бы левиратной вдовой). В Институциях Гая говорится о *ius liberorum*, в соответствии с которым женщины, родившие трех или более детей добивались автономии вследствие закона Юлия и Папия Поппея 18 г. до н.э. и 9 г. н.э. Таким образом римская культура разделяла Мишнаитский взгляд по вопросу о наиболее важной функции женщины.

Изменения в правовых системах были выгодны, главным образом, для женщин из имущих классов. Такими женщинами в Риме предстают женщины из сенаторских родов и из семьи императора, в еврейском обществе — женщины из семей элиты⁶³, часто принадлежащих к касте священников. Но необходимо отметить, что институт «кетубы» в целом связывал мужа и жену имущественными отношениями, в то время как в римском браке происходило разделение имущества мужа и жены, что могло сказаться на крепости брачного союза.

⁶² *Wegner J. R. Op. cit. P. 117.*

⁶³ В агадическом материале Талмуда, упоминаются три женщины, все они принадлежат к элите касты мудрецов и являются женами великих мужей. Это Имма Шалом, жена р. Элизера и сестра раббана Гамлиэля; Бурья, жена р. Меира; Рахель, жена р. Акивы.

В одной идеологии еврейских и римских правоведов схожа — женщине, даже если она знатна и богата, нечего делать в общественной сфере. Общественная жизнь — это удел мужчин. Здесь показателен факт ограничения участия женщины в судебном процессе. Ни у Гая, ни в «Нашим» нет объяснения этому феномену. Однако в более поздних еврейских и римских источниках приводятся доводы поразительно схожие по своему смыслу⁶⁴.

Тем не менее есть данные, свидетельствующие о значительной роли, которую играли женщины в публичной сфере. Достаточно вспомнить свидетельства римских историков (например, Светония и Тацита) о влиянии женщин из императорского дома Юлиев-Клавдиев на римскую политику. Эпиграфические данные показывают, какую весомую роль занимали еврейские матроны в публичной жизни общин диаспоры⁶⁵. Даже агадический материал, продукт той же культуры, что и Мишна, дает примеры, когда женщина обладает большими возможностями, чем это предписывается правом⁶⁶. Подобные факты, говорят о специфике изучаемых источников, которые являются продуктом идеологии определенного класса, а не прямым отражением реальности. С другой стороны, эта реальность формировалась под влиянием многих условий, в том числе и идеологических представлений, которые, таким образом, являются ее частью, и изучение которых может способствовать исследованию в том числе реальной действительности прошлого.

⁶⁴ Вавилонский Талмуд приводит следующее объяснение (Б. Шев. 30а): место женщины это уединение дома, не подвергающее ее общественному обзору и возможным оскорблениям в здании суда. Это объяснение очень похоже на то, что приводят Дигесты Юстиниана (D. III, I, 1, 5): «В силу пола женщинам запрещается выступать в суде по делам других лиц. Смысл запрещения в том, что бы женщины не вмешивались в чужие дела вопреки стыдливости, соответствующей их полу».

⁶⁵ См. *Brooten B. Women Leaders in the Ancient Synagogue*. Chico, Calif.: Scholar Press, 1982.

⁶⁶ Б. Шаб. 116b. Сестра начала тяжбу с братом по поводу наследства отца, хотя по закону она не могла на него претендовать.

Г. С. ЗЕЛЕНИНА

**DOÑA PUTA VIEJA:
«КОМПЛЕКС СЕЛЕСТИНЫ»
В ИНКВИЗИЦИОННЫХ ДОКУМЕНТАХ**

В начале 1480-х гг. в Кастилии и Арагоне начала действовать «новая» инквизиция, 80–90% всех жертв которой на протяжении двух веков составляли *конверсо* (новохристиане) еврейского происхождения. Еврейскую и испанскую историографию в этой обширной тематике продолжают привлекать глобальные проблемы, т.е. прежде всего, вопрос о тождественности понятий *конверсо* и *криптоиудей*¹ и развенчание многочисленных мифов и «черных легенд» об инквизиции с амбициозным намерением на обломках мифов возвести здание «объективного» анализа этого института. Однако в последние десятилетия в этой области утвердились новые исторические методы и подходы. После бума публикаций инквизиционных архивов, разработки баз данных и появления ряда *case studies*, посвященных конкретным трибуналам или отдельным аспектам инквизиционной деятельности², накопленный материал

¹ Т.е. о том, действительно ли все или подавляющее большинство конверсо в тайне соблюдали иудаизм и, следовательно, были ли «оправданны» инквизиционные преследования. Такая позиция отстаивалась Иерусалимской школой (И. Бер, Х. Бейнарт); ее главным оппонентом является Б. Нетаниягу, утверждающий, что конверсо были верными христианами и быстро ассимилировались.

² В т.ч. по инквизиционной цензуре, отдельным *ауто*, структуре *Santo Oficio* в определенных регионах, устройству инквизиционных архивов и др. См., например, *Beinart H. Conversos on Trial: The Inquisition in Ciudad Real. Jerusalem, 1981*; *Bel Bravo M. A. El auto de fe de 1593. Los conversos granadinos de origen judío. Granada, 1988*; *Contreras J. La Inquisición de Aragón: Estructura y oposiciones (1550–1700) // Revista de estudios de historia social, 1, 1977*; *Pérez de Colosia Rodríguez M. I. Auto inquisitorial de 1672: El criptojudáismo en Málaga. Málaga, 1984*; *Pérez Ramírez D. El archivo de la Inquisición de Cuenca: formación, vicissitudes, estado actual // La inquisición española: nueva visión, nuevos horizontes. Madrid, 1980.*

стал основой исследований по культурной и социальной истории, исторической антропологии³ (вполне в духе классиков этого направления, также эксплуатировавших инквизиционные источники⁴) и, несколько позже, для гендерных исследований⁵.

Нашему непосредственному историографическому контексту присуща следующая немаловажная особенность. Для еврейских историков, занимающихся темой «конверсо и инквизиция» в любом ключе, в том числе антропологическом или гендерном, зачастую важнее всего описать религиозную жизнь общины (т.е. соблюдение заповедей, ритуальные церемонии, собрания, еврейское религиозное воспитание и т.д.) и представить ее как «по существу еврейскую общину»⁶. Женщины-новохристианки предстают в этих исследованиях прежде всего как активные члены сообщества, сами хранящие верность иудаизму и способствующие сохранению еврейских традиций, ибо именно они воспитывали детей и главенст-

³ Например: *Dedieu J. P.* The Archives of the Holy Office of Toledo as a Source for Historical Anthropology // *The Inquisition in Early Modern Europe: Studies on Sources and Methods*. Illinois, 1986; *Idem.* Inquisition and Popular Culture in News Castile // *Inquisition and Society in Early Modern Europe*. L., 1987; *Escandell B.* The Persistence of the Inquisitorial Model of Social Control // *The Spanish Inquisition and Inquisitorial Mind*. Columbia, 1987; *Monter W.* The New Social History and the Spanish Inquisition // *Journal of Social History*, 17, 1984 и мн. др.

⁴ Например, *Le Roy Ladurie E.* Montaignou, le village occitan de 1294 à 1324. P., 1975 (рус. пер.: *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). Екатеринбург, 2001); *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500. Einaudi, 1976 (рус. пер.: *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000).

⁵ *Women in the Inquisition: Spain and the New World* / Ed. M. Giles. Baltimore, 1999; *Levine Melammed R.* Crypto-Jewish Women Facing the Spanish Inquisition: Transmitting Religious Practices, Beliefs and Attitudes // *Christians, Muslims and Jews in Medieval and Early Modern Spain: Interaction and Cultural Change* / Ed. M. Meyerson and E. D. English. Notre Dame, 1999; *Eadem.* Heretics of Daughters of Israel? The Crypto-Jewish Women of Castile. N.Y., 1999; *Ellis D. S.* Domesticating the Spanish Inquisition // *Violence against Women in Medieval Text* / Ed. A. Roberts. Florida, 1998.

⁶ *Records of the Trials of the Spanish Inquisition in Ciudad Real* / Ed. H. Beinart. 4 vols. (Далее — *Records.*) Vol. 1. Jerusalem, 1974. P. XIII. См. также *Beinart H.* *Op. cit.*

вовали в приватной, домашней сфере. Именно дом стал центром подпольного иудаизма после изгнания евреев-иудеев в 1492 г. и исчезновения каких-либо внешних мест и форм еврейской религиозной жизни. Инквизиция рассматривается как очередной институт угнетения женщин, и неконвенциональное поведение новохристианок получает помимо религиозно-националистического еще и феминистический смысл. Женщины изображаются как мученицы, «жертвовавшие жизнью за свою веру», нашедшие в противостоянии инквизиции и активном участии в мессианских движениях «возможность самовыражения в обществе, которое редко позволяло женским голосам быть услышанными»⁷.

Наше исследование основано на «Материалах процессов испанской инквизиции в Сьюдад-Реаль», полном собрании инквизиционных документов, относящихся к деятельности инквизиционного трибунала в городке Сьюдад-Реаль в период между 1483 и 1527 годами, и посвящено репрезентации женщин и проявлению гендерных стереотипов в инквизиционных документах. Как мы увидим, женщины играли ключевые роли в семейной и общинной жизни, и через призму, в первую очередь, женских образов мы попытаемся исследовать систему взаимоотношений в данном социуме и некоторые черты коммунальной ментальности. Следует сразу оговорить, что в выбранном нами ракурсе минимально релевантны ключевые для еврейской, все еще несколько мартирологической, историографии вопросы о верности новохристиан иудаизму и о ведущей роли женщин в нелегальных религиозных практиках.

Для такого ракурса исследования наиболее ценной частью инквизиционных дел являются так называемые *tachas* — документы по отводу предполагаемых свидетелей обвинения, которые, согласно особенностям процесса в инквизиционном суде, точно не известны ни защите, ни обвиняемому/подзащитному. *Tachas* обычно состоят из вопросника, составленного защитником совместно с подзащитным, и ответов свидетелей защиты на эти вопросы; иногда также присутствуют заявления родственника подзащитного против предполагаемых свидетелей обвинения с указанием свиде-

⁷ Levine Melammed R. Sephardi Women in the Medieval and Early Modern Periods // Jewish Women in Historical Perspective / Ed. J. R. Baskin. Detroit, 1991. P. 127.

телей, которые могут эти заявления подтвердить. Цель *tachas* заключается в том, чтобы доказать вражду предполагаемых свидетелей обвинения к подзащитному (лучше всего — «смертельную вражду», *enemistad capital*) и(ли) дурные качества самих предполагаемых свидетелей обвинения и тем самым убедить суд в том, что их свидетельства ложны и вызваны личными мотивами. Не зная, кто в действительности свидетельствовал против, защитник и подзащитный старались включить в *tachas* максимальное число недружественных соседей и припомнить как можно больше случившихся конфликтов. Ввиду этого, основания для отвода свидетелей обвинения представляются чрезвычайно полезным источником по коммунальной жизни, на что указал еще Хаим Бейнарт:

«...вопросники для отвода свидетелей демонстрируют широкий спектр человеческих отношений, враждебности и зависти, проистекавших из обстоятельств местной жизни. Такие вопросники, судя по всему, верно отражали облик обвиняемого, запутанные взаимоотношения, в которые он был вовлечен, и рамки его ежедневных контактов со своим окружением»⁸.

Действительно, в соответствии со своими двумя задачами, *tachas* создают весьма колоритную картину а) соседских и семейных отношений, преимущественно конфликтных, и б) нравов, преимущественно пороков.

Х. Бейнарт доверяет этому источнику («верно отражали»), но его ремарка не снимает вопрос о достоверности, столь остро стоящий при работе с инквизиционными материалами. Исследователи предлагают разные варианты критического подхода к таким источникам. Так, например, Карло Гинзбург, в стремлении обойти вмешательство инквизиционного персонала и услышать «глас безмолвствующего большинства», выдвинул идею, что историк должен использовать те фрагменты допросов, в которых инквизитор не понимает идей обвиняемого и просто их фиксирует без перекодировки в свой язык, язык церковной книжной культуры⁹. Другим распространенным подходом является внесение поправок в предоставляемую источником информацию в соответствии со специ-

⁸ *Beinart H.* Op. cit. P. 184.

⁹ *Ginzburg C.* The Judge and the Historian // *Critical Inquiry*, 18, 1991.

фикой ситуации, то есть с учетом пыток и психологического давления на допрашиваемых; поскольку точных пропорций здесь установить нельзя, критически настроенный исследователь либо старается проверить информацию по другим источникам, либо просто руководствуется здравым смыслом.

В нашем случае задачи и трудности несколько иные, но и они также решаемы с помощью здравого смысла. В анализе *tachas* мы избавлены от проблемы коррекции свидетельств с учетом давления и пристрастности — пытки здесь не применяются, многие свидетели *tachas* — старохристиане испанского происхождения (*cristianos viejos*) и не подлежат допросам (*no les tocan las repreguntas*), многие — лица мало заинтересованные. Сами вопросники, составленные защитником совместно с подзащитным, и отвод свидетелей родственниками обличают большую заинтересованность, и можно опасаться, что краски значительно сгущены и допущено немало лжи и клеветы в адрес как предполагаемых свидетелей обвинения, так и собственно взаимоотношений. Представляется, что критерием достоверности может служить детальность сообщаемой информации. Наименее верифицируемыми являются общие вопросы и показания, в которых просто говорится, что данные люди были «врагами» и «ругались»; но встречаются и довольно подробные вопросы и свидетельства, в которых указываются причины вражды, называются вовлеченные третьи лица и т.п., — представляется маловероятным, чтобы защитник выдумал два десятка таких историй и сумел прочно зафиксировать их в памяти свидетелей.

Важно также учитывать, что в данном ракурсе исследования нас интересует не «компромат» на конкретных лиц (враждовали ли те или иные соседи между собой, состояла ли та или иная персона в незаконной сексуальной связи, воровала ли она те или иные предметы), а тематика обвинений и конфликтов и поведенческие модели в целом. Соответственно, предлагается следующий ход умозаключения: данный поступок мог не совершаться данной персоной и быть приписан ей, но если данный поступок упоминается в разных делах, то его можно с некоторой вероятностью считать характерным для поведения жителей Сьюдад-Реаль.

Первостепенной характеристикой *tachas* (и соответственно, конфликтных ситуаций) является подавляющее преобладание

женщин, которые несколько превосходят мужчин и по числу дел вообще¹⁰. Довольно типичен случай, когда среди тридцати отводимых потенциальных свидетелей обвинения только пятеро мужчин, да и те упоминаются вместе с женами¹¹ (на самом деле было восемь свидетелей обвинения, из них семеро — женщины). Из такого численного соотношения полов может следовать несколько выводов, как частных, так и более общих: а) подзащитной и защитнику представляется более вероятным, что женщины могут быть свидетельницами обвинения, — то есть, что они более склонны мстить или вообще более активны; б) подзащитная имеет больше врагов среди женщин — то есть женщины больше ссорятся с женщинами; в) женщины более конфликтны вообще; г) женщины более активно участвуют в общественной жизни.

Повышенная склонность к ссорам атрибуруется женщинам и во многих других культурах. Свидетельства тому встречаются на разных уровнях: в этнографических материалах, фольклоре, лексике. Если взять для сравнения русскую традиционную культуру, то мы увидим, что Владимир Даль включает в словарь много слов с «конфликтной» семантикой, относимых исключительно к женскому полу («застрельщица», «волосьяница», «простоволосица»), а также иллюстрирует прочие слова с «конфликтной» семантикой рассказами о женских ссорах. Этнографические архивы XIX в. изобилуют упоминаниями о женских ссорах: «Между собою женщины проводят жизнь в нескончаемых ссорах и раздорах»; «все ссоры из-за баб»¹².

Это наблюдение о доминантном месте женщин в общинных конфликтах предлагает любопытную параллель, своего рода пародийное снижение, неоднократно отмечаемой исследователями¹³ ведущей роли женщин в иудейских практиках конверсо.

По происхождению соседские и соседско-семейные ссоры можно разделить на несколько групп.

¹⁰ Из 132 подсудимых, чьи дела приведены в данном собрании, 63 мужчины и 69 женщин.

¹¹ Records. Vol. 2. P. 107–111.

¹² См. Кушкова А. Конструирование гендерного значения в текстах о крестьянских ссорах второй половины XIX века // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001.

¹³ См., например, Levine Melammed R. Heretics of Daughters...

Злословие, оскорбления, сплетни. В провоцировании этих конфликтов женщины играют ведущую роль. Самый простой случай — оскорбление, нанесенное одной женщиной другой в приватной обстановке. Наиболее популярными пейоративными словами являются «шлюха» (*puta*), «воровка» (*ladrona*), «пьяница» (*borracha*); более редкими, но и более серьезными — «колдунья» (*hechizera*), «сводня» (*alcahueta*), «еврейка» (*judía*), «еретичка» (*hereja*). Если та же сцена разыгрывается в общественном месте (на улице, в церкви), простое оскорбление получает статус публичного лишения чести:

«Однажды они поссорились в церкви, и вышеупомянутая Инес Лопес ее обесчестила, и после того между ними всегда была вражда»¹⁴.

Женщины в основном ограничиваются устной ссорой, редко упоминаются драки¹⁵, но иногда вербальный конфликт женщин приводит к более серьезному конфликту их мужей:

«...вышеупомянутая Изабель де Прадо и вышеупомянутая Каталина де Самора и ее дочь — все между собой враждовали из-за одного разговора, который у них был, и такая между ними была вражда, что Хуан де Кока, писец, и Родриго де Торрес, мужа вышеупомянутой Изабель де Прадо и Грасии де Градо, поругались, и был между ними большой раздор, вплоть до того что потребовалось вмешательство правосудия, чтобы рассудить и помирить их»¹⁶.

Согласно инквизиционным документам, соседская вражда инициируется женщинами путем вербального конфликта. Подобная гендерная характеристика общинных распрей встречается и в этнографических исследованиях других традиционных культур, напри-

¹⁴ «rineron una vez en la yglesia, e la dicha Ynes Lopez la desonro, despues de lo qual le tuvo sienpre enemistad» (Records. Vol. 2. P. 111).

¹⁵ См., например, Records. Vol. 1. P. 391; Vol. 2. P. 411–412.

¹⁶ «...la dicha Ysabel de Prado y la dicha Cathalina de Çamora e su fïja tenian enemiga en vno sobre çiertas palabras que ovieron, en tal manera que Juan de Coca, escrivano, e Rodrigo de Torres, sus maridos de la dicha Ysabel de Prado e de Graçia de Grado, ovieron boçes e grandes rençillas sobre ello el vno con el otro, por tal manera que vino la justiçia a entender entre ellos e los puso en tregua» (Records. Vol. I. P. 411–412).

мер, сельских общин в России и Греции: женские ссоры происходят из-за слов, сплетен, они вздорны, мелочны, иррациональны; мужские же — гораздо более мотивированы и достойны внимания — они возникают «по делу», в частности, в интересах экономического благополучия дома¹⁷. В Сьюдад-Реаль мужчины так же больше участвуют в конфликтах, связанных с хозяйством и финансами.

Бытовые/хозяйственные соседские конфликты. Они имеют место, когда соседи/соседки не могут поделить какие-либо предметы домашнего обихода или выработать одну линию поведения в отношении какой-либо общей части их хозяйств. Так,

«...Хуан де Тева и Педро де Вильяреаль ссорились по поводу ограды, которую построил Хуан де Тева и которая вела к дому Педро де Вильяреала, и по поводу сточной трубы, которая идет от дома Хуана де Тевы к дому Педро де Вильяреала, много раз по этому поводу ссорились, и из-за этого была большая вражда между вышеупомянутой Мари Гонсалес и вышеупомянутой Нунес [их женами]...»¹⁸.

Здесь мы видим действие того же механизма, только в обратном направлении: жены вовлекаются в конфликт мужей.

Финансово-имущественные конфликты (без прямой кражи). Они могут быть вызваны неудачными торговыми сделками, когда цена или сам факт продажи впоследствии начинают не устраивать продавца или покупателя («...потому что купил у нее Хуан де Тева несколько кувшинов [...], а они [потом] требовали, чтобы Хуан де Тева эти кувшины возвратил»¹⁹), а также проблемами проживания чужих людей под одной крышей, когда по тем или иным причинам человек поселяется в доме соседей,

¹⁷ Куликова А. Указ. соч.; *Du Boulay J. Women — Images of Their Nature and Destiny in Rural Greece // Gender and Power in Rural Greece. Princeton, 1986.*

¹⁸ «...porque Juan de Teva y Pedro de Villareal riñeron sobre vnas tapias que hizo Juan de Teva, que pasavan a casa de Pedro de Villareal, y sobre vn albañar que pasa de casa de Juan de Teva a casa de Pedro de Villareal, riñeron muchas vezes sobre ello, y por esto tenia grande enemistad la dicha Mari Gonzalez a la dicha Nuñes...» (Records. V. 2. P. 525).

¹⁹ «...porque le conpro Juan de Teva vnas tinajas ... y ellos le pidieron las tinajas a Juan de Teva que se las boluiese» (Records. Vol. 2. P. 526).

«...когда вышеупомянутый Камарго был в разъездах, вышеупомянутая Инес Лопес проживала в доме вышеупомянутого Камарго, и [...] забрала с собой шкаф, который брала напрокат, и из-за этого вышеупомянутый Алонсо де Камарго вызвал ее в суд, а также из-за навоза, который она оставила в доме, из-за чего они ссорились и остались врагами»²⁰.

Кража. Воруют в основном женщины, причем кража приводит к вербальной ссоре и затем уже к вражде:

«...вышеупомянутая Тереза Мунос украла два отрезка тесьмы у вышеупомянутой Инес Лопес, которая ругалась с ней и называла ее шлюхой, сводней и колдуньей»²¹.

Выделяются такие разновидности воровок, как пьяница, крадущая вещи, чтобы заложить их в таверне («...из дома этого свидетеля взяла котел и заложила его в таверне»²²), и служанка, чьи возможности для воровства безграничны в силу ее постоянного пребывания в доме и ведения хозяйства («мы выгнали ее из дому как воровку [...], поскольку она крада у нас сколько могла»²³).

Конфликт со служанкой. Служанка вообще является довольно частым участником конфликтов, и причиной им служит не только инкриминируемое ей воровство, но и разногласие во взглядах служанки и хозяев на размер жалованья или незаслуженное, по ее мнению, увольнение. Причиной может также быть неконвенциональное поведение служанки, выходящее за рамки служебных отношений, — например, плотская связь с сыном хозяев дома²⁴.

²⁰ «...estando el dicho Camargo en caminos, la dicha Ynes Lopez bivia en su casa del dicho Camargo, e [...] se llevo vn almario que le tenia alquilado, sobre lo qual el dicho Alonso de Camargo enplazo a la dicha Ynes Lopez, e sobre çierto estiercol que dexo en la casa, sobre lo qual riñeron e quedaron enemigos.» (Records. Vol. 2. P. 108).

²¹ «...la dicha Teresa Munoz hurto dos piecas de cintas a la dicha Ynes Lopez, la qual riño con ella e le dixo de puta e alcahueta e hechizera» (Records. Vol. 2. P. 108).

²² «...de casa deste testigo tomo vna caldera e la enpeño en la taverna» (Records. Vol. 2. P. 410).

²³ «la echamos de casa por ladrona ... porque nos hurtava quanto podia» (Records. Vol. 2. P. 525).

²⁴ Records. Vol. 2. P. 511.

Межсемейный конфликт. Конфликты, захватывающие целиком две семьи, необязательно являющиеся прямыми соседями, происходят в результате в основном двух причин: устройства брака, не получившего одобрения у членов одной семьи, и проживания отпрыска одной семьи в доме другой²⁵. Такие конфликты обычно носят очень затяжной характер — ибо лежащие в их основе события болезненно воспринимаются обеими сторонами, что может привести к появлению усугубляющих факторов («...она говорила и говорит, что вышеупомянутая Каталина де Самора ей враг, потому что она сотворила то, что убило Фернандо де Торреса, ее отца»²⁶), — и сопровождаются заявлениями о неутрахающей ненависти и попытками мести, вплоть до убийства.

В анализе соседских конфликтов в Сьюдад-Реаль весьма релевантной представляется схема отношений в крестьянском обществе, разработанная крупнейшим американским антропологом Джорджем Фостером на материале полевых исследований в мексиканской крестьянской общине²⁷ и применяемая исследователями совсем иных по хронотопу культур, как, например, античное и новозаветное общество или ленинградские коммунальные квартиры²⁸. Дж. Фостер отмечает агональную природу отношений в крестьянском обществе и объясняет ее через понятие *ограниченного блага*. Под «образом ограниченного блага» Фостер имеет в виду такую модель мировосприятия, когда «крестьяне рассматривают свою социальную, экономическую или природную среду — все свое окружение, — как систему, в которой все желанные в

²⁵ См., например, Records. Vol. 1. P. 395, 412.

²⁶ «desya e dixo que la dicha Catalina de Camora era su enemyga, porque ella avia seydo cavsya que matasen a Fernando de Torres, su padre.» (Records. Vol. 1. P. 395).

²⁷ Foster G. M. Peasant Society and the Image of Limited Good. American Anthropologist 67, 1965; *Idem*. A Second Look at Limited Good // Anthropological Quarterly, 45, 1972; *Idem*. Anatomy of Envy // Current Anthropology, 13, 1972.

²⁸ Hagedorn A. C., Neyrey J. H. "It was out of envy that they handed Jesus over" (Mark 15:10): The Anatomy of Envy and the Gospel of Mark (<http://www.nd.edu/~jneyrey1/envy.html>); Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001.

жизни вещи, такие как земля, богатство, здоровье, дружба и любовь, мужественность и честь, уважение и статус, власть и влияние, надежность и безопасность, существуют в ограниченном количестве и всегда в дефиците...»²⁹. Все успехи и приобретения одного члена сообщества воспринимаются как идущие в ущерб другим; Фостер сравнивает эту модель с карточной игрой без прикупа, в которой один игрок выигрывает только за счет других игроков. В таком обществе развивается «ментальность взаимного недоверия», и доминирующим чувством в соседских отношениях становится *зависть*, которая может выражаться как в прямой агрессии (нападениях, краже) и в ее функциональном эквиваленте — колдовстве, так и более опосредованными способами — в злословии, клевете, сплетнях. Фостер неоднократно оговаривается, что речь идет об идеальном типе, модели для анализа, которая даже в мексиканской общине воплощена не полностью, с некоторыми отклонениями, но при этом вполне применима к исследованию других социумов:

«Я не думаю, что образ ограниченного блага присущ только крестьянским обществам. ... Я даже не уверен, что он более присущ крестьянам, чем другим группам»³⁰; «я полагаю, что до некоторой степени поведение ограниченного блага присутствует в каждом обществе»³¹.

Упомянутые Фостером проявления зависти — нападения, кража, злословие, сплетни, — как мы уже видели, широко представлены в нашем источнике. Теперь следует проследить истоки этого чувства, его объекты. Наиболее очевидно проявляется зависть к материальным благам. Довольно частотна прямая констатация этого чувства, то есть эксплицированная зависть, отрефлексированная ее объектом и окружающими:

«Вышеупомянутая Мари Гонсалес очень дурно отзывалась о вышеупомянутой Марии Гонсалес, [...] и завидовала ее имуществу»; «...мимо прошли несколько конверс, направлявшихся к

²⁹ Foster G. M. Peasant Society... P. 296.

³⁰ Ibid. P. 311.

³¹ Foster G. M. A Second Look... P. 59.

Сан-Педро, красиво одетых. Констанса де Гусман [...] сказала: Посмотрите на этих чертовок конверс, какие они изящные да разряженные!»³².

С большой вероятностью можно заподозрить это чувство и там, где оно не эксплицируется, ибо очевидно, что часто именно зависть к имуществу и должности соседа приводила к доносителству — в случае почти гарантированной победы обвинения собственность и пост осужденного отходили другим людям, доносчикам в частности³³.

Как отмечает Дж. Фостер и исследователи других культур, в особенности средиземноморских³⁴, основные ценности в социуме все-таки не материальные, а связанные с понятиями чести и статуса, и соответственно, основные страхи ассоциированы не с утратой имущества, а с бесчестьем. Здесь важно вспомнить, что именно в Испании периода раннего нового времени честь становится ключевым топосом, брэндом испанской культуры, создавшей такую форму для выражения этой национальной идеи-фикс, как *драма чести*.

В *tachas* наблюдается несколько видов чести, и многие конфликты напрямую связаны с проблемой их утраты.

Женская честь. Практически большинство инвектив, сплетен и ссор, разбираемых в *tachas*, связаны с понятием женской чести: ее ставят под сомнение как простые номинативные оскорбления («шлюха» (*puta*), «дурная женщина» (*muger mala*), «распутная» (*liviana*)), так и сюжетные сплетни: беата, которая родила детей; женщина, которая сожительствует с мужчиной вне брака, особенно если этот мужчина обладает дополнительным запретным статусом: является священником, монахом, родственником данной женщины или просто человеком иного социального круга. Итак, лишение со-

³² «la dicha Mari Gonsales diria mucho mal de la dicha Maria Gonsales, ... e avia envidia de sus cosas»; «...pasaron unas conversas que yuan fasia Sant Pedro bien ataiadas. Constança de Gusman ... dixo: Vistes estos diablos de conversas, que lucidas y que galanas que van?» (Records. Vol. 2. P. 411; Vol. 1. P. 391).

³³ См. Records. Vol. 4. Documentos.

³⁴ Honour and Shame and the Unity of the Mediterranean Society / Ed. D. D. Gilmore. Washington, 1987; Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society / Ed. J. S. Peristiany. Chicago, 1966.

седки женской чести фигурирует как важная составляющая коммунального конфликта.

Социальная честь/статус. В *tachas* неоднократно фиксируется порожденное завистью негодование по поводу того, что другие присваивают себе признаки более высокого социального статуса, как-то например, право называться «дон»:

«Какого черта нынче развелось столько “донов”, сколько горшечник делает горшков!»³⁵.

Такие тонкие наблюдения возбуждают, в свою очередь, гнев адресатов, что приводит к перманентной вражде:

«... и вышеупомянутая Инес Лопес сказала, что какого черта, что будучи дочерью сумочника она [Каталина де Салседо] не должна зваться “донья”, и вышеупомянутая Каталина де Салседо об этом узнала и показывала ей [Инес Лопес] свою враждебность»³⁶.

Здесь — как и во многих других случаях — не просто выражается зависть или неудовольствие, но и делается попытка обосновать незаконность или несостоятельность того или иного поступка объекта обсуждения; в этом проявляется важная черта коммунальной конфликтной ментальности — постоянное стремление «показать свою приверженность принципам справедливости»³⁷.

Честь «доброго христианина» (buen cristiano). Этот вид чести, теряемый человеком, попадающим в застенки инквизиции, носит не только религиозный характер, но и тесно связан с социальным статусом. Евреи пользовались более низким статусом, чем старо- и новохристиане, и в том числе в связи с этим конверсо воспринимали как оскорбление и жаловались, когда их называли “евреями” (*judíos*), что видно как из инквизиционных материалов, так и из других источников³⁸. Помимо положения в обществе религи-

³⁵ «Que diablo de dones se ponen agora como el ollero haze ollas!» (Records. Vol. 2. P. 109).

³⁶ «...e la dicha Ynes Lopez dixo que que diablo, que seyendo hija de vn bolsero no se avia de llamar don, e la dicha Catalina de Salzedo lo supo e le mostrava e mostro enemistad» (Ibid.).

³⁷ Утехин И. Указ. соч. С. 62.

³⁸ «...и он несколько раз слышал, как вышеупомянутая Мари Годинес говорила им много оскорбительных слов, называя их еврейками» (Records).

озный статус также включает вопрос юридических прав и привилегий. Инквизиция, заботясь о преданности конверсо их новой вере, в то же время следила за тем, чтобы иудействующие конверсо не присваивали себе юридические преимущества одной социальной группы, на самом деле принадлежа к другой. Эта правоохранительная функция инквизиции эксплицируется в нашем источнике:

«Вышеупомянутая Каталина де Самора, будучи в имени и статусе христианки и пользуясь привилегиями и льготами, пожалованными таким людьми нашей Святой верой, впала в иудействование, ересь и отступничество...»³⁹.

Как старохристиане, так и верные христианству конверсо стремились обличать и доносить на подозреваемых ими в иудействовании, так как те не по праву пользовались честью, статусом, льготами и привилегиями «добраго христианина». Все эти абстрактные категории являются ограниченным благом: на общину как бы приходится лимитированное количество чести и привилегий, и чем больше людей ими пользуются, тем меньше достается каждому, и совершенно естественной стратегией становится стремление не допустить, чтобы в это ограниченное благо запускали руку не заслуживающие его члены общины.

Инквизиция в этом контексте выступает как инструмент регуляции системы ограниченного блага, удерживающий всех членов социума в подобающем им статусе и не позволяющий никому не по праву пользоваться ограниченным благом группы, к которой он на самом деле не принадлежит. Это касается не только чести и юридических привилегий христиан, на которые незаконно претендуют иудействующие конверсо, но и, например, юридического и социально-

Vol. I. P. 604); в 1493 году новые конверсо подали жалобу на то, что «их называют евреями, и изменниками, и многими другими оскорбительными словами» (*Suarez-Fernandez L. Documentos acerca de la expulsión de los judíos (1474–1499). Valladolid, 1964. P. 260*).

³⁹ «Estando la dicha Catalina de Çamora en nonbre e posysyon de christiana e gosando de los preuilegios, esenciones e ynmunidades por nuestra Santa Fe a las tales personas concedidos, judayso, heretico y apostato...» (*Records. Vol. I. P. 369*).

го статуса и чести мужчины (своего рода *machismo*⁴⁰), которыми пользуются женщины-трансвеститки, переодевающиеся мужчинами, берущие мужское имя и идущие на мужскую работу и, возможно также, имитирующие роль мужчины в отношениях с женщиной⁴¹, или же содомиты, которые *уже* потеряли право на эту честь и статус⁴². В связи с этим, важнейшим орудием инквизиции, способом социального контроля, ею осуществляемого, была диффамация, что уже отмечалось некоторыми исследователями⁴³. Инквизиция лишала человека его доброго имени как самим фактом обвинения, так и рядом мягких наказаний, основной смысл которых состоял в их позорности (ношение санбенито, публичные порки).

Ключевая роль диффамации довольно широко отображена и в нашем источнике. Перспектива осуждения инквизиционным судом характеризуется как угроза не только для жизни, но и для чести: «погубить и обесчестить» (*destruir y desonrar*). Инквизиционная судимость — вне зависимости от исхода дела — является самодостаточным поводом для издевательств и насмешек. Даже если человек был «примирен» и возвращен в лоно церкви, честь его запятнана, и он обречен на издеательства со стороны недружественных

⁴⁰ Ср. с важностью мужской чести, *machismo*, как одного из видов ограниченного блага в мексиканской культуре — *Foster G. M. Peasant Society...*

⁴¹ См.: *Crompton L. The Myth of Lesbian Impunity: Capital Laws from 1270 to 1791 // Journal of Homosexuality. 6. 1980–81; Burshatin I. Elena alias Eleno: Gender, Sexualities and “Race” in the Mirror of Natural History in 16th Century Spain // Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives / Ed. S. Ramet. N.Y., 1996; Idem. Written on the Body: Slave or Hermaphrodite in 16th Century Spain // Queer Iberia: Sexualities, Cultures, and Crossings from the Middle Ages to the Renaissance / Ed. by J. Blackmore and G. Hutcheson. Durham-L., 1999.*

⁴² Об инквизиционных преследованиях содомитов см. *Perry M. E. The “Nefarious Sin” in Early Modern Seville // The Pursuit of Sodomy: Male Homosexuality in Renaissance and Enlightenment Europe / Ed. K. Gerard and G. Hekma. N.-Y.-L., 1989.*

⁴³ *Escandell B. The Persistence of the Inquisitorial Model of Social Control // The Spanish Inquisition and the Inquisitorial Mind / Ed. A. Alcalá. Columbia, 1987; Bennassar B. Patterns of the Inquisitorial Mind as the Basis for a Pedagogy of Fear // Ibid.*

соседей: «Что, пришла снимать дом, донья, меж двух крестов?»⁴⁴ В некоторых насмешках сквозит то же обвинение, что и в случаях с присвоением почетного обращения «дон», — что объект критики зазнался и покушается на то, на что не имеет права: «Посмотри на жену оружейника, как она кичилась тем, что христианка, а сейчас ходит в санбенито»⁴⁵.

Еще один вид трепетного отношения к чести «добротного христианина» наблюдается у ее уже потерявших. Это зависть судимых конверсо к более удачливым знакомым, порождающая желание наговорить на них с тем, чтобы лишить их этой чести и прочих преимуществ. В *tachas*, при перечислении потенциальных свидетелей обвинения, такое намерение предполагается как нечто очевидное:

«те, кто были или являются еретиками, суть враги христиан, и поскольку сами они находятся в заключении или ходят в санбенито, то хотят и желают всех видеть в таком же положении и прилагают к этому усилия»⁴⁶.

Интересно, что инквизиция, охарактеризованная нами как, в частности, выполняющая роль регулятора системы ограниченного блага, самими своими жертвами воспринимается до некоторой степени как институт служебный, вписанный в динамику коммунальных отношений, как инструмент разрешения конфликтов, осуществления мести и сведения счетов.

Угроза инквизицией выступает важным компонентом конфликтов. Судя по огромному количеству подобных свидетельств, угроза доноса — очень частотная реплика в ходе ссор, и соседских («...из-за этого они поругались, и они ей пригрозили, сказав, что сделают так, чтобы ее сожгли, как сожгли ее мать...»⁴⁷), и семейных:

⁴⁴ «...Fueses a alquilar la casa, doña, entre dos cruces?» (Records. Vol. 2. P. 107). Здесь делается намек на ситуацию ауто-да-фе.

⁴⁵ «mira que muger de escudero, que presumia mucho de christiana e viene sanbenitada» (Records. Vol. 2. P. 111).

⁴⁶ «los que son o han seydo hereges son henemigos de los christianos, y como se veen encarcelados y con Sanbenitos, querian y desean ver a todos ansy e lo procuran» (Records. Vol. 2. P. 450).

⁴⁷ «...sobre ello rineron e la amenazaron diciendo que la harian quemar como quemaron a su madre...» (Records. Vol. 2. P. 107).

«...и сказал этот монах вышеупомянутой Каталине де Самора, своей матери: Донья старая шлюха, если инквизиторы придут сюда, я сделаю так, чтобы вас сожгли, вас и ваших сестриц, как евреек...»⁴⁸.

В связи с последней цитатой, следует отдельно отметить напряженность внутрисемейных отношений в новохристианском обществе, проявляющуюся в раздельном проживании, ссорах и предательствах, имевших место как между супругами, так и между родителями и детьми; такую ситуацию исследователи объясняют различием религиозных позиций членов семьи (кто-то иудействовал, а кто-то был верен новой вере⁴⁹ и «разрушительной работой инквизиции»⁵⁰; последний аргумент несколько подрывает возможность обратной зависимости: «работа» инквизиционного трибунала с едиными, крепкими семьями конверсо не была бы столь успешной и, соответственно, столь «разрушительной».) Угроза инквизиционной расправой используется также как шантаж: «...а еще сказала, что если та не даст ей цветную саржу, то она сделает на нее ложный донос»⁵¹.

Когда человек оказывался под следствием, его родственники и дружественные соседи старались нанять лучшего защитника и формировали то, что можно назвать партией защиты, в то время как его недруги объединялись в партию обвинения. Обе группировки старались привлечь максимальное количество свидетелей, в том числе — как выясняется в ходе *tachas* — и нелегитимными методами. Например:

«...вышеупомянутая Изабель де Прадо подкупала и привлекала свидетелей, чтобы показали против вышеупомянутой Каталины де Самора. [...] Фернандо Фалькон запугал вышеупомянутую Мари Диас так, что принудил ее пойти и наговорить на Каталину де Самора. И еще, что этот свидетель однажды застал Мари

⁴⁸ «...e dixo el frayle a la dicha Catalina de Çamora, su madre: Doña puta vieja: si los ynquisidores aqui vienen yo vos fare quemar a vos e a vuestras hermanas por judias...» (Records. Vol. 1. P. 392).

⁴⁹ См. *Gitlitz D.* Divided Families in *Converso* Spain // *Shofar*, 11, 1993.

⁵⁰ *Beinart H.* Records. Vol. 1. P. 316.

⁵¹ «avn dixo que sy no le dava vna sarga pintada, que le levantaria vn falso testimonio» (Records. Vol. 2. P. 523).

Диас плачущей, потому что ее силой заставили пойти и показать против Каталины де Самора»⁵².

Инквизиционный процесс, таким образом, превращается в разновидность коммунальной деятельности: он позволяет конверсо продемонстрировать свою позицию в общине, связи и богатство, отомстить и(ли) померяться силами с недружественной частью общины. Конфликтная ситуация и вообще агональный характер отношений в общине хорошо резонируют с агональной природой любого судилища⁵³.

Демонстрируя, среди прочего, и такое несколько утилитарное отношение к инквизиции, конверсо и саму инквизицию расценивали как предприятие вполне прагматическое, имеющее очевидно корыстные цели конфисковать имущество своих «клиентов». В показаниях свидетелей обвинения неоднократно цитируются отзывы людей об инквизиции вроде следующего: «Все это чтобы вытянуть деньги»⁵⁴.

Говоря об инквизиции на службе коммунальных отношений, о своего рода *инквизиции прирученной*, следует отметить крайнюю важность, на наш взгляд, исследования отношений к этому институту его современников (главным образом жертв) в контексте попыток современной историографии, сделав поправки на длительный процесс мифологизации, вычленив инквизицию из «черной легенды» и дать ей сколько-нибудь объективную оценку, «оправдать» ее.

Как указывалось выше, помимо описания конфликтов с целью доказательства вражды потенциальных свидетелей обвинения к под-

⁵² «...la dicha Ysabel de Prado sobornase e soborno e atraxo testigos para que dixesen contra la dicha Catalina de Çamora. [...]...Fernando Falcon la avia atemorizado a la dicha Mari Dias tanto que la fiso venir a desir contra Catalina de Çamora. E avn, que este testigo fallo vn dia a la dicha Mari Dias llorando porque la avian fecho venir por fuerça a desir contra Catalina de Çamora» (Records. Vol. I. P. 396, 418).

⁵³ «В процедуре, разыгрывающейся перед лицом судьи, во все времена и при любых обстоятельствах так сильно, так остро и так абсолютно категорически стоял вопрос о выигрыше, что агональный элемент нельзя исключить из нее ни на минуту» (*Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 96).

⁵⁴ «todo esto es por sacar dinero» (Records. Vol. 2. P. 101).

защитному, второй задачей *tachas* является прямое очернение этих свидетелей с целью представить их суду как людей дурных и ненадежных. Как и в конфликтографии, здесь преобладают женщины.

Стандартная негативная характеристика потенциальной свидетельницы обвинения в *tachas* во многом совпадает с набором оскорблений в описании соседских ссор, но включает и еще несколько качеств, релевантных в данном контексте: шлюха (*puta*), воровка (*ladrona*), пьяница (*borracha*), сводня (*alcahueta*), колдунья (*hechizera*), болтуня (*parlera*), лгунья (*mentirosa*), сплетница (*de mala lengua*), лжесвидетельница (*testimoniera*). Из таких эпитетов следует, что объект несостоятелен как женщина (шлюха) и как член общины (несет угрозу ее нравственности (сводня), жизни и собственности ее членов (колдунья и воровка)) и ненадежен как свидетель (пьет, врет, болтает, замечена в даче ложных показаний).

Стоит отдельно описать несколько частотных характеристик и их корреляты.

Обращает на себя внимание уровень женского алкоголизма в общине Сьюдад-Реаль, согласно *tachas*; мужчин-алкоголиков упоминается крайне мало. «Пьяница» встречается как одиночный эпитет, а также вкупе с рядом других и некоторыми нелицеприятными подробностями, например:

«она пьяница, обжора, сумасшедшая, сплетница, лгунья, и когда она напивалась, то блевала и мочилась в юбки, и ее на руках несли домой, а она ничего не чувствовала...»⁵⁵.

Частотная корреляция «пьяницы» с «обжорой» может объясняться сближением двух плотских пороков, а с «воровкой» предполагает сюжетную связь: кража и заклад украденных вещей в таверне с целью получить выпивку.

Довольно распространена характеристика «сумасшедшая» (*loca*), под которой понимается как просто глупость и взбалмошность, так и психическая неустойчивость и собственно безумие. Задокументированные инквизицией несколько случаев действительного умственного расстройства, замеченного окружающими,

⁵⁵ «es borracha, glotona, loca, de mala lengua, mentirosa, que de que estava borracha lo gomitava e se meava en las faldas, que la metian en brazos a su casa syn que lo syntiese» (Records. Vol. 2. P. 411).

зафиксированного медиками и приведшего к самоубийству⁵⁶, придают дополнительный вес и интерес этим популярным обвинениям в «сумасшествии», предполагая у них (а по аналогии, возможно, и у других пейоративных характеристик) корни в реальности.

На первый взгляд необычна, в контексте коммунальной ментальности, распространенность указания на бедность как на однозначно негативный признак. Наиболее очевидное объяснение этому обнаруживается в соседстве указания на бедность с обвинениями в воровстве и лжесвидетельстве: таким образом, имплицитно устанавливается причинно-следственная связь — бедность понуждает человека к совершению одиозных поступков.

Важно отметить, что в отличие от сюжетных описаний конфликтов, все эти частотные характеристики не являются достаточным материалом для конечного анализа картины нравов в новохристианском обществе Сьюдад-Реаль, прежде всего в связи со сложностью разграничения упоминания того или иного качества как ругательного эпитета и фиксации реально существующего порока. Также необходимо принимать во внимание действие такого влиятельнейшего фактора, как стереотипы — гендерные, этнические, сословные, — и именно их имеет смысл изучать на данном материале.

В *tachas* выражены основные мизогинистские представления той эпохи — позднего Средневековья и Ренессанса, — которая, как убедительно показали недавние исследования, проведенные на разном материале и на разных уровнях исторической конкретики, ознаменовалась для женщин отнюдь не переживанием Возрождения, а снижением статуса внутри семьи и усилением дискриминации в публичной сфере, не говоря уже о таком эксплицитно женоненавистническом феномене, как охота на ведьм⁵⁷. Можно также

⁵⁶ См. дела Инес де лос Оливос-и-Лопес, Марины Гонсалес и Хуаны Гонсалес.

⁵⁷ Программные работы по этому вопросу — *Kelly J. Did Women Have a Renaissance? // Eadem. Women, History and Theory. Chicago, 1984; Herlihy D. Did Women Have a Renaissance? A Reconsideration // Medievalia et Humanistica, n.s. 16, 1985*. Эта же тема неблагоприятности эпохи Возрождения для женщин, отрицательной эволюции в их положении в европейском обществе в конце Средневековья, затрагивается в многих других работах по женской истории.

говорить об активизации в этот период критического интереса к женской природе, выразившегося в ряде примеров полемического дискурса о женщине — *querelle des femmes* во Франции или «памфлетной войне» в Англии. Среди причин этого роста мизогинии в теории и на практике в XVI-XVII вв. называлась, в частности, научная революция, которая только усугубила представления о женской неполноценности, ассоциируя все позитивные понятия — разума, порядка, контроля — только с мужским началом. Отмечалась также взаимосвязь со структурными сдвигами в европейском обществе, демографическими процессами и экономической нестабильностью, породившими опасения сильного пола за свое доминирующее положение в обществе и в семье, что привело, например, к росту числа поздних браков — в сфере реального — и к созданию стереотипов соблазнительницы и сварливой агрессивной жены — в сфере идеального⁵⁸.

Ряд очевидных параллелей просматривается, если сравнить материал *tachas* с таким программным произведением, как «Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Инститориса, источником совсем другого рода, но тоже принадлежащим инквизиционному контексту и во многом основополагающим для него. Если в *tachas* женщинам часто приписывается падкость на телесные удовольствия и такие пороки, как распутство, обжорство и пьянство, то Шпренгер и Инститорис среди ключевых характеристик женщины называют карнальность, плотскость: «из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду»⁵⁹. Излишняя плотскость и повышенная эмоциональность вкупе с ущербностью рассудка и делают из женщины крайне опасного члена общества, а именно ведьму:

«как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных аффектов и

⁵⁸ Ретина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 49–53; Henderson K., McManus B. Half-humankind. Contexts and Texts of the Controversy about Women in England, 1540–1650. Urbana, 1985; Maclean I. The Renaissance Notion of Woman. Cambridge, 1980.

⁵⁹ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. СПб., 2001. С. 125.

страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами»⁶⁰.

«Молот ведьм» подтверждает знакомый нам образ вредной и завистливой склочницы — с помощью ссылок на античных авторов, ветхозаветные максимы и на библейских персонажей доказывается, что отношения женщины с окружающим миром определяются ее злобностью, завистливостью, гневливостью:

«в Книге Бытия ты увидишь всю нетерпимость и зависть Сарры к Агари, Рахили к Лии, Анны к Феннанае, Мариам к Моисею, Марфы к Магдалине»⁶¹.

В эпоху Возрождения утверждается представление, что в силу своей — по сравнению с мужчиной — физической и юридической неполноценности женщина прибегает к брани, ссорам, сплетням, а также к колдовству как к единственно возможным для нее способам защиты или нападения — поскольку обыкновенные мужские каналы — драка, поединок или судебное разбирательство — для женщины закрыты.

Если обратиться к испанскому контексту, то все те же мизогинистские стереотипы — карнальность и распутство, лживость и неверность, сплетничество и склочность, бедность и колдовство — хорошо представлены как в беллетристике⁶², так и во-вроде бы более близком к реальности социально-юридическом дискурсе той эпохи. Так, проститутка наравне с девственницей и (раннехристианской) мученицей становится одним из гендерных символов, стереотипных образов эпохи. «Бесчестные женщины» воспринимались как серьезнейшая угроза общественному порядку, до такой степени, что им стали посвящаться целые разделы в городских законодательствах⁶³.

Другим феноменом, вызывавшим все большую озабоченность, и — в отличие от средневекового идеализма на этот счет — негативное отношение в испанских городах XVI века, была бедность. Общественная мысль обличала псевдонищих, которым просто лень

⁶⁰ Там же. С. 124.

⁶¹ Там же. С. 123.

⁶² Например см. *Libro de los engaños, La Celestina*.

⁶³ См. *Perry M. E. Gender and Disorder in Early Modern Seville*. Princeton, 1990. P. 44.

работать и которых надо преследовать по закону, а в остальном представляла бедность как социальное зло, с которым необходимо бороться путем благотворительности, иначе оно приведет к болезням — вплоть до эпидемий, к безнравственности — вплоть до преступлений, и к нарушению общественного порядка — вплоть до гражданской войны⁶⁴. Вспомним, что в *tachas* бедность так же является резко негативным признаком и так же по причине далеко ведущих причинно-следственных импликаций.

Еще одним важным негативным образом в юридическом, в том числе инквизиционном, дискурсе эпохи становится повивальная бабка, воспринимаемая как угроза общественному порядку и вере. Осуществлявшая связь с народной культурой — т.е. далеко не безупречно католическими верованиями и не университетскими медицинскими представлениями — женщина, которая заведует рождением ребенка, а в экстренных случаях и его крещением, и пользуется полным доверием общины, очень волновала религиозные и гражданские власти. Повитухи — в особенности нестарохристианского происхождения — являлись частой мишенью для обвинений в колдовстве и ереси⁶⁵.

Стереотипные представления, распространенные в источниках разного характера, имеет смысл анализировать в сравнении — как в рамках одного вида (гендерные стереотипы), так и стереотипы разных видов — скажем, гендерные и этнические — между собой. Если наиболее типичной негативной женской характеристикой является указание на некорректное сексуальное поведение («шлюха», «дурная женщина»), то для мужской — инкриминирование посягательств на чужую собственность («вор»). Эта закономерность довольно универсальна: она релевантна и для нашего источника, и для современных ему исков по диффамации в елизаветинской Англии⁶⁶, и для русской крестьянской культуры (баба — «шлюха», мужик — «вор»)⁶⁷.

⁶⁴ См. изложение ряда мнений современников на этот счет в *Ibid.* P. 157.

⁶⁵ См. *Ibid.* P. 26–29; *Levine Melammed R. Heretics or Daughters...* P. 140–149.

⁶⁶ См. *Cioni M. Women and Law in Elizabethan England with Particular Reference to the Court of Chancery.* N.Y., 1985; *Church Courts, Sex and Marriage in England 1570–1640.* Cambridge, 1987.

⁶⁷ *Кушкова А.* Указ. соч.

С другой стороны, интересно отметить сходство антиеврейских и мизогинистских стереотипов⁶⁸, бытовавших в испанской культуре и, в частности, выраженных в *tachas*, — еврейские/новохристианские женщины, таким образом, становятся уязвимыми вдвойне. Как женщина представляет опасность для веры мужчины, так и еврей — для веры христианина; наложение этих угроз создает распространенный в инквизиционных материалах образ иудействующей жены при верном христианству муже, которая пытается и его привлечь к еретическим практикам.

Для обеих групп характерны обвинения в карнальности: сексуальной гиперактивности и распутстве, чему — в случае евреев — способствовало длительное сохранение у сефардов полигамии, а также в обжорстве, пьянстве — христианские авторы эксплуатировали ветхозаветные обличения евреев в переедании и чрезмерном питии.

Как женщины представляются лживыми и неверными в смысле супружеской измены, так и евреи неверны по отношению к Богу, а также к христианам, в частности к испанцам: важную роль в испанском «антисемитизме» сыграла уверенность в том, что в 711 году, во время Конкисты, евреи предавали испанцев и сдавали города арабам. Евреи склонны к обману и в повседневной жизни — они норовят обмануть соседей-христиан в ходе торговли и кредитных операций.

Конфликтность и склонность также атрибуировались как женщинам — на повседневном материале, — так и евреям — на материале историческом: испанские авторы называют жителей Иудеи слишком беспокойными подданными, в связи с чем император и поставил им царем Ирода, а также акцентируют внимание на конфликтах среди осажденных во время осады Иерусалима Титом⁶⁹.

И наконец, обе группы обвинялись в колдовстве, что было связано с медицинской практикой евреев и повивальным ремеслом женщин, и вообще в союзе с дьяволом.

⁶⁸ См. *Goldberg H. Two Parallel Medieval Commonplaces: Antifeminism and Antisemitism in the Hispanic Literary Tradition // Aspects of Jewish Culture in the Middle Ages / Ed. P. E. Szarmach. N.Y., 1979.*

⁶⁹ См. *Libro del caballero Cifar.*

В испанской литературе того периода есть по меньшей мере один ярчайший образ, объединяющий в себе черты типичной конверсы из Сьюдад-Реаль, как она представляется по *tachas*. Совокупность рассмотренных выше негативных характеристик — по нарастающей: бедная, шлюха, пьяница, сводня, колдунья — можно назвать «комплексом Селестины»: именно этими качествами наделил Фернандо де Рохас героиню своего одноименного романа (*La Celestina*), вышедшего в конце XV века. Селестина — женщина свободных нравов в прошлом (она предается воспоминаниям о своих многочисленных любовниках и ее самое частотное прозвище — «старая шлюха») и сводня и колдунья в настоящем. Она лечит женские болезни, то есть выполняет — по крайней мере, частично — функции повивальной бабки, и ее медицинская практика неотделима от колдовской, практикует и любовную магию, которая помогает ей в ее амплу сводни, центральном в романе. Ее уже однажды судили за колдовство — Селестина, таким образом, так же является жертвой инквизиции. Она неоднократно обращается к дьяволу, просит его о содействии и благодарит за оказанную помощь, что недвусмысленно превращает ее в ведьму. Селестина подчеркивает свою бедность, которая заставляет ее браться за разные дела, несовместимые с законами религиозной и социальной морали. Селестина — воплощение лжи: она все время врет, и ее называют «лукавая старуха». И наконец, ее можно назвать пьяницей: она рассказывает о подруге, с которой они имели обыкновение вместе выпивать в тавернах, — здесь, как и в *tachas*, мы видим феномен публичного пьянства, неприемлемого для женщины. Селестина *sui generis* героиня своего времени, точнее, — современного ей дискурса о женщинах.

И последним вопросом, принципиальным в рассмотрении этой темы, на который мы, однако, не сможем дать однозначный ответ, является вопрос о характере соотношения между женскими образами в инквизиционных документах и в нарративных источниках, в данном случае, например, в «Селестине», и отношении их к реальности. Вопрос этот — о «соотношении между литературой и жиз-

ню» — один из «самых скользких предметов»⁷⁰ в современном гуманитарном знании. Следует ли полагать, что образ Селестины как героини эпохи отображает реальность, адекватно зафиксированную, в частности, в инквизиционных документах? Или оба источника отражают предрассудки, стереотипы своего времени? Или можно говорить об обратном воздействии: «Селестина» и другие популярные художественные произведения (а «Селестина» в первой половине XVI века выдержала тринадцать переизданий в одной только Севилье) влияли на общественное мнение, генерируя стереотипы и отношения? Взаимовлияние литературы и исторической реальности уже отмечалось исследователями:

«темы «Селестины» находят отражение во многих исторических документах города [Севильи]. ... «Селестина» Рохаса несомненно отразила насущные проблемы в общественной жизни Испании раннего нового времени, но она и оказала влияние на выражение этих проблем, создав литературный образ дурной старой женщины, наживающейся на страстях других...»⁷¹.

Вероятно, следует говорить о взаимном конструировании — дискурсивном конструировании социальной реальности и социальном конструировании дискурса, — и в рамках такой парадигмы особое значение получают кросс-источниковые исследования, вовлекающие произведения разных жанров и разных контекстов.

⁷⁰ Парафраз из *Woodbridge L. Women and the English Renaissance: Literature and the Nature of Womankind, 1540–1620. Urbana-Chicago, 1984. P. 3.* Также см. *Репина Л. П. Указ. соч. С. 51–52; Henderson K., McManus B. Op. cit.*

⁷¹ *Perry M. E. Op. cit. P. 56.*

В. А. ВЕРЕМЕНКО

ПЕНСИОННЫЕ ПРАВА СУПРУГА ЗА СЛУЖБУ ЧИНОВНИКА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В соответствии с пенсионными уставами, действовавшими для чиновников разных ведомств, вдова имела право на пенсию или единовременное пособие за службу мужа. При этом наличие у нее своего состояния или полученной за свою службу пенсии не имело значения. Равным образом за службу самой женщины пенсия предоставлялась ей без учета того обстоятельства, получала ли она ежегодное или единовременное пособие за службу мужа. Из членов ее семьи пенсия начислялась лишь детям служащей-женщины (для домашних учительниц и наставниц — только в случае смерти обоих родителей), редко — матери, но никак не вдовцу, как способному самостоятельно решить вопрос своего обеспечения¹.

Государственная пенсия вдове в размере половины от положенного ее мужу пенсионного обеспечения выплачивалась со дня смерти выслужившего ее чиновника, вплоть до наступления одного из следующих событий: смерти вдовы, ее нового замужества, поступления в монастырь или осуждения по судебному приговору к наказанию, лишающему права на пенсию. В случае повторного выхода замуж выплата пенсии осуществлялась до дня вступления вдовы в новый брак. Но в соответствии с бытовавшими в обществе представлениями о единоличной обязанности мужа обеспечивать жену, в пенсионном уставе значилось, что с замужеством «не прекращается пенсия, приобретенная вдовою личной ее службой»².

По желанию вдовы причитавшаяся ей за службу мужа пенсия могла заменяться выплатой единовременного пособия, равного го-

¹ Св. Зак. Т. III. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1857. Ст. 31, 34, 36, 124; Там же. СПб., 1896. Ст. 30, 31, 34, 39, 432, 433, 444–447, 576, 583, 702.

² Там же. СПб., 1857. Ст. 100, 101, 106, 233–235. Свод Военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Кн. VIII. СПб., 1889. Ст. 219–220, 225, 228, 403–404.

довому окладу содержания чиновника на последнем месте службы. Такой вариант предпочитали женщины, собиравшиеся вступить в новый брак сразу же после окончания предыдущего. Закон разрешал «беспрепятственную» выдачу пособия даже вдовам, уже вступившим в повторный брак, при условии, что соответствующая просьба была подана до нового замужества, иначе ни на какие средства они претендовать не могли³.

Если муж умер, не выслужив необходимых для начисления пенсии 25 лет, то его семье полагалось лишь единовременное пособие. Оно равнялось годовому содержанию чиновника или офицера, если его служба длилась от 10 до 25 лет, и полугодовому, если срок службы был менее 10 лет⁴.

Для призрения «престарелых и не имеющих способов к пропитанию своему вдов» чиновников XIV–IV классов «Табели о рангах», прослуживших в офицерских чинах «беспорочно» не менее десяти лет и не имевших права на «пенсию от правительства», были организованы специальные Вдовьи дома. Московский открылся 1 июня 1803 г., а Санкт-Петербургский — 30 августа того же года. Оба учреждения были созданы на доходы Воспитательных домов. В 1815 г. при Санкт-Петербургском Вдовьем доме было учреждено отделение «сердобольных», положившее начало Обществу сестер милосердия. В 1819 г. такое отделение появилось и в Москве.

Во второй половине XIX – начале XX веков эти учреждения были выделены в самостоятельную часть Ведомства Императрицы Марии⁵. Устав С.-Петербургского Вдовьего дома был утвержден в августе 1842 г., а Московского – в октябре 1854 г. В соответствии с этими документами число призреваемых вдов устанавливался в 600 человек. Одни из них (150 чел. не моложе 60 лет в Петербургском и 50 чел. — в Московском) «содержались на покое», другие (50 и 60 чел. соответственно), именовавшиеся «сердобольными», должны были помогать больным. Также небольшая часть вдов (15–20 чел.)

³ Св. Зак. Т. III. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1857. Ст. 36 (п. 4), 137, 139.

⁴ Там же. СПб., 1857. Ст. 36-37, 129; Свод Военных постановлений 1869 года. Ст. 244–246.

⁵ Краткий хронологический обзор заведений ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб., 1873. С. 5.

принималась «на испытание способности их иметь попечение о больных». Но большинство (от 385 до 470 чел. в Петербурге и Москве) не проживали непосредственно в стенах Вдовьего дома, пользуясь лишь пансионом в размере 30 руб. в год. Кроме того, в указанное заведение могли приниматься пенсионерки, как за счет частных лиц, так и на собственное иждивение, при условии предоставления платы за пребывания в размере 100 руб. в год. Категория поступавших пенсионерок несколько не соответствовала заявленной учреждением цели. В число пенсионерок на собственном иждивении могли быть взяты вдовы, получавшие от правительства пенсии, правда, в размере не более 300 руб. в год.

Аналогичное право предоставлялось женщинам, прослужившим не менее 15 лет в Учреждениях Императрицы Марии, при условии, что выслуженной ими самими пенсии оказывалось достаточно для взноса пенсионной платы. Вдова (кроме пенсионерок) в момент поступления получала белье, одежду и обувь, но затем должна была сама шить и вязать из выданного ей материала большую часть необходимых предметов гардероба. В комплект общих услуг входило ежедневное питание, медицинская помощь, стирка вещей и уборка помещений. Пенсионеркам предоставлялась собственная комната и право на содержание при себе (за счет собственных средств) одной служанки⁶. До конца XIX века никаких принципиальных изменений в организации Вдовьих домов не происходило, если не считать некоторого повышения пенсий и стоимости содержания пенсионерок⁷. В апреле 1892 г. состоялось преобразование С.-Петербургского вдовьего дома за счет упразднения категории «сербобольных» вдов и оформления отделения для девиц⁸.

⁶ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XVII. 1842. От. 1. № 15972. СПб., 1843. С. 853–873; Там же. Т. XXIX. 1854. От. 1. № 28613. СПб., 1855. С. 844–853; Благотворительная Россия. СПб., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 288–290; Ч. 2. С. 168–171.

⁷ В связи с ростом цен в новом Уставе С.-Петербургского Вдовьего Дома размер выдаваемого от учреждения пособия был увеличен до 120 руб. в год, а стоимость проживания для пенсионерок была увеличена до 230 руб. в год. См.: ПСЗ. Собрание — 2. Т. LI. 1876. От. 1. № 55832. СПб., 1878. С. 360–369.

⁸ Принципиальным отличием преобразованного учреждения было оформление в С.-Петербургском вдовьем доме специального отделения для девиц, а также значительный перевес содержащихся в самом Вдовьем доме над числом лиц, получавших от него пенсию (из 600 призреваемых — 525 находилось в

Незначительное количество бесплатных вакансий на призрение приводило к формированию так называемых «кандидатских очередей». Так как руководство Вдовьих домов заранее учитывало, что претенденткам придется ждать поступления в учреждение не менее 2–3 лет, то оно принимало заявления женщин, не достигших положенного 60-летнего возраста. Например, в 1894 г. в очередь на зачисление в С.-Петербургский вдовый дом в качестве 37-й кандидатки была включена вдова надворного советника А. А. Эдвардс, с указанием, что к моменту достижения ею необходимых 60-лет она как раз закончит свое ожидание. И действительно, опытные чиновники не ошиблись. 60 лет вдове исполнилось 28 августа 1896 г., а ее очередь подошла уже вскоре — 12 сентября того же года⁹.

Призрение вдов чиновников военного и гражданского ведомств осуществлялось и в других государственных, частных и общественных благотворительных заведениях. Наибольшее число вдов к концу XIX в. было в Богадельне Цесаревича Николая Александровича (они составляли более половины от общего числа в 400 человек) и в «Приюте для вдов и сирот заслуженных гражданских чиновников, состоящем в ведении Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников», где проживало 75 женщин¹⁰. Вдовы чиновников и офицеров помещались также в благотворительные учреждения, организованные на средства дворян, такие как «Убежище для престарелых потомственных дворян С.-Петербургской губернии», «Богадельня Московского дворянства им. Оболенской», «Приют для призрения бедных дворян Нижегородской губернии» и т.д. Число призреваемых женщин в этих заведениях было небольшим и, как правило, не превышало 40 чел. Существовали частные Вдовьи дома, но в них принимались лица всех сословий. К последней группе относился, например, Вдовый дом Блиновых и Бугровых в Нижнем Новгороде, рассчитанный на 170 вдов с детьми¹¹.

самом доме (170 вдов и 105 девиц на бесплатном содержании, и 155 вдов и 95 девиц — пенсионерками), а 75 женщин получали от дома пенсии в размере 200 рублей в год). ПСЗ. Собрание — 3. Т. XII. 1892. № 8532. СПб., 1895. С. 269–276.

⁹ ЦГИА СПб., Ф. 4. Оп. 1. Д. 5 а.

¹⁰ Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900 Т. 2. С. 699–700, 706.

¹¹ В приют для призрения вдов и круглых сирот заслуженных гражданских чинов принимались только одинокие вдовы и совершеннолетние дочери

В особом положении находились вдовы, мужа которых были убиты в сражениях, умерли от ран или погибли на море. К этой же категории относились также члены семей генералов и офицеров, «как сухопутных войск, так и флота, убитых и умерших от последствий увечья, полученного ими при исполнении служебных обязанностей, на смотрях, ученьях, маневрах и т.п.». Вдовы всех этих лиц имели преимущественное право на поступление в финансируемые государством благотворительные заведения или на получение от них пенсии, даже если их мужа прослужили в офицерских чинах менее 10 лет. Наиболее же важная привилегия заключалась в том, что таким семьям, начиная с 1843 г., предусматривалась выдача пенсии из полного жалования чиновника или офицера, «по мирному положению, не принимая в соображение лет их службы». В этом были особо заинтересованы семьи младшего и среднего командного состава армии и флота, чаще других рисковавшего своей жизнью и здоровьем в период военных действий. Половина из принимавшейся за отсчет суммы полагалась вдове¹².

Вдовы, имевшие значительные пенсионные преимущества перед детьми чиновника (на каждого из последних полагалось не более 1/3 от оставшейся (за вычетом вдовой доли) части пенсии чиновника¹³), обязаны были нести всю тяжесть лежащих на их умерших мужах казенных материальных взысканий. Удивительно, но

чиновников, не имевшие возможности трудиться и получавшие от Комитета пенсии не менее 100 руб. в год. (См.: Устав приюта, учрежденного для призрения вдов и круглых сирот заслуженных гражданских чиновников. Сборник сведений о благотворительности в России. СПб., 1899. С. 14, 475, 477; Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900 Т. 2. С. 375.)

¹² ПСЗ. Собрание — 2. Т. XVIII. 1843. От. 1. № 16868. СПб., 1844. С. 343. Св. Зак. Т. III. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1857. Ст. 102-103. Свод военных постановлений. Ч. II. СПб., 1859. Ст. 902-903; Свод Военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Кн. VIII. СПб., 1889. Ст. 232.

¹³ После смерти чиновника, полагавшаяся ему пенсия делилась пополам, одна половина становилась пенсией его вдове, из второй, на долю одного из несовершеннолетних детей приходилась 1/3. Таким образом, если у чиновника были жена и трое детей, то на них на всех полагалась его пенсия целиком. Однако если число детей было больше, то семья все равно получало не более, причитавшейся их мужу и отцу пенсии, просто процент, приходящийся на долю каждого из детей соответственно уменьшался. Св. Зак. Т. III. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1857. Ст. 101.

размер полагавшегося к вычету процента из пенсии различался в разных постановлениях. Согласно норме, зафиксированной в ст. 113 Законов Гражданских, «из пенсий, получаемых вдовами за службу мужей, в случае открывшегося на сих последних казенного взыскания удерживается одна половина до пополнения всего взыскания». В статье же 1088 Устава гражданского судопроизводства речь шла лишь об одной трети пенсии, и лишь в том случае, когда после самого должника никакого имущества на пополнение взыскания не окажется¹⁴. Частные долги мужа его вдова обязана была выплачивать лишь из его же собственного имущества и в пределах той его части, которая досталась ей от него по наследству. Право на пенсию за службу мужа, как разъяснялось Сенатом по делу вдовы ротмистра Л. Шепелевой, есть право «личное, а не наследственное», а потому «вдова чиновника не отвечает своей пенсией за долги мужа»¹⁵.

Своя собственная система поддержки вдов офицеров и чиновников существовала в казачьих войсках. Беспоместных и мелкопоместных офицеров и чиновников наделяли участками за службу. После смерти получателей участок сохранялся за их семейством. Как правило, в большинстве казачьих войск земля передавалась в пожизненное пользование, как чиновнику, так в дальнейшем и его вдове. Причем данные наделы пользователь мог приобрести в потомственную собственность, внося в войсковой фонд необходимую сумму, устанавливаемую по оценке войскового правления. Вдове с детьми полагался весь «пай» мужа, бездетной же — половина, до смерти или вступления в новый брак¹⁶.

В 1858 г. на Дону, в связи со сравнительной незначительностью местного земельного фонда, была введена система «срочных» 15-летних наделов. Размер надела зависел от звания служащего:

¹⁴ Аналогичные ст. 1008 Устава гражданского судопроизводства были включены и в третье издание Свод Военных постановлений 1869 года. Св. Зак. Т. X. Законы гражданские. СПб., 1876. Ст. 113; Устав гражданского судопроизводства / Сост. Х. Хмельницкий, А. Гамбургер. Одесса, 1892. Ст. 1088; Свод Военных постановлений 1869. Кн. VIII. СПб., 1915. Ст. 527.

¹⁵ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1888 год. № 8. Гражданская практика кассационного Сената за 1885–1892 год. С. 365.

¹⁶ Св. Зак. Т. XII Ч. 2. Устав о благоустройстве в казачьих селениях. СПб., 1857. Ст. 65–75.

генералу полагалось 1600 десятин, полковнику — 800 дес., штаб-офицеру — 400 дес., обер-офицеру — 200 дес. Если у чиновника или офицера было собственное недвижимое имущество, то он имел право лишь на участок, недостающий ему до обладания полным наделом, положенным ему согласно званию. Земля могла быть предоставлена самому офицеру или чиновнику. В этом случае, если пользователь умирал, то за его семейством, вне зависимости от того, из кого оно состояло, из вдовы ли с детьми или только из одной вдовы, сохранялся весь участок целиком на срок, оставшийся до истечения 15 лет, на которые он был предоставлен. Особое право на землю имели также вдовы офицеров и чиновников. По окончании срока пользования участком, полученным еще главой семьи, проводилось перераспределение земли, зависящее от того, были ли у вдовы малолетние дети или нет. Бездетная или имевшая совершеннолетних детей, вдова генерала имела право на 600 дес., вдова полковника — на 400 дес., а вдова штаб- и обер-офицера — на 200 дес. Данный участок передавался ей либо до смерти, либо до нового замужества. Если у вдовы от брака с умершим офицером или чиновником были дети, то она сохраняла право на весь участок, полученный еще мужем до достижения младшим сыном 19-ти лет или до достижения младшей дочерью 17-ти лет (в зависимости от того, какое из этих событий наступало позже). Эта земля сохранялась за семьей в полном объеме даже в случае выхода вдовы замуж. В отдельных случаях за право пользования наделами взималась пошлина. Выплаты не накладывались на участок, которым вдова владела до истечения 15 лет с момента получения его мужем, а также на землю, находившуюся в совместном пользовании вдовы и ее малолетних детей. Бездетные же вдовы не освобождались от выплаты пошлины, правда, она взималась с них в пониженном размере. При желании, вдовы могли отказаться от получения срочных участков и вернуть землю в общий войсковой фонд. В этом случае им предоставлялось право на денежное пособие, которое формировалось за счет накладываемых на участки сборов¹⁷.

Созданный при Военном министерстве комитет по пересмотру казачьих законоположений в 1860-х годах выступил с инициативой

¹⁷ ПСЗ. Собрание — 1. Т. XXXIII. 1858. От. 1. № 32975. СПб., 1860. С. 426–435.

о поэтапном переводе всех наделов, выдаваемых офицерам и чиновникам казачьих войск как в срочное, так и в пожизненное пользование, в потомственную собственность получателей и их семейств. Первоначально данная инициатива не встретила поддержки со стороны Военного совета, который предложил выплачивать нуждающимся беспоместным и малопоместным дворянам денежное содержание или пенсии из местных источников. Но в связи с отсутствием необходимого капитала решено было все же вернуться к предложенной комитетом идее с целью обеспечения нынешних служащих и формирования будущего пенсионного фонда¹⁸.

В апреле 1870 г. срочные наделы, выдаваемые офицерам и чиновникам Донского казачьего войска и их семействам, были переданы пользователям в потомственную собственность. Помимо выплаты существовавших и ранее сборов в полторы копейки с десятины, владельцы были обязаны теперь вносить также «временную ежегодную поземельную пошлину» (от 3 до 12 коп. с десятины в зависимости от доходности земельного участка), служащую для образования войскового вспомогательного капитала. Выплата пошлины могла быть заменена единовременным взносом суммы, проценты с которой и составляли бы необходимый ежегодный вычет. Дополнительный сбор полагалось взимать до момента формирования капитала, достаточного для создания фонда, необходимого для выплаты жалованья и пенсий будущим поколениям офицеров и чиновников. Все лица, получавшие первый офицерский или классный чин, после обнародования положения должны были получать жалованье в денежной форме из фондов войскового вспомогательного капитала. Из него же следовало выдавать пенсии самим чиновникам и их семействам. Причем особо оговаривалось, что и на тех, и на других распространяются «общие» пенсионные правила¹⁹.

Одновременно с реформой обеспечения донских казаков и их семейств аналогичная реформа была проведена в отношении Кубанского и Терского казачьих войск. Размер надела, предоставляемого в потомственное пользование вдовам офицеров и чиновников

¹⁸ О поземельном устройстве генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. СПб., 1868–1870. С. 1–14 в.

¹⁹ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XLV. 1870. От. 1. № 48274. СПб., 1874. С. 506–509.

данных войск, равнялся половине земельной выдачи, на которую имели бы право их мужья. Для вдов генералов он составлял 750 дес., вдов штаб-офицеров — 200 дес., вдов обер-офицеров — 100 дес. Новые собственники также должны были платить пошлину в пенсионный фонд — 3 коп. с десятины. Все вдовы лиц, начавших службу после обнародования этого положения, должны были получать пенсии из этого фонда в денежной форме на основании общего пенсионного устава²⁰.

Условия организации государственного пенсионного обслуживания вдов генералов и офицеров подверглось изменению в сторону сокращения числа подлежащих призрению лиц в соответствии с новыми правилами, вступившими в силу летом 1912 года. С этого времени на пенсию за службу мужа могла рассчитывать лишь та женщина, которая вступила в брак до поступления ее мужа на службу по военному ведомству или во время его нахождения на этой службе. А те, что выходили замуж за отставных генералов или офицеров, могли претендовать на пенсию, если «глава семьи, поступив вновь на службу по военному ведомству, будет уволен в отставку по прослужении не менее пяти лет или же умрет на службе»²¹. До этого времени правительство пыталось уменьшить государственное обеспечение членов семей военнослужащих путем ограничения их браков, а для этого были введены возрастной и имущественный цензы²². Но, убедившись в полной неэффективности этих мер, государство решило экономить, не выплачивая пенсии лицам, выходящим замуж за отставников. Очевидно, что в таких супружествах, как правило, была очень большая возрастная разница между мужем и женой, и выплаты «молодой вдове», не только были очень значительными по размеру²³, но нередко затягивались на долгие годы.

²⁰ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XLV. 1870. От. 1. № 48275. СПб., 1874. С. 509-512.

²¹ ПСЗ. Собрание — 3. Т. XXXII. 1912. От. 1. № 37442. СПб., 1915. С. 845. Пенсии и пособия семействам офицерских и классных чинов. По закону 23 июня 1912 г. / Сост. Г. В. Голов. Пг., 1915. Ст. 331-332.

²² Совершенно запрещались браки офицеров до 23 лет (морских — до 25). Офицеры от 23 до 28 лет обязаны были при желании вступить в брак предоставить в полковую кассу «реверс» — материальное обеспечение, дававшее доход не менее 300 руб. в год.

²³ Напр., в соответствии с «Табелем окладов пенсий по разрядам должностей офицерам и воинским чинам» из государственного казначейства вдове

Серьезные коррективы в пенсионную систему России внесла начавшаяся в 1914 году I мировая война. В связи с огромным числом подлежащих признанию лиц, были введены положения о порядке отпуска денежного довольствия «осиротелым семьям» и о так называемых «условных пенсиях». Денежное довольствие выдавалось семьям погибших, умерших от ран и пропавших без вести офицеров на время подготовки необходимых документов для начисления пенсии. Оно складывалось из одной трети окладов жалованья, столовых и добавочных денег, положенных военному служащему по штатам мирного времени, а также из квартирных денег и средств, выдаваемых офицеру на прислугу. Количественный и возрастной состав семьи при назначении денежного довольствия значения не имел. Вдова, одна или при совершеннолетних детях, получала всю сумму целиком. «Условные пенсии», с началом выдачи которых прекращалось снабжение семьи денежным довольствием, начислялись на время войны. Предполагалось, что по окончании войны будут проверены послужной список офицера и факт его гибели, после чего пенсии должны быть пересчитаны с учетом полученной информации и возможностей государства. Довоенные правила разделения пенсии между вдовой и детьми, по которым первой полагалось половина всей суммы, были сохранены и в «условных пенсиях»²⁴.

В течение всего исследуемого периода государство постоянно продумывало способы сокращения расходов (или, по крайней мере, воспрепятствования их росту) на пенсионное обеспечение самих чиновников и их семейств. Периодически поднимался вопрос о полном прекращении пенсий вдовам чиновников, т.к. пенсии семействам «в большей части случаев далеко продолжительнее пенсии самим служащим». Вместе с тем, согласно господствующему в обществе мнени-

генерала полагалась пенсия ок. 500 руб. в год. Свод Военных постановлений 1869. Кн. VIII. СПб., 1915. С. 240–241.

²⁴ Правила о порядке назначения, отпуска и учета денежного довольствия семействам военнослужащих, убитых, умерших от ран, без вести пропавших и умерших от болезней, полученных на войне // Пенсии и пособия семействам офицерских и классовых чинов. По закону 23 июня 1912 г. / Сост. Г. В. Голов. Пг., 1915. С. 32–35; Правила о порядке назначения условных пенсий семействам офицеров, военных врачей и чиновников и священнослужителей, убитых, умерших от ран, без вести пропавших и умерших от болезней, полученных на войне 1914–1915 гг. // Там же. С. 35–42.

нию, привлечь к службе способных лиц было возможно только тогда, когда они полностью уверены в материальном благополучии своих жен и детей после собственной смерти, иначе «многие весьма полезные служащие принуждены будут отыскивать иные средства к обеспечению своих семейств». Поэтому, в конечном счете, восторжествовало мнение о том, чтобы, не отказываясь от обеспечения семейств чиновников, найти способ увеличивать пенсии за счет каких-либо других, а не исключительно государственных средств²⁵.

Основным инструментом решения данной проблемы стало создание эмеритальных касс, существовавших параллельно с государственным пенсионным обеспечением и финансируемых как за счет процентов со значительного единовременного взноса государства, так и посредством периодических сборов с членов кассы, которыми в обязательном порядке становились лица данного ведомства. Издавна эмеритальные кассы существовали в Польше, причем чуть ли не в каждом учреждении. В центральной России такие структуры были распространены значительно меньше. Наиболее крупными и богатыми эмеритурами были кассы, открытые Морским и Военным министерствами. Право на получение пенсии или единовременного пособия по «Положениям об эмеритальной кассе», изданным для Морского министерства в 1858 г., а для Военного — в 1859 г., предоставлялось вдовам, мужья которых: 1) про-

²⁵ Подобная дискуссия развернулась во второй половине 1860-х гг. в ходе работы комиссии для подготовки проекта нового пенсионного устава. Один из ее членов В. Н. Хитрово доказывал, что на пенсию от правительства должны иметь право только собственно чиновники, обеспечение же «будущности семейств служащих» должно лежать на самих служащих. В обоснование своей позиции он привел следующие цифры. Только за период с 1843–867 гг. число пенсионеров и пенсионерок гражданских ведомств и сумм пенсий увеличилось в 2,5 раза (с 6.600 тыс. руб. в 1843 г. до 16.800 тыс. руб. в 1867 г.). Однако средняя цифра пенсионных выдач мало изменилась еще с первой четверти XIX в. (в 1828 г. — 109 руб. 82 коп., а в 1868 г. — 114 руб. 45 коп.). Однако большинство членов Комиссии все же приняло резолюцию о том, что «*семейства служащих будут иметь право на пенсии по закону*». См.: Журнал Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. № 2–3 // Труды Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб., 1871. С. 1–12; Записка члена Пенсионной Комиссии В. Н. Хитрово о главнейших началах могущих лечь в основание нового Пенсионного устава // Там же. С. 2–8.

служив на государственной службе не менее 25 лет, участвовали в кассе не менее трех лет (морское ведомство) или пяти лет (военное ведомство), внося ежегодно по 6 % от всех получаемых по службе доходов; 2) были убиты или умерли от ран, полученных в сражении или при исполнении служебных обязанностей²⁶. Как и по общему пенсионному уставу, вдовам полагалась в качестве пенсии половина эмеритального оклада, на который имели бы право их мужья. Важным отличием от действовавшего в то время государственного правила обеспечения вдов было изъятие из числа имевших право на эмеритуру тех из них, которые вышли замуж за участника кассы, достигшего 60-летнего возраста, вне зависимости от того, продолжал ли он службу, или находился в отставке²⁷.

Вопрос о том, имеет ли последнее из указанных положений, обратное действие был поставлен перед членами созданной в 1864 году «Комиссии по обзору операционных действий Эмеритальной кассы морского ведомства». Целью Комиссии было изучение опыта кассы и подготовка рекомендаций для внесения некоторых изменений в текст положения. Поводом для выяснения того, «следует ли выдавать пенсию вдовам тех лиц, которые вступили в брак после 60 лет, но до издания положения об эмеритальной кассе», стало прошение вдовы генерал-лейтенанта Ершова, поданное ею управляющему Морским министерством в 1860 г. В своем прошении вдова сообщала, что она вышла замуж в 1840 г., а ее муж, как и все чины Морского министерства, с 1856 года²⁸ производил выплаты, хотя было совершенно очевидно, что в связи с его 80-летним возрастом, сам он не мог особенно рассчитывать на долговременное

²⁶ Погибшие в сражении, умершие от ран или убитые в ходе исполнения служебных обязанностей с приравнивались к лицам, прослужившим самый полный пенсионный срок — 35 лет, который для определения размера выдачи соотносился с числом платных лет. Если данный чиновник платил в кассу менее 3 (морское) 5 (военное) лет, то вне зависимости от того реального числа лет, которые были им выплачены, они все равно засчитывались за 3 (5) лет.

²⁷ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XXXIII. 1858. № 33078. СПб., 1860. С. 508–530; Там же. Т. XXXIV. 1859. От. 1. № 34674. СПб., 1861. С. 628–644.

²⁸ Фактические вычеты в морском министерстве начались за несколько лет до официального утверждения Положения, так чтобы по выходе его в свет можно было бы приступить к выплатам первым пенсионерам, участвовавших в кассе наименьшее из возможных количество лет (3 года).

получение пенсии. В последующие несколько лет аналогичные отказы в праве на эмеритальную пенсию получили также вдовы надворного советника Н. Мейбаум, капитана рабочих экипажей Е. Коровникова и коллежского секретаря Т. Заталкина. Члены Комиссии, обратив внимание на то, что «никакой закон не имеет обратного действия», посчитали справедливым предоставить право на пенсию тем из женщин, которые, выходя замуж за офицеров старше 60-лет, до публикации «Положения» не имели в виду таким способом получить право на эмеритуру. Так как это заключение Комиссии представляло собой лишь развитие ею норм в рамках существовавшего законодательства, то его было решено не выносить на рассмотрение других инстанций и сразу же привести в исполнение. Таким образом, с 1864 года в морской эмеритальной кассе лишались права на пенсию лишь вдовы, вышедшие замуж за лиц старше 60-лет после издания «Положения» в 1858 году²⁹.

Значительно расширили права вдов на участие в эмеритальном капитале новые Положения об эмеритальной кассе, изданные для военно-сухопутного ведомства в мае 1871 г., а для морского министерства — в декабре 1871 г. Изменению правил способствовало широко распространенное среди офицеров мнение, что вычеты в 6%, которые поступают со всех окладов содержания военнослужащего, значительно снижают достаток семьи, отражаясь не только на муже, но и на его жене, так как объем и условия содержания, которые он может предоставить ей, ухудшаются. Исправить это положение было не трудно, так как более чем за 10-летний период действия эмеритуры сформировался значительный капитал, которого не существовало в момент открытия этого сберегательного учреждения. По новым положениям эмеритальную пенсию получа-

²⁹ В принятой в декабре 1865 года новой редакции «Положения об эмеритальной кассе военного ведомства», статья о вдовах лиц, вступивших в брак по достижении 60 лет от роду, уже оговаривала, что права на пенсию из кассы лишаются лишь те из них, чей брак состоялся позднее 30 Апреля 1858 года. Журнал Комиссии № 7. О праве на эмеритальные пенсии вдов морских чинов, которые вступили в брак после 60-ти лет до издания Положения об эмеритальной кассе // Труды Комиссии по обзору действий Эмеритальной кассы морского ведомства за первое семилетие ее существования. СПб., 1864. С. 131–135. ПСЗ. Собрание — 2. Т. XL. 1865. От. 2. № 42850. СПб., 1867. С. 404–409.

ли вдовы всех лиц, заслуживших это право 25-летней (для умерших на службе — 20-летней) государственной службой и не менее как трехлетними (морское министерство) или пятилетними (военное ведомство) выплатами в кассу, или гибелью при исполнении служебных обязанностей, вне зависимости от того, в каком возрасте был чиновник во время женитьбы на данной женщине. Право на единовременное пособие в размере одного пенсионного оклада из военно-сухопутной эмеритурсы получали жены лиц, которые сами имели право на такое пособие, т.е. участвовали в кассе не менее пяти лет и подали заявление о выходе в отставку в связи тяжелыми болезнями, но умерли до получения причитающейся им суммы. В положении о морской эмеритуре принцип для надления вдов пособием был иным. Половину пенсионного оклада единовременно могла получить вдова офицера, не выслужившего полный срок государственной службы и платившего в кассу менее 10 лет, а целый оклад — платившего в течение 10 — 20 лет. Самым же важным изменением (оно коснулось только военно-сухопутной эмеритурсы) стало значительное увеличение пенсионного оклада, причитающегося вдове. Теперь она могла рассчитывать на 2/3 эмеритальной пенсии мужа. Положение об эмеритальной пенсии морского ведомства сохранило прежний процент — половину оклада мужа³⁰.

Несмотря на то, что морское министерство оставило для вдов половинный оклад³¹, выплаты в пользу данной категории пенсионеров составляли значительную часть средств расходимых кассой. Так, в 1892 г. эмеритальная касса морского ведомства осуществила выплаты 5.962 лицам, на общую сумму 1.336.755 руб. 77 коп. На долю вдов пришлось 1767 выдач (29,6%), на сумму 365.133 руб. 96 коп. (27,3%). И в мирное время число вдов, получавших пенсии от кассы, постоянно росло. За тот же год число призываемых вдов

³⁰ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XLVI. 1871. От. 1. № 49647. СПб., 1874. С. 710–726. Там же. От. 2. № 50276. СПб., 1874. С. 688–707.

³¹ Вопрос о повышении пенсионного оклада вдовы до 2/3 суммы причитающейся мужу несколько раз поднимался членами «Комиссии по обзору операционных касс Морского ведомства», однако в связи со значительными тратами, к которым привело бы это начинание, подобная инициатива отклонялась // Труды Комиссии по обзору операционных действий Эмеритальной кассы Морского ведомства за третье семилетие ее существования. СПб., 1878. С. VII–VIII.

сократилось на 85 чел. (62 — умерли, 2 — вышли замуж и 21 начисление было прекращено в связи с «не требованием пенсии более двух лет»), а вновь пенсии были назначены 96 вдовам³².

В 1880 и в 1894 гг. Военное министерство выпустило два новых «Положения об эмеритальной кассе»³³. Первое расширяло число лиц, подлежащих признанию, второе серьезно его сокращало. В Положении 1880 г. улучшение коснулось вдов младшего офицерского состава. По новым правилам право на пенсию получали вдовы лиц, умерших на службе до выслуги пяти платных лет. Этим женщинам пенсия должна была быть предоставлена «как бы за эти годы»³⁴.

Поскольку участие в эмеритальной кассе было обязательным для всех чиновников военного ведомства, к середине 90-х гг. XIX века существовала только одна категория служащих, прослуживших положенное число лет на государственной службе (25–35), но не имевших такого же стажа участия в кассе. Это были чиновники, пришедшие в данное учреждение из других министерств. По положению 1894 г. право на обычную эмеритальную пенсию (в отличие от пенсии по сокращенному сроку, связанной с получением на службе серьезных болезней, четкий список которых был внесен в текст) приобреталось не менее чем 20 годами выплат в кассу. Те же требования к сроку службы и к продолжительности производимых выплат устанавливались для вдов. Уменьшить количество семейств, подлежащих выдачам из кассы, должно было лишение права на пенсию вдов, вступивших в брак с участниками кассы во время нахождения последних «в отставке, запасе армии или на службе вне военно-сухопутного ведомства», кроме тех, мужья которых после брака вновь «поступили на военно-сухопутную службу»³⁵.

Несмотря на сокращение числа получателей пенсии, расходы на вдов из эмеритальной кассы военного ведомства были гигантскими. В 1902 г. было выплачено 31.276 пенсий, из них только без-

³² Обзор отчета заведующего делами Эмеритальной пенсионной кассы Морского ведомства за 1892 год. СПб., 1893. С. 18–21.

³³ ПСЗ. Собрание — 2. Т. LV. 1880. № 60545. СПб., 1884. С. 5–22; Там же. Собрание — 3. Т. XIV. 1894. № 10636. СПб., 1898. С. 265–301.

³⁴ Положение об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства. СПб., 1880.

³⁵ ПСЗ. Собрание — 3. Т. XIV. 1894. № 10636. СПб., 1898. С. 283–284.

детные получили 9.035 пенсий, категория же, в которую были совместно включены вдовы с детьми и круглые сироты, составила еще 10.231 пенсию. Всего же за 38 лет функционирования эмеритальной кассы военного ведомства было выписано 58.867 пенсионных окладов, из них на долю вдов пришлось 24.861 (42,2%)³⁶.

В связи с постоянным увеличением числа женщин в составе гражданских лиц, приписанных к военному и морскому ведомствам, перед руководством соответствующих министерств встал ряд вопросов. Следует ли обязать женщин участвовать в эмеритальной кассе, предоставить ли им это в качестве добровольного решения или вообще не допускать их к участию в эмеритуре. Если женщины будут участвовать в кассе, то получают ли их мужья право на пенсию после смерти служащей. Морское министерство уже с 1873 г. допустило участие женщин-медиков к участию в эмеритальной кассе, и для этого ведомства актуальной стала проблема прав супруга на пенсию, выслуженную женой. Комиссии, рассматривавшие вопрос в течение 1870-х гг., практически без обсуждения приходили к выводу о том, что на заработанную женщиной пенсию, в том числе эмеритальную, имеют право только ее дети, но никак не вдовцы³⁷. Военное же ведомство решило вопрос по-другому: эмеритальная касса этого министерства так и не была открыта для служивших в нем женщин³⁸.

В некоторых ведомствах России в последней трети XIX – начале XX веков значительный процент, или даже большинство служащих составляли женщины. Следовательно, для нормального функционирования данных эмеритур участие женщин в их деятельности было обязательным. Типичным примером может служить Учреждение детских приютов, входившее в состав Ведомства Императрицы Марии. Эмеритальная касса детских приютов начала свою деятельность летом 1865 года. Первоначально она должна была предоставлять пенсии лишь самим служащим. «Пользование эмеритурой, составляя личное право вкладчиков, ни в коем случае не распространя-

³⁶ Отчет о денежных оборотах эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства. СПб., 1903. С. 21–27.

³⁷ Труды Комиссии по обзору операционных действий Эмеритальной кассы Морского ведомства за третье семилетие ее существования. СПб., 1878. С. 758–759.

³⁸ Свод военных постановлений. Кн. VIII. Изд. — 3. СПб., 1915. Ст. 615.

ется на их наследников», — подчеркивалась в Положении об ее учреждении. Однако уже в январе 1878 года в новом Положении об эмеритальной кассе детских приютов эта часть документа была пересмотрена и дополнена. В новом Положении говорилось:

«Пользование эмеритурой составляет личное право вкладчиц в эмеритальную кассу и ни в коем случае не распространяется на их наследников. Но после смерти вкладчиков, т.е. чиновников, заслуживших эмеритурю, право на оную... переходит на их вдов».

Размер выплат вдове составлял половину от пенсии ее супруга³⁹. И так, схожие положения, четко разделявшие права вдов и вдовцов на пенсию за служащего, существовали и в структурах, где женщин было немного и там, где они составляли большинство⁴⁰.

Назначению пенсии вдове предшествовала довольно значительная переписка между нею и соответствующими государственными инстанциями или правлением эмеритальной кассы. Подавая заявление на выдачу пенсии, вдова должна была предоставить метрические документы о ее бракосочетании и о смерти чиновника, указ о его отставке или послужной список (для умерших во время прохождения службы)⁴¹. Нередко вдове приходилось осуществлять их долгие поиски, либо пытаться доказать свое право на получение пенсии без наличия того или иного документа. Например, в бумагах умершего в марте 1862 года действительного статского советника А. П. Римского-Корсакова не оказалось указа об отставке, хотя в течение значительного времени перед смертью чиновник получал пенсию за свою службу. Вдове Римского-Корсакова понадобилось привлечь несколько инстанций, чтобы доказать возможность замены отсутствующего документа справкой из казначейства, выплачивавшего мужу пенсию за службу.

После предоставления вдовой всех бумаг производился сбор сведений о ней и ее умершем супруге. Выяснялось, в частности, не

³⁹ ПСЗ. Собрание — 2. Т. XL. 1865. От. 1. № 42166. СПб., 1867. С. 594–597; Устав Эмеритальной кассы детских приютов Ведомства Учреждений императрицы Марии, Выс. утв. 1 января 1878 года. СПб., 1893.

⁴⁰ Св. Зак. Т. III. Кн. 4. Уставы эмеритальных касс гражданского ведомства. СПб., 1906.

⁴¹ Св. Зак. Т. III. Кн. 2. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1896. Ст. 162.

осталось ли за ним каких-либо неоплаченных взысканий, которые после его смерти должны были быть перенесены на вдову. Только после того, как представитель местной власти доносил в соответствующее казначейство о том, что и сама вдова «не подвергалась суду и наказанию» ей начинали выдавать пенсионные суммы. В среднем от смерти чиновника до получения вдовой первой выплаты проходило около полугода⁴².

Несмотря на значительный в целом объем средств, затрачиваемых государством и эмеритурой на пенсионное обеспечение вдов, очень немногие из них считали, что выдаваемая им сумма достаточна для «сносной» жизни. Причины такого явления в большинстве своем были вполне объективны, хотя присутствовала и психологическая составляющая. Прежде всего, пенсии за служащих низших и даже средних классов (особенно если к ним не прибавлялась эмеритура) действительно были крайне малы, не достигая подчас и трех десятков рублей в год⁴³. Серьезное значение имело и то, что пенсии вдове и детям чиновника, как правило, выдавались нераздельно. По мере достижения сыновьями и дочерьми пенсионного совершеннолетия (первые в 17 лет, вторые в 21 год), сумма сокращалась на часть, приходившуюся на долю соответствующего ребенка, но если данный член семьи по каким-либо причинам не приобретал собственного заработка, то содержание их в большинстве случаев осуществлялось из пенсии матери. К тому же, многодетные семьи, имевшие более трех детей, вне зависимости от того, сколько несовершеннолетних детей было в реальности, все равно могли получить сообща не более всей пенсии чиновника, хотя, как уже отмечалось, на одного ребенка полагалась 1/3 от второй половины пенсии отца. Ухудшало положение вдов и то, что смерти чиновника нередко предшествовала болезнь, что вместе с последующими расходами на похороны втягивало семью в долги, своевременная отдача которых

⁴² См. Дело о исходотайствовании пенсии вдове Действительного статского советника С.В. Римской-Корсаковой. ЦГИА СПб. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 49.

⁴³ Так, напр., государственная пенсия вдовам офицеров и военных чиновников VIII–IX разрядов могла составлять 28 р. 59 коп. в год. См. Табель окладов пенсий, назначаемых по разрядам должностей офицеров и военным чиновникам, их вдовам и сиротам // Свод военных постановлений. Кн. VIII. Изд. — 3. СПб., 1915. Приложение к ст. 292. С. 240–241.

была возможна только при получении новых и новых займов. Наконец, многим вдовам чиновников пенсия вообще не полагалась.

Как это ни удивительно, но на свое «невыносимое» материальное положение жаловались и вдовы представителей высшей администрации и генералитета, нередко получавшие пенсии по тысяче рублей и более. Здесь речь шла о невозможности соответствовать привычному для них уровню жизни, что также психологически воспринималось как «бедность». Характерно, что различные инстанции, в которые обращались такие «нуждающиеся», как правило, также не видели никакого лукавства в жалобах на тяжелое материальное положение со стороны генеральши, получательницы значительной пенсии. Если ее доход не превышал 1,5–2 тыс. рублей, то вдова высшего чиновника, как не способная жить по своему статусу, вполне могла рассчитывать на повышение пенсии или назначение единовременного пособия.

Со своими материальными проблемами и просьбами о выделении пособий и повышении пенсий за службу мужей вдовы чиновников не стеснялись обращаться в различные инстанции: Александровский Комитет о раненых и Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников, другие благотворительные организации, дворянские собрания и, наконец, лично на имя императора.

Александровский Комитет был учрежден в 1814 г. для помощи отставным генералам, штаб- и обер-офицерам, раненым в годы Отечественной войны и заграничных походов, а также членам их семейств. Постепенно состав призреваемых увеличивался и к середине XIX в. помощью комитета могли пользоваться все «лица, служащие в частях и учреждениях военного и морского ведомств», а также «вольнораемные лица, допущенные к участию в военных действиях» и члены их семей⁴⁴. Вдовы убитых или умерших от ран офицеров могли обращаться в комитет как для получения добавок из инвалидного капитала к причитавшимся им государственным пенсиям, так и с целью выхлопотать полную пенсию из инвалидного капитала, которая бы предоставлялась им независимо от пенсии из казны.

За первые 50 лет существования комитета основным способом вспомоществования вдовам было предоставление добавок к госу-

⁴⁴ Столетие Александровского Комитета о раненых. СПб., 1914. С. 1.

дарственной пенсии и выплата единовременных пособий. Полные пенсии выдавались редко. Например, в 1859 г. такие пенсии были назначены только трем офицерским вдовам⁴⁵.

Постепенно число лиц, получавших полные пенсии, значительно выросло. На полную инвалидную пенсию имели права следующие лица: с 1877 г. — вдовы, чьи мужья получили раны в царствование Александра I; с 1881 г. — вдовы убитых, умерших от ран и пропавших без вести в войну 1877–1878 гг. (в первый же год данной льготой воспользовалось 397 вдов офицеров), вдовы участвовавших в боях с текинцами и афганцами и умерших при исполнении служебных обязанностей; с 1883 г. — вдовы вообще всех убитых, умерших от ран и без вести пропавших офицеров, лишившихся мужей после 15 мая 1883 г.; с 1893 г. — последнее правило было распространено и на вдов, чьи мужья погибли или умерли до 15 мая 1883 г.; с 1894 г. — право на пенсию приобрели вдовы инвалидов первого класса, состоявших под покровительством комитета, но умерших не от последствия этих ран⁴⁶. Вдовы генералов и офицеров, убитых в ходе Крымской войны 1853–1856 гг., или умерших от полученных в этой войне ран, могли претендовать также на единовременные пособия в размере годовых окладов жалования их мужей.

Однако не все из вышеназванных лиц в действительности пользовались покровительством комитета. При принятии решения о наделении вдовы пенсией или пособием в расчет бралось наличие или отсутствие у нее собственного состояния. В последней трети XIX века нормальным материальным обеспечением, лишавшим просительницу права на помощь со стороны Комитета, были следующие доходы: для вдов генералов — 1500 руб., вдов штаб и обер-офицеров — 750 руб. в год. Летом 1896 года эта норма была повышена: для вдов генералов до 3000 руб., вдов штаб и обер-офицеров соответственно — 1500 и 1000 руб. в год⁴⁷.

⁴⁵ Отчет комитета о раненных за 1859 год. СПб., 1860. С. 5.

⁴⁶ Краткий очерк деятельности Александровского Комитета о раненных, за последнее 25-летие (1864–1889). СПб., 1889. С. 1, 9–10; Обзор мероприятий по Александровскому комитету о раненных за 1892–1902 гг. СПб., 1902. С. 9.

⁴⁷ Свод военных постановлений. Кн. VIII. СПб., 1869. Ст. 543. Приказ по Военному ведомству 1896. № 151.

Если средств Комитета не хватало на обеспечение всех, кто имел право на его покровительство, то вновь поступавшие становились «кандидатками» и получали «кандидатское пособие», которое выплачивалось до начала предоставления пенсии. Так, на 1 января 1881 г. пенсии выдавались 1.038 вдовам и сиротам генералов и офицеров. В течение года прекратили получение 39 чел., а перешли из кандидатов в основной состав 63 лица. В результате на 1 января 1882 года в кандидатском списке остался 21 чел. Спустя почти три десятилетия — на 1 января 1910 года пенсии от комитета получали уже 2.422 семейства генералов и офицеров. За этот год убыло из покровительства 80 чел., а поступило из кандидатов в пенсионеры 75 чел. При этом в кандидатском списке осталось еще 18 лиц⁴⁸. Как видим, несмотря на постоянное увеличение числа пенсионеров, вдовам до начала получения пенсии приходилось все же ждать несколько месяцев, а то и год, удовлетворяясь лишь пособиями.

В 1823 г. был создан Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников. К нему могли обращаться за помощью гражданские чиновники, «расстроившие здоровье от трудов» и покинувшие службу до того, как получили пенсию по выслуге, и члены их семей, находящиеся в «крайней бедности». Комитет мог предоставлять полные и «добавочные» пенсии, которые прибавлялись к средствам, выдаваемым либо из государственного казначейства (нередко комитет предварительно выступал с ходатайством о получении таковой), либо из эмеритальной кассы. В любом случае общая сумма пенсии, получаемой вдовой чиновника не могла превышать 600 рублей в год. Минимальная же пенсия вдове устанавливалась в 28 руб. 59 коп. в год⁴⁹. В конце 1870-х годов проживавшие в Петербурге бездетные вдовы, получали от Комитета пенсии следующих размеров: до 100 руб. — 135 (40%) женщин, от 100 до 200 руб. — 129 (38%), от 200 до 300 руб. — 43 (13%), и от 300 руб. и выше — 30 (9%) чел.⁵⁰

⁴⁸ Отчет Александровского Комитета о раненых за 1881 год. СПб., 1882. С. 18–19. То же за 1910 год. СПб., 1911. С. 24–25.

⁴⁹ Св. Зак. Т. III. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. СПб., 1857. Ст. 912, 916, 917, 948-959.

⁵⁰ Об учреждении приюта для помещения и содержания в оном лиц, подлежащих покровительству Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников. СПб., 1883. С. 3.

Помимо пенсий комитет предоставлял пособия из собственных средств или хлопотал о назначении их от «монарших щедрот».

Количество лиц, имевших право на покровительство комитета, постоянно превышало его финансовые возможности. Число «ожидающих» семейств, подавших заявления о назначении им пенсии или пособия, но получивших лишь право встать в очередь на помощь, в середине 60-х гг. XIX в. составляло около 1200⁵¹. В последующие годы эта очередь за пенсиями лишь росла: в 1870 г. в ней состояло более 1500 чел., а в 1875 г. — более 1700 чел. Причем «ближайшие кандидаты», вдовы, которые должны были получить пенсию в самом скором времени, ожидали около десяти лет⁵².

На местах материальную помощь вдовам чиновников оказывали, прежде всего, специально организованные кассы. Например, основанная в 1873 г. Курляндская вспомогательная касса для чиновников, их вдов и сирот, ежегодно выдавала пособия разных размеров более чем 50 вдовам⁵³. Основным средством помощи семьям членов действовавшего в начале XX века в Петербурге Общества взаимопомощи офицерских и классовых чинов Управления С.-Петербургского градоначальника и столичной полиции было предоставление им пособия на похороны умершего участника кассы. Характерно, что размер полагавшихся на этот счет выдач был очень значителен. Так, в марте 1912 г. вдова губернского секретаря В. А. Андреева, Л. И. Андреева получила на погребение мужа 679 р. 50 коп. Эти средства формировался за счет специального «смертного» взноса, более чем в три раза превышавшего «учетный» взнос, из которого пособия получали живые участники кассы. Например, в 1910-х годах члены общества ежегодно платили в среднем 5 руб. обычного взноса и 18 руб. — «смертного». Пособие могло быть предоставлено любому из родственников участ-

⁵¹ Записка с изложением заключений Гг. Министров и Главноуправляющих отдельными частями по предложению Комитета заслуженных гражданских чиновников об увеличении денежных его средств. СПб, 1866. С. 1.

⁵² Журнал Высочайше учрежденной при Комитете призрения заслуженных гражданских чиновников, для изыскания способов к увеличению и обеспечению финансовых средств его и для пересмотра пенсионных его правил. СПб., 1875. С. 1.

⁵³ Сборник сведений о благотворительности в России. СПб., 1899. С. 336.

ника кассы, никаких норм и соотношений между вдовой и детьми не устанавливалось. Вступая в общество, каждый чиновник должен был отдать в его правление запечатанный конверт, содержащий имя лица или лиц, которым причиталось выдать «погребальный капитал». Как правило, деньги поступали либо к вдовам целиком, либо делились пополам между вдовой и детьми⁵⁴.

Определенную помощь дворянкам — вдовам чиновников оказывали местные дворянские собрания, выдавая из сумм дворянства пособия или, значительно реже, пенсии. Прежде всего, деньги предоставлялись вдовам, чьи мужья служили в дворянских организациях по выбору или в качестве канцелярских и прочих чиновников. Такие пенсии и пособия не входили в разряд средств, выделяемых на бедных дворян, а значились при составлении бюджетов общества отдельной строкой. Бывали случаи, когда для того, чтобы вдовы лиц, служивших в дворянской организации, получили пенсии, повышался размер частной дворянской повинности, лежавшей на местных имениях дворян.

Иногда на средства из дворянской кассы могли рассчитывать и женщины, мужья которых или они сами были вписаны в местные родословные дворянские книги, или, по крайней мере, имели недвижимость в данном уезде или губернии. Денежные средства для помощи неимущим и бедным дворянам имели как губернские, так и уездные дворянские собрания. Распоряжение этими деньгами входило в обязанности предводителя дворянства, который назначал пособия или пенсии после изучения просьбы. Дознание выражалось в выяснении действительного материального положения просительницы, ее поведения и принадлежности к местному дворянству⁵⁵.

Иногородние неимущие дворяне, которых было много в крупных городах, и особенно в Петербурге, не имели никаких шансов получить средства из местных фондов. Они могли рассчитывать разве что на пособие от своего дворянского общества. Для этого им

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 15. Л. 14–19.

⁵⁵ Вот что выявило «дознание о средствах к жизни и поведении» вдовы коллежского ассессора из дворян А.В. Янковской: «вдова 55 лет, имущества как движимого, так и недвижимого никакого не имеет, даже не имеет предметов необходимости, поведения хорошего, под судом и следствием не состоит». ЦГИА СПб., Ф. 1024. Оп. 1. Д. 128. Л. 29.

необходимо было обратиться к предводителю дворянства по месту проживания с просьбой, чтобы он сопроводил их обращение своим отношением и направил оба документа в ту местность, где данные лица были внесены в родословную книгу. Как правило, они получали из своего уезда ответ, что весь идущий на помощь неимущим дворянам фонд уже израсходован. Именно так, например, отреагировал на ходатайство о пособии, поданное через царскосельского уездного предводителя дворянства вдовой войскового старшины Астраханского казачьего войска Л. Н. Свекольниковой, красноярский уездный предводитель дворянства⁵⁶.

Личные заслуги дворянки перед данной территорией при определении ей помощи из местных средств не имели равным счетом никакого значения. Так, вдова дворянина М. С. Достоевская долгие годы занималась частной акушерской практикой в Царском Селе и была здесь хорошо известна. Закончив в 1905 году в связи с болезнью и пожилым возрастом свою трудовую деятельность, она обратилась за ежегодным пособием к местному дворянскому обществу. Однако же ей было предложено писать на имя московского предводителя, так как именно в Москве она была внесена в родословную книгу. Правда, уездные дворяне считали своим долгом выхлопотать для М. С. Достоевской единовременное (а не ежегодное) пособие в 25 рублей от московского дворянства⁵⁷.

Размер предоставляемых пособий зависел от количества наличных средств и от числа нуждающихся, обратившихся за помощью. Так, в начале 1890-х годов тихвинский предводитель дворянства мог выделить на всех просителей не более 400 руб. в год, а на вдов из этой суммы приходилось около 1/3. Среднее же пособие на одну вдову равнялось 20 руб., а вдовья пенсия составляла 5 руб. в месяц (60 руб. в год)⁵⁸.

Список одних только вариантов обращений вдов к «монаршей милости» за материальной помощью был более чем внушителен: предоставление не предусмотренной законом или не выслуженной

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

⁵⁷ По вторичному прошению, поданному в 1907 г., Московское дворянство предоставило М.С. Достоевской только 10 рублей. ЦГИА СПб., Ф. 1116. Оп. 1. Д. 211. Л. 27–29, 37–39.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 128.

чиновником в полном объеме пенсии его вдове, а также увеличение размера уже назначенной; разрешение передать вдове после совершеннолетия детей чиновника ранее причитающуюся им часть пенсии; согласие на сохранение пенсии вдове за умершего мужа после ее нового замужества; предоставление единовременного пособия пенсионерке в связи с незначительностью получаемой ею пенсии; прошения об оплате отдельного помещения во Вдовьем доме или в другом благотворительном заведении и т.д. Как правило, для получения денег требовалось указание на нехватку пенсии для удовлетворения насущных потребностей (при этом сообщался размер действующих начислений, который колебался от 19 руб. до 1,5 тыс. руб. в год), крайне полезными были также рекомендации местного губернского и столичного чиновников. Обязательным элементом прошения вдовы было указание на ее болезненное или старческое состояние, которое лишало ее возможности добывать необходимые средства собственным трудом. Данная фраза имела скорее «ритуальный» характер. Справедливость этой ссылки никто не проверял и если мужчина, обращавшийся в любую из инстанций с просьбой о материальной помощи, всегда должен был предоставить врачебное свидетельство, то от женщин оно не требовалось.

Императоры получали на рассмотрение два вида бумаг, предполагавших денежные выдачи: ведомости со списком лиц, которым предоставлялись единовременные пособия до 100 руб., и отдельные письменные или устные всеподданнейшие доклады от имени главы учреждения (статс-секретаря у принятия прошений, командующего Императорской главной квартирой, главноуправляющего Канцелярией прошений), в которых речь шла о выделении, повышении или передаче пенсии, а также назначении крупных единовременных пособий.

К 1860-м годам в Комиссии сформировались основные принципы принятия решений по материальным просьбам, распространявшиеся и на вдов. Во-первых, это предоставление пенсий или так называемых «постоянных пособий» лишь в крайнем случае и при наличии высоких рекомендаций и по возможности замена этих ви-

дов вспомоществования единовременными выплатами⁵⁹. Это касалось, как ни удивительно, даже просьб о внесении средств за содержание в благотворительном заведении, которые из года в год подносились императорам по мере прихода срока уплаты полагавшейся суммы⁶⁰. В то же время, если получавшая помощь вдова, была сама по себе влиятельной фигурой или имела высокопоставленных родственников, то она сохраняла право на выплаты даже тогда, когда исчезали все возможные к этому основания. Так, в 1886 г. вдове штабс-ротмистра Фролова было предоставлено «от монарших щедрот» постоянное пособие в размере 345 руб. в год. В 1889 г. она вышла замуж за князя Имеретинского и обратилась в Канцелярию с ходатайством о сохранении ей пособия «для воспитания детей от первого брака». И готовившей бумаги О. Б. Рихтер, и подписавший документ император Александр III, посчитали, что материальное положение женщины действительно требует сохранения ей прежних выплат⁶¹.

Во-вторых, лица, ранее пользовавшиеся «пособиями от монарших щедрот» могли обращаться с просьбой о помощи в связи с «бедственным положением» только через два года после пожалования, и лишь в том случае если «по свидетельству лиц, доверия заслуживающих, положение просителей не изменилось к лучшему»⁶². Направленные «досрочно» повторные ходатайства сохранялись и рассматривались императором по истечении установленного срока. Впрочем, это правило, опять же касалось не всех, и при обоюдном желании (как просителя, так и Канцелярии) его можно было обойти, испросив помощь не в связи с «бедственным положением», а, например, в связи с предстоявшим лечением⁶³.

⁵⁹ См., напр., прошение вдовы титулярного советника кн. Гагариной. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. Л. 160.

⁶⁰ См., напр., РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 848. Л. 121–121 об.

⁶¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 406–407.

⁶² РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 849. Л. 97–97 об.

⁶³ Напр., вдова полковника Е. Дворжицкая обращалась за пособием «в связи с тяжелым положением» практически ежегодно в течение 1880-х годов. Проводимая Канцелярией политика экономии казенных средств выразилась в отношении данной просительницы в том, что если в первые годы ей давали по

Императоры Александр II и Николай II удовлетворялись этими, осуществляемыми самой Комиссией (Канцелярией), предосторожностями. Иначе поступал Александр III, задавшийся целью сократить выделение пособий, и обеспечивать поддержкой только действительно нуждавшихся лиц. Внимательно изучая всеподданнейшие доклады по Канцелярии, он нередко менял подготовленные ему резолюции, а иногда сопровождал свое согласие крайне нелицеприятным для просительницы комментарием. Так, на тексте всеподданнейшего доклада о предоставлении вдове полковника М. Кочуковой по ее просьбе 200 руб., глава государства написал: «На этот раз можно, но она страшная попрошайка»⁶⁴. Нередко Александр III уменьшал объем испрашиваемой выдачи (указывая, что и назначенная им сумма представляется вполне достаточной⁶⁵), или же вопреки мнению статс-секретаря у принятия прошений (в дальнейшем — командующего Императорской главной квартирой) вовсе отказывал просителю⁶⁶. Например, уже на всеподданнейшем докладе от 6 апреля 1881 г. мы находим отказ на прошение вдовы полковника Ф. Крейтор, получавшей денежные пособия в предыдущее царствование и поддержанной статс-секретарем князем С. А. Догоруким. Однако руководство Комиссии (Канцелярии) в вопросах продвижения своих протеек оказывалось значительно более последовательным, чем император. Если по требованию Александра III ей все же было отказано в 1881 и 1882 гг., то позднее (в 1884 г.) она получила 300 руб., в 1885 г. — 500 руб., в 1888 г. — 200 руб. и в ноябре 1889 г. — еще 200 руб.⁶⁷ В результате и при этом царе количество подобных прошений постоянно возрастало. С наступлением же следующего царствования ситуация лишь ухудшилась⁶⁸. В 1907 — 1908

250 р., то затем размер пособия был снижен до 200 р. в год. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 5.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 62.

⁶⁵ Писарев С. Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее Имя. 1810–1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 158

⁶⁶ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 849. Л. 27.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 670–672.

⁶⁸ Условия работы Комиссии (Канцелярии) Прошений и правила надления нуждающихся дворян пособиями см.: *Веремко В. А.* Дворянские семьи второй половины XIX — начала XX веков в поисках «Монаршей мило-

годы ежегодно только по вопросам о повышении и назначении пенсий на имя Николая II поступало около 5,5 тыс. прошений, из них около половины — от вдов. Канцелярия прошений в среднем удовлетворяла от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ подобных ходатайств, расходуя на эти статьи большую по тем временам сумму, почти 180 тыс. рублей в год⁶⁹.

Особую группу прошений на имя императора по поводу пенсий вдовам составляли просьбы мужей об изменении в отношении их жен общегосударственных законов о наделении семейств пенсиями за службу чиновников. Такие просьбы можно объединить в две основные группы по смыслу ходатайства. К первой относятся пожелания предоставить жене не положенную ей пенсию, а ко второй, наоборот — лишить жену причитающейся ей за службу просителя законной выплаты.

Чаще всего по поводу наделения жен пенсиями хлопотали мужья, которые вступили в брак, не дававший права семье на пенсию по правилам эмеритуры (после достижения 60-ти летнего возраста или после прекращения военной службы). Подобные прошения удовлетворялись только при рекомендации руководителя соответствующего ведомства. Хотя и очень редко, но все же встречались просьбы разведенных мужей, вступивших в повторные браки, предоставлять пенсию за службу не их новым женам, а тем, с которыми они были разведены. Так, в 1910 г. на имя Николая II обратился действительный статский советник А. А. Башмаков, который, ссылаясь на предшествовавшие примеры, просил, чтобы после его смерти, «могущая быть назначена ... вдове пенсия, по всей нравственной справедливости» была предоставлена его жене Каролине Ивановне, с которой он в тот момент разводился, «и лишь в случае смерти Каролины Ивановны... моей будущей второй жене». Согласованный с главноуправляющим Канцелярией прошений бароном А. А. Будбергом и предполагавший положительное решение вопрос, был снят самим А. А. Башмаковым. В связи со смертью невесты, он обратился в Св. Синод по поводу пересмотра его решения о разводе с целью сохранения первого брака⁷⁰.

сти) (по материалам канцелярии Е.И.В. по принятию прошений) //Вестник молодых ученых. 2004. 3. (серия: Исторические науки. 2002.2). С. 32–43.

⁶⁹ Писарев С. Н. Указ. соч. С. 201–203.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 43.

Совсем по другому поводу беспокоились чиновники, жившие отдельно от своих жен, и не желавшие предоставлять им право пользования не заслуженными ими благами. Размер возможных дивидендов значения не имел, значительно большую роль играл сам принцип. Например, в 70-80-е гг. XIX в., отставной майор князь К. Г. Шервашидзе получал две пенсии. Одна, потомственная, в размере 5.000 руб. выплачивалась ему по специальному «высочайшему повелению» как «брату последнего владельца Абхазии Михаила», и рассматривалась как его благоприобретенное имущество, которое он мог передать по наследству своим детям. Вторая, служебная, в размере 230 руб. после его смерти должна была быть распределена по действующим правилам между вдовой и несовершеннолетними детьми. Князь, имевший несколько тысяч рублей дохода, так переживал, что его жене, А. П. Шервашидзе, с которой он не жил много лет, может достаться 115 руб. годового дохода, что вложил в свое завещание личное письмо на имя императора Александра III с просьбой лишить ее этих денег. Однако пожеланию князя не суждено было сбыться. Чиновники Канцелярии прошений, куда было передано письмо после вскрытия завещания князя в феврале 1884 г., посчитали обременительным для себя заниматься этим вопросом, и закрыли производство «за смертью просителя»⁷¹.

Итак, во второй половине XIX – начале XX веков вдовы чиновников гражданских и военных ведомств могли при соблюдении определенных условий получать как государственную, так и эмеритальную пенсии (конечно, в тех учреждениях, где существовала эмеритальная касса). Служба мужа служила также обоснованием для наделения вдов средствами от дворянских обществ, от благотворительных организаций, и даже для выдаваемых вне всяких правил от имени монарха пенсий и пособий. Вместе с тем вдовцам аналогичная льгота не предоставлялась, и даже в начале XX века, когда создатели проекта Гражданского уложения обдумывали порядок выплат женой содержания своему мужу, ни один пенсионный устав не предполагал возможности обеспечения вдовца за службу жены.

⁷¹ РГИА. Ф. 1412 Оп. 29. Д. 348.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ

Е. Ю. ЛЫКОВА

ЖЕНЩИНЫ КОНКИСТЫ

Конкиста обычно представляется как цепь экспедиций в различные области Нового Света. В XVI веке ее героями считались отважные мореходы, неутомимые солдаты и неистовые миссионеры. Одни — с мечом в руках, другие — с крестом сражались, чтобы подчинить Европе вождей диких племен или правителей языческих государств Америки. Казалось бы, в этом мужском мире не было места для женщин, только амазонки могли бы оставить в нем заметный след. Однако в рассказах об Э. Кортесе, Ф. Писарро, П. де Альварардо или о Б. де Лас Касасе встречаются женские имена.

Попробуем проанализировать, какие роли выпадали испанкам и индеанкам в эпоху конкисты. Трудность разработки данного сюжета обусловлена узостью источниковой базы. Редкие фрагменты в хрониках, несколько строк в официальных документах, отдельные страницы в индейских пиктографических «кодексах» — вот практически весь перечень материалов¹. Поэтому важны данные, собранные этнологами, фольклористами, а также специалистами по гендерной истории Латинской Америки². Среди них наиболее интересна работа К. Пумар Мартинес, в которой суммированы сведения о вкладе уроженок Испании в становление и развитие колониального

¹ *Muriel J. Cultura femenina novohispana. Mexico, 1982. P. 23–120.*

² *Mujeres mexicanas notables. Mexico, 1975; Muriel J. Op. cit.; Las mujeres latinoamericanas. Mexico, 1985; etc.*

общества³. Подобного сочинения, посвященного судьбам индейских женщин XVI-XVIII веков пока нет, соответствующие вопросы в большей или меньшей степени освещены в трудах специалистов по региональной истории⁴.

История распорядилась так, что в течение первой половины XVI века большая часть автохтонного населения Америки к югу от Рио-Гранде соприкоснулась с белыми завоевателями. Несмотря на вторжение чужеземцев, аборигены продолжали действовать в соответствии с древними традициями. Данные обстоятельства в значительной степени предопределили спектр ролей, выпавших на долю индейских женщин.

Неписанные правила, которыми руководствовались коренные обитатели Нового Света, жестко разграничивали роли женщин и мужчин, как в мирное, так и в военное время. В период войны на женские плечи возлагались заботы о поддержании хозяйства, о стариках и детях, о раненых и т. д. Индеанки могли выполнять различные поручения мужчин и таким образом помогать бороться с врагом. Нормально функционирующее традиционное общество не требовало от них проявлять активность и самостоятельность в военной сфере. Даже воинственные ацтеки при рождении мальчика говорили, что ему предстоит с честью умереть за свой народ, а новорожденным девочкам был адресован наказ — стать матерями новых воинов. Поэтому индейские женщины в годы конкисты оставались в основном пассивными. В зависимости от обстоятельств, они могли оказаться в числе жертв войны, могли пополнить ряды невольниц, превратиться на время в заложниц и т. д. Часто индеанкам приходилось бросать дома и хозяйство и скрываться в лесах. Они, как и мужчины, страдали от нехватки продовольствия, умирали от занесенных из Старого Света болезней. В хрониках нередко встречаются сообщения об их гибели во время боев рядом с мужьями.

Согласно предписаниям метрополии, конкистадоры не должны были притеснять мирных жителей Нового Света, особенно в тех областях, где индейцы без сопротивления признали вассальную зависимость от Испании. На практике все выглядело иначе. Конки-

³ *Pumar Martines C.* Españolas en Indias: Mujeres-soldado, adelantadas y gobernadoras. Madrid, 1988.

⁴ *Mujeres mexicanas notables.* P. 11–13.

стадоры действовали на чужой территории, постоянно ощущая себя «на передовой», не рассчитывая на поддержку с тыла. Они практически находились вне контроля европейского мира, жили по «законам границы», т.е. могли игнорировать любые нормы, если такие действия сулили выгоды. Даже симпатизировавшие завоевателям очевидцы событий отмечали, что испанцы, надеясь подавить дух сопротивления в индейской среде, широко использовали тактику запугивания, часто ею злоупотребляя.

Знаменитый защитник индейцев Б. де Лас Касас собрал множество сведений, касающихся жестокого обращения с покоренным населением, в том числе — с женщинами. Он рассказал, как в Вест-Индии и на континенте индейцев травил собаками, отрубали им руки, истязали матерей с грудными младенцами и т.п. Не менее красноречивы слова хрониста Д. де Ланда. Он сообщил, что в одном из селений Юкатана капитан приказал повесить двух индейцев «не за какую-либо вину, но потому, что они были очень красивыми, и опасались волнений из-за них в испанском лагере»⁵. Крайне редко конкистадорам приходилось нести ответственность за свои неблагоприятные поступки. Еще реже метрополия решалась их наказывать за несущественные нарушения предписаний.

«Законы границы» не запрещали грабить противника, обращать в рабство тех, кто оказал сопротивление, и не только их. Известно, что конкистадоров интересовало в первую очередь золото. По мнению историка Х. Олива де Коль, женщины были «для испанцев почти столь же желанной добычей»⁶. Думается, данное утверждение вполне правомерно. Солдат Кортеса, хронист Берналь Диас дель Кастильо постоянно подчеркивал, как радовались его соратники, когда индейцы передавали им невольниц. Рабыни и служанки заменяли испанцам подруг, а также избавляли участников завоевательных походов от обременительных работ, таких как помол кукурузы, приготовление пищи, стирка и т.д.

Как и другие конкистадоры, солдат видел в индейках своеобразный предмет первой необходимости. «Уже привели туда женщин, чтобы делать хлеб из маиса, и принесли кур, фрукты, рыбу и

⁵ Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.-Л., 1955. С. 132.

⁶ Олива де Коль Х. Сопротивление индейцев испанским конкистадорам. М., 1988. С. 83.

прочее съестное» — вот одна из характерных его фраз⁷. Участников экспедиций очень беспокоил вопрос, кто окажется хозяином невольниц. Спустя много лет Берналь Диас с обидой писал о том, как Кортес приказал собрать всех рабов, но на самых молодых и красивых женщин было поставлено королевское клеймо, солдатам вернули лишь старых и уродливых индейцев⁸. После данного происшествия конфликты из-за невольниц стали еще более острыми. Конкистадоры старались скрывать красавиц. Показательно, что на судебном процессе против П. де Альварадо были выдвинуты обвинения в захвате невольниц, принадлежавших другому человеку. Свидетели подчеркнули, что женщины славились красотой. Судя по невразумительным объяснениям конкистадора, он не только отнял служанок, но и убил или приказал убить их господина⁹.

Обзаводясь невольницами, испанцы не обременяли себя заботой о них. Рабов и рабынь бросали на произвол судьбы при отступлении, зная, что враждебные племена могут их превратить в жертвы богам. Так случилось при бегстве отрядов Кортеса из ацтекской столицы в 1520 г. очевидцы засвидетельствовали, что испанцы были огорчены утратой слуг, но в смерти десятков невольников видели естественные потери войны. Понимая это, многие жительницы ацтекской столицы и других индейских городов сознательно пошли на смерть, чтобы избежать участи стать рабынями чужеземных солдат.

Поведение белых воинов в отношении женщин из знатных индейских семей тоже нельзя назвать рыцарским. Жен и дочерей влиятельных вождей испанцы нередко использовали в качестве заложниц. Хронист Г. Ф. де Овьедо вскользь упомянул о жене касика с побережья Кумана. Она была захвачена в плен и отправлена в Санто-Доминго, где провела несколько лет, была крещена и получила имя Мария. Тем временем конкистадоры покоряли побережье, будучи уверенными, что муж индейки удержит соплеменников от

⁷ *Diaz del Castillo B.* Historia verdadera de la conquista de Nueva Espana. Barcelona, 1975. Cap. XXXIX.

⁸ *Ibid.* Cap. CXXXV.

⁹ Interrogatorio de los testigos de cargo; Declaraciones de los testigos de cargo; Respuesta a los dichos cargos que dio el Adelantado Alvarado // Libro viejo de la fundacion de Guatemala y papeles relativos a D. Pedro de Alvarado. Guatemala, 1934. P. 137–183.

решительных действий против завоевателей. Когда же испанцам потребовалось начать переговоры с аборигенами, женщину освободили, вернули мужу-язычнику, чтобы она выступила перед ним в качестве защитницы интересов христиан.

Ту же тактику использовал Педро де Альварадо, вторгнувшись в земли Гватемалы. Он захватил жену военачальника одного из индейских государств. После получения выкупа конкистадор продолжал удерживать ее при себе, пока не завершил поход вдоль Тихоокеанского побережья. Как указано в индейской хронике Гватемалы и в других источниках, аделантадо Альварадо после возвращения из экспедиции потребовал у других правителей одну из их дочерей, которая фактически заменила собой первую заложницу¹⁰. Отвечая в 1529 г. перед судом, Альварадо пытался отрицать указанные факты и, чтобы отвести от себя подозрения, рассказал историю о рабыне Сучил. По его словам, индейские правители пытались удержать испанцев от экспедиции на юг, только указанная рабыня согласилась помочь аделантадо найти туда дорогу. Невольница, освобожденная конкистадорами, добровольно отправилась в поход, хотя уже была совсем немолодой женщиной. Завершая повествование, обвиняемый заявил суду, что у индейцев есть обычай раздавать сестер и дочерей кому попало, лишь бы не засиделись. В заключение он добавил, что тот, кто идет открывать новые земли, должен использовать все возможности¹¹. Судя по сохранившимся сведениям, современники не верили в подобные истории, но и не осуждали Альварадо¹².

Для индейских женщин не оставалось тайной, каким было отношение к ним со стороны завоевателей. В ряде случаев, понимая, что пленение может обернуться позором для всего правящего рода, дочери, жены и сестры правителей решались нарушить традиции. Известно, что после гибели мужчин из аристократических родов знатные индеанки иногда возлагали на себя ответственность за судьбу своих народов. Так, на Эспаньоле после смерти мужа и братьев правительницей стала Анакоана — «женщина очень храбрая, боль-

¹⁰ Овьедо Г. Ф. де. Всеобщая история Индий // Латинская Америка. 1992. № 2–3. С. 139; Memorial de Solola. Mexico-Buenos-Aires, 1950. P. 128.

¹¹ Interrogatorio de los testigos de cargo. Punto XVII // Libro viejo. P. 141; Respuesta a los dichos cargos // Ibid. P. 188–189.

¹² Recinos A. Pedro de Alvarado, conquistador de Mexico y Guatemala. Mexico, 1952. P. 97–98.

шой души и ума». Она управляла несколькими племенами, которые ранее возглавляли ее родственники. По свидетельству очевидцев, аборигены по достоинству оценили ее усилия. Даже испанцы были вынуждены относиться к властительнице Эспаньолы с должным уважением, что не помешало им коварно захватить Анакоану.

В Мексике со времен конкисты легендарной славой пользовалась Эрендира — дочь прославленного предводителя Тимака из рода правителей Тангашуана. Она участвовала в защите индейской крепости в городке Пацкуаро. После гибели отца молодая индеанка оказалась одним из наиболее уважаемых участников обороны, ей даже досталась единственная захваченная индейцами лошадь. В один из напряженных моментов сражения Эрендира пронеслась на белом скакуне через ряды противника, сразила предателя Нанума и скрылась в лесах. Невозможно судить о том, как часто в подобных ситуациях женщинам приходилось братья за оружие, насколько типичным были примеры Анакоаны и Эрендиры. Думается, такое поведение индеанок было редким исключением, и потому память о нем сохранилась в индейском фольклоре и в хрониках¹³.

Более объемна информация о дочерях правителей, на долю которых в годы конкисты выпали роли посредниц между испанским и индейским миром. Летописцы и очевидцы неоднократно упоминали об индейских «принцессах», которых их родственники отдали в жены конкистадорам. Следует оговориться, что «принцессами» в хрониках и других документах эпохи называли дочерей правителей индейских государств Мексики и Центральных Анд. По словам Берналя Диаса, правители тотонаков заявили Кортесу, что «они желали бы еще и породниться... и просят взять в жены их дочерей и родственниц». Предводитель конкистадоров был вынужден «принять с радушным видом» уродливую дочь касика, чтобы укрепить связи с союзниками, его жертва в дальнейшем оказалась не напрасной. Благодаря альянсу с тотонаками и тлашкальтеками отрядам Кортеса удалось закрепиться в Центральной Мексике, а позже — продолжить завоевания в других районах Америки¹⁴.

¹³ *Mujeres mexicanas notables*. P. 13.

¹⁴ *Diaz del Castillo B.* Op. cit. Cap. LI; *Declaracion del Bernal Diaz del Castillo en la probanza de servicios del adelantado D. Pedro de Alvarado // Diaz del Castillo B.* Historia verdadera. T. III. Mexico, 1955. P. 319–322.

Среди «принцесс»-посредниц наибольшей известностью пользуется спутница Кортеса донья Марина-Малинче. Хронисты колониального периода высоко оценивали деятельность Марины, но ощущали пропасть, которая лежала между нею и белыми женщинами Нового Света. Аборигены тоже стремились сохранить дистанцию между своими женщинами и индеанками, сблизившимися с завоевателями. К Марине они относились как к предательнице, в индейском фольклоре Малинче стала образчиком распутного поведения. Русские путешественники, наблюдавшие жизнь метисного населения Мексики в XIX веке, заметили, что слово «малинче» из имени собственного стало нарицательным и превратилось в синоним понятия «молодая женщина». Мексиканские исследователи конца XX столетия включили Марину в разряд выдающихся женщин страны. Трудно назвать другую женщину Латинской Америки, роль которой в истории вызывала бы столь неоднозначную реакцию через 500 лет.

Марина, по рассказу Берналя Диаса, родилась в знатной семье в Халиско, но уже в детстве попала в рабство к индейцам майя. Местный правитель подарил ее и еще 19 невольниц Кортесу¹⁵. Предводитель конкистадоров распорядился крестить индеанок и выдать замуж за испанцев. Марина оказалась женой А. Э. Портокарреро, который через некоторое время уехал в Испанию. Вскоре Кортес обратил внимание и на красоту молодой индеанки и на ее способности к изучению языков. Положение Марины изменилось. По словам Б. Диаса дель Кастильо, Кортес «всюду брал с собой донью Марину», которая быстро овладела испанским языком и оказалась хорошей переводчицей и советчицей¹⁶. Она сопровождала конкистадоров «в любом походе, хотя бы и ночью, ибо ничего не боялась». Присутствие Малинче на переговорах с потенциальными союзниками не только облегчало диалог. Ее достаточно высокий статус в отряде конкистадоров служил для индейцев важным аргументом в пользу сближения с испанцами.

Марина стала подлинным соратником Кортеса. Во время сражений она становилась координатором между испанцами и их индейскими союзниками. В трагическую для завоевателей «Ночь печаль-

¹⁵ *Diaz del Castillo B.* Op. cit. Cap. XXXVII.

¹⁶ *Mujeres mexicanas notables.* P. 12.

ли», когда конкистадоры спасались бегством из столицы ацтеков, Кортес передал в ее ведение 300 глашкаланцев и 30 солдат-испанцев, так велико было его доверие¹⁷. В Чолуле Марина буквально спасла испанский отряд, вовремя предупредив о готовящемся нападении. Индейцы не предполагали предательства с ее стороны и потому не скрывали от нее планов борьбы с завоевателями. В пиктографических индейских рукописях (так называемых «полотнах из Глашкалы») очень точно и образно показана роль Малинче. На одних «картинах» она находится рядом с Кортесом, ведет переговоры. На другой, где изображена осада Теночтитлана, аборигены поместили женскую фигуру в индейской одежде, но с испанским щитом в руке между силуэтами индейских союзников Кортеса и испанцами¹⁸. Соратник в борьбе и незаменимый переводчик — вот ее ампула в период конкисты.

Когда бои в Центральной Мексике были завершены, и необходимость в услугах Марины отпала, положение индеанки вновь изменилось. В зарождающемся колониальном обществе она сохранила высокий статус, каким не могла бы пользоваться в метрополии. Кортес, которому она родила сына, предпочел выдать ее замуж за Х. де Харамилью. Через некоторое время супруги переехали в Испанию, где следы Марины затерялись.

Деятельность других «принцесс» оценена современниками и потомками более скромно. Кроме Марины, ни одна из индеанок не оказалась в числе главных героев какой-либо хроники колониального периода, знатные женщины наравне с рядовыми участниками конкисты остались в разряде персонажей второго плана. Однако, как свидетельствуют источники, «принцессы» играли в определенных ситуациях весьма значительные роли и оставили след в истории многих стран Латинской Америки.

Так, дочь правителя Хикотенкатля из Глашкалы, получившая при крещении имя Луиса, стала по желанию отца женой лейтенанта Кортеса П. де Альварадо. Ее братья возглавляли воинвоглашкальтеков, которые считались лучшими в Центральной Мексике. Без их помощи Кортесу не удалось бы покорить государство

¹⁷ *Diaz del Castillo B.* Op. cit. Cap. CXXVIII.

¹⁸ *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. С. 212–218.

ацтеков. Как и Марине, донье Луисе пришлось выступать связной между испанскими и индейскими отрядами, помогать завоевателям спастись при бегстве из Мехико. После покорения ацтеков ее испытания продолжались. Брата «принцессы» из Глашкалы Альварадо привлек к участию в экспедиции в Гватемалу. «Принц» командовал отрядом из 300 индейских воинов. Его сестра тоже была вынуждена сопровождать конкистадора, хотя имела малолетнего ребенка и ожидала рождения второго. Через несколько лет Альварадо совершил поход в Перу. Его индейская семья всюду следовала за ним, донья Луиса продолжала служить очевидным свидетельством прочности союза. Когда по возвращении из экспедиции индеанка скончалась, испанец высоко отметил ее заслуги: останки «принцессы» были погребены в главной церкви основанной завоевателями столицы Гватемалы¹⁹.

Помимо военной поддержки родство с индейской аристократией давало в руки испанцам механизмы воздействия на население так называемых «незамиранных» территорий (номинально присоединенных к владениям короны, но реально не поставленных под контроль завоевателей). Например, дочери Верховного Инки Уайно Капака, ставшие женами или сожительницами конкистадоров, позволили сподвижникам Ф. Писарро добиться повиновения во многих районах Тауантинсуйу — государства инков, в частности — в столице Куско. По словам Диего Фернандеса, в этом городе особым уважением пользовалась ньюста («принцесса») Беатрис Уальяс. «Не было правителя, будь-то мужчина или женщина, столь же значительного, как она». Расположение ньюсты к одному из испанцев фактически обеспечило многим конкистадорам безопасность во время индейских восстаний. Они могли не опасаться даже такого мощного очага индейского сопротивления, как Новоинкское государство, поскольку в нем правили близкие родственники «принцессы». Когда в 1555 г. вице-королю Перу потребовалось начать переговоры с восставшими, миссия посредника тоже была возложена на Беатрис Уальяс, причем ей выказали доверие не только испанцы, но и аборигены.

¹⁹ *Diaz del Castillo B.* Op. cit. Cap. LXXVI-LXXVII; *Declaracion del Bernal Diaz.* P. 322; *Recinos A.* Op. cit. P. 41, 97, etc.

На завершающем этапе конкисты при распределении покоренного населения между завоевателями матримониальные связи с индейской аристократией тоже приносили испанцам немалые выгоды. Бывшие индейские правители были наделены испанскими дворянскими гербами и соответствующими привилегиями, так что их дочери официально приравнялись к дочерям идалго или титулованной знати Испании. Корона не препятствовала заключению смешанных браков. Еще в 1515 г. Фердинанд Арагонский повелел, чтобы «индеанки и индейцы имели полную свободу при вступлении в брак, чтобы женились, на ком пожелают, будь то индейцы или уроженцы этих земель», т.е. Испании. В дальнейшем корона придерживалась той же линии²⁰. Хотя многие конкистадоры не считали индеанок равными дочерям Кастилии, это обстоятельство не мешало заключению брачных альянсов, если они сулили выгоды. «Принцессы» обеспечивали супругам богатое приданое — значительные земельные владения с послушным приказам традиционных властителей населением. Рядовой участник конкисты, у которого на родине не было ни титула, ни земли, благодаря браку превращался в латифундиста и занимал высокое место в колониальном обществе, поэтому в период конкисты «принцессы» быстро обретали спутников жизни.

Дочери индейских правителей превращались не только в заложниц военно-политических союзов, но и в знатных матрон, которым предстояло стать родоначальницами новой аристократии. Хронист Инка Гарсиласо де ла Вега, сын одной из перуанских «принцесс», упомянул многих родственниц, пользовавшихся почетом и властью в вице-королевстве²¹. По настоянию испанцев они принимали крещение одними из первых и в дальнейшем немало способствовали распространению новой веры среди земляков. По словам Бернала Диаса, первыми христианками, ступившими в Мехико, оказались индейские женщины. Дети «принцесс» и конкистадоров официально считались испанцами, хотя индейцы восприни-

²⁰ *Konetzke R.* Collección de documentos. T. 1. Madrid, 1966. Doc. 28, 29, 37; *Recopilación de las leyes de Indias.* Madrid, 1973. T. II. Libro VII. Título III. Ley II.

²¹ *Гарсиласо де ла Вега (Инка).* История государства инков. Л., 1974. Гл. XXXVIII.

мали их как соплеменников, своеобразных агентов в лагере противника. «Белое» общество колоний было вынуждено относиться к наследникам знатных индейских женщин как к детям идалго, но предпочитало сохранять дистанцию. В частности, в Мексике были созданы отдельные монастыри для потомков индейской аристократии по женской линии.

Вот один пример — дочь Педро де Альварадо и доньи Луисы Хикотенкатль, получившая при крещении имя Леонор. Ее детские годы прошли в непрерывных завоевательных походах. Леонор рано потеряла мать и воспитывалась испанками — спутницами конкистадоров. По свидетельству современников, девушка внешне и по характеру была очень похожа на отца и пользовалась его любовью, что, однако, не спасало ее от многочисленных испытаний. В 12 лет конкистадор выдал ее замуж за старика, своего давнего сподвижника Педро Портокарреро, поскольку намеревался посетить Испанию и не решился взять дочь-метиску к императорскому двору. Вернувшись через два года, Альварадо застал Леонор уже вдовой. Оказавшись вновь в доме отца, любимица Альварадо была вынуждена столкнуться с его второй женой — испанской аристократкой, ставшей повелительницей колониального общества. Об их взаимоотношениях можно только догадываться. Вторым браком Леонор был политическим союзом. Ее супругом стал двоюродный брат мачехи, которому предстояло занять пост губернатора. Вместе с мужем дочь Альварадо долго боролась за то, чтобы сохранить за семьей привилегии, причитавшиеся наследникам первопоселенцев и индейских «принцесс»²².

Важным аспектом женской проблемы в колониях к середине XVI века оказалось воспитание дочерей первопоселенцев и индеанок в пиренейских традициях. По сообщению епископа Гватемалы, в Центральной Америке уже в 1530-е годы оказалось множество девочек, которые «потеряли отцов или в любой момент могут их лишиться». Священнослужитель, которого поддерживал городской совет, просил императора направить в колонии «добрых женщин», способных взять на себя заботы о юных созданиях. Очевидно, что

²² *Fuentes y Guzman F. A. de. Recordacion Florida. Guatemala, 1933. Primera parte. Lib. III. Cap. VI; Lib. IV. Cap. VIII.*

испанки-спутницы конкистадоров или индейские жены первооткрывателей, с точки зрения духовенства, не годились на роль педагогов: либо их поведение не вполне соответствовало требованиям католической морали, либо имелись существенные прорехи в знании христианской доктрины. В метрополии, по-видимому, разделяли подобные убеждения, поэтому в 1555 г. появился королевский указ, предписывавший собирать девочек в специальные дома под присмотр присланных из Испании воспитательниц. Позже в колониях появились женские монашеские конгрегации, посвящавшие себя педагогической деятельности²³, благодаря усилиям которых проблема постепенно утратила былую остроту.

Что касается испанок, то их появление в Новом Свете в годы конкисты было редкостью. Вероятно, первые женщины попали с Пиренейского полуострова в Америку в 1502 г. Хотя католические короли еще в 1497 г. «зарезервировали» 30 из 300 мест в заокеанских экспедициях для представительниц прекрасного пола, последнее не спешило оправдать надежды монархов. В период с 1509 по 1519 гг. за конкистадорами последовало 308 женщин, что составило лишь двадцатую часть от общего числа переселенцев. Постепенно количество эмигранток возросло. По подсчетам исследователей их доля среди поселенцев составляла в 1493–1519 гг. — 5,6%, в 1520–1539 гг. — 6,3%, в 1540–1559 гг. — 16,4%, в 1560–1579 гг. — 28,5%.

Страх перед дальними плаваниями, неизвестностью и т.п. преодолевали главным образом уроженки Андалусии. Характерно, что незамужние испанки в первые годы проявили большую активность: они составили две трети мигранток. Корона не требовала от них получать лицензии на въезд и выезд в Новый Свет и не принуждала не создавших семьи испанок обязательно работать там, где укажут. «Свобода маневра» позволяла колонисткам устраивать свою личную жизнь.

Ради выгодного замужества уроженки метрополии решались на отчаянные поступки: пускались в разведывательные плавания или сопровождали военные экспедиции. Спутниц первооткрывате-

²³ Carta de Obispo Marroquin a Carlos V // Libro viejo. P. 318; Ayala J. M. de. Diccionario de gobierno y legislación. T. VI. Espanoles. Madrid, 1989.

лей поджидало множество трудностей и опасностей. Вот несколько примеров: две женщины, участвовавшие в освоении Карибского побережья, пережили кораблекрушение, чудом спаслись и смогли добраться до полуострова Юкатан. По свидетельству очевидца, они «вскоре умерли от тяжелой работы». Первая официальная жена Альварадо не вынесла тягот долгого плавания и умерла, едва достигнув американских берегов. Вторая жена аделантадо и ее 12 спутниц преодолели все трудности на пути в столицу Гватемалы. Смерть им принес водный поток, хлынувший из кратера вулкана во время землетрясения 10 сентября 1541 года. Жена одного из солдат Альварадо — первая испанка, попавшая в Кито — погибла вместе с двумя дочерьми при подъеме в Андах. Из 14 испанок, участвовавших в походе на Мехико, пятеро окончили свои дни на жертвенном камне в местечке Тустепек. Оставшиеся в живых дамы, попав по приглашению Кортеса на празднество по поводу победы, поверх платьев надели своеобразные «панцири» из хлопка, служившие защитой от индейских стрел. Они не снимали их даже во время танцев, хотя эти одеяния не добавляли танцующим элегантности. Война приучила женщин больше заботиться о безопасности, чем о красоте²⁴. Список трагедий легко продолжить.

Иногда злключения первых испанок в Новом Свете имели счастливую развязку. Падре Б. Де Лас Касас помог вернуться к соотечественникам двум уроженкам Пиренейского полуострова, которые несколько лет провели в плену у аборигенов. Их спутники были убиты. Женщин вождь превратил в служанок. По свидетельству хрониста, испанки, одна лет сорока, а другая — лет восемнадцати, были доставлены, практически, в чем мать родила. Священник помог им не только обзавестись одеждой, но и нашел им спутников жизни²⁵. Подобные чудеса случались, но редко. Судьбы многих испанок, попавших в плен к так называемым «диким» индейцам, неизвестны. Им так и не удалось вернуться к соотечественникам.

Чтобы выжить в неприветливой атмосфере конкисты испанским женщинам приходилось защищать себя с оружием в руках. В

²⁴ *Diaz del Castillo B.* Op. cit. Cap. XXIX, CXXVIII; *Recinos A.* *Dona Leonor de Alvarado y otros escritos.* Guatemala, 1958. P. 91–92; *Pumar Martines C.* Op. cit. P. 54 etc.

²⁵ *Pumar Martines C.* Op. cit. P. 73–74.

мексиканской экспедиции прославилась донья Мария де Эстрада. По словам Берналя Диаса, она проявила чудеса героизма и стойкости в битвах при Отумбе и в Мехико. Хотя хронист считал донью Марию старухой, он не мог не признать, что она в совершенстве владела не только шпагой, но и копьем, могла сражаться как в пешем, так и в конном строю, не уступая мужчинам. Ее появление перед войском, вооруженной, на коне, воодушевляло солдат. В Чили славу неистовой амазонки обрела уроженка Эстремадуры Инес Суарес. Она оказалась единственной женщиной в отряде П. де Вальдивии. Донья Инес стала участником знаменитой обороны крепости Сантьяго. В решающий момент штурма, когда даже раненые были вынуждены возвращаться в строй, она приказала отрубить головы плененным индейским вождям и сбросить их на нападающих, чтобы посеять панику. Высказывается предположение, что испанка собственноручно убила вождя. Спутница Вальдивии не растерялась и когда соперник ее покровителя захватил власть в колонии. Она собрала верных солдат и арестовала предателя. За эти подвиги амазонка получила награду, которой удостоивались лучшие воины — земли, населенные индейцами²⁶.

Усилия верных спутниц конкистадоров, мечтавших о семейном счастье, не оставались тщетными. По свидетельству Г. Ф. де Овьедо, женщины, оказавшиеся в Вест-Индии рядом с первопроходцами, заключили выгодные партии. Берналь Диас дель Кастильо, вспоминая о первых испанках, попавших в Мексику, подчеркнул, что все они вышли замуж за достойных и обеспеченных участников завоевательных походов, хотя, по мнению бывшего солдата, только две дамы из девяти были красивы, остальные не отличались ни миловидностью, ни молодостью²⁷.

Если одни искательницы счастья обнаруживали завидное мужество, то другие — цинизм и расчетливость. А. Нуньес Кабеса де Бака стал свидетелем беседы нескольких сеньорит — участниц экспедиции во Флориду. Испанки, наблюдая за высадкой солдат на морской берег, обсуждали, кому предпочтительнее отдать руку. Самая рассудительная предложила «посмотреть позже, за кого сто-

²⁶ *Diaz del Castillo B. Op. cit. Cap. CXXVIII; Pumar Martines C. Op. cit. P. 79–84.*

²⁷ *Diaz del Castillo B. Op. cit. Cap. CLV.*

ит выходить замуж». Она заявила, что не торопится выбирать супруга, поскольку не все вернутся из похода, в то же время на борту кораблей еще остается немало мужчин²⁸. Подобные высказывания женщин вполне соответствовали психологии современного им общества. Сходными качествами обладали многие героини испанских рыцарских романов, популярных в XVI веке. Конкистадоры, также известные своим прагматизмом, нередко соглашались терпеть в соотечественницах холодный расчет, если последние были готовы делить с первопроходцами риск и тяготы.

Своеобразная демографическая ситуация, сложившаяся в Новом Свете в первые десятилетия XVI века, породила острые конфликты не только внутри колониального общества, но и в метрополии. В Америке испанцы, страдавшие от отсутствия женского общества, либо боролись между собой за внимание со стороны немногих соотечественниц, либо вступали во внебрачные связи с индейками. Оба варианта решения проблемы таили в себе опасность. Ссоры между конкистадорами нередко завершались вооруженной схваткой, ранениями и убийствами, что только усиливало напряженность. В метрополии оставшиеся без поддержки семьи переселенцев требовали от короны покровительства и материальной помощи. По наблюдению священнослужителей, неудовлетворенность породила насилие: епископ Ф. Маррокин даже предложил императору женить в кратчайшие сроки всех холостых колонистов, чтобы защитить индейцев от жестокого обращения.

С конца 30-х годов корона предприняла ряд шагов с целью нормализовать демографическую ситуацию в колониях. Император, в ответ на жалобы брошенных в Испании семей конкистадоров, направил в колонии указы, которые настойчиво предписывали первопоселенцам, чьи жены и дети остались на родине, перевезти своих домочадцев в Америку. В противном случае испанцам грозила потеря привилегий (права занимать должности, использовать индейцев в качестве рабочей силы и т.д.). Ранее подобные меры апробировал на о. Эспаньола губернатор Николас де Овандо, который в 1504 г. выслал на родину забывших о супружеском долге соотечественников.

²⁸ *Pumar Martines C. Op. cit. P. 42.*

В середине XVI века целая армия королевских чиновников и служители церкви были мобилизованы, чтобы выявлять среди первопоселенцев тех, кто не стремился к восстановлению семей. Колониальная администрация получила полномочия арестовывать их и отправлять на родину первым кораблем. Несколько подобных указов было обнародовано в 1544 г. Через двадцать лет ситуация обострилась вновь — в Мексику, Перу и другие районы колонизации были повторно посланы распоряжения добиваться воссоединения супружеских пар. В 1575 г. в вице-королевстве Перу разгорелся шумный скандал: женатые в Испании поселенцы откровенно сожительствовали с незамужними испанками или индеанками. В 1579 г. Филипп II даже был вынужден издать особый указ, касающийся осевшего в Перу Педро Диаса, которого в Испании дожидалась законная супруга Беатрис Очоа²⁹. Разыскать его и вернуть в лоно семьи было почти невозможно. Конкистадоры, которых судьба занесла в глухие уголки Америки, продолжали пользоваться тем, что оставались вне контроля метрополии.

Ряд указов, обнародованных на рубеже 30-40-х годов XVI века, был адресован холостым колонистам. Им было велено вступить в брак в течение ближайших трех лет, в противном случае конкистадоры лишались всех королевских пожалований и подлежали высылке на родину. Кроме того, сославшись на недостойное поведение в Новом Свете некоторых переселенцев мужского и женского пола, корона запретила выдавать лицензии на переезд незамужним испанкам. Тем самым она не ограничила их въезд в Америку, а лишь сняла с себя ответственность за действия искательниц счастья и отказалась от забот об их материальном благополучии³⁰.

Данные решения привели к тому, что вместе с семьями конкистадоров, чиновников и торговцев в Америку устремились их незамужние родственницы, служанки и приживалки. Только монахи должны были направляться в Новый Свет с братьями по ордену, а не в сопровождении ближних, особенно — женщин. Предводители завоевателей, у которых имелась возможность посетить родину, нередко активно помогали холостым сподвижникам заключить

²⁹ *Ayala J. M. de*. Op. cit. T. VI. Madrid, 1989. P. 72–74; *Recopilacion de las leyes de Indias*. T. II. Libro VI. Titulo IX. Ley 26–38.

³⁰ *Konetzke R*. *Colleccion de documentos*. T. 1. Doc. 52, 54, 104 etc.

матримониальные союзы. Например, Альварадо в письме к городскому совету сообщил, что возвращается из метрополии с женой, в свиту которой включены 20 испанок, «дочерей идадьго из очень хороших родов». Со свойственным ему юмором аделантадо добавил, что надеется на то, что данный товар не залежится в его лавке и будет хорошо оплачен³¹.

Как выяснилось, молодые испанки из знатных семей оказались не меньшими авантюристками, чем их неблагородные предшественницы. Вот один случай, произошедший с Марией де Ороско. На Кубе она пленила внука Колумба дона Луиса, который унаследовал титул герцога де Верагуа и звание адмирала. Молодые люди публично объявили, что считают себя мужем и женой. По законам, действовавшим в Испании еще со времен средневековья, такая форма брачного договора допускалась. Родственники герцога и Альварадо воспротивились браку. Девушку увезли на континент и через некоторое время выдали замуж за Ф. де Кастьяноса. Внуку Колумба не удалось ее разыскать. Через десять лет семейство Кастьянос направилось в Испанию и по дороге побывало на Кубе. Здесь разразился скандал: дон Луис потребовал вернуть ему Марию. Его не смутило, что она родила восьмерых детей и ожидала девятого. Конфликт продолжался, когда его участники достигли метрополии. Романтическая история имела трагический финал. Внук Колумба дважды женился в метрополии, был осужден и умер в ссылке³².

О другом скандале рассказал перуанский хронист Гарсиласо де ла Вега. Он сообщил, что во время празднества, где конкистадоры присматривали знатных невест, одна из девиц нелестно отозвалась о внешнем облике первооткрывателей. По ее словам, они казались «вышедшими из Ада». В ответ подруга посоветовала ей больше интересоваться доходами потенциальных женихов. Она заметила, что солдаты стары и скоро умрут, оставив богатое наследство, тогда будет возможность присмотреть молоденького симпатичного паренька. Услышавший беседу конкистадор на следующий же день пригласил священника и попросил обвенчать его

³¹ Carta de Adelantado al Auntamiento de Guatemala // Libro viejo. P. 328–329.

³² *Recinos A. Dona Maria de Horozco, Dama de Dona Beatriz de la Cueva // Recinos A. Dona Leonor... P. 79–98.*

с индеанкой³³. Вероятно, подобные ситуации не были редкостью, но испанцы, рассчитывавшие занять высокое положение в колониальном обществе, вынуждены были соглашаться на браки с соотечественницами, которых интересовали только деньги.

Изменению характера миграции и, соответственно, атмосферы внутри колониального общества отчасти способствовало появление среди переселенцев дочерей идалго и женщин из испанских аристократических родов. Например, на Кубе в знаменитом дворце Колумба пассажиров кораблей встречали семьи потомков адмирала. В вице-королевстве Новая Испания пиренейские традиции распространяла супруга Э. Кортеса Каталина де Суньига, сестра графа де Агиляр. В Гватемалу направилась придворная дама Франсиска де Ла Куэва, ставшая первой официальной женой кавалера Ордена Сантьяго Педро де Альварадо. Через несколько лет после ее смерти в Центральную Америку переехала ее младшая сестра Беатрис. Приезд последней напомнил очевидцам описания из рыцарских романов. Для транспортировки людей и багажа потребовалось три корабля, ведь только имущество сеньоры де Альварадо оценивалось в 30 тыс. дукатов³⁴. Следуя примеру дочерей кабальеро, в Америку решались перебираться жены рядовых колонистов. С начала 40-х годов XVI века замужние сеньоры составляли уже около 40% женщин-переселенцев.

Появление среди колонистов родовитых испанок повлекло за собой новые проблемы. Первопоселенцы, используя родственные связи знатных дам, пытались урегулировать конфликты друг с другом, а заодно — расширить предоставленные короной привилегии. Связи супруги Кортеса позволили покорителю Мексики получить титул маркиза и вытеснить соперников с ключевых постов в вице-королевстве Новая Испания. Жена П. де Альварадо, близким родственником которой приходился секретарь Совета Индий Ф. де лос Кобос, помогла мужу без потерь разграничить сферы влияния губернатора Гватемалы и вторгнувшегося в соседний Гондурас аделантадо Франсиско де Монтехо.

Один из наиболее ярких примеров — борьба за остров Маргарита. В 1527 г. губернатором острова была признана шестилетняя

³³ Ibid. P. 88–89.

³⁴ Pumar Martines C. Op. cit. P. 107.

Альдонса Виллалобос, дочь покойного Марсело Виллалобоса, который подготовил, но не успел осуществить экспедицию по захвату острова. Роль опекуна при малолетней правительнице выполняла жена покойного Исабель Манрике, которая попыталась возвести во владения дочери крепость и обеспечить ее продовольствием. В 1535 г. донья Альдонса вышла замуж и дела по управлению островом перешли в ведение ее мужа. После переезда семейства в Испанию губернаторша продолжала управлять островом через лейтенантов. После смерти Альдонсы в 1575 г. губернаторство перешло к сыну ее дочери и далее передавалось по женской линии³⁵.

Пока корона шла на уступки отдельным колонистам, борьба за права жен и дочерей конкистадоров продолжалась. Не столько сами женщины, сколько их наследники стремились получить титулы, владения и должности, пожалованные короной первооселенцам. В Центральной Америке дочь первооткрывателя Педрариаса Давила Мария де Пеньялоса стала душой восстания конкистадоров. Она пыталась помочь сыновьям сохранить контроль в провинции Никарагуа, где первым губернатором был ее покойный супруг. Поскольку жертвой междоусобицы пал епископ, семейству пришлось переехать в Южную Америку.

В соседней Гватемале первооселенцы в сходной ситуации обратились за поддержкой к донье Беатрис де Ла Куэва. Гибель П. де Альварадо позволила вице-королю Новой Испании назначить его преемника, но конкистадоры усмотрели в данном действии посягательство на свои права. Надеясь получить право самим избирать губернатора, они отказались признать решение чиновника. Как только истекли положенные девять дней траура, 9 сентября того же года делегация городского совета Гватемалы во главе с епископом направилась к дому вдовы Альварадо, чтобы предложить ей стать губернатором³⁶. Нашлось немало людей, осудивших поступок вдовы Альварадо. Первый хронист Гватемалы А. де Ремесаль изобразил донью Беатрис ловкой интриганкой, которая заманила в дом соратников покойного мужа, чтобы сделаться губернаторшей. Спустя более сотни лет другой гватемальский хронист

³⁵ Ibid. P. 102–104.

³⁶ Juarros D. Compendio de la historia de Guatemala. P. 180; Diaz del Castillo B. Op. cit. Cap. CCXIV.

Ф. А. де Фуэнтес и Гусман с гордостью писал о поступке доньи Беатрис. Он заметил: «...в конце концов, иногда лучше оказаться под управлением героической женщины, чем под управлением трусливого и ленивого мужчины»³⁷.

В середине XVI века корона согласилась включить жен и дочерей конкистадоров в число претендентов на наследство. Известны случаи, когда вдовы распоряжались интеллектуальным наследием умерших мужей. Знаменитая рукопись солдата Берналя Диаса попала к читателям благодаря усилиям его жены доньи Терезы Бесерра, которая сумела опубликовать сочинение в Испании. Некоторые сеньоры оказались владелицами домов в городах, хозяйками небольших предприятий (мастерских, заводов по переработке сахарного тростника). Главное, женщины обрели долгожданное право получать энкомьенды — возможность взимать подати с индейцев и использовать их труд, так как проблема обеспечения хозяйства рабочей силой очень остро обозначилась к середине XVI столетия. Дочери первопоселенцев могли претендовать на имущество и титулы, если не имели братьев, а вдовы — если не было взрослых сыновей.

Применение на практике данных нормативных актов обеспечило безбедное существование многим потомкам конкистадоров, которые при желании могли покинуть колонии, передав другим лицам право распоряжаться унаследованным имуществом. Например, Каталина де ла Седра и Сандоваль после смерти мужа распорядилась рентой в 13 тысяч дукатов. Женидьба на вдове автоматически не влекла за собой потерю энкомьенды одним из супругов, хотя размеры их суммарных доходов немного уменьшались. Особо в указах было оговорено, что чиновники, их жены и дочери не могут претендовать на энкомьенды или иное имущество³⁸. Перечисленные меры способствовали укреплению материального положения наследниц конкистадоров и увеличению их влияния в колониальном обществе. Чиновницы, прибывавшие из метрополии с мужьями, были поставлены в трудное положение. Их статус как уроженок метрополии был выше, а финансовые возможности — ниже, чем у колонисток.

³⁷ *Remesal A. de*. Historia de Guatemala. Lib. 4. Cap. III.

³⁸ *Recopilacion de las leyes de Indias*. Т. II. Libro VI. Titulo X. Ley I, III, etc.; *Ayala J. M. de*. Op. cit. Т. V. P. 325–327, 329.

Однако не все первопоселенцы в момент кончины обладали движимым и недвижимым имуществом, на которое могли рассчитывать их жены и дочери. Женщины, оставшиеся после гибели покровителей без средств, искали помощи у короны. Практически до конца XVI столетия монархи Испании были вынуждены назначать им пенсии. В колониях даже был создан специальный фонд, в котором аккумулировались средства для поддержки обездоленных семей первопроходцев. Например, после смерти сподвижника Кортеса Х. де Лимпиас Карвахаль его соратники помогли вдове — обратились с прошениями к королю, в которых рассказали о заслугах конкистадора и о бедственном положении его сирот. В результате в 1586 г. сеньора де Лимпиас Карвахаль получила солидную пенсию³⁹.

Стабилизация жизни в колониях, связанная с завершением периода конкисты, в целом благотворно отразилась на положении осевших в Новом Свете жен и дочерей первопоселенцев, хотя на их долю по-прежнему выпадало немало трудностей.

Конкиста была периодом колоссального напряжения и для мужчин, и для женщин, когда традиционные гендерные стереотипы и установки подвергались суровым испытаниям на прочность. Коренные обительницы Нового Света, в большей степени ощущавшие воздействие со стороны соплеменников, реже отклонялись от патриархальных «стандартов». Даже так называемые «принцессы» подчинялись желаниям отцов и мужей и крайне редко проявляли самостоятельность. Испанки, напротив, перебираясь в Америку, обретали большую, чем на родине, свободу и независимость. Они не только по собственному усмотрению пускались в брачные и военные авантюры, но и активно боролись за равные с мужчинами первопоселенцами права и привилегии. К концу XVI века знатные матроны принимали живое участие в экономической, политической и культурной жизни заокеанских провинций, подавая пример другим колонисткам.

³⁹ *Konetzke R. Coleccion de documentos. T. 1. Doc. 432.*

А. А. САЛЬНИКОВА

**НЕМНОГО О «КРАСНОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ КОЗЛЕ»,
ИЛИ ДЕВОЧКИ-СОВРЕМЕННОЦЫ О СИМВОЛАХ И
ОБРАЗАХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

*«Ребенок не может быть равнодушен к тому,
что козел изображен в книжке красным,
и на вопрос товарища отвечает:
«Может, это козел коммуниста — вот и красный».*

После разговора с сельской девочкой.
Журнал «Вестник просвещения», 1927 год.

Время революций 1917 года, как, впрочем, и многие другие переломные этапы в истории человечества, предстает перед нами, на первый взгляд, как эпоха доминирования сильного пола, «эпоха мужчин». Мужчин, сражавшихся на фронтах первой мировой и гражданской войн, активно участвовавших в политике, «делавших» революцию, целеустремленно преобразовывавших старую Россию или, напротив, самоотверженно боровшихся за ее сохранение. Все это, безусловно, так, но разве не женщины инициировали само начало Февральской революции, разве так уж ничтожно мало их реальное влияние на те сложные и противоречивые процессы, которые происходили в революционной и постреволюционной России 1917 — начала 1920-х гг.? Еще более существенная и ответственная роль была уготована «новым» женщинам большевиками в деле строительства новой, советской России. Однако таких «новых», усовершенствованных женщин еще предстояло слепить из имеющегося под рукой «сырого материала» — российских девочек, которые и должны были, по замыслам большевиков, строить эту светлую и счастливую жизнь социалистического будущего. На наличие такой «схемы» подготовки нового человека обратил внимание Т. Драйзер в беседе с Н. Бухариным в 1927 г.:

«Вы берете ребенка и вдалбливаете ему определенные понятия. Кроме того, чему вы его обучаете, он ничего не знает и не будет знать, вы постараетесь об этом. Успех вашей революции,

таким образом, зависит от воспитания детей, не так ли? — Отчасти так, — согласился Бухарин»¹.

Как уже отмечалось исследователями, судьба детей, в том числе и девочек, волновала большевиков гораздо больше пресловутого «женского вопроса», поскольку «женщины воплощали собой проблемы прошлого, а дети были надеждой на будущее», они являлись «настоящими революционерами»².

То, о чем мечтали и на что надеялись большевики, и то, что в действительности происходило в России, далеко не всегда совпадало. Речь шла о мифологизации большевиками российского детства, о четких разграничениях между «реальными детьми, обретающимися в конкретных пространственно-временных характеристиках» и приписываемым им «иллюзорно-вымышленным, метафорическим смыслом их существования»³. Такого рода разграничение детства реального и мифологизированного позволяет решить существенную проблему специфики функционирования категории «детства» как особого рода действительной и вымышленной революционной трансформации.

Воссоздание подлинной картины российского Детского Мира — мира мальчиков и мира девочек — вполне возможно, в частности, и путем реконструкции восприятия и трактовки детьми-современниками символов и образов революции 1917 г., которые детская память цепко удерживала и на которые, по существу, ориентировалось последующее поколение взрослых, выросшее из этих «революционных» детей.

Известно, что каждая эпоха порождает некий комплекс культурных символов, вызывающих у членов данного культурного сообщества множественные, а подчас и довольно разноречивые ассоциации⁴. Как писал Ю. М. Лотман, «культура всегда, с одной сторо-

¹ *Epperson-Kennel R.* The Draiser and Soviet Union. N.Y., 1969. P. 69–70.

² *Mally L.* Culture of the Future: The Proletcult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, Calif., 1990. P. 180–181. См. также: *Ball A.* And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, Calif., 1994. P. XIII.

³ *James A., Jenks Ch., Prout A.* Theorizing Childhood. N.Y., 1998. P. 177.

⁴ О расхождении гендерных ассоциаций см., в частности: *Ренуна Л. П.* Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 1. М., 2001. С. 9.

ны, — определенное количество унаследованных текстов, а, с другой, — унаследованных символов»⁵.

Особое место среди символов революционной эпохи в России занимают «детские» символы — элементы «детской» социокультурной практики, отражающие детское мироощущение и мировосприятие и определяющие место ребенка в сложном и не всегда адекватно понимаемым им мире взрослых. «Взрослые» символы причудливо переплетаются в детском сознании, порождая яркие, образно-символические, а зачастую — и сказочно-фантастические картины окружающей детей действительности. Поскольку «детская апперцепция является преимущественно фантастической и эмоциональной, более вчувствующей и персонифицирующей, чем анализирующей и познавательной»⁶, постольку и сами по себе символы, наряду с мифом и сказкой, занимают свое достойное место в системе детского понимания действительности. В «детском» мире — мире сказки, мире игры, — преобладают знаковые признаки. Детский мир — это, по существу, мир-миф, населенный символами, но, безусловно, коррелирующий с реальной действительностью. Психология ребенка в высшей степени склонна к переводу предметно-натуралистического бытия вещи в ее символическое бытие. (Пример такого перевода — активное функционирование и паритетное существование в «детской» культуре наряду с живыми людьми антропоморфных иконических знаков — кукол).

Поскольку внешний мир не открыт и не освоен ребенком, он наделяет его собственными, субъективными значениями, символами и образами. Безусловно, трактовка большинства таких символов не является абсолютно самопроизвольной, она сознательно «впечатывается» в сознание детей (родителями, учителями, причем де-

⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX вв.). М., 1999. С. 8. По утверждению известнейшего специалиста в области семиотики В. Тэрнера, символика обладает «онтологической ценностью, имеющей определенное отношение к состоянию человека как развивающегося вида, чья эволюция происходит главным образом посредством его культурных инноваций». (*Turner V. W. Revelation and Divination in Ndembu Ritual. Ithaca, L., 1975. P. 31–32.*)

⁶ Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург, 1995. С. 231.

вочки особенно легко поддаются такому «впечатыванию»), и является, таким образом, «продуктом социального конструирования»⁷. Так осуществляется в обществе процесс социального наследования. Но дети обязательно вносят в решение проблемы и опыт своей социальной, в том числе и гендерной, группы. В результате конструируется некая наивная картина мира, опирающаяся на детскую интуицию. Поэтому понимание явного и латентного смысла, вкладываемого детьми в каждый из символов, представляет собой актуальную исследовательскую проблему.

Более того, сами дети — современники и современницы революции 1917 г. — являли собой своеобразный символ эпохи, поскольку олицетворяли молодую, новую Россию. Лев Копелев, которому исполнилось в 1917 г. 5 лет, вспоминал об этом времени, как о «наполненном и светящемся молодостью. Не только моей собственной молодостью и молодостью людей моего поколения, но молодостью самого века»⁸. Ольга Берггольц — также «дитя Октября» — считала отличительной чертой своего поколения «счастливое совпадение» собственного детства и «первых лет — тоже детства! — нашего нового общества»⁹. Общество стремительно молодело, и сама эпоха утверждала культ молодости. «Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод», — писал в 1918 г. Д. Бурлюк, а Н. Асеев радостно приветствовал революцию, «свергшую власть стариков»¹⁰. Исследования социологов также свидетельствуют о коренных изменениях в демографической структуре российского общества рассматриваемого времени в сторону значительного прироста количества детей и молодежи¹¹, ставших лицом и символом нового времени.

Революция 1917 г. породила (возродила или обновила, что случилось гораздо чаще, т.к. символы как культурные явления весьма

⁷ Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996. С. 14.

⁸ Kopelev L. The Education of a True Believer. N.Y., 1978. P. IX.

⁹ Берггольц О. Дневные звезды. Л., 1985. С. 18.

¹⁰ Ржаное слово. Революционная хрестоматия футуристов. Пг., 1918. С. 19.

¹¹ Об этом см.: Черных А. Становление России советской. 20-е годы в зеркале статистики. М., 1998. С. 169–211.

инертны и самодостаточны) множество «доминантных» (В. Тэрнер) символов, имевших всеобщий характер, значимых для каждого члена общества и отражавших образ мира, политические взгляды и эстетические ценности, присущие доминантной группе, находившейся в России у власти. Это был период смещения «доминантности» с одной группы символики на другую и перехода прежде доминантных символов в разряд «инструментальных», носивших отныне остаточный, часто — подавляемый, дискриминируемый характер¹².

Изначально предполагалось, что «детское» понимание этой «доминантной» символики будет избавлено от какой бы то ни было гендерной окраски, поскольку в значительной степени это была символика unisex, лишенная гендерного подтекста¹³. Кроме того, воспитатели-большевики никогда не заостряли внимания на гендерных отличиях, ролевых установках и статутах детей. Главным для них было то, чтобы все дети, независимо от пола, «хотели стать пионерами, когда они пойдут в школу, и коммунистами, когда вырастут»¹⁴. В одной из саратовских школ в 1921 г. разгорелся спор о том, кем лучше быть — мальчиком или девочкой. Когда все аргументы были исчерпаны, один мальчик использовал последний и наиболее убедительный из них, заявив, что «Ленин был мальчиком». На что учитель, вмешавшийся в спор, благоразумно возразил: «Чтобы быть хорошим, недостаточно быть только мальчиком, как Ленин, нужно любить людей и работать для них, как Ленин и поступал»¹⁵.

Тем не менее, говоря о некоей общей «детской» традиции в понимании символов и конструировании образов революции 1917 г., можно усмотреть в ней и достаточно четко выраженные гендерные отличия. Они прослеживаются и в способах приобщения детей к

¹² О «доминантных» и «инструментальных» символах см.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 39.

¹³ В советской (большевистской) культуре таковыми являлись, например, красное знамя, серп и молот, пятиконечная звезда и герб с изображением земного шара, намекавшие на мировую революцию, нетленные мощи Ленина в Мавзолее).

¹⁴ Развитие педагогической работы // Народное просвещение. 1920. № 19. С. 25.

¹⁵ Этот эпизод приводится в работе: Kirshenbaum L. Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia. 1917-1932. N.Y., 2001. P. 121-122.

новой «доминантной» символике (мальчики — преимущественно через улицу, девочки — через семью, школу); и в приоритетности и ранжировании системы символов; и в превалировании цвето-звуковой символики и чувственно-эмоционального восприятия революции у девочек над предметно-вещественной символикой и рационально-логическим восприятием ее у мальчиков; и в совершенно различной персонификации ими символов и образов революции; и даже в языке «мужских» и «женских» детских текстов. Эти и другие отличия позволяют выделить созданные девочками источники в особую группу документов ментального рода, аккумуляровавших в явном или неявном виде оценки, понятия, представления, живые образы и свидетельства прошлого, отложившиеся в детском «женском» сознании.

Источники эти сугубо специфичны, поскольку сочетают все особенности, присущие как «женскому», так и «детскому» письму. Еще современники отмечали такие признаки девичьих текстов, как высокая эмоциональность и открытость, рефлексивность и естественность. Так, учительница В. Лукашевич, анализируя языковые отличия в ведении школьной летописи мальчиками и девочками в 1921–1922 гг., отмечала:

«Стиля сухого, книжного у девочек не встречается. Нет у них и карикатурности, утрировки, шаржа. Все летописи девочек ярко эмоциональны. Они более лиричны, более углублены в себя, чем во внешний мир». Впрочем, далее она указывала на такие негативные, по ее мнению, качества «женского» письма, как постоянное переключение на не связанную с ситуацией письма тематику и излишне аффектированную лексику («ах, нам привезли чулки, какие хорошие чулки!», «ах, какой хороший учитель К. И., как мы его любим!»), в чем советский педагог усматривала признаки «чего-то специфически женского, мещанского»¹⁶.

Высокую степень откровенности при подчас излишней гиперболизации (особенно часто, к месту и не к месту, употреблялось в этих текстах слово «очень»: «мы очень жили хорошо», «теперь очень пошла жизнь плохая»), соединенную с искренним желанием открыто и обстоятельно написать о себе, находит А. Гринберг у де-

¹⁶ Лукашевич В. Молодая республика. (Быт и психология учащихся и школьная летопись 1921–1922 гг.). М., 1923. С. 23.

вочек-беспризорниц во время письменного опроса в двух московских детприемниках:

«Случались малограмотные и неграмотные, которые, несмотря на препятствия, продирались к столам, к бумаге, к скупо розданным ручкам, добивались места и пера и, перекрестившись, в течение нескольких часов благоговейно и бережно чертили, выводили, расспрашивая соседей, переписывая и сличая с обрывками случайных, печатных страниц растерзанной книги»¹⁷.

Аналогичные признаки «женского» письма находили и русские педагоги-эмигранты, анализируя сочинения девочек о революции 1917 г. и гражданской войне, написанные на чужбине¹⁸. Все эти особенности четко вписываются в концепцию гендерного «женского» письма, предлагаемую и разрабатываемую современной наукой¹⁹.

Правда, следует отметить, что в некоторых (отнюдь, кстати, нередких!) случаях исследователю, работающему с «детскими» текстами 1920-х гг., бывает достаточно сложно определить полную принадлежность их авторов. Советские издатели часто не затрудняли себя указанием имени и пола ребенка, эмигрантские — тоже предпочитали анонимные публикации детских сочинений. Поэтому идентифицировать детские источники приходится лишь на основе текстологического анализа, что тоже иногда ставит исследователя в тупик. Речь идет, в частности, о текстах, написанных от первого лица единственного числа настоящего или множественного числа прошедшего времени:

«В 1917 году мы жили в городе Николаеве. Мы жили рядом с госпиталем. Я помню, как пришли немцы, и мы прятались в подвале, потому что мы жили на третьем этаже, и пулей пробило окно и нас могло бы убить. Потом я еще помню, как должны были прийти большевики, и мы хотели уехать...»²⁰.

¹⁷ Гринберг А. Рассказы беспризорных о себе. М., 1925. С. 6, 118, 121.

¹⁸ Дети эмиграции. Воспоминания. Сборник статей. М., 2001.

¹⁹ О ней см., в частности: Пушкарева Н. Л. «Пишите себя!» (гендерные особенности письма и чтения // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 241–273.

²⁰ Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 37–38.

Пол ребенка в данном случае может быть установлен только исходя из контекста.

На указанные выше особенности «женского» письма в текстах девочек накладываются семантические особенности письма «детского». Наряду с фантазийностью представлений и символичностью образов, характерной объединяющей чертой их является «плохость», несовершенство текстов, вне зависимости от их происхождения.

В последние годы в отечественной и зарубежной исследовательской литературе все прочнее утверждается понятие «примитивного» («наивного») письма, которое очень часто соотносится с «культурой бедности»²¹. Это понятие с полным правом может быть экстраполировано и на «детские» тексты с революционной семантикой, но не как на «образцы культурно иного изнутри культуры письма»²², а как на образцы письменной культуры Детства, еще не утраченной и не до конца приобщившейся к письменной культуре взрослых (хотя, безусловно, социальный статус и образовательный уровень пишущего играли здесь не последнюю роль. И если в эмигрантских текстах мы видим постепенное изживание «наивизации» письма по мере взросления и, соответственно, роста грамотности ребенка, то в «пролетарских» и «крестьянских» текстах эти факторы оказываются совершенно независимыми друг от друга). Однако общие признаки «наивных» текстов: клишированность изложения, в особенности при переходе от фиксации событий микропланового характера к освещению макроплановых явлений, примитивность описания, наличие фрагментов посторонних языковых дискурсов, парадоксальность и непредсказуемость выводов и заключений здесь, безусловно, сохраняются.

Причудливое переплетение образцов «женского» и «детского» письма в текстах девочек-современниц порождало особые, эксклюзивные источники, по существу не имевшие аналогов и позволяв-

²¹ *Levis O.* A Study of Slum Culture. N.Y., 1968; *Valentine Ch.* Culture and Poverty. Chicago; L., 1968; *Comrie B., Stone G., Polinsky M.* The Russian Language of the Twentieth Century. Oxford, 1996; *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо». Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996 и др.

²² *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* Указ. соч. С. 14.

шие взглянуть на события Октября и гражданской войны с особой, совершенно нетрадиционной точки зрения.

Хотя социальная генеалогия и история жизни девочек, создавших эти тексты, кардинально отличалась друг от друга: с одной стороны, эти были юные эмигрантки, с другой — девочки с рабочих окраин и беспризорницы, нельзя не отдать должного высокой степени непосредственности, эмоциональности и открытости, оригинальности восприятия действительности, которую ребенок на доступном ему языке фиксирует в тексте. «Скудость» языка в полной мере окупается внутренней достоверностью источника. «Я пишу теми словами, какими мне все это казалось», — так начинает сочинение одна из девочек-подростков²³. «Я не умею врать, а пишу, что правда», — заявляет 12-летняя беспризорница²⁴.

Гендерные и возрастные особенности письма иногда оказывались гораздо сильнее социальных. Однако трактовка конкретных символов и образов революции, прежде всего, тех, которым была присуща ярко выраженная политическая окраска, в текстах различного происхождения существенным образом отличалась друг от друга. Совершенно очевидна политическая пристрастность девочек, их субъективность, граничащая с озлобленностью. Мы имеем дело в данном случае с так называемым «расколотым сознанием», когда одни и те же понятия, образы и символы трактуются представителями одного поколения по-разному, подчас — сугубо противоположно, исходя из собственного, обретенного «недетского» опыта, а также, безусловно, под сильным внешним воздействием взрослых.

Как уже отмечалось, одной из существенных особенностей восприятия революции 1917 г. девочками было преобладание сенсорно-чувственных способов ее освоения и запоминания. Среди них особое место занимали такие знаки-признаки, как цвет, запах и звук.

Известно, что женщины вообще уделяют большое значение цвету и знают большее количество оттенков цвета по сравнению с мужчинами²⁵. Революция 1917 г. окрашена для всех девочек еди-

²³ Дети эмиграции. С. 65.

²⁴ Гринберг А. Указ. соч. С. 123.

²⁵ Steckler N. Cooper N. Sex Differences in Color Naming of Unisex Apparel // Anthropological Linguistics. 1980. V. 22. P. 316.

ным, щедрым красным мазком²⁶. «Красное» является для многих из них доминантным символом революции. «Красные знамена», «красные банты», «красные плакаты» постоянно упоминаются в детских текстах. «Мне нравилось, что по улицам ходят толпы с красными флагами и плакатами и почти у всех в петлицах красные банты», — вспоминает ученица 3-го класса²⁷. «У меня остались смутные воспоминания, так как я была еще довольно мала, но все же помню что-то красное вокруг»²⁸. «И красное, красное всюду» (девушка 17-ти лет о начале революции)²⁹.

Но «красное» Февраля и «красное» Октября в представлении девочек-эмигранток — это совершенно разные вещи. Если в Феврале красный — это радостный цвет праздничной символики, то в Октябре — это страшный и пугающий цвет пролившейся крови и зияющих ран, ибо «весна светлого бытия перешла в кровавое лето большевистского террора» (девочка, 8 класс) и на смену «веселым дням» пришла «страшная, кровавая революция» (девочка, 5 класс)³⁰.

«Самый свирепый был один матрос... Его больше всех боялись, он арестовал многих офицеров, их провели в парк и расстреляли, и на том месте осталось большое кровавое пятно» (девочка, 3 класс).

«Однажды мне пришлось видеть такой самосуд. Поймали какого-то человека, который хотел продавать молоко дороже, чем следовало... Но он как-то вырвался и побежал, за ним кинулась и толпа; его догнали и начали бить, чем попало, вскоре от человека не осталось ничего, кроме кровавой массы, смешанной с грязью и клочками одежды» (девочка, 3 класс).

«В квартиру к нам ворвалась масса солдат во главе с кем-то, одетым во все красное. Человек в красном о чем-то стал говорить с папой, и вдруг неожиданно он выхватил револьвер и наставил на отца... Дальше я не помню, что было со мной. Только во время моей болезни я все время видела над собой

²⁶ Заметим, кстати, что, по мнению психологов, дети одними из первых начинают воспринимать именно красный и желтый цвет и отдают им явное предпочтение перед другими. См.: *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 223.

²⁷ Дети русской эмиграции. С. 43.

²⁸ Дети эмиграции. С. 68.

²⁹ Там же. С. 151.

³⁰ Дети русской эмиграции. С. 225, 316.

человека во всем красном с большим ножом в крови» (девочка, 8 класс)³¹.

Красный цвет — цвет огня, войны, энергии, агрессии, опасности, революции, импульса, эмоций, праздничности, жизненной силы и молодости³² — не утрачивает значения и в первое послеоктябрьское десятилетие. В сознании советского ребенка красный цвет четко ассоциируется с доминантной большевистской символикой. Вот как советские девочки объясняют значение понятия «красный» в 1924 г.: «Красный? Нарисуют что-нибудь и выкрасят красным. Например, звезда красная, флаг, буквы бывают красные» (6 лет). «Красный? Ну, хоть флаг» (9 лет)³³. Красный цвет наделяется особой символикой даже в детской одежде. Не случайно, по свидетельству З. Гиппиус, уже в июне 1919 г. по Петрограду совершали бодрые строевые прогулки мальчики и девочки «в одинаковых красных панамках», тем самым отвлекаясь от праздности пребывания в реквизированных аристократических особняках³⁴. В красный цвет окрашиваются и столь любимые детьми сказочные персонажи. М. Г. Розанов (Н. Огнев) в знаменитом «Дневнике Кости Рябцева» (1927), удивительно ярко и достоверно представившем жизнь советского подростка в 1923–1924 гг., описывает постановку в советской школе новогоднего спектакля «Красная Золушка»:

две сестры-буржуйки уезжают на бал, Золушка-прачка остается мыть посуду. «И вдруг приходит какой-то хлюст в красной рубашке и дает этой самой Золушке читать прокламацию... Принц собирается в конце жениться на Золушке, но вдруг является тот самый агитатор в красной рубашке и начинает этого принца бить по шее... В это время на сцену выходят те, кто был на балу, и вместе с сестрами поют “Интернационал”»³⁵.

Вот такие «красные» сказки сочиняла «красная» власть для своих «красных» детей.

³¹ Там же. С. 44, 155, 310.

³² Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001. С. 167–168.

³³ Рыбников Н. Язык ребенка. М., 1926. С. 70, 75.

³⁴ Гиппиус З. Живые лица. Соч. в 2 тт. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 176–177.

³⁵ Огнев Н. Дневник Коли Рябцева. М., 1989. С. 86.

Впрочем, по свидетельству многих современников, первая половина 1920-х гг. была окрашена в Советской России скорее не в красный, а в оранжевый цвет. «Крашено рыжим цветом, а не красным, — время», — писал Н. Асеев³⁶. Оранжевый цвет — это сочетание реальности и фикции, одновременное сосуществование новой и старой иерархии ценностей, нового и старого времени в условиях нэпа. Да, вот оно, новое красное — звезды и флаги, косынки рабочих и огромные транспаранты. Но рядом с ним — и старое, желтое: золотые кольца и серьги с бриллиантами на пальцах и в ушах советских модниц, золотые, мягкие огни вновь открытых игорных домов и кабаре, мерцающий отблеск шикарного каракулевого манти и лакированного автомобиля. Героиня того же розановского «Дневника» девочка Сильфида (урожденная Дуня) говорит: «Он (отец) раньше желтый был, даже бастовал и боролся с Советской властью, а теперь стал красный»³⁷. Но постепенно в этой смешанной красно-желтой палитре красного становится все больше, да и красной крови в 1930-е гг. было добавлено сюда немало. Однако желтое сохранилось — правда, не для всех, для избранных. Но многие ли девочки 1920-х гг. смогли впоследствии к нему прикоснуться?

И еще один цвет примешивается в девичьем восприятии к советской палитре рубежа 1910-х — 1920-х гг. — это черный, символ скорби, голода и лишений:

«В один пасмурный вечер зимой я ехала в Москву... Ехала я с последним поездом, и поэтому было полутемно. Пройдя несколько вагонов, я увидела в одном из них свет и прибавила ходу... Подойдя, я так и остановилась: там я увидела зажженную свечу, а под ней лежала полуголая женщина; руки ее лежали прямо, не шевелясь, кожа на ней была черная... Но вот черная рука медленно поднялась и через секунду снова лежала на полу... Мне стало жутко; мрак страшно сгущался; я бегом бросилась оттуда... Я вся дрожала, как в лихорадке, и долго потом я видела образ этой черной женщины»³⁸. «Ужасны были дни 1921 г. Сначала тиф, сжимавший тело ознобом, потом — забы-

³⁶ Асеев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1967. С. 465.

³⁷ Огнев Н. Указ. соч. С. 48.

³⁸ Спасская Г. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923. С. 62.

тая старуха-холера с судорожно искривленным ртом, а за ними за всеми — Голод, призрак голода, ко всем простиравший свои черные руки» (ученица первой ступени)³⁹.

Голод особенно страшен для ребенка. Непривычное ощущение постоянных спазм в пустом желудке отрицательно влияет на неустойчивую детскую психику, недаром специалисты особенно настороженно относятся к проявлениям психопатологии детского голода. Детский мир еще наполнен грезами, и это не только светлые мечты о еде, но и жестокие, черные кошмары страха перед голодной смертью. В детском сознании оживают страшные сказки о людоедах, Бабе-Яге; ирреальность сплетается в один клубок с реальностью.

«С приходом большевиков сделался страшный голод. В приюте нам давали в день три раза по кусочку хлеба величиной со спичечную коробку» (девочка, 1 класс).

«Голодали мы ужасно. Даже жутко вспоминать» (девочка, 6 класс).

«В России мы жили на острове около озера, там были очень хорошие цветочки, но было очень плохо, голодовали и ели очень мало, потому что не было хлеба» (девочка, приготовительный класс)⁴⁰.

Последнее свидетельство совсем маленького ребенка особенно потрясает.

В целом, девочки пишут о голоде, как о характерной черте и символе новой советской действительности гораздо чаще мальчиков и проявляют несравненно более практический подход в попытках решения этого насущного вопроса. Так, например, одной из излюбленных тем бесед девочек 14-16 лет — учениц 1-ой Самарской опытной школы — в 1921 г. становится обсуждение «рецептов приготовления щей из лебеды или крапивы и пирогов из картофеля». И о такой пище девочки мечтали, как о празднике, потому что «не было ни супу, ни каши, один хлеб и чай». При этом одна из девочек рассудительно замечает: «Как ни говорите, но мы зазна-

³⁹ Ученицы 1-ой Самарской опытной школы, в которой училась и эта девочка, в 1921 г. написали пьесу о голоде и назвали ее «Черный год». См.: Лукашевич В. Указ. соч. С. 47–48.

⁴⁰ Дети русской эмиграции. С. 29, 65, 183.

лись, разве мы видели настоящий голод? Да, правда, мы недоедаем, но не умираем, как другие»⁴¹.

Голод — это, пожалуй, главная тема, которая проходит через все сочинения девочек-беспризорниц: «очень стало голодно. Все умерли». «Потом стал голод. Мы стали есть лебеду, потом березку, потом стали есть с березки червячков. Потом все умерли». «Жили мы в деревне, пришел голод. Бабушка уехала в Сибирь и померла. Дедушка тоже умер. Больше писать не хочу»⁴².

Девочки буднично и как-то внешне мало эмоционально фиксируют страшные события, в эпицентре которых они оказались. Они смирились с утратами и смертью, стараются отгородиться от них, осуществляя таким образом своеобразную самозащиту: «После вечернего чая несколько девочек сидели около печки, говорили о революции, об ужасах, происшедших за эту междоусобную войну. Но все эти рассказы особенно не потрясли никого; не веселые, не грустные, как-то безразлично легли мы спать»⁴³.

Если для детей «непролетарского» происхождения революция и гражданская война — это годы «утраченного рая», потерянного беззаботно-счастливого детства, когда конфеты и белые булки сменил суп из воблы⁴⁴, то и автобиографии детей рабочих при опи-

⁴¹ Лукашевич В. Указ. соч. С. 91, 96. В 1921 г. член комиссии помощи голодающим Наркомздрава докладывал в Российское общество Красного креста о том, что в Поволжье «детская смертность колоссальна. Население питается конским щавелем, лебедой, корой от деревьев, дикими грибами и глиной». (Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 276).

⁴² Гринберг А. Указ. соч. С. 108, 125, 149.

⁴³ Лукашевич В. Указ. соч. С. 119. Впрочем, голодали в это время не все и не всегда. Так, сын одного из новых советских руководителей вспоминает, как именно в это время отбыл с отцом на воды в Германию «Вошли мы на вокзал, но тут оказалось, что мы забыли наши доллары». Примечание составителей: «Доллары — это американские рубли». (Детская книжка о своем. Книга о советской детской жизни, написанная самими детьми. М., 1925. С. 41).

⁴⁴ Спасская Г. Указ. соч. С. 54–62. Вот приводимый Г. Спасской образец самостоятельного поэтического творчества советской девочки из «бывших»:

Всю жизнь разбили они у нас, —

сании своей жизни после 1917 г. полны горечи и ужасов, которые принесла им «их» революция⁴⁵. Лишь в редких случаях находим мы здесь такие стереотипные черты оформившегося впоследствии «типичного» советского «детского» текста, как наличие образа врага и экзальтированный оптимизм:

«В детстве у меня много было желания учиться, но я не могла из-за своего безвыходного положения, я страшно завидовала буржуазному детству и буржуям, что они так счастливы и живут такой хорошей жизнью, а наш рабочий бедняк погибал от холода, голода и труда; трудился день и ночь и в трудах помирал... Но я надеюсь, что жизнь бедняка расцветет». «Пришлось пережить всякую жизнь, в особенности при белой банде, угнетали нас, пайка не давали, все время притесняли... Пришли наши товарищи, и мне стала жизнь светлая, хорошая»⁴⁶.

Но это — не правило, а, скорее, исключение среди «советских» «детских» текстов первой половины 1920-х гг., что существенно отличает их от свидетельств последующего периода, когда на смену самопроизвольным пришли образы и трактовки, специально «впечатанные» в сознание молодого поколения:

«Дорогие товарищи, я еще раз повторяю, что я очень рада, что попала на эту хорошую жизнь. С тех пор я поняла, что это за коммунисты. Товарищи, и я вам советую: когда у вас будет какое-нибудь горе, обращайтесь к тем нашим помощникам, которые не забудут и не оставят без внимания. Да здравствуют наши спасители-коммунисты!»⁴⁷

Итак, советские девочки начала 1920-х гг. — это отнюдь не те «внучки Октября», о которых столь радостно сообщала советская

Настал наш, видно, последний час.

Нет хлеба, нет угля, не топлены печи,

Болят от работы усталые плечи.

И холод, и голод, и даже нет света,

Должно быть, уж песенка наша отпета.

⁴⁵ Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. М., 1930. С. 40–59.

⁴⁶ Там же. С. 56, 59.

⁴⁷ Детская книжка о своем. С. 138.

пропаганда. Это — то же «потерянное поколение», живущее «на грани», что и их эмигрантские ровесницы.

Помимо цветowych ассоциаций, революция 1917 г. вызывала у многих девочек ассоциации звуковые, связанные, в первую очередь, с ее музыкальными образами. «Марсельеза», «Интернационал», похоронный марш — вот три «главные» «революционные» песни, которые слышали девочки изо дня в день. Причем воспринимались они детьми абсолютно по-разному: если одна девочка называет революционную музыку «странной», то другая пишет о том, что от пения «Марсельезы» «было жутко», в то время, как третья заявляет, что ей очень нравились революционные песни, «особенно похоронный марш»⁴⁸.

В редких случаях мы находим в детских текстах примеры обонятельных ассоциаций и образов революции. Например, в сочинениях девочек-эмигранток упоминается «трупный запах», сопровождавший революцию, и «запах тления, приносимый всегда с собой большевизмом»⁴⁹.

Знаки-признаки революции 1917 г. сочетались в детских источниках со знаками-символами и знаками-копиями (iconic signs). И мальчики, и девочки пространно и подробно описывают смену знаково-символического языка эпохи, появление новых и насильственную ликвидацию, слом старых политических символов, происходившие в обстановке всяческих издевательств над последними и их унижением.

«Солдаты снимали с себя медали и вешали их собакам» (девочка, 3 класс).

«Толпы народа с криками срывали погоны с офицеров» (девочка, 5 класс). «Не помню хорошо, на каком уроке к нам ввалились какие-то комиссары, и, указывая на иконы, говорят: «А это что за украшение? Ни в каких учреждениях не должно быть украшений» (девочка, 5 класс).

⁴⁸ Дети русской эмиграции. С. 43, 54, 58. Специфическое отношение к смерти и процедуре захоронения было вообще характерно для этого периода. Школьница пишет: «Настал вечер, вхожу я к старшим девочкам. Подходит ко мне одна из них и говорит: «Едем с нами к гробу Ильича. У меня от радости забилось сердце». (Час Ленина в школе. М., 1924. С. 37).

⁴⁹ Дети эмиграции. С. 17, 69.

«На другой день, когда они опять ворвались к нам, увидели моего дядю в погонах и офицерской форме, хотели сорвать погоны, но он сам спокойно их снял, вынул револьвер и застрелился, не позволив до себя дотронуться.»⁵⁰

Однако подобных свидетельств в текстах девочек не слишком много. Это объясняется тем, что образ революции у них по сравнению с мальчиками в значительно большей степени обращен и экстраполирован на домашний мир, родителей, братьев, сестер, на то, что происходит под влиянием революции «внутри» семьи, тогда как мальчиков больше влечет большой мир вне ее пределов. Девочки выносят свои мировосприятия и мироощущения, прежде всего, из семьи, они гораздо более внушаемы, гораздо больше ориентируются в своих оценках и поступках на родителей. Поэтому ситуация и отношения в семье становятся для большинства девочек главными и поистине определяющими в интерпретации ими «взрослой» жизни. Иначе говоря, модель микромира помогает осмыслить макромир. Поэтому и утрата тех символов микромира, которые воплощали представление о прежней, счастливой и спокойной жизни, становится для девочек гораздо важнее и значимее смены общеполитической символики. Как оказалось, дома у девочек, с позиций новой власти, было много «контрреволюционного»: «книги и микроскоп», «золотые и серебряные вещи», «рояль, письменный стол, стулья и просто стол», «фамильные бронзовые часы», «чайные ложки, мамины кольца»⁵¹. Все эти атрибуты «прежней», «старой» жизни постепенно утрачивались. Многие были реквизированы большевиками, многие — потеряны при поспешном бегстве от новой власти, много — продано или обменено на хлеб. Торговля и обмен вещей на толкучках завоевывают особое место в жизни детей и взрослых в это страшное время. К. Чуковский вспоминал, что осенью 1922 г. многие дети считали основным местом работы родителей Мальцевский рынок⁵². Одной из излюбленных детских игр этого времени становится игра в «базар». Группа 6-7-летних мальчиков и девочек в детском саду везут тележку, полную разных предметов, и сообщают воспитательнице, что

⁵⁰ Дети русской эмиграции. С. 42, 222, 226; Дети эмиграции. С. 90.

⁵¹ Дети русской эмиграции. С. 28, 35, 158, 347; Дети эмиграции. С. 67.

⁵² Чуковский К. И. Дневники. Л., 1991. С. 210.

едут на базар торговать. На вопрос: «Что они собираются делать потом?», дети отвечают, что на вырученные деньги они «уедут за границу. Здесь жить невозможно»⁵³.

Специальный акцент делается в текстах девочек на изменении облика родителей, утрате ими прежней манеры одеваться, приобретении нового имиджа: «Приехал папа. Но что с ним, как он похудел, что за отрепья он одел?», «На этот раз были арестованы и папа, и мама, я пошла к маме в тюрьму... Я не узнала маму; она совсем поседела и превратилась в старуху»⁵⁴. Если у самих девочек прежде были «длинные меховые шубки», «новые ленты» и «нарядные белые платица», то теперь зачастую им вообще не во что было одеться. Приютские девочки, все, как одна, жалуются не на что-либо другое, а на то, что в приюте их очень плохо одевают:

«То плохо, что сейчас лето, а у нас платья не закроют колен, рубахи узкие»; «здесь в рубашках ходим»; «на экскурсию у нас не было в чем ходить, потому что у нас не было ботинок»; «все раздетые, некоторым девочкам, у которых своего не было, приходилось завертываться в одеяла»⁵⁵.

Таким образом, новая власть провозглашала особое, новое равенство — равенство голых, раздетых людей⁵⁶. Однако в повседневной жизни девочки постоянно встречались с новыми образцами знаковой одежды, означавшей принадлежность к высшим слоям формирующегося советского общества, — привлекательными и недоступными, как мечта. Наиболее престижной среди них считалась кожанка — одежда-знак, одежда-символ того времени.

«Сегодня, проходя Доброслободским переулком, я видела одну девушку, подстриженную, в кожаной куртке; от нее веяло молодостью, верой, она готова к борьбе и лишениям, она весело смеялась и беспечно встряхивала волосами; столько жизни было в этой комсомолке, что хотелось хоть немножко почерпнуть

⁵³ Свенцицкая М. Х. Наш детский сад. (Из опыта дошкольной работы детского городка им. III-го Интернационала при Наркомпросе в Москве). М., 1924. С. 192.

⁵⁴ Дети русской эмиграции С. 247; Дети эмиграции С. 90.

⁵⁵ Гинберг А. Указ. соч. С. 108, 111, 117, 144.

⁵⁶ Об этом см.: Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 115.

для себя», — записывает в своем дневнике 5 июня 1925 года 16-тилетняя москвичка Женья⁵⁷.

Под влиянием внешних обстоятельств изменяется и наиболее близкий ребенку образно-символический мир — мир игры и игрушки. Революция грубо вторгается в него и лишает детей их главных реликвий и ценностей — детских игрушек. Описывая обыски, девочки постоянно отмечают, как бесцеремонно обращались большевики с этими неперенными атрибутами детской культуры и жизни.

«В одно прекрасное утро, когда я спала в детской, вошли вооруженные солдаты и стащили меня с кровати. Как я ни плакала, но они разбили мою любимую куклу», — пишет девочка. Другая сообщает: «Я и мой брат боялись, что они возьмут наши игрушки и стали их прятать»⁵⁸.

Именно любимым игрушкам доверяют дети хранение самых «ценных» для них вещей:

«К нам часто приходили большевики и обыскивали... У меня был игрушечный мишка, и мы с мамой прятали в него нужные бумаги и ценные вещи» (девочка, 2 класс)⁵⁹.

Революция лишила детей прежних игр. Новые игры максимально тесно соприкасались с горькой действительностью и как нельзя нагляднее отображали ее.

«Каждый день мы играли в сестры милосердия». «Один раз мы играли в госпиталь, у нас были лекарства, сестры, больные, а мальчики были санитары, врачи». «Мы с сестрой ушли на балкон и с ожесточением били горшки от цветов, говоря, что это мы избиваем большевиков». «Мы с братом налепили из разноцветной глинки людей, сделали город из кубиков, и в нашем маленьком городе были те же волнения: слепленные куколочки стояли в очередях за хлебом, а солдатики бунтовали».⁶⁰

⁵⁷ Рубинштейн М. М. Юность по дневникам и автобиографическим записям М., 1928. С. 234.

⁵⁸ Дети эмиграции. С. 189.

⁵⁹ Дети русской эмиграции. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 83.

Нет в этих играх девочек непосредственности, беззаботного веселья, радости и смеха, все они какие-то болезненно напряженные и агрессивные.

Но все это — игры непролетарских детей, а в какие же знаковые игры играли дети пролетарские? Образец такой «советской» игры великолепно описан в рассказе А. Неверова «Большевики». Мальчики и девочки играют в «большевиков»:

«Постой, Женька, ты нынче кто? Троцкий?» «Нет, — отвечает Женька, — нынче я Луначарский». «А я кто? — спрашивает Борька. «Хочешь — Троцким?» «Ну, давай!» Когда Женька «дает» Троцкого, Борька опять кричит: «Постой, Женька, если я Лениным буду?» «Бывай Лениным, все равно такой же большевик». Неожиданно поднимается Маруся: «Э, какие ловкие! Взяли себе Ленина с Троцким, а нам не оставили». «Вы делегатками будете, на съезд к нам приехали», — говорит Женька... «Нам не больно нужно, — неожиданно перебивает Маруся. — Я сама буду Луначарским, а Ленка с Нинкой — Троцким.»⁶¹

Обращает на себя внимание стремление девочек встать вровень с мальчиками, ничуть не уступить им в распределении престижных игровых ролей. Активная, уравнительная позиция девочек в игре всячески одобрялась и поощрялась советскими педагогами. Недаром в советских детских садах так распространена была игра в «красных и белых», активное участие в которой должны были принимать и девочки⁶². Наркомпрос весьма рекомендовал и игру в «Репку», провозглашающую победу коллективного труда и приучавшую мальчиков и девочек к совместному труду такого рода.

Изменились и игрушки, представляющие самостоятельную культуру иконических знаков эпохи. У многих девочек в первые послереволюционные годы не было вообще никаких игрушек⁶³. «У меня была кукла, — пишет девочка, — но плохая, старая и при том безглазая.»⁶⁴ Советская власть стала создавать свои, «политизированные» игрушки, которые, по замыслу их авторов, должны были подвигнуть детей на новые игры. Так, например, на специальной

⁶¹ Неверов А. Большевики // Дети Октября. М., 1925. С. 124–126, 129.

⁶² Kirschenbaum L. Op. cit. P. 119.

⁶³ Кричевская Е. Советы матерям по воспитанию детей: опыт педагогической консультации. М., 1927. С. 19.

⁶⁴ Детская книжка о своем. С. 103.

выставке игрушки в одном из детских домов были представлены такие куклы: Стенька Разин, просто красноармеец и красноармеец на коне⁶⁵. Иногда дело доходило до полного абсурда. В 1925 г. был выпущен конструктор, из которого можно было собрать 5 портретов Ленина и изображение Мавзолея⁶⁶. С такими игрушками, действительно, трудно было играть в обычные детские игры. Но гендерные инстинкты оказывались сильнее социальных установок.

«Они изыяли из детских садов куклу, — писал Е.Шварц в очерке «Превратности характера». — Незачем переразвивать у девочек материнский инстинкт. Допускались только куклы, имеющие целевое назначение, например, безобразно толстые попы. Считалось несомненным, что попы разовьют в детях антирелигиозные чувства. Жизнь показала, что девочки взяли и усыновили страшных священников. Педологи увидели, как их непокорные воспитанницы, завернув попов в одеяльца, носят их на руках, целуют, укладывают спать — ведь матери любят и безобразных детей»⁶⁷.

Подведем некоторые итоги. Революция 1917 г. породила новую, революционную атрибутику, символику и метафорику, что с полным правом позволяет говорить об особом символическом языке революционной эпохи. В ряду образно-знаковых систем, вместе с системами языковыми, которым вполне заслуженно принадлежало едва ли не главное и определяющее место, не меньшую значимость представляли и системы неязыковые — совокупность знаков-символов, знаков-копий, знаков-признаков, выражающих сам дух времени и определяющих место и роль человека в конкретной пространственно-временной ситуации. Однако каждый из символов скорее многозначен, чем однозначен, и посему трактовка его во многом зависела от индивидуальных, в том числе, возрастных и гендерных, особенностей личности. В этой связи тексты русских девочек-современниц революции становятся поистине уникальным

⁶⁵ Там же. С. 122.

⁶⁶ *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1999. С. 212.

⁶⁷ Цит. по: *Каверин В.* Счастье таланта. Воспоминания и встречи, портреты и размышления. М., 1989. С. 211.

источником по реконструкции детско-женского восприятия происходящих преобразований и перемен.

В Советской России истина отождествлялась с небольшим набором идеологических символов. Однако внедрение их в массовое сознание есть процесс далеко не одномоментный, и приобщение к ним нового поколения советских людей, их институционализация может быть наглядно прослежена на примере восприятия этих символов мальчиками и девочками 1920-х гг. — будущими взрослыми. Кстати, это — единственное поколение «вполне советских людей», которое знала отечественная история⁶⁸. При этом восприятие названных символов у детей разных полов во многом отличалось, что было обусловлено как психосоматическими, так и социальными детерминантами мальчиков и девочек в обществе. Гендерные семиотические особенности проявлялись в специфике вычленения главного и малозначимого, в деструкции общепризнанных значений и наделении бытующих символов особыми, «женскими» смыслами, в заостренной ориентации на историко-психологическую знаковую систему повседневности, быта, в «особости» ценностных установок и ориентаций, присущих именно девочкам. Символы unisex обрастали, таким образом, специфическими детско-женскими признаками и свойствами, заметно отличающимися от представлений более старшего поколения женщин. Поэтому гендерный поколенческий разрыв также нельзя не принимать во внимание.

«Это было время, когда кто-то всегда кричал «ура», кто-то плакал, а по городу носился трупный запах», — такой сюрреалистический образ революции 1917 г. был нарисован в сочинении одной из девочек-эмигранток. С годами этот образ размывался, трансформировался, но где-то там, в темных глубинах подсознания, в дальних закоулках женской памяти он хранился по-прежнему, чтобы вдруг, неожиданно — как знать? — всплыть и излиться в длинном рассказе (впрочем, рассказе адаптированном, избавленном от страшных деталей и сюжетов) в ответ на вопрос сидящего напротив такого родного и близкого существа: «А что было, когда ты, бабушка, была маленькой?»

⁶⁸ Советский простой человек. М., 1993. С. 28.

Л. М. МАКАРОВА

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Проблема «нового человека», как основного продукта идеологии нацизма, может быть рассмотрена в двух направлениях — расовом, которому посвящена обширная литература, и гендерном, изученном значительно меньше. Существуют немногочисленные феминистские исследования положения женщины в нацистском обществе, особенностей женского опыта и представлений¹. Исключением являются работы по истории семьи в разные исторические периоды². Однако обособленное изучение лишь «женской» истории мало продуктивно, оно не позволяет составить единую картину социального взаимодействия обоих полов.

Между тем в источниках по истории нацизма этот вопрос освещен весьма подробно, создается даже впечатление, что гендерные различия, как и расовые, находились в центре нацистских представлений об обществе. Об этом свидетельствуют как работы нацистских теоретиков А. Гитлера, А. Розенберга, В. Дарре³, так и материал мемуаров и дневников, особенно женских⁴.

¹ См., например: *Kuhn A., Rothe V.* Frauen im deutschen Faschismus. Eine Quellensammlung mit fachwissenschaftlichen und fachdidaktischen Kommentaren. Bd. 1. Frauenpolitik im NS-Staat. Düsseldorf, 1987; *Wittrock Ch.* Das Frauenbild in faschistischen Texten und seine Vorläufer in der bürgerlichen Frauenbewegung der zwanziger Jahre. Frankfurt am Main, 1981; *Klose W.* Generation im Gleichschritt: Ein Dokumentarbericht. Hamburg-Oldenburg, 1964; *Зигмунд А. М.* Женщины нацистов. Ч. 1. М., 2001.

² См., в частности: *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.). М., 1997.

³ *Hitler A.* Mein Kampf. Jubiläumsausgabe. München, 1939; *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1934; *Darré W. R.* Neudel aus Blut und Boden. München, 1934.

⁴ Авторы мужских мемуаров и дневников — художник Г. Грундиг, детские психологи Б. Беттельхейм, и В. Франкл, филолог В. Клемперер⁴. Их небольшой анализ гендерных отношений базируется на концлагерном опы-

Национал-социализм изначально (начиная с создания Программы НСДАП 1920 г.) интерпретировал окружающий его мир как мужской. Это проявлялось уже в языке Программы: речь в ней шла о «гражданах», «немцах». Да и впоследствии, говоря о будущих выдающихся личностях, Гитлер имел в виду «сыновей народа», а отнюдь не его дочерей. Не исключено, что здесь определенную роль играет свойственная немецкому языку андроцентричность⁵. Единственное упоминание о женщине (только как о матери) содержится в 21 пункте Программы. Иные ее характеристики, в том числе правовые, отсутствуют⁶.

В последующих работах А. Гитлера, А. Розенберга, В. Дарре гендерная проблематика рассматривается существенно подробнее. Основные интересующие их параметры — проблема брака и в этой связи фиксация места в обществе мужчин, женщин и детей, отношения семьи и государства, воспитание «новой», расовой аристократии. Для всех этих работ свойственен тезис об общественной

те. Исключение — дневниковые записи В. Клемперера, но и в них интерпретируется в основном репрессивная практика нацистов. Женские мемуары целесообразно разделить на группы по статусу авторов. К первой относятся воспоминания женщин, занимавших видное место в нацистском обществе — деятельницы кино М. Рёкк и Л. Рифеншталь, и русской эмигрантки М. Васильчиковой⁴. Вторую группу составляют мемуары бывших узниц концлагерей, представительниц не только Германии (Л. Хааг), но и оккупированных стран — Франции (Ф. Фенелон), Польши (С. Шмаглевская), Австрии (М. Фритц)⁴. Три последних свидетельства представляют особый интерес по причине не только женского авторства, для которого характерно особое психологическое и эмоциональное восприятие лагерной реальности, но и пребывания в одном концлагере — Бжезинке, филиале Освенцима.

Дополнительный материал дают нацистская кинопродукция, как документальная, так и художественная, и памятники изобразительного искусства, демонстрирующие идеальные типы мужчин и женщин. Визуализация теоретических положений формирует в этом случае, как и в других, параллельный семиотический ряд, за счет которого пропагандируемые концепции приобретают временами иррациональный, мистический оттенок.

⁵ См. об этом: *Горошко Е., Кирилина А.* Гендерные исследования в лингвистике сегодня // *Гендерные исследования.* № 2 С. 239.

⁶ Текст программы см.: *Tyrell A.* Führer befehl.. Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit» der NSDAP. Bindlach, 1991. S. 23–26.

дифференциации по признаку пола. Эти работы появились в период с конца 20 до середины 40-х гг., в недрах одного движения и одной идеологии, тем не менее, взгляды на проблему нередко противоположны, что вполне может быть обусловлено политической ситуацией в Германии. Как и многие другие вопросы будущего нацистского господства, этот также был в стадии разработки, и решать его на практике приходилось в экстремальных условиях войны и вызванных ею демографических сложностей, комбинируя идеологические установки и существующую реальность.

Война, как основной способ существования мужчин, связанный с их длительным отсутствием и возможной гибелью, привела к иному восприятию внебрачных детей и их матерей — от первоначального осуждения к полному принятию. А. Гитлер, среди прочего, отстаивался и на этой теме, в частности, на вопросах правовой защиты внебрачных детей⁷.

Одновременно возникла необходимость привлечения женщин в экономику, в армейские вспомогательные службы (это был, разумеется, за исключением собственно женских организаций, только рядовой или младший командный состав), в полицию и даже в СС⁸. В зависимости от ситуации на рынке труда акцентировалась роль женщины либо в домашнем хозяйстве, либо на производстве. Например, внушалось, что женщина более приспособлена к работе на конвейере, поскольку монотонность работы не мешает ей думать о семье и детях⁹.

А. Гитлер касается гендерных проблем прежде всего в «*Mein Kampf*», написанной в 1925-1927 гг., и впоследствии развивает их, но уже на несколько ином, в большей степени бытовом, уровне в «Застольных разговорах». В первой работе он продолжает и дета-

⁷ См.: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 94. В Германии военного времени активно велась соответствующая обработка общественного мнения, в том числе средствами кино. М. Ромм в документальном фильме 1966 г. «Обыкновенный фашизм» иллюстрирует эту проблему кадрами из нацистской кинохроники.

⁸ О степени привлечения женщин в армейские подразделения можно судить хотя бы на основании сведений о предназначенной для них униформе. Дэвис Б. Л. Униформа Третьего рейха. 1933–1945. М., 2001. С. 52, 56, 66. В отличие от мужской, женская униформа не предусматривала погон.

⁹ Зидер Р. Указ. соч. С. 233.

лизирует проблематику «Программы». Поскольку основной пафос его разоблачений направлен на борьбу за чистоту расы, против ее осквернителей, он подробно рассматривает проблему не столько семьи, сколько брака как института, фиксирующего отношения между полами и блокирующего ослабление расы. Брак для него — это в первую очередь залог появления здорового и расово безупречного потомства.

Именно мужчины, по мнению Гитлера, с их активной позицией в навязывании сексуальных контактов, либо представляют угрозу для сохранения расы, либо наоборот, служат основой для ее возрождения¹⁰. Поэтому Гитлер много внимания уделяет их сексуальному воспитанию, видя в этом основу для появления здорового потомства и воспитания доблестных воинов. В «Застольных разговорах», Гитлер больше говорит о взаимоотношениях мужчин и женщин в браке, подчеркивает склонность женщин к подчинению. Застольные разговоры — это поток сознания, и подлинное отношение к той или иной проблеме часто выявляется через контекст. Поговорив о браке и женщинах, Гитлер переходит к обсуждению качеств собак, а потом — к проблеме возникновения человеческих рас. Создается впечатление, что взаимоотношения полов сводятся для него к чисто биологической стороне дела¹¹.

Объектом основного внимания Гитлера оказывается юношество. К вопросу становления мужчины он относится весьма серьезно, если судить по уровню детализации интереса и по количеству посвященных этому страниц. Пространно характеризуются как внешние, так и психологические качества арийцев и неарийцев¹². Идеал

¹⁰ Впоследствии тезис об осквернении евреями арийской расы неоднократно пропагандировался через кино — достаточно вспомнить такие фильмы, как «Еврей Зюсс» или «Вечный жид». Режиссер первого фильма Ф. Харлан был в 1949 г. обвинен в совершении преступлений против человечества. Впечатление от этого фильма у подрастающего поколения немцев было настолько сильным, что молодежь после его просмотра устраивала избиения евреев на улицах. См.: *Колодяжная В., Трутко И.* История зарубежного кино. Т. 2. 1929–1945 годы. С. 268; *Теплиц Е.* История киноискусства 1939–1945. М., 1974. С. 136.

¹¹ *Пукер Г.* Указ. соч. С. 62–64.

¹² *Hitler A.* Op. cit. S. 64, 66.

арийской красоты, основанной на физическом здоровье и потому достижимый для всех, в сочетании с военной формой должен сделать именно немецких молодых людей наиболее привлекательными в глазах немецких девушек и исключить нежелательные браки последних с представителями чуждой расы¹³.

Визуальный дискурс телесной инаковости был представлен на выставках 1937 г., ставивших цель — разоблачить «неарийское» по тематике и авторам искусство и наглядно продемонстрировать эстетический расовый канон¹⁴. Биологической основой этого канона, вероятно, обусловлено тяготение официального нацистского искусства к обнаженной натуре.

Задача укрепления расы в соответствии с этим представлением была поставлена перед мужчинами из СС, расовой элитой, и возлагалась на одно из подразделений этой организации — *Lebensborn*, «источник жизни». В его задачи входило регулирование репродуктивного поведения представителей арийской расы¹⁵.

Воспитанию арийских женщин Гитлер уделяет в «*Mein Kampf*» существенно меньше внимания, подчеркивая лишь необходимость их ориентации на материнство¹⁶. В его рассуждениях брак и семья не имеют точек соприкосновения. Воспитанием будущих солдат и матерей должно заниматься государство через сеть детских и молодежных организаций, дифференцированных по признаку пола¹⁷.

Особенно наглядным гендерное противопоставление становится при решении Гитлером вопроса социализации мужчин и женщин. Окончательная социализация, отмеченная получением гражданских прав, должна наступить для женщины только через брак. Исключение составляют лишь женщины, зарабатывающие на

¹³ *Ibid.* S. 405–406. Тему воспитания германской молодежи в оккупированных странах Гитлер развивает и в «Застольных разговорах». См: Пикер Г. Указ. соч. С. 178–179.

¹⁴ См.: *Treue W. Kunstraub.* Düsseldorf, 1957. S. 314; *Shirer W. L.* The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany. Greenwich, Conn., 1960. P. 337–338.

¹⁵ Подробнее см.: *Мэнвелл Р., Френкель Г.* Знаменосец «Черного ордена». Гиммлер. М., 2000. С. 102–103, 151–159.

¹⁶ *Hitler A.* Op. cit. S. 407.

¹⁷ *Ibid.* S. 393–394.

свое содержание. Социализация мужчины тоже не безусловна, в качестве основного критерия, помимо здоровья, требуется свидетельство о прохождении им военной службы¹⁸. В итоге был сконструирован нацистский идеал человека: мужчины — солдата, и женщины — матери солдата. Единственным общим требованием как для мужчин, так и для женщин оставалось их расовое соответствие, которое должно было тщательно проверяться.

Розенберг наряду с расовой дает еще и гендерную характеристику общества, но не только биологическую, как Гитлер, а дополнительно обоснованную психологическими и духовными различиями¹⁹. Мир с этой точки зрения выглядит бинарным, с одной стороны он мужской, творческий, с другой — женский, к творчеству неспособный. Везде, где возникает что-то типическое или типобразующее, в качестве творцов выступают мужчины, которые превосходят женщин в изобретательности и в исследовательской практике, поскольку женщине недостает как интуитивного, так и интеллектуального обобщения. Вместе с тем эти два полюса имеют общий расовый и, следовательно, глубинный духовный потенциал, который определяется присутствием и влиянием арийской крови.

Особенно, по мнению Розенберга, роль мужчин велика в создании двух основных институтов — государства и брака. Они оказываются главными в силу их важной роли в сохранении расы. В отличие от Гитлера, рассуждавшего лишь о Германии, Розенберг рассматривает проблему в масштабах мировой истории. Он категорически отрицает матриархат как организацию общества, при которой женщины якобы пользуются неограниченными правами. Только в средневековом германском обществе с вполне сложившимся патриархатом, по мнению Розенберга, женщина пользовалась огромным уважением как продолжательница рода. Он полагает, что в условиях патриархата расовая проблема была основной²⁰. Также в отличие от

¹⁸ Ibid. S. 434–435.

¹⁹ Тило фон Трота, издатель одной из книг Розенберга, называет его первым, кто пишет о женщинах «в здоровом государстве». *Rosenberg A. Blut und Ehre. Bd. 2. Gestaltung der Idee: Reden und Aufsätze von 1933–1935. München, 1937. S. 305.* Точнее, он пишет о роли в таком государстве как женщин, так и мужчин.

²⁰ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. S. 483–485.*

Гитлера, полагавшего, что государство мужчин обречено на упадок²¹, Розенберг считает его залогом процветания.

Розенберг анализирует роль мужчин и женщин в семье, народе, мужском союзе и государстве. Опирается он на, по его мнению, безусловно арийские общества — Спарту, Афины, Рим. Типообразующей нормой для государства, как он полагает, были воинские мужские союзы, а отнюдь не семья. Он говорит о «мужских союзах» как организациях, пронизывающих всю арийскую историю, полагая их существование непреложным условием перспективного исторического развития. Это вытекает из его общей установки на гендерные принципы организации расового пространства, в котором носителями расовой сущности выступают именно мужские союзы.

Такие объединения, в частности юношеские союзы в древней Греции, основанные на дисциплине, занятиях спортом и ношении униформы одни только гарантировали обществу единство²². В римской семье, например, существовало безусловное подчинение мужчине, от которого взрослые сыновья могли избавиться единственным способом — вступив в мужской союз, в войско. Такой принцип создания ранних обществ распространялся, как полагает Розенберг, и на средневековье, когда развертывалось соперничество двух типов мужских союзов — рыцарских и церковных. Церковь оставалась массовым движением лишь до тех пор, пока ее целью был подрыв государства. Начав претендовать на власть, она организовалась в жесткий в силу безбрачия его членов мужской союз²³. Иными словами, Розенберг предлагает своеобразное, расово-гендерное, прочтение мировой истории.

Переходя к современности, Розенберг приводит примеры мужского союза масонов, германского свободного корпуса после 1918 г. и нацистских штурмовых отрядов. Вне зависимости от ситуации именно им принадлежала ведущая роль, хотя в период мирного развития страны их деятельность несколько видоизменялась. Преимущества воинских союзов Розенберг видит в том, что они не

²¹ Пукер Г. Указ. соч. С. 94.

²² Rosenberg A. Der Mythos... S. 490, 493.

²³ Rosenberg A. Op. cit. S. 491–492.

зависели от родственных отношений и чувств и этим выгодно отличались от семьи, где и женщина играла существенную роль²⁴.

В отличие от временной ситуативности мужских союзов, роль женщины и семьи, полагал Розенберг, ситуативна постоянно. Женщина и семья то присоединялись к остальному обществу, то исключались из него, в зависимости от их способности в каждый конкретный момент принести жертву или, напротив, расшатать существующую структуру. Подчиненную роль женщины играли и в религиозной практике. Введение культа девы Марии (по примеру культа Изиды) изначально предполагало восприятие ее лишь как матери²⁵.

Вместе с тем Розенберг убежден, что собственная роль женщины в обществе также крайне важна — это хранительница чистоты расы, залог ее процветания и приумножения. Женская составляющая расовой общности должна быть достаточно сильной, поскольку, помимо крови, определяющим фактором процветания является биологическая полярность, антагонизм полов, создающий конструктивное напряжение. Розенберг здесь прямо выдвигает тезис о значимости гендерной идентичности: как только начинается феминизация мужчин и эмансипация женщин, наступает кризис, а затем гибель всей общности²⁶.

Весьма возможно, что именно из этих соображений во всех существовавших в нацистской Германии молодежных организациях распространялось разделение по принципу пола. В частности, было трансформировано существовавшее в Германии до 1933 г. смешанное националистическое (*völkisch*), а значит, вполне приемлемое по идеологии общество артаманов, в котором состояли и некоторые будущие нацистские лидеры — В. Дарре, Р. Хёсс, Г. Гиммлер. В 1933 г. его члены были интегрированы в нацистские организации, но уже по половому признаку²⁷.

²⁴ Ibid. S. 485–488. Семья ориентируется на собственные интересы, а необходимо, чтобы каждый член семьи чувствовал себя в первую очередь членом нацистской общности, тогда женщины тоже превратятся в один из рычагов воздействия. См. об этом: *Zudep P.* Указ. соч. С. 233–235.

²⁵ *Rosenberg A.* *Der Mythos...* S. 491.

²⁶ *Rosenberg A.* *Op. cit.* S. 482–483.

²⁷ См. об артаманах: *Das Grosse Lexikon des Dritten Reiches / Hrsg. Ch. Zentner.* Oldenbourg — München, 1985. S. 40; о пребывании в организа-

Что касается В. Дарре, его рассуждения о «новой аристократии крови и почвы», приверженной вековым народным обычаям, мало разнятся от предыдущих работ. Он также существенно больше внимания уделяет характеристике мужчин, их новым моральным качествам и достоинствам. О женщинах говорится как о категории второстепенной, подчиненной, предназначенной для ведения дома и ухода за детьми. В качестве авторитетного в этих вопросах источника он цитирует мнение представительниц потомственных аристократических семейств, апеллируя к уже существующей традиции. Основное внимание уделяется пространственному размещению «новой аристократии», ее связи с землей, поскольку источник ее становления — крестьянство²⁸.

Мемуары М. Рёкк и Л. Рифеншталь раскрывают многие аспекты женского мировосприятия и дают возможность увидеть как соприкосновение, так и расхождение этих миров — мужского и женского, на противопоставлении которых часто строится сюжет фильмов. Лени Рифеншталь в этом отношении представляет двойной интерес — с точки зрения не только ее собственной судьбы, но и судьбы женщин в ее фильмах²⁹. В воспоминаниях и высказываниях она сопоставляет свой опыт актрисы (по ее утверждению, вполне независимого существа) и женщины-режиссера.

В мемуарах она лишь упоминает о противостоянии и даже бойкоте, с которыми она столкнулась в 1934 г., при съемках фильма «Триумф воли»³⁰. В интервью 2001 г. она описывает ситуацию уже с феминистской точки зрения, как ее проникновение в мужской мир и агрессивную реакцию со стороны этого мира³¹. В этом вопросе существует еще и третья позиция — официальной власти, вопреки идеологически навязываемой концепции гендерных ролей поручив-

ции см. воспоминания коменданта Освенцима Р. Гесса: *Höß R. Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen*. Stuttgart, 1958. S. 51.

²⁸ *Darré W. R. Op. cit.* S. 39–60, 151, 173–174.

²⁹ Материал об этом предоставляет документальный фильм «Замечательная и ужасная жизнь Лени Рифеншталь», снятый Р. Мюллером в 1993 г.

³⁰ Мемуары впервые были опубликованы в 1994 г. См.: *Рифеншталь Л. «Триумф воли» // Искусство кино*. 1994. № 10. С. 83.

³¹ *Рифеншталь Л. Вплоть до одержимости // Искусство кино*. 2001. № 8. С. 88–89.

шей женщине снимать пропагандистскую документалистику. Впрочем, в трудах А. Розенберга достаточно места уделялось вопросу государственного использования личной одаренности не только мужчин, но и женщин, оставляя, таким образом, место для маневра.

Главная цель Л. Рифеншталь, насколько можно судить по ее художественному и документальным фильмам — показать максимальное единение человека и природы. Такой подход характерен и для ее актерской работы: Юта из фильма «Голубой свет» 1932 г. (одновременно первого режиссерского опыта) — существо абсолютно дикое, отрешенное от прозаического мира, принадлежащее мистическому пространству гор и в итоге погибающее в горах.

В ее документальном фильме «Олимпия» (о Берлинской олимпиаде 1936 г.) спортсмены обоего пола не просто показывают рекорды. При помощи старательно выбранных ракурсов съемки Л. Рифеншталь придает спортивным соревнованиям дополнительный, как будто мистический смысл: тело спортсмена приобретает некую автономность. Этому прекрасно служит замедленный показ, например, прыжков в воду. Тела, на секунду повисающие в воздухе, кажутся выходящими за пределы их физических возможностей, летящими. На первый план выступает невербальное общение, «язык тела», проявляющийся через выверенность движений спортсменов, устанавливающих рекорды или просто марширующих во время парада³². Их пол и даже раса в данном случае как будто не имеют значения, телесность ориентирована на высокие спортивные показатели. Создается впечатление, что в фильмах Л. Рифеншталь не ставилась цель продемонстрировать триумф исключительно арийских спортсменов и не проводилось различия между мужчинами и женщинами³³.

³² Особенно наглядно это продемонстрировано в фильме «Олимпия» 1938 г. при помощи скрупулезной детализации кадров переноса тела через планку в сценах прыжков с шестом.

³³ Вместе с тем Олимпиада 1936 г., как записал в своем дневнике очевидец событий В.Клемперер, не переставала быть откровенно политическим мероприятием, во время которого стремление нацистов к спортивным достижениям отодвигало на второй план расовые установки. На время Олимпиады была запрещена антисемитская пропаганда, серебряную медаль за фехтование выиграла еврейка Х. Майер, достижение которой

Пространственное включение женского образа в нацистских фильмах заслуживает особого рассмотрения с точки зрения знаковости постановочного пространства. В фильме Якоби «Девушка моей мечты» это вначале городская суета (по нацистским критериям, разработанным В. Дарре, город — скопище маргиналов, отторгнутых от земли, следовательно, не имеющих корней), затем — природа, горы, где происходит основное действие³⁴.

Соотношение привлекательности и гендерной заданности могло, как в фильме Якоби, стать сутью драматической коллизии. Героиня М. Рёкк, в начале фильма актриса варьете, именно в горах постепенно приходит к пониманию «истинного», по нацистским понятиям, предназначения женщины. С другой стороны, уже вне фильма костюм и рисунок испанского танца М. Рёкк, несмотря на его популярность, вызвали неудовольствие министра пропаганды Й. Геббельса как слишком фривольные, следовательно, не соответствующие моделируемому пропагандой женскому облику, привлекательность которого не должна казаться избыточной, переходить в откровенную сексуальность³⁵.

М. Рёкк дает совершенно иную, сравнительно с Л. Рифеншталь, интерпретацию женской позиции, которую она постоянно подчеркивает в мемуарах — любовь к нарядам и отсутствие интереса к политике. Уроженка Венгрии, она стремилась максимально соответствовать облику «немецкой женщины» не только на экране, но и в жизни. С этой точки зрения ее жизненная и сценическая (по фильму Якоби) ситуации совпадали.

Визуальная интерпретация телесности, ее моделирование приводили к тому, что тело, которое обычно переживается человеком как принадлежащее ему, оказывалось в гораздо большей степени атрибутом внешнего мира. Моделирование арийского человека осуществлялось прежде всего через физическую подготовку, которая

считалось успехом Третьего рейха. См.: *Клемперер В.* Свидетельствовать до конца. С. 59–60. Фильм Л. Рифеншталь с этой точки зрения полностью соответствовал актуальным пропагандистским установкам.

³⁴ См. об этом: *Макарова Л. М.* Немецко-фашистские модификации антитезы «город-деревня» // Сольвычегодск в истории русской культуры. Научная конференция. Тезисы докладов. Сольвычегодск, 1992. С. 79–82.

³⁵ *Рёкк М.* Сердце с перцем. С. 109–112, 149.

демонстрировалась во время бесконечных парадных шествий, когда социальное тело не должно было выделяться из других тел. Это наглядно проявилось у Рифеншталь в сцене гимнастических упражнений, которые выполняют заполнившие весь стадион женщины, максимально включенные в коллективное действие, как в гипнотический транс³⁶. Автономность тела в таких условиях окончательно ликвидировалась, его восприятие и ощущения подменялись ощущениями и восприятием массы³⁷.

Социальное предназначение нацистских женщин пропагандируется через изобразительное искусство как стандартный долг материнства — канон предписывает для таких картин изображение не менее трех детей, в соответствии с демографическими принципами. Лица женщин на этих полотнах стерты, поскольку важны не индивидуальность, или принадлежность к определенной социальной группе, а четко обозначенный вклад в общее дело. Таковы работы художников Ф. Шпигеля «Семья горняков», А. Висселя «Крестьянская семья из Калленберга», Т. Баумгартнера «Крестьянское семейство за едой», В. Вильриха «Хранительница рода».

Аналогичный подход, но уже применительно к мужчинам, демонстрирует и нацистская скульптура. Достаточно вспомнить работы ведущих нацистских мастеров А. Брекера и Й. Торака. Первый из них интерпретировал внешность нацистских героев, их готовность к самопожертвованию. Их лица выражают эмоции, а не индивидуальность и в этом отношении в качестве образца избирают древнегреческое искусство масок. Что касается Торака, для его скульптурных композиций лицо вообще не имеет значения, гигантские мускулистые тела — например, строителей автострад, повернуты спиной к зрителю. Ярко выраженная гигантомания вовсе не

³⁶ Эту черту нацизма Л. Рифеншталь демонстрирует в фильме «Триумф воли» о Нюрнбергском партийном съезде НСДАП 1934 г. Стандартизированные, облаченные в униформу людские массы перемещаются в шествиях на протяжении всего фильма. На экраны фильм вышел в следующем, 1935 г.

³⁷ Э. Канетти полагает, что, формируя массу, человек выходит за пределы своей личности, освобождается от давления общества. *Канетти Э. Масса и власть // Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990. С. 396.*

предполагает значимости лица, для этого нужно было бы смотреть в глаза человека³⁸.

В нацистском искусстве большее внимание телу по сравнению с лицом уже приобретало концептуальный смысл. Индивидуальность, которая выявляется через лицо человека, должна быть полностью подчинена государству. Внешняя привлекательность арийского лица, понимаемая как правильность черт, подразумевалась автоматически, всякое отклонение, а тем более уродство, считались признаками вырождения.

Для удобства можно принять термин Эйзенштейна «раскрой» лица. Лицо имеет два профиля — левый и правый, именно их различие формирует неповторимость человеческого облика. Для достижения нужного результата достаточно ограничиться одним из профилей, развернув его на лицо целиком, индивидуальность исчезнет, лицо превратится в стандартную маску³⁹. В фильме Якоби изменение сознания героини передается и через трансформацию лица. Оно становится менее подвижным, статичным. Аналогичный стереотип, на этот раз в изобразительном искусстве, представлен полотном С. Хильца «Крестьянская Венера», на котором обнаженная натура помещена в интерьер крестьянского дома. Тщательно выписан лежащий рядом на стуле народный костюм, но склоненная голова почти не позволяет увидеть лицо.

Совершенно иная позиция представлена в мемуарах русской эмигрантки княжны М. Васильчиковой, в первую очередь за счет весьма относительной включенности в мир нацистских гендерных представлений. Она иностранка, и на нее не распространяются нацистские стандарты. Вместе с тем в силу аристократического происхождения она хорошо принята в немецком высшем обществе и имеет там многочисленных знакомых. Она, как будто между прочим, отмечает, что с нацистскими женщинами, занимающими высокие должности, бывает трудно иметь дело, поскольку их женственность «отступает на задний план»⁴⁰.

³⁸ Подорога В. А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. М., 1995. С. 310.

³⁹ Подорога В. А. Указ. соч. С. 12, 292.

⁴⁰ Васильчикова М. Указ. соч. С. 54.

Наиболее выраженный характер эта тенденция к стиранию женственности приобретала в концлагерях. Хааг описывает лагерных надзирательниц и представительниц нацистской номенклатуры вне лагеря. Первые внушали больший страх, чем эсэсовцы-мужчины, они были опаснее именно в силу их трансформированности, лишения присущих женщине черт. Намеренное искоренение свойственных женщине мягкости и гуманности должно было привести к деформации личности, у которой не оставалось никаких ограничителей. Уголовницы, так же как и надзирательницы, в своей жестокости сознательно идентифицировали себя с мужским типом личности, были свирепыми и безжалостными.

Такой способ существования приводил женщин к необходимости отказа от собственно женского предназначения, в частности, от возможности иметь детей. Безуспешную попытку вернуться к традиционно понимаемой женственности описывает Ф. Фенелон. Одна из лагерных надзирательниц в Бжезинке сохранила от уничтожения понравившегося ей трехлетнего ребенка с арийскими внешними показателями — белокурого и голубоглазого. На некоторое время прежде весьма жестокая в обращении с заключенными эсэсовка стала олицетворением счастья и материнской гордости. Однако вскоре от вышестоящего начальства последовал приказ уничтожить ребенка. Верность служебному долгу должна была возобладать над женскими инстинктами⁴¹.

Еще один вариант гендерного поведения представляет Г. Шольц-Клинк, руководительница женского движения в нацистской Германии. Ее избирательная невнимательность при посещении концлагеря, позволяющая при внешней мягкости одобрительно оценивать происходящее, в целом не выходит за рамки стандартного нацистского чиновничьего менталитета⁴². Типично женским остается лишь эмоциональный подход к делу, влияние настроения на принимаемые решения.

Ф. Фенелон показывает иные типы женщин — надзирательницы и руководительницы оркестра, по лагерной стратификации примерно равной капо. У надзирательницы подчеркивается уникальное честолюбие, которое нашло выражение в стремлении создать и со-

⁴¹ *Fenelon F.* Sursis pour l'orchestre. Paris, 1976. P. 344–348.

⁴² *Хааг Л.* Указ. соч. С. 185, 192–193.

хранить оркестр в женском лагере Бжезинка. Что касается руководительницы оркестра, помимо жесткого стиля поведения, описывается ее комната в музыкальном блоке, где пространство организовано по казарменному, без присущего женщине стремления к уюту. Там, по мнению Ф. Фенелон, можно забыть не только лагерь, но и мир в целом⁴³. Это тоже деформация женщины, касающаяся не только обращения с подчиненными, но и существенно более интимных представлений об уюте, доме, о повседневности. Такое, по-видимому, сознательное отмежевание от традиционных женских черт лишало опоры в экстремальной ситуации лагеря, сокращая для женщин возможности выживания.

Внешнюю дистанцированность охраны от заключенных в концлагере должна была подчеркнуть одежда эсэсовцев обоего пола. В. Франкл так описывает первое впечатление от офицера СС: высокий, стройный, молодцеватый, в безупречной и сверкающей до блеска униформе, элегантный, выхолненный⁴⁴. Почти в тех же выражениях Ф. Фенелон говорит о внешнем виде надзирательницы из СС. Л. Хааг обращает внимание на один элемент одежды — перчатки из серой замши, которые становятся символом рук убийц. В описании стерты гендерные различия, остался только половой признак.

В концлагере тела заключенных и охранников теряли идентичность, становились продуктом соответствующих приемов и представлений. Из прически, одежды, жестов складывался по принципу противопоставления семиотический образ тел двух типов. В одном случае было безупречно защищенное тело охранника из СС. Его ограниченность позволяет говорить об особом пространстве тела, границей которого служит надежная одежда, униформа. Она же, даже ее наличие или отсутствие, определяли статус и ситуацию заключенного. Ф. Фенелон замечает, что в Бжезинке не имели униформы те узницы, которые предназначались для газовых камер. Им выдавали первые попавшиеся лохмотья. Полосатую униформу получали арийки или те, кто имел должности⁴⁵.

Параллельно Ф. Фенелон описывает концертную униформу женщин из лагерного оркестра в Биркенау. Ей, одной из заклю-

⁴³ *Fenelon F.* Op. cit. P. 166.

⁴⁴ *Франкл В.* Указ. соч. С. 134.

⁴⁵ *Fenelon F.* Op. cit. P. 72.

ченных-оркестранток, вся эта градация представляется чудовищным фарсом: нарядно одетые женщины, во главе с элегантной руководительницей оркестра, играют в лагере уничтожения для того, чтобы ходячие скелеты, которые едва передвигают ноги, еще и печатали шаг⁴⁶.

Художник Г. Грундиг останавливается на характеристике лагерной одежды с точки зрения своеобразной эсэсовской эстетики, исключавшей как карманы на одежде заключенных, которые нарушали симметрию, так и возможности ее какого-либо утепления. Это также препятствовало гармонии форм и, следовательно, противоречило нацистскому представлению о «прекрасном»⁴⁷.

При всей стандартности облика заключенные по-разному носили униформу. С. Шмаглевская обратила внимание на то, что среди мужчин-заключенных «мусульмане» просто прикрывали голову тряпкой, обычные заключенные натягивали форменную шапку на лоб, но были и те, кто носил ее с претензией на элегантность, несколько сдвинув набок⁴⁸.

Телесное воздействие на заключенных начиналось с момента их прибытия в концлагерь. Через манипулирование возможностями гигиенических мероприятий, побои, пытки, медицинские эксперименты реализовывалось вторжение в пространство тела как мужчин, так и женщин. Одним из способов деформации внешности и одновременно насилия над личностью была прическа — в большинстве лагерей при прибытии стригли наголо, как мужчин, так и женщин⁴⁹. Здесь тоже можно отметить различия в восприятии: женщины, пол по преимуществу «декоративный», должны были острее воспринимать эту акцию, как обезображивание, в то время как мужчины говорили еще и о достоинстве личности.

На кожу или одежду заключенного наносился лагерный номер, одежда дополнялась нашивками с обозначением национальности и категории обвинения — два последних пункта иногда совпадали. Эти обозначения не содержали ни половых, ни гендерных характе-

⁴⁶ Ibid. P. 73–74.

⁴⁷ Фрумц М. Указ. соч. С. 75; Fenelon F. Op. cit. P. 72; Грундиг Г. Указ. соч. С. 271, 272.

⁴⁸ Szmaglewska S. Op. cit. S. 107.

⁴⁹ Фрумц М. Указ. соч. С. 15.

ристик. Это было универсальным нарушением неприкосновенности личности, продолжением уже начавшегося процесса деиндивидуализации. На этот раз — за счет лишения имени⁵⁰. Впрочем, концлагерь действовал одинаково на всех — он лишал имен не только заключенных, но и их палачей, поскольку в каждом конкретном случае действовала не самостоятельная личность, а единый для всего лагерного пространства нацистской Германии тип палача, различающийся не по полу или гендерной специфике, а способами издевательств и убийств. Грундиг не просто описывает внешний облик охранников, но и приводит их прозвища — «Костедробильщик», «Медведь», «Железный». Хааг называет надсмотрщиц в женском лагере «волчицами», почти не упоминая их имен.

Гротескная метаморфоза тела заключенных углублялась за счет плохого физического содержания, появления многочисленных (в том числе кожных) болезней и постепенного превращения в так называемых «мусульман», людей с выраженной дистрофией и поведенческими абберациями⁵¹. Понятие больного тела было по определению применимо лишь к заключенным. Недужность приобретала семиотическую значимость. Навязывание норм движения в концлагерях оказывалось особенно результативным во время ежедневных многочасовых построений, когда регламентировались даже жесты, а при движении — через обувь, которая не годилась ни по качеству, ни по размеру. Во время маршей обувь застревала в грязи. Как ее потеря, так и вынужденные остановки, чтобы ее подбрать, грозили наказанием, поскольку сбивался строевой ритм⁵². Лагеря делились на мужские и женские, но по обращению с заключенными и по получаемым результатам они не имели различий.

Существование человека не ограничивается заботой о его телесности. Напротив, мысли только о выживании ограничивали круг интересов узника и постепенно делали его беспомощным перед вне-

⁵⁰ А. Ф. Лосев в работе 1927 г. подчеркивал, что человек без имени неиндивидуален, антисоциален, может приравниваться к животному. См. *Лосев А. Ф. Философия имени*. М., 1990. С. 49. В психиатрии знание собственного имени — критерий вменяемости.

⁵¹ Подробное описание «мусульманина» дает Грундиг. См.: *Грундиг Г.* Указ. соч. С. 256.

⁵² *Фритц М.* Указ. соч. С. 23–24.

запно менявшейся ситуацией, которую он переставал воспринимать адекватно. Женщины осунулись, одряхлели, их лица огрубели от постоянной тревоги и страха, пережитые страдания их не облагородили⁵³. Лица охранниц могли выглядеть по-разному, но всех их объединяла вульгарная складка у рта. На этом этапе выявляется существование дистанции между общим стандартизированным обликом и духовными качествами человека, его телесностью и лицом. Грундиг вспоминает о старике, у которого «украли лицо», взамен осталась только окровавленная маска⁵⁴. Вместе с тем в концлагере проявляется и особая, одухотворенная красота много переживших, но сохранивших достоинство людей⁵⁵.

Забота о сохранении жизни означает выдвигание на первый план биологической стороны существования, при одновременном подавлении базовой черты — половой идентичности. Частично эта проблема решалась через стерилизацию заключенных⁵⁶. Психолог Франкл наблюдает отсутствие сексуального влечения у узников концлагерей. В женских мемуарах бывшие заключенные говорят о прекращении менструаций под воздействием лагерных условий. Из них одна только Фритц сообщает, что с этой целью узницам в питье добавляли бром. Тем не менее, отношения между полами в лагерях не прекращались. В мемуарах описывается история любви, закончившаяся трагически, упоминается об экономических выгодах сексуальных контактов между заключенными, о лесбийских отношениях в женском лагере⁵⁷. Бывали случаи изнасилования, и не только со стороны охранников, но и заключенных⁵⁸. В Заксенхаузене мужчины-заключенные предпринимают своеобразную акцию протеста, попытку восстановить утраченное различие полов и

⁵³ Хааг Л. Указ. соч. С. 195–196.

⁵⁴ Грундиг Г. Указ. соч. С. 252.

⁵⁵ Франкл В. Указ. соч. С. 143.

⁵⁶ На эту тему существует большой источниковый материал. См., в частн.: СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 1969. С. 467–474.

⁵⁷ Грундиг Г. Указ. соч. С. 299–302; Фритц М. Указ. соч. С. 97–99.

⁵⁸ О сексуальном насилии в концлагерях см.: Рингельхайм Д. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории. М., 2000.

пишут адресованную женщине, не принадлежащей к числу заключенных, брошюру о равноправии в социалистическом обществе⁵⁹. Это было стремлением взглянуть на вопрос с антинацистской точки зрения, поскольку речь шла о равноправии, а не об унификации. В то же время важно учитывать, что социализм понимал под равноправием маскулинизацию женщины, ее отождествление с мужчиной, а не защиту ее уникальности, в том числе биологической.

Нацистский подход к распределению гендерных ролей отличается от стандартного религиозного представления, доминировавшего в начале XX века в европейских странах, лишь в одном отношении — ориентированностью на расу. Мир, создаваемый нацистами, традиционно был миром мужчин, перед которыми стояла задача обеспечить процветание арийской расы и ее распространение в пространстве. С изменением ситуации менялись и первоначальные гендерные установки, происходила неизбежная маскулинизация женщин. Гендерная дифференциация проводилась одновременно с курсом на создание сверх- и недочеловека. Их моделирование предполагало противопоставление нескольких показателей — телесности, включая одежду, двигательных и даже мыслительных стереотипов.

В концлагере гендерные различия стирались как у охранников, так и у заключенных. И мужчины, и женщины становились заложниками ситуации. Одновременное моделирование расовых и гендерных стереотипов не могло иметь успеха. Заключенные и охранники как продукты одной идеологии оказывались по многим параметрам тождественными. Концлагеря делились на мужские и женские, но в результате моделирования там должны были программироваться бесполое, покорные существа, рабы, лишённые возможности любого проявления частного существования.

⁵⁹ Грундиг Г. Указ. соч. С. 310–311.

ГЕНДЕР И ПОЛИТИКА

О. В. ШНЫРОВА

АНТИСУФРАЖИЗМ КАК ЗЕРКАЛО СУФРАЖИЗМА

Всякое действие рождает противодействие. Очень часто движение за радикальную реорганизацию общества, каким и был суфражизм, направленный в общем и целом на перераспределение власти между полами, порождает охранительную консервативную реакцию, направленную на сохранение status quo. Антисуфражизм был обратной стороной суфражизма и его порождением, также как фашизм был в значительной степени реакцией на усиление коммунистического влияния в Европе несколько позднее. Наличие организованного антисуфражистского движения характерно только для англосаксонских стран, причем в Англии оно было значительно сильнее и возникло раньше, чем в Соединенных Штатах. В тактике и методах суфражистов и антисуфражистов было много общего, как, например, то, что среди членов тех и других организаций было много социально активных, состоявшихся в профессиональной сфере женщин. Неслучайно, как отмечает Б. Харрисон,

«наиболее проникательные суфражистки приветствовали возникновение организованного антисуфражизма, так как это опровергло положение о политической индифферентности женщин»¹.

Возникновение оппозиции привлекало дополнительное внимание к проблеме политических прав женщин и являлось доказательством того, что суфражизм начал представлять реальную политическую силу. Так же, как и суфражистское движение, антисуфражизм

¹ *Harrison B. Separate Sphere. The Opposition to Women's Suffrage in Britain. N.Y., 1978. P. 113.*

успешно объединял людей с различными политическими убеждениями, однако его социальная база была иной: суфражистки справедливо отмечали, что большинство организованных «анти» относились к аристократии и представителям высших слоев общества.

Следует различать несколько разновидностей антисуфражизма в Англии: оппозиция женскому избирательному праву в парламенте, возникшая после 1867 г., стихийные антисуфражистские настроения значительной части англичан, особенно усилившиеся с распространением милитантской тактики ЖСПС², и антисуфражистские внепарламентские организации, появившиеся начиная с 1908 г.

Антисуфражистская агитация и деятельность в парламенте начались практически синхронно с первыми выступлениями сторонников избирательных прав женщин, что говорит о том, что, невзирая на попытки некоторых парламентариев и прессы представить выступление Дж. С. Милля как забавный анекдот, в политических кругах отнеслись к проблеме распространения права голоса на женщин достаточно серьезно.

После того, как стало ясно, что в парламенте сложилась фракция суфражистов, ежегодно вносивших законопроекты о предоставлении на тех или иных основаниях права парламентского голоса женщинам, произошло организационное оформление парламентской фракции антисуфражистов. В 1875 г. был организован комитет против женского избирательного права в палате общин. Его ядром была группа консерваторов (включавшая и Рэндольфа Черчилля), возглавляемая Э. П. Буври. Его доводы, а впоследствии и аргументы его многочисленных сторонников, основывались на концепции сепаратных сфер и традиционных представлениях о рыцарственности:

«счастье и интересы жены или дочери более значимы для главы семьи, чем его собственные. ...Разве не изобретение это природы, не намерение нашего Создателя, чтобы общество основывалось на семье, в которой мужчина был бы главой и управителем?»³.

Невзирая на то, что пионерами борьбы за политическое равноправие полов стали представители радикального крыла либеральной

² Женский социально политический союз — *прим. ред.*

³ Hollis P. Women in Public: The Women's Movement 1850–1900. L., 1979. P. 306.

партии, в комитете присутствовали и некоторые либералы: Генри Джеймс, капитан Макс и др. Их антисуфражизм, без сомнения, подкреплялся тем обстоятельством, что лидер партии и премьер-министр в либеральном правительстве Уильям Гладстон был категорическим противником равенства полов и допуска женщин в сферу политики. Его позиция основывалась как на убеждении, что подобная мера является чрезмерной и приведет к нарушению баланса в политической системе Великобритании, так и на общепринятых представлениях о различном предназначении полов, которым руководствовались и консерваторы. Свои взгляды он убедительно изложил в письме к либералу Самуэлю Смитю, которое написал 12 апреля 1892 г. накануне слушания законопроекта Альберта Роллита, наделявшего правом голоса незамужних женщин-домовладелиц:

«Если женское избирательное право повлечет за собой представительство женщин в парламенте... то возможность быть членом палаты общин в настоящее время влечет за собой законное право занимать все государственные должности... Я думаю, невозможно отрицать, что всегда были и есть женщины, способные занимать любой государственный пост, каким бы мужским по своему характеру он ни был... Но ни в коем случае аргумент, вытекающий из исключения, не должен приводить к отмене общего правила. Неустранимые и существенные различия между мужчинами и женщинами были созданы самим Творцом»⁴.

Оливия Бэнкс, анализируя отношение к суфражизму в основных политических партиях во второй половине XIX в., отмечает, что если в консервативной партии при достаточно благожелательном отношении руководства к вопросу наделяния женщин правом парламентского голоса значительная часть ее рядовых членов была настроена антисуфражистски, то у либералов наблюдалась обратная ситуация: большое количество рядовых членов партии симпатизировали суфражизму, в то время как лидеры относились к нему резко негативно⁵.

⁴ Ibid. P. 308.

⁵ *Banks O. Becoming a Feminist: The Social Origins of 'First Wave' Feminism. Athens, 1986.*

Комитет ставил задачей не допустить проведения суфражистского билля в парламенте. Его члены активно агитировали парламентариев против суфражистского законопроекта Джейкоба Брайта, обсуждавшегося несколько раз в 1875–1878 гг., но в 1878 г. комитет прекратил существование: оно становится нецелесообразным с уходом из парламента Брайта, после которого позиции суфражистской фракции ослабевают.

Следующее крупное выступление антисуфражистов относится к 1889 г., когда опасения, что консервативное правительство из стремления поучить больше голосов на следующих выборах может предоставить избирательное право женщинам, инициировали антисуфражистское воззвание, опубликованное в *Nineteenth Century Review*. Под ним стояло 105 подписей в основном представительниц высшего класса. Несколько позднее к нему был приложен дополнительный лист с 2000 подписей. Вероятно, это воззвание в определенной степени было ответом на заявления суфражисток о том, что если среди английских женщин есть такие, которые действительно не желают права голоса, то они никак себя не проявляют.

Появление обращения породило дискуссию о предназначении женщины и ее пригодности к участию в политической жизни страны. Суфражистки собрали более 2000 подписей против этого обращения и опубликовали серию опровержений на его аргументы. Ответы лидеров суфражисток, Милисент Фосетт и Лидии Беккер также были опубликованы в *Nineteenth Century Review*. Как уже отмечалось, обращение оказало достаточно серьезное влияние на общественное мнение и политические круги: на него ссылался Гладстон, выступая против законопроекта Роллита, и противники избирательного права женщин в Австралии. Однако ему не удалось стать толчком для возникновения организованного антисуфражистского движения, хотя этот вопрос и обсуждался. Одной из основных причин стало то, что не нашлось ярких женщин-лидеров (роль теоретика предлагали Беатрис Поттер, но она отказалась, опасаясь, что это помешает ее исследованиям положения рабочих). Кроме того, суфражизм в конце 80-х гг. XIX века переживал кризис, и в создании специальных организаций для борьбы с ним не было большой необходимости.

Ситуация изменилась в начале XX века с появлением милитантства и усилением суфражистского движения. Вновь разворачивается дискуссия по поводу негативных последствий участия женщин в политике, инициированная письмом Франсис Лоу в *Times* в декабре 1906 г. Она писала, что если женщины будут допущены в политику, то та утратит свое значение, так как женщины неспособны мыслить оригинально⁶. Появилась идея о подаче антисуфражистской петиции, которая должна была бы убедить правительство, что большинство женщин не желают получить право парламентского голоса. 20 февраля было объявлено о создании комитета для сбора подписей под петицией (его почетным секретарем стала мисс Э. М. К. Тэйлор).

Петиция подчеркивала важность работы женщин в сфере образования, попечения о бедных и утверждала, что право голоса «скорее разрушит, чем усилит, то действительное влияние, которое они имеют в сфере своей работы на благо общества»⁷. Под петицией в короткий срок было собрано 37000 подписей, и она была представлена в парламент. Так же, как в конце 60-х гг. XIX века деятельность по сбору подписей под петицией в поддержку женского избирательного права способствовала возникновению первых суфражистских организаций, так и теперь, успех при подготовке и подаче петиции против права парламентского голоса для женщин стимулировал организационное оформление антисуфражистского движения. Возрожденный парламентский комитет «анти» также подталкивал к созданию женской антисуфражистской организации. Однако снова встал вопрос об организаторах: «женственные» противницы суфражизма не имели опыта публичной деятельности, к тому же в известной степени эта работа противоречила излюбленной теории сепаратных сфер, поэтому было трудно найти достаточно ярких личностей с опытом организационной работы и имеющих высокий социальный статус.

В конце концов удалось найти достаточное количество кандидатур в совет и уговорить леди Джерси возглавить создающуюся организацию. 21 июля 1908 г. в отеле «Вестминстер пэлэс» под председательством графини Джерси состоялся учредительный съезд Национальной женской антисуфражистской лиги (НЖАЛ). В принятом на съезде манифесте говорилось:

⁶ *Harrison B.* Op. cit. P. 118.

⁷ *Ibidem.*

«Настало время выступить женщинам, не желающим предоставления женщинам парламентского избирательного права. Это вопрос, не терпящий отлагательства. До тех пор, пока сторонники суфражизма...готовятся к немедленным и эффективным действиям, страна движется к революции, как социальной, так и политической»⁸.

В принятом уставе Лиги формулировались ее цели:

- «1) не допустить предоставления права парламентского голоса для женщин;
- 2) поддерживать принцип женского представительства в местных органах управления»⁹.

Парадокс антисуфражизма состоял в том, что «анти» выступали лишь против участия женщин в парламентских выборах, приветствуя их активную деятельность в местном самоуправлении. Такой подход с их точки зрения обеспечивал искомое разделение сфер: женщины, беря на себя управление местными, домашними делами, соответствующими их предназначению матерей и хозяек, оставляли мужчинам вопросы имперского и национального масштаба.

Были избраны руководящие органы и принят устав, согласно которому Лига должна была стать достаточно демократичной организацией:

«Лига будет управляться президентом, вице-президентом и Советом, в который будут входить представители местных отделений. Совет на своем первом собрании изберет исполнительный комитет из 18 женщин, треть которого будет обновляться ежегодно... Все местные отделения присылают делегатов на ежегодные собрания, которые будут проходить в июне»¹⁰.

Однако впоследствии в руководящих органах Лиги практически не происходило ротации, и ежегодные собрания как правило ограничивались выражением благодарности руководителям организации и голосованием за их переизбрание.

⁸ Women's National Anti-suffrage League Manifesto // Archive of the Women's National Anti-suffrage League. Women's Library, London.

⁹ Women's National Anti-suffrage League Charter // Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

Национальная женская антисуфражистская Лига объединила более 2000 женщин (прием мужчин допускался в качестве ассоциированных членов). Штаб-квартира была учреждена в Лондоне, но Лига поставила задачу создать как можно больше отделений во всех регионах страны. Поэтому с сентября 1908 г., когда началась постоянная деятельность новой организации, шесть организаторов Лиги разъезжают по стране и помогают создавать отделения на местах. Было образовано 26 отделений и подразделений, в основном на юге и западе Англии (на севере, где были сильны позиции суфражисток, «анти» не удалось добиться больших успехов). Лига разворачивает широкую пропагандистскую деятельность: печатаются и распространяются листовки «Женщины не желают права голоса», собираются подписи под новой петицией против избирательных прав женщин, организуются антисуфражистские собрания и демонстрации. К апрелю 1909 г. количество отделений Лиги увеличилось до 82, а членство возросло с 2000 в декабре 1908 г. до 9000 в июле 1909 г. В течение 1908 г. им удалось собрать 337018 подписей под антисуфражистской петицией, больше чем суфражистам, которые на следующий год собрали только 288736 подписей в поддержку избирательных прав женщин. С декабря 1908 г. начинает ежемесячно выходить печатный орган Лиги *Anti-Suffrage Review*. Успешная деятельность антисуфражисток во многом была связана с рядом факторов. Для создания Лиги был выбран очень удачный момент:

«Недавние выступления ЖСПС, попытки набегов на парламент, сопровождавшиеся насилием и материальным ущербом, последующие за ним псевдогероические суды и псевдогероическое тюремное заключение, которое в любой момент может быть прервано по желанию заключенных... вызвали взрыв отращения, волну сердитых насмешек по всей Англии и привели к повсеместному появлению желающих вступить в Лигу»¹¹.

Идеология антисуфражистов хорошо соответствовала страхам и опасениям значительной части рядовых англичан по поводу последствий, к которым может привести вмешательство женщин в сферу публичного, усиленных раздражением по поводу «неженственного» поведения милитанток. В Лигу удалось привлечь ряд женщин, ши-

¹¹ *Anti-Suffrage Review*. № 1. December. 1908. P. 1.

роко известных своей общественной, благотворительной, либо литературной деятельностью. В рядах Лиги оказались крупная филантропка леди Вантидж, президент Британской женской ассоциации трезвости леди Гризельда Чип, жена Остина Чемберлена, жена известного позитивиста, писательница и поэтесса миссис Фредерика Харрисон, популярные писательницы Мэри Августа Уорд и Мария Корелли. Присутствие таких высокостатусных дам повышало престиж организации в глазах общества, но, с другой стороны, дало основание суфражисткам обвинять Лигу в том, что она представляет интересы очень ограниченного круга женщин:

«Королевство антисуфражисток состоит из влиятельного и богатого меньшинства, таких, как леди, описанные в романах лорда Биконсфильда, которые свергают кабинеты и которые рассматривают требования женщин из буржуазии и рабочего класса как вторжение в их законные владения. Зачем им право голоса?»¹².

Лига обладала очень неплохими материальными и организационными ресурсами. Поддержка ее деятельности крупными политиками, аристократией, известными общественными деятелями давала ей хорошие возможности для продвижения своих идей. Поскольку Лига с самого начала была организацией обеспеченных дам, то членские взносы в ней были выше, чем в суфражистских организациях: одна гинея для членов совета, пять шиллингов для действительных членов и один шиллинг для ассоциированных членов, что позволило с самого начала обеспечить материальную сторону деятельности: в отличие от суфражисток, использующих только добровольцев, «анти» нанимали мужчин из рабочего класса для пикетирования улиц с антисуфражистскими лозунгами (настоящие леди не могли себе такого позволить) и клакеров для срыва суфражистских митингов и собраний. Вероятно, были небезосновательны обвинения суфражисток, что «анти» платили за подписи под с антисуфражистской петицией: после подачи петиции в парламент фонд Лиги оказался полностью истощенным.

«Анти» многое заимствовали из арсенала оппонентов, создавших движение почти на полвека раньше. Формы работы Националь-

¹² *Zangvil, Izrael. Anti-Suffrage Humours // The Vote. Vol. III. № 62. 31 December. 1910. P. 153.*

ной женской антисуфражистской лиги часто были зеркальным отражением организационной и пропагандистской деятельности суфражистских организаций: сбор подписей под петициями, организация собраний и митингов, лекционные туры по стране, распространение листовок, опросы населения по поводу отношения к проблеме избирательных прав женщин, поддержка антисуфражистских кандидатов в парламент и т.п. Антисуфражистская лига, как и суфражистские организации, выбрала для себя цвета (розовый, черный и белый), сочетание которых воспроизводилось на знаменах, значках, нарукавных повязках, при украшении платформ на антисуфражистских собраниях. *Anti-suffrage Review* также во многом копировал суфражистские издания: портреты и биографии выдающихся «анти» на первой полосе, парламентские обзоры, отчеты о главных мероприятиях и деятельности отделений Лиги, обзоры про- и антисуфражистских публикаций в прессе, а также событий культурной жизни, затрагивающих проблему избирательных прав женщин.

Все это способствовало дальнейшей мобилизации «анти». В декабре 1908 г. был создан Мужской комитет против женского избирательного права. Даже суфражистки признавали, что он включал «лучших представителей искусства, науки, литературы, бизнеса, управления»¹³. В его рядах оказались Остин Чемберлен, Редьярд Киплинг, Хью Белл, Дж. Честертон, издатель *Spectator* Лу Стрэчи и др. Их поддерживал Эдуард VII, бывший категорическим противником женских избирательных прав. Это была межпартийная организация ставившая целью

- «1) ведение работы по просвещению общества, которая уже была успешно начата Антисуфражистской Лигой, относительно вопроса женских избирательных прав;
- 2) помешать кандидатам в парламент давать легкомысленные обещания поддерживать столь революционную меру»¹⁴.

Сразу же после создания Комитет рассылает по стране письма, приглашающие к вступлению в его ряды. Формулировка этого приглашения показывает, что членство в антисуфражистских органи-

¹³ Women's Franchise. 10 December. 1908. P. 291.

¹⁴ Letter from Committee For Opposing Female Suffrage // Archive of the Women's...

зациях было достаточно условным, и, вероятно, указывая количество членов движения, его могли существенно преувеличивать:

«Дорогой сэръ, если Вы на нашей стороне, и Вас убедили влиятельные имена наших сторонников, я прошу разрешения включить Ваше имя в список участников. Присоединяясь к нам, Вам не обязательно принимать активное участие в движении, это просто для того, чтобы знали, на чью симпатию мы можем рассчитывать во время нашей кампании»¹⁵.

Продолжается рост Национальной женской антисуфражистской лиги: к апрелю 1910 г. она насчитывала 104 отделения. В мае 1910 г. шотландские отделения объединились в Шотландскую национальную антисуфражистскую лигу, ассоциированную с НЖАЛ. При ней была также создана молодежная организация Лига девушек-антисуфражисток во главе с Эрминией Тэйлор. Ее члены помогали в ведении офисной работы отделений, продаже антисуфражистской литературы, работали в качестве стюардов на антисуфражистских митингах и т.п.

Во время всеобщих выборов 1910 г. антисуфражисты приостанавливают деятельность, чтобы «не создать угрозу имперским делам»¹⁶, однако несколько месяцев спустя все антисуфражистские организации активно включаются в борьбу против Согласительного билля: устраиваются автомобильные лекционные турне по стране, организуются собрания в Лондоне (часто они арендовали те же самые залы, что и суфражистки), распространяются листовки против билля. Одним из самых крупных было собрание в Квинз-холле 11 июля 1910 года, на котором присутствовало более 2000 человек, где была принята резолюция, выражающая протест «против принятия парламентом какой-либо меры, предоставляющей женщинам право голоса без соответствующего волеизъявления нации по этому вопросу»¹⁷. Большинство мероприятий проводилось совместно Антисуфражистской лигой и Мужским комитетом, что способствовало их сближению. Такая совместная деятельность демонстриро-

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ The Annual Council Meeting // Anti-Suffrage Review. № 20. July. 1910. P. 10.

¹⁷ The Queens Hall Protest Meeting // Anti-Suffrage Review. № 21. August. 1910. P. 17.

вала, как два пола могут работать вместе, дополняя друг друга во имя общественного блага, и способствовала созданию привлекательного имиджа антисуфражистов. Поэтому в августе 1910 г. в *Anti-Suffrage Review* было объявлено, что к осени предполагается завершить процесс создания «массовой объединенной Лиги, в которой в равной степени будут представлены мужчины и женщины, со штаб-квартирой в Лондоне и отделениями во всех частях страны, занимающимися исключительно пропагандой нашего Дела»¹⁸.

Лига сообщала, что для осуществления этой широкомасштабной цели уже собрано 20000 фунтов, и оптимистически предполагала, что объединительный фонд удастся увеличить до 100000 фунтов. Воззвание о сборе средств было подписано 125 видными сторонниками движения. Этой деятельностью занялся лорд Керзон, уже имевший большой опыт в этой сфере.

Объединительное собрание состоялось 6 декабря 1910 г. вновь в отеле «Вестминстер пэлэс». Снова председательствовала леди Джерси. Объединенную организацию было решено назвать Национальной ассоциацией против избирательного права женщин. Основой для альянса двух антисуфражистских организаций было соглашение, что мужчины будут вкладывать в движение деньги, а женщины — пополнять его новыми членами. Для антисуфражистов было также важно показать, что, в отличие от своих противников, они выступают единым фронтом, и между ними нет разногласий. Однако уже сам процесс объединения породил определенные противоречия между мужской и женской половинами движения. Как уже отмечалось, Мужской комитет против избирательных прав женщин объединял в себе видных политиков, общественных деятелей, представителей аристократии, бизнеса, то есть мужчин, привыкших управлять и лидировать. Отдавая дань некоторым талантливым руководительницам женской Лиги, они, тем не менее, видели, что основную часть ее членов составляют малокомпетентные в организационной и общественной работе дамы. Это признавали и сами антисуфражистки: как отмечала впоследствии Джанет Кортни, «нашей участью было то, что наше движение привлекало ультраженственных ледиобразных некомпетентных созданий»¹⁹. Поэтому, исходя из неоднократно упоминающегося идеала рыцарственности, они ставили задачу оказать помощь

¹⁸ *Anti-Suffrage Review*. № 21. August. 1910. P. 2.

¹⁹ *Courtney J. The Woman of my Time*. L., 1934. P. 52.

«мыслящим и женственным женщинам, поскольку они чувствительны, нежны и обременены огромным количеством домашних обязанностей, и потому не в состоянии возражать грубым и воинственным суфражисткам»²⁰.

Их мотивация мало чем отличалась от мотивации мужчин-суфражистов, которые, также руководствуясь идеалом рыцарственности, стремились защитить суфражисток от нападков «анти». Мужчины-суфражисты воспринимали женщину как равноценную личность, как полноправного партнера, и не считали, что достижение равноправия полов «может ослабить, если не разрушить то замечательное устройство общества, которое было создано в результате многовекового опыта»²¹, поэтому они иногда сознательно отходили на второй план, предоставляя лидировать в суфражистском движении женщинам. Мужчинам-«анти» это сделать было очень сложно. Лидеры Мужского комитета, в частности лорд Кромер, рассчитывали, что после объединения женщины из Лиги с благодарностью передадут им бразды правления, ограничиваясь представительскими функциями, но оказалось, что в руководстве Лиги достаточно амбициозных женщин, которые вовсе не собирались уступать свои позиции. Поэтому при слиянии возник ряд проблем, связанных с распределением постов. Президент НЖАЛ леди Джерси настаивала на том, чтобы в Совете было поровну мужчин и женщин, и чтобы женщина была председателем, если мужчина будет президентом организации. В конце концов, удалось достигнуть соглашения: в совете присутствовало по семь представителей каждого пола, Кромер стал президентом новой организации, а леди Джерси — вице-президентом. Женские отделения могли продолжать свое существование, если они не желали объединяться с мужскими. Объединенная Лига требовала значительно большего объема организационной и офисной деятельности, необходимо было привлекать женщин-функционеров для работы в штаб-квартире, встал вопрос об управляющем центральным офисом. Кромер предлагал, чтобы это был мужчина, но леди Джерси полагала, что эту должность нужно оставить за занимавшей ее до объединения мисс Левис.

²⁰ *Barlow G. Why I Oppose Woman Suffrage // Anti-suffrage collection. Women's Library. London.*

²¹ *Loe Strachey St. Why I am opposed to woman suffrage // Anti-suffrage review. № 24 November. 1910. P. 5.*

«мужчина выдающихся способностей возможно и лучше женщины выдающихся способностей, но способная женщина безусловно лучше среднего мужчины»²¹.

В конце концов, к секретарю в офисе мисс Левис в сентябре была добавлена должность секретаря-организатора. На эту работу был приглашен молодой юрист Скотт. Однако он не смог поладить с мисс Левис, которая продолжала все делать сама, и в ноябре 1910 г. был вынужден подать в отставку. Недовольный Кромер жаловался лорду Керзону:

«С такими идеями по поводу того, как обращаться с мужчинами, мисс Левис должна была бы быть суфражистской: в наш лагерь она попала по чистой случайности»²².

В январе 1912 г. им удалось сместить мисс Левис, несмотря на ее поддержку со стороны Августы Уорд.

Невзирая на определенное сопротивление старого руководства Лиги, мужчинам все же удалось занять лидирующее положение в новой организации. Президентский пост, контроль над финансами, парламентский комитет, организационная работа и издание периодического органа находились в руках мужчин. Их было также несколько больше в местных отделениях объединенной Лиги. Это дало суфражисткам повод обвинять антисуфражисток в том, что ими управляют мужчины, поэтому их движение не может претендовать на то, что оно представляет интересы женщин.

Разногласия возникали и по поводу определения стратегии новой Лиги. Антисуфражистки требовали, чтобы программа движения носила более конструктивный характер, а не ограничивалась только борьбой с суфражизмом. Об этом в частности, говорила миссис Сомервелл в выступлении на ежегодном собрании Совета НЖАЛ 1910 г.:

«мы никогда не сможем эффективно бороться с суфражистской пропагандой, пока не найдем, чем мы можем ее заменить. В конце концов, неизбежно возникает вопрос, что если мы не хотим права голоса, а другие хотят, то что можно предложить взамен этого активного движения, которое слишком полно жизни, что-

²¹ Цит. по: *Harrison B.* Op. cit. P. 130.

²² *Ibid.* P. 132.

бы его игнорировать, и в нем слишком много замечательных женщин, чьим идеалам мы вынужденно симпатизируем»²³.

В качестве альтернативы предлагалось более активное участие женщин в местном самоуправлении. Активной сторонницей такой позиции была миссис Уорд, пользовавшаяся большим авторитетом как в старой, так и в новой Лиге. На собрании Совета Лиги против избирательных прав женщин в июле 1911 г. ей удалось провести следующую резолюцию:

«основной целью Лиги является оппозиция женскому избирательному праву... в то же время желательно, чтобы Лига оказывала поддержку участию женщин в местном самоуправлении»²⁴.

В сентябре 1911 г. она основала Комитет по продвижению в органы местного самоуправления (Local Government Advancement Committee), ассоциированный с Лигой против избирательного права женщин. Комитет включал мисс Левис, леди Вантидж, миссис Харрисон и других видных антисуфражисток. Он придерживался промежуточной позиции между суфражизмом и антисуфражизмом. Такая стратегия не привлекала мужчин, так как противоречила оборонительному характеру организации. Расхождение интересов скоро привело к конфликту, когда Комитет по продвижению в органы местного самоуправления на выборах в местный совет одного из лондонских округов поддержал женщину-кандидата, выступавшую за избирательное право женщин. Этот шаг вызвал горячие дискуссии на собрании Лиги 8 февраля 1912 г. Кромеру удалось добиться принятия резолюции, запрещающей впредь Комитету оказывать поддержку конкретным кандидатам. На следующем ежегодном собрании Совета была принята резолюция о том, что «собранные средства должны направляться исключительно на оказание сопротивления избирательному праву женщин. Именно ради этой единственной цели и существует наша организация»²⁵. Поскольку финансы орга-

²³ The Annual Council Meeting // Anti-Suffrage Review. № 20. July. 1910. P. 10.

²⁴ Annual Council Meeting // Anti-Suffrage Review. № 33. August. 1911. P. 166.

²⁵ The Annual Council Meeting, 1912 // Anti-Suffrahe Review. № 45. July. 1912. P. 158.

низации находились в руках мужчин, обеспечить их поток в единственное русло было не так уж сложно. После этого Комитет поддерживал только антисуфражисток, баллотирующихся в местные органы управления. В 1912 г. Лига отвергла предложение леди Флоренс Берк определить позицию по вопросу женской занятости — приверженность одной проблеме требовала нейтралитета в других.

Таким образом, к середине 1912 г. в Лиге, наконец, удалось достигнуть взаимопонимания и единства между мужчинами и женщинами, что с удовлетворением констатировалось в речи лорда Керзона на собрании Совета Лиги в июле 1912 г.:

«Единство означает силу... Насколько мне известно, мы единое целое. Мы не имеем разнообразных конкурирующих организаций внутри или вне Лиги»²⁶.

К этому времени лорд Кромер, вложивший столько сил и энергии в объединение организации, уже не был ее президентом. Устав от бесконечных конфликтов в Лиге, он подал в отставку. Он писал Керзону: «у меня нет ни сил, ни здоровья, ни молодости, ни терпения, чтобы иметь дело с этими буйными женщинами»²⁷.

Истинная причина ухода Кромера не разглашалась. На собрании Совета Лиги было заявлено, что единственной причиной отставки была болезнь. Преемником Кромера стал его ближайший соратник лорд Керзон, которого впоследствии сменили еще несколько титулованных мужчин-суфражистов. Леди Джерси оставалась бессменным вице-президентом.

Однако объединение, безусловно, дало положительный результат. Если в апреле 1910 г. в Лиге насчитывалось 107 местных отделений, то в 1912 г. — 279. На дополнительных выборах в парламент 1912 г. поддержка Лиги обеспечила победу 12 парламентариям-антисуфражистам. 24 января 1913 г. миссис Уорд представила в парламент петицию с 47887 подписями. Таким образом, определенные уступки позиций со стороны женщин-антисуфражисток были той ценой, которую они заплатили за успех и расширение движения. Вместе с тем, Лига была организованной частью значительно большего количества неорганизованных про-

²⁶ Ibidem.

²⁷ Цит. по: *Harrison B.* Op. cit. P. 134.

тивников суфражизма, и поэтому ее деятельность встречала поддержку не только в высших слоях общества, откуда она в основном рекрутировала членов. Как уже отмечалось, Лига объединяла людей разных политических убеждений, большинство ее составляли консерваторы, но среди ее членов были и либералы. В принципе у антисуфражистов были неплохие шансы привлечь в свои ряды и некоторое количество лейбористов. Негативное отношение рабочих в отношении вмешательства женщин в публичную сферу подкреплялось отрицательным отношением тред-юнионов к женской конкуренции в сфере производства. Так, в 1908 г. член кабинета от лейбористской партии Дж. Барнс внес предложение о введении закона об увольнении замужних женщин как средства решения проблемы безработицы, вызвавшее бурю возмущения со стороны суфражисток. Против суфражизма неоднократно выступал социалист Б. Бакс. Наиболее известное его произведение «Подчинение мужчины при помощи закона», в котором он, анализируя правовой статус женщин и мужчин в английском законодательстве, утверждает,

«женский пол стонет от тирании мужчин, но... как показывают приведенные факты, несправедливость и неравенство существуют исключительно и полностью в отношении мужчин»²⁸.

Однако у Лиги не сложилось союза с тред-юнионами и лейбористами, так как последние выступали за всеобщее избирательное право, что также противоречило идеологии Лиги, хотя, вероятно, такие намерения были, так как «анти» серьезно беспокоил возникающий с 1912 г. лейбористско-суфражистский альянс. Кроме того, «анти» прекрасно осознавали, что как потенциальных союзников следует рассматривать рабочих. Поэтому антисуфражистская агитация изначально адресовалась не только высшим слоям. Учитывая обеспокоенность рабочих по поводу растущей конкуренции со стороны женского труда, листовка Мужского комитета против женского избирательного права заявляла:

«суфражисты снижают заработную плату мужчин и женщин, побуждая к труду толпы женщин, научив их презирать свои домашние обязанности»²⁹.

²⁸ *Bax B.* The Legal Subjection of Men. L., 1908.

Совет Лиги особо рекомендовал местным отделениям распространять листовки и другие издания на заводах и фабриках. К рабочей аудитории была обращена и значительная часть визуальной пропаганды «анти». Как и суфражистки, их оппоненты обращали большое внимание на визуальные репрезентации своих идей. Трудно сказать, какое движение было в этом отношении более продуктивным. Лига издала и распространила огромное количество плакатов и открыток, создающих негативный образ суфражистки. Значительная часть сюжетов на открытках отражают «народный» антисуфражизм — консерватизм рабочих в семейной жизни.

Как отмечает Брайан Харрисон, «возможно, компенсируя свое угнетенное положение, рабочие были очень авторитарны дома... Ведя хозяйство на черте бедности, женщине из большой семьи было практически невозможно заниматься чем-либо еще»³⁰.

Аргументы о том, что суфражизм разрушает семьи, находили благодарную аудиторию. Популярным сюжетом на открытках «анти» было изображение рабочего, возвращающегося домой после тяжелого трудового дня и обнаруживающего заброшенный дом с плачущими голодными детьми, так как жена ушла на суфражистское собрание. Другой популярный юмористический сюжет — смена семейных ролей: муж присматривает за детьми, в то время как жена выступает на митинге.

Рабочих привлекали на свою сторону не только при помощи антисуфражистских идей. Как отмечалось выше, «анти» достаточно часто нанимали пролетариев для выполнения той пропагандистской работы, которую они сами не могли и не желали выполнять в силу статуса и предрассудков. В 1911 г. Лиге благодаря усилиям миссис Уорд удалось заключить союз с Национальным союзом женщин-работниц, о чем с гордостью сообщалось на ежегодном собрании Совета³¹. Однако вскоре его президент Луиза Крейтон перешла на просуфражистские позиции, и союз был разрушен, но Мэри Августа Уорд старалась сохранить влияние идей «анти» на работающих

²⁹ *Barlow G.* Op. cit.

³⁰ *Harrison B.* Op. cit. P. 140.

³¹ Annual Council Meeting // *Anti-Suffrage Review*. № 33. August. 1911. P. 166.

женщин. Во многом благодаря ее инициативе был создан Объединенный парламентский комитет по женскому вопросу (Joint Parliamentary Committee for Women's Questions), ставивший задачу проведения законодательных мер в интересах женщин, впоследствии переименованный в Объединенный парламентский совещательный совет (Joint Parliamentary Advisory Council), нейтральный в отношении вопроса об избирательных правах женщин. Следует отметить, что эта ее деятельность не всегда встречала одобрение коллег по Лиге, особенно мужчин, так как вновь выводила деятельность организации за рамки цели ее создания.

В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях суфражизма и антисуфражизма. Мы уже отмечали, что, несмотря на полярность этих движений, у них было много общего с момента создания Национальной женской антисуфражистской лиги. Лига продолжала многое заимствовать из стратегии и тактики суфражистских организаций, причем даже милитантских, несмотря на уверения лорда Кромера, заявлявшего:

«невозможно ожидать, чтобы наши дамы использовали методы сродни суфражистским. Они не могут дефилировать по улицам с развевающимися знаменами и играющими оркестрами. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас желал бы, чтобы наша вице-президент ехала по Пикадилли верхом на лошади во главе процессии женщин. Более того, мы не можем предполагать, что наши дамы будут пикетировать парламент, забрасывая парламентариев листовками и памфлетами»³².

Однако в то же самое время Совет рекомендовал отделениям побуждать своих членов посещать предвыборные собрания кандидатов в парламент, чтобы задавать им вопросы об их отношении к парламентскому избирательному праву женщин, — метод для привлечения общественного внимания, впервые примененный Женским социально-политическим союзом. Антисуфражистки не отказывались и от проведения митингов на открытом воздухе, которые в практику женского движения ввели также милитантки, хотя сама организация этих мероприятий давала много поводов для насмешек

³² Ibid. P. 164.

суфражисток. Вот как описывала суфражистская газета *The Vote* один из таких митингов на Трафальгарской площади:

«На ступенях колонны Нельсона испуганные антисуфражистки оказывали мужчинам-ораторам свою женственную поддержку. Двойная линия полицейских охраняла их, как будто мы могли унести лестницу и оставить их на съедение львам³³. Некоторые из мужчин-«анти» занимали свое время тем, что наклеивали заранее заготовленные кружки с надписью “Право голоса для женщин. Никогда!” на спины известных суфражисток. Тип аргументации, подходящий для уличных мальчишек, но недостойный для членов Лиги, которая находится под покровительством лорда Кромера, не говоря уже о миссис Хэмфри Уорд»³⁴.

Отделениям Лиги также предлагалось обеспечить как можно более широкое распространение листовок и памфлетов Лиги, номеров *Anti-Suffrage Review*, привлекать постоянное внимание прессы, посылая как можно больше писем в газеты. Так же, как и суфражистки, «анти» создавали специальные фонды для проведения различных кампаний, финансировали избирательные кампании своих сторонников, проводили опросы общественного мнения. Таким образом, хотя антисуфражистки и заявляли: раз «суфражистки присвоили себе принадлежность к женскому движению,.. мы не желаем принадлежать к женскому движению»³⁵, однако на деле имели с ним много общего в организационных формах, стратегии и тактике.

Поскольку это были антагонистические движения, то они находились в постоянном идеологическом противоборстве. Основная аргументация «анти» против права голоса сводилась практически к тем же аргументам, что были изложены в антисуфражистском обращении в 1899 г. Они неоднократно повторялись в листовках Лиги и речах антисуфражистских ораторов:

«Мы верим, что мужчины и женщины различны; их способности и таланты не одинаковы, но дополняют друг друга, поэтому они должны вносить разный вклад в государственные дела.

³³ Львы возле колонны Нельсона на Трафальгарской площади.

³⁴ The «'Anti' Meeting» // *The Vote*. Vol. II. № 39. 23 July. 1910. P. 153.

³⁵ The Annual Council Meeting, 1912 // *Anti-Suffrage Review*. № 45. July. 1912. P. 159.

Нам говорят, что женщины желают получить право голоса и поэтому они должны его получить. Но, прежде всего, большинство женщин не стремится к этому.

Если работа в имперском парламенте является естественной прерогативой мужчин, то работа в органах местного управления является естественной прерогативой женщин. Здесь находит наилучшее и наиболее полное выражение ее гражданственность и стремление к служению обществу»³⁶.

Антисуфражизм многих представительниц английского высшего и среднего класса основывался не на убеждении о неполноценности женщины по сравнению с мужчиной, а на глубокой убежденности в превосходстве женского пола над мужским, вытекавшей из викторианских представлений о более высокой нравственности женщин. Эта точка зрения ярко отражена в полемике антисуфражистки миссис Хью Браун с суфражисткой Эвелин Шарп:

«История цивилизации являет собой постоянный прогресс от всеобщего поля битвы к всеобщей встрече за чашкой чая (teaparty). Поскольку влияние женщины так же преобладает за чайным столом, как мужское — на поле битвы, из этого должно следовать, что, в то время, как влияние мужчины сильнее в начале истории, влияние женщины сильнее в ее конце. Политические [мужские — О. Ш.] методы — механистичны, социальные [женские] методы — гуманны. Влияние мужчины зависит от того, что он может предпринять в определенных направлениях, влияние женщины — полностью зависит от ее личности. Мне кажется странным, что женщина должна желать войти в мир политики именно в тот момент, когда ее значение падает, и должна делать это, отказываясь от тех качеств, которые наиболее необходимы ей для установления своего превосходства»³⁷.

³⁶ Фрагмент из речи одной из лучших антисуфражистских ораторш мисс Вайолет Маркхэм «Женская сфера деятельности», произнесенной в Альберт-холле 28 февраля 1911 г. // Leaflet of The National League for opposing Woman Suffrage. Archive of the Women's National Anti-suffrage League. Women's Library, London.

³⁷ Letter of MrsHugh Brown, 2nd of April, 1909 // Evelyn Sharp Nevins Collection. Bodleian Library, Oxford.

Взгляды антисуфражистки миссис Бангер из пьесы Б. Шоу «Газетные вырезки» являются хотя и утрированным, но реальным отражением воззрений ряда антисуфражисток. Такая позиция, как нам кажется, делает еще более понятными разногласия между мужчинами и женщинами в объединенной Лиге, где каждый пол был уверен в своем превосходстве.

Риторика мужчин-«анти», обращенная в большей степени к представителям своего пола, была несколько иной. Чем более реальным становилось принятие закона об избирательных правах женщин, тем более «анти» пугали обывателей установлением «бабьего царства» (*petty coat government*) (так как в Англии на 1250000 женщин больше, чем мужчин). Мужчины-«анти» угрожали собратьям тем, что установление власти женского правительства приведет к принятию антиалкогольных законов и запрету на табак. А это поставит страну на грань революции и гражданской войны³⁶.

Более всего «анти», и мужчин, и женщин, раздражали действия милитанток, чье поведение не вписывалось в общепринятые каноны женственности. Антисуфражистские открытки и плакаты чаще всего изображали их в виде уродливых костлявых старых фурий, поведение которых вызывает гримасу отвращения у «истинных леди». Пиком этой антимилитантской пропаганды, стоящей на грани приличия, но подернутой флером псевдонаучности, вероятно, можно считать нашумевшую статью врача-психиатра, члена Лиги, сэра Алмроза Райта «Милитантская истерия». Статья была опубликована в «*Times*» 28 марта 1912 г. и наделала много шума из-за резкости суждений³⁸. В статье без сомнения чувствуется влияние немецко-австрийской психиатрической школы, которая в то время уделяла большое внимание изучению женских неврозов и была достаточно мизогинистской. Кроме работ Фрейда автор наверняка был знаком со скандально известной работой своего немецкого коллеги Питера Пауля Мебиуса «Физиологическое слабоумие женщины», вышед-

³⁶ См.: The «'Anti' Meeting»... P. 153; *Loe Strachey J. St. Why I am opposed to woman suffrage // Anti-suffrage review. № 24 November. 1910. P. 5; "VOTES for WOMEN", NEVER!": Leaflet of The Men's League For Opposing Woman Suffrage // Anti-suffrage collection, Women's Library, London.*

³⁸ *Wright A. Militant Hysteria // Times. 28 March. 1912. P. 7–8.*

шей незадолго до этого³⁹. С точки зрения Райта социальной базой милитанток является так называемое «избыточное» женское население, которое «в недавнем прошлом отправлялись за моря в поисках мужа», т.е., одинокие женщины, лишённые радостей супружеской жизни и потому подверженные различным неврозам. Воссоздавая традиционный для «анти» образ милитантки, Райт выделяет в этом психологическом типе несколько категорий женщин:

1) одинокие женщины, долгое время лишённые радостей сексуальной жизни, у которых подавляемые инстинкты вырвались наружу. Это женщины, «в которых все превращается в желчь и горечь ненависти к мужчинам».

2) «недостаточные» женщины, которые не являются самостоятельными личностями и поэтому желают, «чтобы мужчины и женщины работали рука об руку, выполняя одни и те же задачи»;

3) интеллектуально озлобленные женщины, претендующие на интеллектуальное превосходство над мужчинами без достаточных на то оснований.

Исходя из этих медицинских выкладок, Райт делал вывод, что парламент ни в коем случае не должен уступать требованиям феминистской агитации, «которая исходит от избыточного женского населения, чье положение усугубляется ненормальными физиологическими условиями». Появление этой статьи именно в 1912 г. было не случайным, так как в это время ЖСПС начинает раскручивать очередной виток в спирали милитантства. Возможно, именно статья Райта подтолкнула К. Панкхерст к публикации в «*Suffragette*» с апреля 1912 г. цикла статей о венерических заболеваниях, проституции, сексуальной эксплуатации женщин, часть из которых впоследствии вошла в ее широко известную работу «Страшный бич», в которой она обвиняла мужчин в развратном поведении, поставившем нацию под угрозу вырождения⁴⁰. Так и в суфражистский, и в антисуфражистский дискурсы включаются проблемы сексуальности, которых до этого все старались избегать.

³⁹ Мебиус П. Физиологическое слабоумие женщины. СПб., 1909. Основные положения этой работы были использованы О. Вейнингером в известном отечественному читателю труде «Пол и характер», за что Мебиус неоднократно обвинял его в плагиате.

⁴⁰ Панкхерст К. Страшный бич. Пг., 1915.

Суфражисты также немало внимания уделяли полемике с оппонентами, хотя нам не встречалось образцов, аналогичных бестактной публикации Райта. На страницах суфражистской прессы периодически появлялись статьи антисуфражистской направленности. Одним из самых ярких полемистов был писатель-суфражист Израэль Зангвил:

«Если вы хотите понять слабость позиции антисуфражеток, вам достаточно представить хотя бы одну из них идущей в тюрьму ради ее идеалов. Такое невозможно представить: она не имеет идеалов, в ее жилах нет огня, ничего, кроме простого отрицания, упрямой приверженности к древним предрассудкам. Это самое худшее состояние рабства, когда рабы довольны своим положением. К тому же избирательное право не является обязательным. Антисуфражетка имеет полное право оставаться дома за вязанием или чтением дамской газеты»⁴¹.

Как уже отмечалось выше, суфражистки справедливо критиковали оппонентов за то, что их движение представляет интересы обеспеченных женщин, которым не нужно зарабатывать на хлеб, в то время как суфражистки представляют интересы работающих женщин, в том числе и женщин-работниц.

Поскольку аргументы и критика суфражисток в адрес «анти» были справедливыми, теоретизирования о месте и предназначении женщины в обществе необходимо было подкрепить фактическими данными. Эффективным методом антисуфражистской пропаганды оказался опрос жителей в округах тех депутатов, которые выдвигали законопроекты о предоставлении женщинам избирательных прав. Так, в 1912 г. «анти» развернули широкую агитацию среди избирателей округа Северный Сент-Панкрас, избравшего в парламент депутата Дикинсона, автора одного из вариантов Согласительного билля. В ходе опроса жителям округа были посланы открытки с просьбой ответить на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы женщинам было предоставлено право голосовать на выборах в парламент?». Для обеспечения объективности ответов на открытках не указывалось названия организации, и ответы просили отправить анонимному ча-

⁴¹ Hill E. Mr. Izrael Zangvi // The Vote. Vol. I. № 8. 16 December. 1909. P. 88.

стному адресату. В Северном Сент-Панкресе было получено 4520 ответов, из них 3387 отрицательных, 1119 — положительных и 14 нейтральных. «Анти» широко освещали результаты этого опроса, доказывая, что Дикинсон занимается «извращением мнения избирателей»⁴². Результат неутешительный для суфражисток, хотя следует отметить, что именно они первыми стали проводить подобные опросы. Кроме того, хотя «анти» и отмечали, что на разосланную анкету ответили не только мужчины-избиратели, но и женщины округа, в приводимых цифрах их ответы не выделялись в отдельную графу.

Крупным успехом «анти» в 1912 г., также широко рекламируемым ими, стала победа антисуфражистского кандидата на дополнительных выборах в округе Боули и Бромли. Она была тем более значительна, что его конкурентом выступал известный суфражист, лейборист Джордж Лансбери, который за два года до этого победил в этом округе с большим отрывом. Теперь же, выставив в качестве основного пункта избирательной программы предоставление избирательных прав женщинам, он проиграл выборы, несмотря на серьезную поддержку, которую ему оказывали суфражистские организации. Его поражение сделало более весомыми доводы оппонентов о том, что англичане не желают политического равноправия женщин. В свою очередь суфражистки широко рекламировали победы своих кандидатов и поражения антисуфражистов на выборах.

Идеологическое противоборство приводило и к прямым столкновениям. Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли «анти» в многочисленных случаях насилия по отношению к суфражисткам. Как уже говорилось, «анти» нанимали мужчин из низших слоев для срыва митингов и собраний суфражисток. В их задачи входило перебивать вопросами и заглушать выкриками суфражистских ораторов, о чем неоднократно сообщала суфражистская пресса. Суфражистки не оставались в долгу. В *Anti-Suffrage Review* также встречается несколько упоминаний о посещении их открытых собраний суфражистками, шумно выражающими несогласие происходящим.

⁴² Annual Council Meeting // *Anti-Suffrage Review*. № 57. July. 1913. P. 144.

Национальная лига против избирательного права женщин не призывала прямо ни своих членов, ни других англичан использовать насилие в борьбе с суфражистками, однако ее пропаганда и методы борьбы с суфражизмом при помощи наемных мужчин провоцировали прямые нападения и хулиганские выходки в отношении суфражисток. Как уже отмечалось, кроме Лиги во всех классах английского общества существовало большое количество «стихийных» антисуфражистов, которые легко откликались на ее доводы о том, что право голоса для женщин приведет к катастрофическим последствиям: разрушению семей, экономическому кризису, краху Империи и т.п. В любой толпе обывателей всегда найдется несколько человек, готовых дать волю низменным инстинктам, особенно если этому найдется достаточное оправдание. Особое раздражение общества вызывали милитантки, постепенно все более нарушавшие конвенциональные нормы женского поведения. По мере развития милитантского движения недоброжелательство и неодобрение перерастают в попытки прямой физической расправы над его участницами. Карикатурные изображения милитанток, публикуемые на антисуфражистских и коммерческих открытках и в прессе, изображавшие их исключительно злобными старыми фуриями, ведущими себя неподобающим образом, как бы уже и не совсем женщинами, к которым неприменим поэтому кодекс рыцарственности, давал антисуфражистским хулиганам⁴² моральное оправдание для применения насилия к милитанткам. Справедливости ради следует отметить, что первые нападения на милитанток начались еще до образования антисуфражистских организаций. Так, Эммелин Панкхерст в своих мемуарах описывает, как в 1908 г. она и ее коллега миссис Мартел подверглись нападению со стороны избирателей-либералов округа Мид-Девон, которые таким образом выразили неудовольствие агитацией суфражисток, приведшей к поражению их кандидата:

«Толпа завывала и забросала нас тухлыми яйцами и комьями земли... Они схватили первой миссис Мартел и стали бить ее кула-

⁴² Слово «хулиган» (hooligan) часто встречается в суфражистской прессе и речах суфражисток применительно к молодчикам, нападающим на суфражисток.

ками по голове, но смелая лавочница, слышав крики и ругательства, открыла двери и бросилась выручать нас. Мы с нею вырвали миссис Мартел из рук хулиганов и старались увести ее в дом. Я тоже хотела войти, но когда я добралась до порога, кто-то с силой ударил меня в затылок, грубые руки схватили за шиворот и с силой швырнули на землю»⁴³.

На всех фотографиях массовых суфражистских мероприятий присутствует большое количество мужчин, окружающих платформы с ораторами. Далекое не все они были симпатизирующими или просто праздными зеваками, некоторые из них были настроены весьма агрессивно. По воспоминаниям суфражисток, преследующие их хулиганы были в основном молодыми мужчинами из рабочей среды, мелкими торговцами или служащими, но встречались и молодые повесы из среднего класса. Далекое не все они разбирались в тонкостях суфражистского движения, поэтому объектами насилия во время проведения массовых акций становятся не только милитантки, но и умеренные суфражистки, всегда старавшиеся подчеркивать свою женственность и держаться в рамках приличий. Так волна антисуфражистского насилия обрушилась на Шествие пилигримов в 1913 г., организованное Национальным союзом суфражистских обществ. Сообщения о нападениях на его участниц появлялись не только в суфражистских изданиях, но и в других английских общенациональных и местных газетах. Виновными в этом разгуле насилия суфражистки считали членов антисуфражистской Лиги, которая была очень активна во время Шествия, стараясь снизить его воздействие на общественное мнение. «Анти» проводили митинги в тех городах и поселках, куда должны были прийти суфражистки, настраивая население против них. Суфражистки также отмечали, что группы клакеров, нанятые «анти», путешествовали за ними из города в город с целью сорвать их выступления. В итоге многие суфражистки оказывались жертвами инцидентов, подобных описанному участницей паломничества мисс Мейкл:

«Нас было пятеро, стоящих вокруг мисс Сент-Джон, и мы были почти одновременно сбиты с ног и чуть не растоптаны. Жен-

⁴³ *Панкхерст Э.* Моя жизнь. Записки суфражистки. Пг., 1915. С. 66.

щина в толпе храбро бросилась нам на помощь, но ее тоже швырнули на землю. Меня толкнули, и я упала поверх нее, и, будучи не в состоянии подняться, не знала, жива она, или нет. Очки мисс Гордон были разбиты, и она не могла видеть... мисс Бивер, которая поспешила к нам на помощь, также оказалась на земле, несколько минут ее били и пинали. Наконец, полиция отбила нас и сопроводила до гостиницы, где им пришлось охранять нас в течении двух часов, в то время как толпа кричала и бушевала на улице»⁴⁴.

Суфражистки жаловались, что полиция не спешила к ним на помощь, вмешиваясь только в крайнем случае, и иногда использовала столкновения как повод для того, чтобы запретить проведения суфражистских митингов, из чего следует, что антисуфражистские настроения были не чужды и полицейским. Подтверждением этому являются и многочисленные свидетельства милитанток о грубости и оскорблениях со стороны полиции во время столкновений.

С другой стороны, Ханна Митчелл с благодарностью вспоминает ткачих Ланкашира, которые одергивали своих сыновей, когда те пытались прерывать ее выступления⁴⁵. Женская солидарность иногда оказывалась эффективней действий полиции.

Иногда антисуфражистские настроения достигали мизогинистской стадии, и тогда они могли обрушиться на любую женщину. О глубине и распространенности антисуфражистских предрассудков в обществе свидетельствует возмущенное письмо миссис Атертон, пожилой владелицы магазина в Вест-Энде, редактору «*Times*»:

«Я 28 лет соержу магазин. Его витрины были разбиты во время недавних беспорядков, и, будучи женщиной, я, если верить антисуфражистам, должна быть защищена законом... Вчера я присутствовала на собрании Союза торговцев Вест-Энда в Квинз-холле. Ни одна женщина не получила приглашения на это собрание... Когда я, как владелица магазина, предложила поправку к выдвинутой резолюции, меня заглушили криками, и, если бы не вмешательство других женщин, меня бы грубо схватили стюарды,

⁴⁴ *The Common Cause*. Vol. V. № 224. 26 July. 1913. P. 274.

⁴⁵ *Mitchell H.* *The Hard Way Up*. L., 1968. P. 151–155.

которые, невзирая на крики председателя: “Пусть леди говорят!””, пробирались через толпу с явным намерением применить силу. Я пожилая женщина хрупкого телосложения, и, тем не менее, большинство присутствовавших мужчин кричали: “Вышвырните ее!”... Это прекрасный пример того, как мало женщины принимаются во внимание, если мужчины видят, что они могут их безнаказанно игнорировать или оскорблять»⁴⁶.

В итоге автор письма заявляла, что, хотя она материально пострадала от действий милитанток, разбивших ее витрины, она, пожалуй, будет выступать в поддержку суфражизма, поскольку, вероятно, это единственный способ заставить мужчин уважать мнение женщин.

Конечно, в данном случае агрессивность торговцев была в определенной степени результатом предшествующего набега милитанток на магазины Вест-Энда, и можно сделать вывод о том, что насилие порождает насилие. Но, с другой стороны, этот эпизод является ярким показателем того, насколько сложно было добиваться равноправия в обществе, где после полувека суфражистской агитации вид женщины, осмеливающейся публично выражать свое мнение, вызывал взрыв возмущения со стороны мужчин.

Итак, накануне Первой мировой войны по вопросу политического равноправия женщин английское общество действительно оказалось расколотым на два лагеря, включавших не только официальных членов упомянутых организаций. Оба объединяли людей из разных сословий и разных партий. Как показывает описанный выше эпизод с Э. Панкхерст, рядовые либералы вполне могли оказаться воинствующими «анти», если суфражистки посягали на их партийные интересы, несмотря на многолетние традиции взаимного сотрудничества суфражистских организаций и либеральной партии.

Как уже отмечалось, и суфражистское, и антисуфражистское движения были сторонами одной медали. Простому смертному, далекому от проблем женского равноправия, было трудно разобраться, кто из них прав. В отличие от суфражистского движения, в движе-

⁴⁶ Times. 12 March. 1912 // M. Arncliffe Sennet Collection. Vol. A Press-cuttings. National Library London.

нии их противников было много противоречий. Они существовали уже в самой теории антисуфражизма и его основных задачах: с одной стороны, не допустить предоставления женщинам права парламентского голоса, с другой — всячески продвигать их в органы местного самоуправления. Мужская половина Национальной лиги против избирательных прав женщин вполне удовлетворялась решением первой задачи, женщины-«анти», исходя из расширенного толкования теории отдельных сфер, выступали за решение обеих задач, упрекая суфражисток в том, что они рвутся к власти на национальном уровне, в то время как для женщины уже имеется широкое поле для деятельности, которое она недостаточно использует. Отстаивание идеи продвижения женщин в органы местного самоуправления было также попыткой внесения позитивной составляющей в целом негативную программу антисуфражистов. Постепенно, однако, часть из них начинает осознавать, что эффективное проведение политики в интересах женщин, детей и бедных на местном уровне невозможно без влияния в парламенте, и что слабое представительство женщин в органах местного самоуправления — не результат их пассивности, а результат сильной оппозиции со стороны мужчин. Кроме того, как показывает история антисуфражистской Лиги, жизненные сценарии и установки некоторых видных антисуфражисток явно противоречили традиционному образу пассивной женственности, который они пропагандировали. Так, уже неоднократно упоминавшаяся Мэри Августа Уорд на гонорары от своих романов содержала семью и большого мужа, леди Вантидж, будучи вдовой, сама управляла огромными поместьями и т.п. Этим женщинам действительно не нужно было равноправие, поскольку они чувствовали себя увереннее и выше многих мужчин. Вероятно, для миссис Уорд активное участие в движении было также способом выстраивания политической карьеры своего сына Арнольда, ставшего членом палаты общин благодаря поддержке Лиги. С другой стороны, их практическая деятельность часто диссонировала с антисуфражистской идеологией и раздражала мужчин-«анти». Другая часть антисуфражисток, «некомпетентные ледиобразные создания», хорошо вписывалась в общепринятые представления о женственности, но мало что могла дать движению с организационной точки зрения. Не случайно на собра-

ниях Совета Лиги ежегодно повторялся призыв к местным отделениям готовить своих функционерок и ораторш, так как в антисуфражистских организациях постоянно существовал дефицит способных к профессиональной работе женщин.

Однако в идеологии «анти» были и положения, сближающие ее с идеологией суфражисток. Так, в начале XX века некоторые суфражистки начинают полагать, что либеральная доктрина равенства полов нуждается в уточнении, что женщинам следует не настаивать на тождественности своей идентичности мужской, а исходить из того, что два пола должны дополнять друг друга, признавая при этом равноценность мужских и женских качеств.

Вероятно, все это приводит к тому, что некоторые видные антисуфражистки, как, например, Беатрис Вебб и Вайолет Маркхэм начинают поддерживать суфражисток.

Однако, несмотря на организационные и идеологические внутренние противоречия, движение продолжало развиваться до тех пор, пока оно имело перед собой четкий образ врага. Кризис наступил, когда с началом Первой мировой войны большинство суфражисток отказалось на время от борьбы за политическое равноправие женщин и перешло на патриотические позиции. Это выбило почву из-под ног их оппонентов, так как теперь становилось непонятно, против чего и за что бороться. Кроме того, многие мужчины-лидеры Лиги оказались либо на фронте, либо заняты другими, более насущными задачами. В январе 1917 г. умер первый президент объединенной Лиги лорд Кромер. Во многом копируя другие женские, в том числе и суфражистские, организации, Лига также пытается организовать деятельность в поддержку фронту, но суфражистки были в этом отношении более эффективными. Летом 1915 г. Эммелин Панкхерст даже предложила Лиге принять участие в объединенной женской процессии, целью которой было убедить правительство более активно задействовать женский труд на благо страны, но это предложение было отвергнуто. Тем не менее, отчеты НССО свидетельствуют, что все же были прецеденты сотрудничества умеренных суфражисток и антисуфражисток на местном уровне, как, например, в отделениях так назы-

ваемого Комитета за интересы женщин (Women's Interests Committee), отстаивающего интересы работающих женщин.

Активное участие женщин в экономической и общественной жизни страны существенно изменило общественное мнение в отношении и политических прав женщин. К 1916 г. становится очевидным, что закон об избирательном женском праве будет принят в ближайшее время. Уверенные в том, что их поддерживает большинство англичан, «анти» настаивали, чтобы вопрос об избирательных правах женщин был вынесен на общенациональный референдум. Летом 1917 г. *Anti-Suffrage Review* опубликовал воззвание о проведении референдума с большим количеством подписей, но в январе 1918 г. парламент проголосовал против этого предложения, что означало поражение «анти». В апреле 1918 г. вышел последний пронизанный печалью номер *Anti-Suffrage Review* с заключительным отчетом о собрании Совета Лиги, на котором ее президент лорд Вердэйл заявил под аплодисменты собравшихся: «Мы уходим с развевающимися знаменами»⁴⁷. Резервный фонд Лиги в 5000 фунтов был передан Королевскому национальному пенсионному фонду медсестер. Впрочем, победа суффражисток одновременно означала конец и их движения, которое постепенно идет на спад после 1918 г.

⁴⁷ *Anti-Suffrage Review*. April, 1918. P. 19.

И. А. ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В начале XX века суфражистское движение Великобритании переживало определенного рода кризис. Насчитывая уже полувековую историю, суфражистки к названному времени так и не достигли основной своей цели — избирательных прав для женщин. Причин тому было несколько. Это и традиционная тактика (митинги, демонстрации, петиции), которая являлась прекрасной иллюстрацией размаха самого движения, но с точки зрения эффективности была обречена на долгосрочную борьбу, исход которой зависел все-таки от правящих кругов, от политической воли мужчин. Последние же (и речь здесь должна идти, прежде всего, о либералах) несмотря на их соответствие либеральной идеологии не торопились с оказанием помощи. И в этом, на наш взгляд, коренится основная причина столь долгого затягивания решения проблемы. В политической программе партии пункт о праве голоса для женщин так и не нашел своего места. Вполне справедливо лидеры либералов (как, впрочем, и консерваторов) рассматривали данный вопрос как внепартийный, а поэтому не требовавший немедленного разрешения. Более того, суфражистки постоянно подчеркивали свою внепартийную ориентацию.

Учитывая парламентский механизм принятия политических решений, можно заметить, что перед суфражистками было два пути: либо попытаться оказать давление на какую-либо партию, чтобы она, переведя проблему женских избирательных прав из плоскости отвлеченных дискуссий в сферу практическую, сделала ее партийным вопросом; либо полагаться на частную инициативу отдельных парламентариев, вне зависимости от их партийной принадлежности. Суфражистки избрали второй вариант. Поскольку не существовало никакой гарантии, что внесенный парламентарием законопроект получит поддержку правительства, то достичь цели подобным образом было весьма проблематично.

Ситуация меняется лишь в конце XIX – начале XX вв., когда происходят изменения как в самом движении, так и на партийно-политической арене страны. Во-первых, это появление в рамках общего суфражистского движения нового направления — радикального суфражизма, получившего название «милитантского». Во-вторых, — оформление новой политической силы — лейбористской партии, единственной, наиболее последовательно отстаивавшей право голоса для женщин.

В конце лета 1903 г. быстрыми темпами стала расти безработица на ланкаширских текстильных фабриках. В этих условиях Эмелин Панкхерст — жена Ричарда Панкхерста, бывшего известным юристом и глашатаем политического равноправия женщин, решила создать организацию, которая отстаивала бы права английских работниц. Ориентация на этот социальный слой не была случайной. Известно, что Р. Панкхерст являлся одним из создателей Независимой рабочей партии, возникшей в 1893 г. и позднее вошедшей на правах коллективного членства в лейбористскую партию. Он придерживался радикальных взглядов и это, в конечном итоге, побудило его примкнуть к левым политическим силам Великобритании. В 1903 г., к моменту создания новой суфражистской организации, Эмелин Панкхерст, скорее всего под влиянием мужа, также являлась членом Независимой рабочей партии. 10 октября 1903 г. собравшаяся в манчестерском доме Эмелин небольшая группа работниц, являвшихся сторонницами НРП, провозгласила создание Женского социального и политического союза (ЖСПС). В создании новой организации помощь оказал лидер НРП Кейр Гарди, бывший убежденным сторонником наделения женщин избирательными правами.

Первоначально деятельность ЖСПС была направлена на то, чтобы убедить членов социалистических и профсоюзных организаций Манчестера в необходимости предоставления женщинам права голоса¹. В апреле 1904 г. Э. Панкхерст была избрана членом Национального административного совета Независимой рабочей партии, что позволило ей использовать свое положение для того, чтобы оказывать давление на верхушку НРП в пользу женских избирательных прав. Так, например, на конференции Комитета рабочего

¹ *Holton S. S. Feminism and Democracy. Women's Suffrage and Reform Politics in Britain, 1900 — 1918. Cambridge, 1986. P. 35.*

представительства (в 1906 г. трансформировавшегося в лейбористскую партию), которая проходила в январе 1905 г. в Ливерпуле, Э. Панкхерст попыталась убедить членов Комитета принять пункт о расширении существующей избирательной системы в пользу женщин. В своих аргументах она зашла настолько далеко, что, по ее словам, «90% женщин, получивших право голоса, будут представительницами рабочего класса»². Однако это не убедило членов Комитета, который, в конечном итоге, принял решение выступить за всеобщее избирательное право.

В начале XX в. суфражистки всех направлений были вынуждены учитывать два новых политических фактора: во-первых, вероятность того, что в ближайшем будущем к власти вернутся либералы; во-вторых, — появление в Палате общин самостоятельной лейбористской партии. В начале 1906 г. прошли парламентские выборы, которые вернули к власти либералов, наделив их почти двойным перевесом в распределении мест. Во вновь избранный парламент вошли и 29 членов новой, созданной в этом же году, политической партии — партии лейбористов, от которой ожидали парламентской поддержки правящим либералам. С этого момента суфражистки сконцентрировались на том, как наилучшим образом заставить партию либералов взять на себя обязательство по продвижению вопроса о женских избирательных правах, а также на том, как использовать новую политическую силу.

Для оказания помощи лейбористам на парламентских выборах в 1906 г. была создана Женская лейбористская лига. Первая конференция Лиги, прошедшая в июне того же года, определила и цель деятельности: «работа в сотрудничестве с партией лейбористов по достижению независимого лейбористского представительства, а также прямого представительства женщин в парламенте и во всех местных органах власти»³. Одной из наиболее важных функций ЖЛЛ была работа по повышению уровня политического сознания

² Цит. по: *Rosen A.* Op. cit. P. 36.

³ *Women's Labour League. Report of the 1st Conference, 1906. Jun., 21 // Women and the Labour Movement. Conference Reports and Journals of the Women's Labour League and the Labour Party Women's Organisations, 1906 — 1977. Archives of the British Labour Party, 1873 — 1973 (Далее — ABLP). The Bodleian Library (Далее — BL). Oxford. P. 4.*

женщин. В качестве основных методов работы были определены следующие: проведение митингов, дискуссий, распространение пропагандистской литературы, а также оказание помощи кандидатам от лейбористской партии на всех местных и парламентских выборах. Избирательные же права рассматривались членами Лиги как гарантия участия женщин в борьбе по улучшению условий жизни работниц⁴. Однако, несмотря на это, вряд ли можно сказать, что ЖЛЛ действительно оказывала сколько-нибудь существенное влияние как на лейбористскую партию, так и на ее парламентскую фракцию. За все время существования Лига так и не смогла преодолеть финансовой зависимости от партии. Кроме того, среди ее членов не было единства по вопросу о том, какое расширение избирательной системы наиболее приемлемо: выступать ли им за всеобщее избирательное право или же только за женское. В конечном итоге, на конференции 1907 г. была принята резолюция, оставлявшая этот вопрос на усмотрение каждого члена Лиги⁵.

Дело было не только в относительной слабости Женской лейбористской лиги. Существовавшие расхождения являлись своего рода отражением разногласий среди самих лейбористов. На первых конференциях Комитета рабочего представительства принимались резолюции в пользу равных политических и гражданских прав мужчин и женщин. Наиболее последовательно этот взгляд отстаивали члены Независимой рабочей партии, чья позиция долгое время была главенствующей на первых заседаниях КРП. Уже на первой партийной конференции члены НРП единодушно определили как часть политической программы действия в поддержку «любого предложения по расширению избирательной системы»⁶. Однако, начиная с 1904 г., в Комитете происходит усиление позиций тред-юнионистов и социалистов, которые выступали за всеобщее избирательное право, подразумевавшее устранение лишь имущественного ценза. По их

⁴ *Rendell M.* The Contribution of the Women's Labour League to the Winning of the Franchise // *Women in the Labour Movement. The British Experience* / Ed. by L. Middleton. L., 1977. P. 60.

⁵ Women's Labour League. Report of the 2nd Annual Conference, 1907. May, 18 // *Women and the Labour Movement*. P. 15.

⁶ The Independent Labour Party. Report of the 1st General Conference. Glasgow, 1893. P. 12.

мнению, только всеобщее избирательное право позволит новой партии завоевать голоса рабочих и, таким образом, «создать выборный механизм, независимый от либеральной партии»⁷.

На протяжении последующих пяти лет сторонники всеобщего избирательного права постоянно проваливали на конференциях партии лейбористов резолюции в пользу женских политических прав. Так, на конференции, прошедшей в январе 1907 г. в Белфасте, была сделана попытка внести резолюцию о наделении женщин правом голоса на тех же условиях, что и мужчин. К этой резолюции была внесена поправка, провозглашавшая, что любая мера «по расширению избирательной системы на основе имущественного ценза в пользу отдельной части женского населения является реакционным шагом, которому должно быть оказано сопротивление». Кейр Гарди попытался сохранить изначальный текст резолюции, но поправка к ней была принята подавляющим большинством голосов. Столь сильная оппозиция привела к тому, что К. Гарди, бывший в то время лидером парламентской фракции лейбористов, заявил об уходе с должности⁸.

Последствия изменения отношения лейбористов к проблеме избирательных прав исключительно для женщин не замедлили сказаться. Самым важным, на наш взгляд, результатом был отход от лейбористов милитанток Женского социального и политического союза, произошедший в 1906 г. В этом году прошли очередные парламентские выборы, принесшие победу либералам. По традиции, после формирования нового кабинета министров, в стране проходили дополнительные выборы. И тактика ЖСПС на этих выборах заключалась в оппозиции тем кандидатам, которые должны были бы войти в новое правительство. В некоторых избирательных округах милитантки продолжали оказывать поддержку членам НРП. Следует отметить, что в 1906 г. организация Э. Панкхерст по-прежнему представляла собой немногочисленное провинциальное объединение, которое во многом зависело от НРП, как в финансовом отношении, так и в плане пропаганды своих идей на страницах печатных органов, принадлежащих НРП. Однако уже в конце названного года ЖСПС отказывается от подобной политики и даже начинает оказы-

⁷ *Holton S. S. Op. cit. P. 54.*

⁸ *Pankhurst S. The Suffragette Movement. L., 1984. P. 246.*

вать предвыборную помощь некоторым кандидатам от партии консерваторов. Подобный шаг вполне объясним и находится в полном соответствии с определенными в следующем году методами работы ЖСПС, в частности с «оппозицией любому находящемуся у власти правительству, до тех пор пока женщинам не будет даровано право голоса»⁹. Поскольку у власти находились либералы, то естественно было поддерживать их противников — консерваторов.

Причин разрыва отношений между милитантками и лейбористами было несколько. Во-первых, — это стремление ЖСПС к деятельности, независимо от каких бы то ни было политических партий, что и было закреплено в конституции данной организации. Во-вторых, роль, безусловно, сыграла и переориентация лейбористской партии на требование всеобщего избирательного права. Быть может, в данной ситуации сказалось еще и стремление лидеров ЖСПС вырваться из рамок узкого, провинциального мира лейбористской политики, ограниченного в то время севером Англии. Поэтому в конце января 1906 г., следуя указанию дочери Эмелин Панкхерст, Кристабель, одна из деятельниц ЖСПС, Э. Кенни, с 2 фунтами в кармане отправляется «поднимать» Лондон¹⁰. Немаловажную роль в изменении политики милитанток, на наш взгляд, сыграла и позиция парламентской фракции партии лейбористов, которая долгое время не могла определиться по отношению к вопросу о наделении женщин избирательными правами. Так, например, в феврале 1908 г. либералом Генри Стэнджером готовилось внесение в парламент законопроекта, который предусматривал наделение женщин, независимо от их семейного положения, правом голоса на одинаковых с мужчинами условиях.

Как и всегда, умеренные суфражистки, возглавляемые Милисент Фосетт, развернули широкую агитацию в пользу данного билля, пытаясь заручиться поддержкой как можно большего числа парламентариев, включая и представителей партии лейбористов. За неделю до проведения второго чтения законопроекта Стэнджера, 20 февраля 1908 г., члены лейбористской парламентской фракции приняли делегацию от головной организации умеренных суфражисток — Национального союза женских суфражистских обществ

⁹ Цит. по: *Rosen A. Op. cit. P. 72.*

¹⁰ *Kenney A. Memories of a Militant. L., 1924. P. 58.*

(НСЖСО). Однако еще до этой встречи на заседании фракции Артур Хендерсон предложил коллегам-парламентариям определить фракционное отношение к данному биллю, поскольку до этого времени не существовало никакой четкой позиции. И хотя фракция высказалась в поддержку законопроекта, тем не менее, решено было оставить вопрос открытым.

Суфражистки попытались выяснить, окажет ли партия лейбористов давление на правительство, если билль пройдет второе чтение. Ответ был категоричен: «решение партии по данному вопросу будет зависеть от продвижения тех законопроектов, в которых партия заинтересована в первую очередь»¹¹. В число подобных законопроектов билль о праве голоса для женщин не входил.

Тем не менее, в 1907–1908 гг. в среде умеренного суфражистского движения начинают происходить определенные изменения. Лидеры отделений НСЖСО в Манчестере, Ньюкасле и Эдинбурге пытаются оказать давление на верхушку Национального союза, выступая за пересмотр предвыборной политики в пользу кандидатов от лейбористской партии. По их мнению, это привело бы к значительному увеличению сторонников суфражизма за счет тех представителей рабочего движения, которые выступали в поддержку принципа равенства полов. Наиболее последовательно за изменение тактики НСЖСО выступали лидеры отделения в Ньюкасле — Этель Бентам и Этель Уильямс, первая из которых играла ведущую роль в Женской лейбористской лиге, а вторая — тесно сотрудничала с местным рабочим движением¹², что, вероятно, и обусловило их стремление к сближению умеренных суфражисток с лейбористами. Подобное предложение вызвало весьма сильное сопротивление со стороны руководства НСЖСО, в частности М. Фосетт, которая придерживалась тактики независимости от политических партий, поставив этот принцип во главу угла конституции своей организации. Тем не менее, на протяжении трех лет (1909–1912 гг.) при поддержке манчестерского и эдинбургского обществ отделение в Ньюкасле продолжало доказывать целесообразность пересмотра тактики в отношении

¹¹ Minutes of Meeting of the Parliamentary Labour Party, 1908. Febr., 20 // Minutes of Meetings of the Parliamentary Labour Party, 1906 — 1968. ABLP, 1873 — 1973. BL. Oxford.

¹² Holton S. S. Op. cit. P. 66.

лейбористской партии, пока в 1912 г. не был создан суфражистско-лейбористский альянс.

Важной вехой в истории парламентской борьбы по вопросу о политическом равноправии женщин стал 1910 год. Во-первых, в начале этого года состоялись новые парламентские выборы, вновь выигранные либералами. На этот раз они вернулись к власти, имея на своей стороне весьма незначительный перевес. Отныне их позиция во многом зависела от партии ирландских националистов и лейбористов¹³. Во-вторых, в феврале этого года по инициативе радикального журналиста и члена лейбористской партии Генри Брейлсфорда в парламенте был создан межпартийный Комитет согласия (*Conciliation Committee*), призванный выработать единый законопроект о женских политических правах, который удовлетворял бы интересы всех партий. Первый такой билль был разработан и представлен в парламент в июле этого же года. Согласно законопроекту, предложенному представителем лейбористской партии Д. Шеклетоном, предполагалось наделить правом голоса женщин (независимо от семейного положения), имевших в собственности дом или квартиру, или же являвшихся квартиросъемщиками, платящими не менее 10 фунтов стерлингов в год. Несмотря на то, что билль большинством в 109 голосов был принят во втором чтении, его дальнейшее продвижение было заблокировано как либералами, так и консерваторами.

Характерной в данной ситуации является и позиция парламентской фракции лейбористов. В апреле 1910 г. лейбористы-парламентарии встретились с представительницами Женской лиги свободы, которые предложили лейбористам от имени партии сделать заявление в поддержку законопроекта Д. Шеклетона. Но официальная позиция лейбористов заключалась в том, что их «партия не может пойти на предложенный шаг до тех пор, пока партийная конференция не пересмотрит свое решение по данному вопросу»¹⁴. Более того, еще до начала парламентского обсуждения Г. Брейлсфорд обратился к исполнительному комитету Женской лейбористской лиги с просьбой об оказании помощи в продвижении данного билля.

¹³ *Morris H. L. Parliamentary Franchise Reform in England from 1885 to 1918. L., 1921. P. 58.*

¹⁴ *Minutes of Meeting of the Parliamentary Labour Party, 1910. Apr., 14 // Minutes of Meetings...*

Однако в официальной поддержке законопроекта со стороны ЖЛЛ было отказано по причине ограниченного характера, который носил этот билль, что не соответствовало общей политике Лиги¹⁵.

Вторая попытка наделить английских женщин избирательными правами была предпринята Комитетом согласия в мае 1911 г., когда внесенный либералом Джорджем Кемпом билль вновь прошел второе, а затем и третье чтение со значительным перевесом в 167 голосов. По основным положениям он повторял законопроект прошлого года, за исключением убранный оговорки об уплате 10 фунтов стерлингов. Несмотря на это, билль, как и все предыдущие, потерпел неудачу. Причиной тому послужил отказ Г. Асквита, возглавлявшего в то время кабинет министров, предоставить время для дальнейшего его обсуждения в течение текущей сессии¹⁶. В то же время Асквит пообещал предоставить неделю на обсуждение в следующей сессии. В связи с этим, на одном из заседаний лейбористской фракции по инициативе Филиппа Сноудена была выдвинута резолюция, в которой приветствовалось желание правительства поставить в следующей сессии вопрос об избирательной реформе, а также заявлялось, что «любая мера по расширению избирательной системы неприемлема, пока она не будет предусматривать право голоса для женщин». Вместе с тем, вновь была подтверждена ориентация партии на достижение всеобщего избирательного права, поэтому не удивительно, почему принимая данную резолюцию, члены фракции внесли в ее текст лишь одно изменение — заменили категоричное «неприемлема» на более мягкое «неудовлетворительна»¹⁷.

Если 1910 г. был важным этапом эволюции партийной политики в отношении проблемы избирательных прав женской половины населения Великобритании, то 1912 г. стал переломным в истории взаимоотношений умеренных суфражисток с либералами и лейбористами. Данный перелом произошел вследствие провала третьего, и последнего, законопроекта, предложенного Комитетом согласия, что привело к разочарованию суфражисток в политике либеральной партии и как следствие этого — к союзу суфражисток с лейбористами.

¹⁵ *Rendell M.* Op. cit. P. 68.

¹⁶ *Morgan D.* *Suffragists and Liberals.* New Jersey, 1975. P. 76.

¹⁷ Minutes of Meeting of the Parliamentary Labour Party, 1911. Novemb., 16 // Minutes of Meetings...

Последний законопроект, разработанный членами Комитета согласия и внесенный в парламент 16 февраля 1912 г. консерватором Дж. Эгг-Гарднером, по основным положениям повторял билль 1911 г. В конце января 1912 г. в Бирмингеме состоялась конференция, на которой была принята резолюция, четко определявшая позицию лейбористской партии. Во-первых, члены конференции настаивали на том, чтобы правительство внесло Билль о реформе, который должен содержать пункт о наделении избирательными правами всех совершеннолетних мужчин и женщин. Во-вторых, конференция призвала парламентскую фракцию лейбористов к тому, чтобы она официально заявила о том, что любой билль, не содержащий в себе статьи о праве голоса для женщин, не может быть приемлем для рабочего и социалистического движений¹⁸. В марте такое решение было принято на заседании фракции, и официальное заявление о поддержке представленного Комитетом согласия законопроекта было распространено в прессе.

28 марта состоялось второе чтение законопроекта, которое вновь закончилось неудачей для сторонников суфражизма — большинством в 14 голосов билль был отвергнут (208 — за, 222 — против)¹⁹. Характерна в распределении голосов позиция ирландских националистов и лейбористов. Из числа первых в поддержку законопроекта не проголосовал ни один парламентарий, все 35 депутатов высказались против. Провалив билль о женских избирательных правах, они надеялись оставить неделю парламентского времени на обсуждение вопроса о гомруле (самоуправлении Ирландии). Что касается лейбористов, то все 25 присутствовавших парламентариев проголосовали за законопроект, но не последнюю роль в его провале сыграли те 13 лейбористов, которые отсутствовали во время голосования, находясь в своих избирательных округах, где проходили в это время забастовки шахтеров²⁰. Так, вновь сыграла роль проблема приоритетов, как это было в случае и с либералами, и с консерваторами. Как бы там ни было, но билль был провален и одним из суще-

¹⁸ Women's Labour League. Report of the 7th Annual Conference. 1912 // Women and the Labour Movement... P. 56.

¹⁹ Результаты голосования см.: The Times, 1912. March, 30. P. 9.

²⁰ National Union of Women's Suffrage Societies. Annual Report 1912 and Balance Sheet. L., 1913. P. 13.

ственных следствий этого явилось разочарование многих суфражисток в правящих либералах.

Практически сразу же после отклонения законопроекта Г. Брейлсфорд от имени Национального союза женских суфражистских обществ вступает в переговоры с руководством лейбористской партии о возможном союзе лейбористов и умеренных суфражисток. В письме от 8 апреля 1912 г. К. Кортни, являвшаяся секретарем НСЖСО, сообщает об инициативе Брейлсфорда лидеру конституционалисток М. Фосетт, подчеркивая, однако, что, по словам Ф. Сноудена, конституция партии лейбористов запрещает им вступать в альянс с какой-либо иной организацией²¹. М. Фосетт вновь высказала мнение о необходимости придерживаться не партийной политики, но, вместе с тем, посчитала возможным оказывать предвыборную помощь кандидатам от лейбористской партии, поскольку только она включила в свою программу пункт о праве голоса для женщин²².

С этого момента между НСЖСО и Национальным исполнительным комитетом партии лейбористов завязывается постоянная переписка об условиях возможного сотрудничества, прежде всего о том, каким образом суфражистки могли бы содействовать продвижению кандидатов от лейбористов на парламентских и местных выборах. К июлю 1912 г. было достигнуто обоюдное соглашение, в соответствии с которым предполагалось, что НСЖСО будет оказывать финансовую (посредством специально созданного Фонда предвыборной борьбы) и организационную помощь кандидатам, прежде всего, в тех избирательных округах, где в парламент баллотируются либералы, придерживающиеся антисуфражистских взглядов²³. Таким образом, к этому времени можно говорить об окончательном оформлении суфражистско-лейбористского альянса, выгодного как той, так и другой стороне. Суфражистки получили возможность наиболее эффективно атаковать либеральное правительство, лейбористы — увеличить представительство в парламенте.

²¹ Letter from K. D. Courtney to M. G. Fawcett // Women's Suffrage Collection from Manchester Central Library. Part II. The British Library. L.

²² Draft reply to the letter from K. D. Courtney to M. G. Fawcett // Ibid.

²³ Minutes of the National Executive Committee. Part I: 1900 — 1926 // ABLP, 1873 — 1973. Series I. BL. Oxford.

Между тем, правительство внесло в парламент для обсуждения в первом чтении обещанный билль об избирательной реформе. Он, однако, не содержал пункта о политических правах женщин, что, скорее всего, было связано с нежеланием Г. Асквита подвергать правительственный законопроект риску, включая в него пункт, по которому среди министров не было единодушия. К биллю было внесено четыре совершенно различных по характеру поправки о праве голоса для женщин. Одна из поправок принадлежала секретарю лейбористской партии Артуру Хендерсону и предполагала наделение политическими правами более 10 миллионов английских женщин на одинаковых с мужчинами условиях.

После обсуждения законопроект исчез из поля зрения до конца января 1913 г. За это время произошло множество существенных изменений, повлиявших как на положение самого билля, так и на отношение к нему различных фракций. Прежде всего, среди сторонников суфражизма существовали значительные расхождения по характеру вносимых поправок²⁴. Кроме того, на повестке дня стоял законопроект, имевший важное практическое значение для правительства, — билль о самоуправлении Ирландии. Поэтому вполне возможно было ожидать от партии ирландских националистов такой же политики в отношении суфражистских поправок, как и во время голосования по третьему «согласительному» биллю. Играли роль и ходившие слухи о возможных отставках в правительстве в случае, если какая-либо поправка о праве голоса для женщин будет принята, что, в свою очередь, могло бы привести к провалу законопроекта о гомруле²⁵. Что касается лейбористов, то в октябре 1912 г. на совместном заседании Национального исполнительного комитета и парламентской фракции, посвященного выработке общей политики в отношении правительственного билля, было принято решение оказывать всевозможное давление на правительство, дабы оно включило в законопроект пункт о политических правах женщин²⁶.

²⁴ Более подробно о внесенных поправках см.: National Union of Women's Suffrage Societies... P. 15.

²⁵ *Morris H. L.* Op. cit. P. 90.

²⁶ Minutes of Meeting of the Parliamentary Labour Party, 1912. Oct., 15 // Minutes of Meetings...

Как бы там ни было, но поступивший на очередное обсуждение 23 января 1913 г. правительственный законопроект постигла та же судьба, что и все прежние. По истечении нескольких дней длившихся дискуссий билль был снят с повестки дня постановлением спикера, заявившего, что внесенные поправки существенным образом меняют природу законопроекта, превращая его в совершенно новый. Асквит же, подтверждая решение правительства снять билль с повестки дня, объяснил это тем, что он не желает рисковать и ставить кабинет министров под угрозу роспуска, что неминуемо должно было бы случиться в случае провала правительственной инициативы²⁷. Практически сразу же после провала законопроекта в Лондоне состоялась очередная ежегодная конференция лейбористской партии, на которой была принята резолюция, призывавшая свою парламентскую фракцию противодействовать любому биллю об избирательной реформе, который не содержал бы положения о политических правах женщин²⁸.

Отныне меняется и тактика умеренных суфражисток, происходит пересмотр предвыборной политики НСЖСО. Теперь поддержки суфражисток на выборах лишались все правительственные кандидаты, вне зависимости от того, насколько убежденными суфражистами они могли бы являться. Каждый кандидат в члены парламента, желавший заручиться поддержкой НСЖСО, должен был включить в предвыборную программу пункт о женских политических правах, а также предпринять все усилия для того, чтобы этот пункт стал частью предвыборной программы его партии. Кроме того, он должен был заявить о готовности противодействовать любой попытке расширить существующую избирательную систему без учета требований суфражисток. С этого момента основными целями суфражисток на всеобщих парламентских выборах являются: защита мест, занимаемых парламентариями-лейбористами; поддержка кандидатов, отстаивающих интересы лейбористской партии; нападки на места, принадлежащие либералам-антисуфражистам, в особенности, членам правительства²⁹. Таким образом, вполне очевидной становится переориентация суфражисток на сотрудничество с лейбористами,

²⁷ National Union of Women's Suffrage Societies. P. 15.

²⁸ Ibid. P. 17.

²⁹ Ibid. P. 8–10.

которые, в свою очередь, также наиболее последовательно стали отстаивать интересы суфражистского движения.

Уже через два года, к началу I Мировой войны, энтузиазм многих сторонников суфражистско-лейбористского альянса, прежде всего, со стороны самих суфражисток, пошел на убыль. Тому, по мнению австралийской исследовательницы истории суфражизма С. Холтон, было несколько причин. Во-первых, гнев, вызванный провалом «согласительных» биллей и правительственного законопроекта о реформе избирательной системы, практически исчез, а приближение очередных парламентских выборов могло бы возродить старую привязанность суфражисток к либералам. Во-вторых, многие суфражистки стали выражать недовольство противоречивым, а иногда и враждебным, отношением к проблеме женских политических прав со стороны некоторых лидеров лейбористов, в частности Р. Макдональда³⁰. Кроме того, противоречивой вновь стала казаться и политика парламентской фракции лейбористов. Примером тому может служить программа действий партии в течение первой сессии 1913 г. Разрабатывая будущую парламентскую политику, Национальный исполнительный комитет партии принял решение о том, что фракция должна добиваться от правительства предоставления необходимого времени для внесения частного законопроекта о женских избирательных правах³¹. Подобная тактика являлась, по сути, шагом назад, поскольку, как уже указывалось, в условиях существовавшей парламентской процедуры было весьма трудно провести частный законопроект через обе палаты, если он не поддерживался правительством, свидетельством чему была вся история борьбы английских женщин за свое политическое равноправие.

Начавшаяся I Мировая война на время сняла вопрос об избирательных правах женщин с повестки дня. Суфражистки, как умеренные, так и милитантки, объявили о временном прекращении деятельности, направив усилия на помощь фронту и нации. Вновь проблема политических прав женщин возникла лишь в 1916 г., в связи с возникшей необходимостью пересмотра существовавшей системы избирательных списков. Дело было в том, что в случае

³⁰ *Holton S. S. Op. cit. P. 115.*

³¹ Minutes of Meeting of the Parliamentary Labour Party, 1913. March, 6 // Minutes of Meetings...

проведения новых парламентских выборов, пришлось бы руководствоваться списками 1914 г., а это означало бы, что в голосовании приняли бы участие лишь 50 % избирателей, так как остальная часть находилась не в своих избирательных округах, занятая на военной работе в других местностях. Необходимо было решить и проблему избирательных прав для военнослужащих, принимавших участие в военных действиях. Таким образом, речь опять-таки шла об увеличении числа избирателей-мужчин.

На этот раз правительство уже осознавало, что ему не удастся решить данную проблему без того, чтобы опять не вызвать к жизни вопрос о праве голоса для женщин и вновь не вскрыть старые противоречия. Для разрешения конфликта в октябре 1916 г. была созвана межпартийная конференция, призванная выработать рекомендации по проведению реформы избирательной системы. В числе прочих вопросов участники конференции должны были решить и проблему политического равноправия женщин. От партии лейбористов в конференции приняли участие трое парламентариев.

В мае 1917 г. разработанный на основе рекомендаций законопроект был представлен в парламент, в декабре он был одобрен палатой лордов, а 6 февраля 1918 г., получив королевскую санкцию, приобрел силу закона. Избирательными правами наделялись женщины старше 30 лет, обладающие собственностью с годовым доходом не менее 5 фунтов стерлингов, домовладелицы либо жены домовладельцев.

Что касается партии лейбористов, то, хотя она и была единственной из всех политических партий Великобритании, которая наиболее последовательно отстаивала идею о наделении женщин избирательными правами, а впоследствии даже вступила в политический альянс с умеренным крылом суфражистского движения, нельзя сказать, что отношение лейбористов к данной проблеме было однозначным и изначально четко определенным.

При изучении истории взаимоотношений лейбористской партии и суфражистского движения необходимо учитывать позиции, занимаемые всеми объединениями, входившими в состав партии. Так, если Независимая рабочая партия изначально выступала за наделение женщин правом голоса, несмотря даже на то, что подобная идея разделялась не всеми ее лидерами, то, к примеру, предста-

вители социал-демократической федерации ратовали за устранение только лишь имущественного ценза. Не следует забывать и о парламентской фракции, которая непосредственно имела дело с практической реализацией программы лейбористской партии в парламенте. Долгое время члены фракции не могли определиться в отношении данной проблемы. Даже и определившись, они продолжали ориентироваться на решение более приоритетных задач, стоявших перед партией.

Суфражистки прошли долгий путь, прежде чем решиться на союз с лейбористами. Им понадобилось несколько десятков лет постоянных разочарований в либералах, а также строгого следования внепартийной политике, пока они не поняли, что больше шансов добиться успеха у них будет, если они начнут сотрудничать с партией, которая, в конечном итоге, заняла просуфражистскую позицию. Другое дело, что лейбористы были довольно молодой партией, находившейся в относительно слабом положении в парламенте, по сравнению с либералами или консерваторами. Поэтому, заключенный в 1912 г. альянс с суфражистками, был им на руку, так как представлялся прекрасной возможностью увеличить парламентское представительство.

Отношение суфражисток к альянсу не было однозначным. Одни, являвшиеся наиболее последовательными сторонницами проводимой НСЖСО в 1912 г. политики, выступали за продолжение сотрудничества с лейбористами, рассматривая данный альянс как долгосрочную стратегию. Другие же видели в союзе с лейбористской партией лишь краткосрочный шаг, необходимый для воздействия на либеральное правительство. Как справедливо отмечает С. Холтон, неизбежно должен был бы возникнуть конфликт между двумя этими группами, так как характер возникших противоречий был тактического, то есть принципиального, плана³². Предотвратила конфликт лишь начавшаяся война, на время отодвинувшая проблему избирательных прав для женщин на задний план, не дав, тем самым, противоречиям разгореться.

³² *Holton S. S. Op. cit. P. 115.*

Т. В. КОРОЛЕВА

**ФЕНОМЕН
«СОЦИАЛЬНОГО ФЕМИНИЗМА»
В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЖЕНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В конце XIX – начале XX вв. женское движение во многих странах стало влиятельной политической силой и перешло от умеренных к более радикальным требованиям предоставления женщинам избирательных прав. Во Франции ситуация складывалась иным образом. Наибольшую поддержку и признание получило здесь умеренное, близкое по требованиям к консервативному, течение социального феминизма, а движение за избирательные права потерпело полное поражение и не смогло реализовать ни одну из поставленных задач. Эта специфика во многом определялась факторами социально-экономического, политического, идеологического и организационного характера.

Переходу женского движения в новую стадию развития способствовала Третья Республика, утвердившаяся во Франции в последней трети XIX в. Вслед за либерализацией политического режима начались кардинальные изменения в экономике, политике и повседневной жизни общества. Эти процессы оказали определяющее влияние на развитие женского движения во Франции в рамках социального феминизма. Темпы экономического роста во Франции уступали другим странам. Это было связано с поражением во франко-прусской войне и с выплатой огромной контрибуции. Концентрация промышленности шла медленными темпами, оставалось много мелких предприятий ремесленного типа, на которых было сосредоточено до 60% всех рабочих. В связи с недостаточным развитием промышленного производства и рост городского населения во Франции шел медленнее. Она оставалась преимущественно аграрной страной. В 1876 г.

сельские жители составляли 51,4%¹. По переписи 1901 г. менее 1/3 французов жили в городах с населением более 10 тыс. человек². Не доказано, что именно развитие урбанизации и индустриализации усиливало кампанию за женские права (например, те штаты Америки, которые предоставили женщинам политические права, не были густонаселенными и высокоиндустриальными), но сельское население было консервативным, глубоко религиозным традиционным элементом, не склонным к принятию теорий эмансипации.

Как и ранее, в конце XIX в. концепция прогресса тесно связывалась с демографическим ростом. В отличие от других западноевропейских стран, во Франции происходило постоянное снижение уровня рождаемости (с 1901 по 1913 гг. — на 13%). Численность населения за последние 30 лет XIX в. оставалась почти неизменной: в 1871 г. — 36,1 млн. человек, в 1901 г. — 39 млн. человек³.

Уменьшение численности граждан было национальной проблемой, которая сильно влияла на отношение общества к изменению традиционных гендерных ролей: для замужних женщин по-прежнему наиболее важной оставалась роль матери, а аргументы за сохранение такого статуса даже усиливались. Они связывались и с социальными проблемами. Так называемая «Belle époque» не была прекрасной эрой для большинства французов: алкоголизм, преступность, не только взрослая, но и детская, аборт, проституция, самоубийства, разводы имели тенденцию к постоянному росту. Правые считали это доказательством дегенерации нации, которая произошла вследствие отхода от традиций и ослабления семьи. Несмотря на антиклерикализм республиканцев, в обществе сохранялось огромное влияние католической церкви, выступавшей за сохранение традиций, а в женском движении наибольшее распространение получили не феминистские общества, а группы, решавшие социальные вопросы.

¹ *Петряев Ж.* Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии и США. Киев, 1958. С. 17.

² *Hauswith S. C., Kenney A.* Women's suffrage and Social Politics in the French Third Republic. Princeton, 1984. P. 21.

³ *Антюхина-Москвиченко В. И.* История Франции 1870–1918. М., 1963. С. 149.

Преобладание во Франции социального феминизма не в последнюю очередь связано с либеральной доктриной «равенства в различии», заложенной известным защитником эмансипации Э. Легуве (1807–1903). Согласно ей женщина по природе является существом противоположным мужчине, ее основная миссия «делать то, что не делает мужчина, заполняя пустые пространства, представляя женскую точку зрения в обществе»⁴. Два пола взаимно дополняют друг друга и потому равны в их различии. Женщины должны улучшать и дополнять республиканские принципы свободы и равенства «добродетелью содружества», любовью и моралью. Эти принципы составили основу идеологии социального феминизма. Легуве сформировал теорию «специальной женской природы». Он подчеркивал социальную роль материнства и настаивал, что четкие гендерные разделения необходимы в семье и обществе. Права и обязанности каждого пола должны были быть взаимно дополняемыми в частной и публичной сфере. Роль хозяйки дома, матери и учительницы детей была дана женщине как альтернативная и эквивалентная форма гражданственности и являлась компенсацией за исключение из числа участников политического процесса. Подчеркивая социальную значимость роли женщины, Легуве выступал против предоставления женщинам политических прав.

«Женщины не созданы для роли государственных деятелей. Всякая попытка политической эмансипации только замедлит, как мы это видели в 1848 г., осуществление их законных требований — эмансипации в семье»⁵.

Большинство женских и феминистских групп отвергало идею политического равноправия полов. Объясняется это влиянием католической церкви и опасениями, что предоставление женщинам избирательных прав вызовет усиление правых и приведет к краху республики и демократии. Л. Рише (1824-1911) в книге «Свободная женщина», бывшей долгое время своеобразной Библией борцов за женскую эмансипацию во Франции, одной фразой предопределил развитие женского движения в рамках, исключающих суфражизм:

⁴ *Legouve E. Histoire morale des femmes. P., 1850. P. 11.*

⁵ *Ibid. P. 276.*

«Из 9 млн. совершеннолетних женщин, едва ли только несколько тысяч были бы в состоянии подавать голоса, остальные исполнили бы наставления исповедника. В современной Франции дарование женщинам политических прав создаст угрозу для демократии, так как большинство женщин — убежденные клирикалки и реакционерки, республика не продержится и 6 месяцев, если женщины будут голосовать»⁶.

Эти взгляды и определяли особенности решения проблемы равноправия полов во Франции. Защитники женской эмансипации не ставили под сомнение существующую гендерную систему, а лишь хотели в ее рамках расширить права женщины, обеспечив ей правовую защиту путем реформирования законодательства. Основой различия между полами объявлялось моральное превосходство женщин, из которого следовало, что решение женского вопроса повлечет за собой положительные изменения в моральном климате общества. Еще одной отличительной особенностью французской либеральной концепции было отсутствие или прямое отрицание требований политического равноправия полов.

Существовали и внутренние факторы развития женского движения, которые опосредовали и усиливали влияние внешних. Практика прямого подавления, которую использовало правительство в первый период развития женского движения во Франции (с 1789 по 1868 гг.), привела к осторожному отношению участников движения к насильственным формам коллективных действий. Логичным завершением процесса стала апелляция значительной части участников женского движения к нормам, широко распространенным в обществе: поддержка ценностей семьи и брака, выступление за повышение рождаемости, решение социальных проблем. Заниматься благотворительностью, помогать нуждающимся — «да», «работать, получать образование тем, кто не может по другому устроиться в этой жизни — «да», играть активную гражданскую и политическую роль — «нет». Именно так можно определить господствовавшие во Франции начала XX в. стереотипы, которые движение не смогло преодолеть.

⁶ Рише Л. Свободная женщина: о женском вопросе и свободе женщин. М., 1879. С. 359.

В начале XX в. женское движение во Франции оказалось в состоянии кризиса. Основные поставленные цели (завоевание права на образование, труд и реформа гражданского законодательства) были достигнуты, требовался пересмотр программ и тактики. Необходимо было расширить социальную и географическую базу, так как оно по-прежнему оставалось «парижским феноменом», в котором принимали участие наиболее образованные представительницы средних классов. Число женских обществ было ограничено, а количество участников в них редко превышало 200 человек. Кроме того, радикальные феминистские или социалистические доктрины не подходили для большинства женщин, воспитанных в консервативном католическом духе. Нужны были новые формы организации, которые позволили бы мобилизовать сторонниц умеренных действий и женщин-католичек и сделать движение массовым.

Во Франции такой объединительной силой стало умеренное, близкое к консервативному, движение «социального феминизма». Представители этого течения видели необходимость реформы общественной морали через филантропию, борьбу с проституцией, алкоголизмом, курением табака и порнографией. Оно базировалось на протестантской (но здесь явно прослеживаются мысли Легуве) идее морального превосходства женщин и специфических женских качеств, с помощью которых они должны улучшить моральное состояние общества. Завоевание прав рассматривалось ими как способ улучшения качества жизни женщин в рамках существующих гендерных конвенций. Это направление получило развитие во Франции еще в 90-х гг. XIX в., когда Изабель Бугело (1838–1923) (известная феминистка, представлявшая Францию на Международных женских конгрессах 1888 и 1893 гг.), попыталась создать группу «Освобожденный труд Сан-Лазара», объединившую идеологию феминизма и протестантизма на основе филантропии. Она считала, что независимо от принадлежности к разным обществам и направлениям женского движения, главная обязанность женщины-христианки — бороться против несправедливости. Ее идеи поддержали Эмиль Морсье, автор книги «Миссия женщины» (1893) и Сара Моно, основатель общества «Версальская конференция»

(июнь 1891 г.), редактор газеты «Женщина», на страницах которой обсуждались проблемы феминистских обществ⁷.

Многие представители феминистского движения поддерживали идеи о том, что филантропия должна быть одним из направлений деятельности их обществ и принимали активное участие в благотворительной деятельности. Например, Клеманс Руайе, президент французской секции ВЛЖ, организовала различные женские бюро и ассоциации среди работниц. Жанна Шмаль, основательница «Предвозвестника», вела работу по улучшению их жилищных условий.

«филантропия, хлопоты по комитетам, конгрессам, обществам являлись для дам-благотворительниц не только высшим проявлением феминизма, но и разновидностью светско-христианских обязанностей, которые составляли часть духовного наряда элегантной француженки-католички»⁸.

Реально благотворительные общества и женщины-меценатки могли помочь лишь очень небольшому числу работниц, в течение многих лет филантропия продолжала оставаться инициативой отдельных лиц. Кроме того женщины не могли официально занимать руководящие должности в благотворительных организациях. Закон, разрешавший женщинам подобную деятельность, вышел только 15 ноября 1895 г.⁹ Его принятие способствовало формализации движения. Чтобы привлечь внимание к проблемам благотворительности и рекрутировать новых членов, «Версальская конференция» провела с 18 по 23 июня 1900 г. «Международный конгресс женских обществ» в Париже.

Программа конгресса показывает, что ее организаторов интересовали не только вопросы помощи нуждающимся, но и проблемы гражданского положения женщин: помимо секции филантропии, работала секция «законодательства и нравственности», на которой обсуждались вопросы предоставления женщинам прав опеки

⁷ Klejman L., Rocherfort F. L'egalite en marche. Le feminisme sous le Troisieme republique. P., 1989. P. 109.

⁸ Венгерова З. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5–6. С. 78.

⁹ Зинченко Н. Женщина-адвокат (по Луи Франку). СПб., 1898. С. 134.

над детьми, управления собственностью во время брака, отмены двойных стандартов морали, введения законодательных мер против вовлечения в проституцию. Секция «воспитания» изучала проблемы совместного обучения полов, секция «труда» — проблемы экономической независимости женщин¹⁰.

Анализ работы секций показывает, что позиции участников конгресса были схожи не только с целями феминистских обществ, но и соприкасались с католическим женским движением, что делало протестантскую филантропию силой, способной объединить разнообразных представителей женского движения. Это и попытались сделать С. Моно (1836–1912), И. Зигфрид (1848–1922) и Авриль де Сент-Круа (1855–1939), создав 18 апреля 1901 г. «Национальный Совет Французских Женщин» (НСФЖ), который включил в себя различные филантропические и протестантские женские общества, профессиональные союзы и феминистские группы.

Предложение создать НСФЖ они получили от Мэй Сюал, которая в марте 1888 г. основала Международный Женский Совет для разработки более эффективных методов достижения равноправия полов и юридической защиты женщин. МЖС ставил перед собой следующие цели: борьба за расширение прав женщин в сфере образования и профессиональной деятельности; принятие трудового законодательства, учитывающего интересы женщин; принятие законов о защите материнства и детства; изменение Гражданского кодекса, регулирующего положение женщины в семье; борьба за «чистоту общества», то есть отмену двойного стандарта в оценке поведения мужчин и женщин; борьба с проституцией и алкоголизмом. В числе наиболее предпочтительных форм деятельности были выделены благотворительность и просветительство¹¹. Это был готовый положительный опыт объединения разнопрофильных женских групп с разработанной программой и тактикой действия.

Чтобы осуществить объединение, лидерами движения была проведена стратегия группового рекрутирования членов и разрабо-

¹⁰ Отчет о международном конгрессе женских обществ в Париже 18–23 июня 1900 // Первый женский календарь. СПб., 1901. С. 461–463.

¹¹ Women in a changing world. The dynamic story of the ICofW since 1888. L., 1966. P. 14.

тана программа, учитывающая ценности и интересы разнообразных женских групп. Это оказалось возможным благодаря тому, что лидеры Совета уже обладали опытом участия в женском движении (проведение ежегодных благотворительных конференций в Версале и создание женских филантропических обществ), и имели налаженные связи с другими участниками и группами женского движения. Кроме того, они получили поддержку и признание за границей.

Объявленная цель создания Совета «содействовать дискуссии между членами по вопросам прав и обязанностей женщин в семье и обществе и на основании этого добиться большей согласованности действий»¹² была нейтральной и могла подойти многим группам. Такая тактика имела успех. Только за первый год существования Совет смог привлечь в свои ряды по разным данным от 21.000¹³ до 28.000¹⁴ членов.

НСФЖ оказалась единственной организацией, которая смогла создать основу для кооперации с католическим женским движением, наладить связи с женскими феминистскими и нефеминистскими организациями и вовлечь умеренных женщин в феминизм, т.е. смогла наиболее полно провести блочное рекрутирование и стимулирование участия как отдельных женщин разных социальных классов, слоев, так и женских групп, уже представлявших собой стабильные общности с выраженными интересами. Согласно уставу,

«все женские объединения, все общества, которые преследуют цели улучшения положения женщин, с точки зрения воспитания, экономической, общественной, моральной, филантропической и политической», могли являться частью Национального Совета Французских Женщин. При этом выдвигалось условие, что «общества, желающие входить в состав НСФЖ, должны оправдывать в течение двух лет свою состоятельность вовлечением не меньше 25 членов ежемесячно»¹⁵.

¹² Les status de Conciel National des femmes francais // *Lecler A.* Le vote des femmes en France: les causes de l'attitude particuliere a notre pays. P., 1929. P. 80.

¹³ *Hauswith S.* Op. cit. P. 134.

¹⁴ *Montreynaud F.* Le XX siecle des femmes. P., 1989. P. 31.

¹⁵ Les status de Conciel National des femmes francais // *Lecler A.* Op. cit. P. 82.

Национальный Совет назначал исполнительный комитет из 12 членов, который должен был встречаться пять раз в год, налаживать связи и следить за выполнением программы, принимаемой ежегодно на общем собрании. Члены Совета не должны были отказываться от прежних целей и сохраняли полную автономию. Для проведения совместных действий НСФЖ решил создать секции по отдельным проблемам, которые должны были добиваться реформ от имени Совета¹⁶. В первый год были созданы четыре секции: 1) благотворительности; 2) образования; 3) гражданских прав; 4) женского труда. Входя в состав союза, секции работали достаточно автономно и боролись за решение задач в своей области, придерживаясь общей тактики МЖС и НСФЖ¹⁷.

Умеренность НСФЖ определялась позицией его лидеров: президента С. Моно, генеральных секретарей — А. Сент-Круа и И. Зигфрид — женщин глубоко религиозных (Моно и Зигфрид были дочерьми протестантских пасторов), состоятельных, придерживавшихся основ буржуазной морали и ориентированных, прежде всего, на благотворительную работу и социальное улучшение общества. Они не признавали радикальных методов борьбы и требований политических прав. Поскольку размеры Совета и его ресурсы превосходили все остальные женские организации, то он формировал тон умеренности для всего женского движения во Франции.

Результативность деятельности НСФЖ оценить достаточно сложно, так как в качестве приоритетных направлений политики Совета была объявлена попечительская и просветительская деятельность. Можно говорить о частичном успехе НСФЖ в этой области, так как Совет был признан властями и оппонентами в качестве представителя группы женщин, желавших путем филантропии улучшить положение нуждающихся. Одной благотворительности было явно недостаточно для решения проблем всех неимущих, так как в категорию получающих помощь преимущественно попадали молодые девушки без дома, семьи, и средств к существованию, ищущие любую работу, чтобы не умереть с голоду. Даже эта немногочисленная группа поддерживалась меценатками только в больших городах и

¹⁶ Ibid. P. 83.

¹⁷ Отчет о создании Французского женского совета // Мир божий. 1902. № 7. С. 52.

крупных промышленных центрах. Основную массу работниц — замужних женщин, имевших детей и вынужденных трудиться наравне с мужчинами, их деятельность не охватывала.

Деятельность просветительских обществ была направлена не столько на оказание помощи, сколько на распространение среди работниц идеала новой эмансипированной женщины и идеи равноправия полов. Для реализации этих задач были созданы библиотеки, открыты образовательные курсы для работниц, распространялись бесплатные билеты на культурные мероприятия. При огромном положительном эффекте эта деятельность обладала одним недостатком: она охватывала лишь небольшую часть работниц.

Другим видом деятельности НСФЖ была борьба с проституцией, которая развивалась в нескольких направлениях:

- социальная и психологическая адаптация падших женщин, которая заключалась в практической деятельности по их освобождению из полиции нравов и возвращении впоследствии к нормальной жизни;
- профилактика распространения проституции, которая состояла в работе на вокзалах с целью не дать провинциалкам, приезжавшим в город, попасть в бордели или в руки торговцев белыми рабынями. Например, «Союз друзей молодых девушек», созданный в 1904 г. и входивший в Совет, вел работу на вокзалах Парижа, где приезжающих молодых девушек встречали с поезда и отправляли в приют. Там им давали начальное образование: читали курс гигиены, домашней экономии, а после устраивали на работу¹⁸.

Французские феминистки поддерживали европейское аболиционистское движение за отмену регламентации проституции, принудительных медицинских осмотров, закрытие домов терпимости и считали, что эта система нарушает личную свободу женщины. Они выступали за изменение двойного стандарта морали, возлагавшего всю вину за проституцию на женщину. Возглавляла движение С. Моно, участница первого Международного Конгресса по борьбе с торговлей белыми рабынями в 1899 г. в Лондоне.

Пропаганду аболиционизма С. Моно поддержала И. Богело¹⁹. По их инициативе был создан французский национальный аболиционистский комитет, который стал заниматься расследованием и

¹⁸ Из-за границы // Женский вестник. 1907. № 1. С. 25.

¹⁹ *Mcmillan I. Op. cit.* P. 88.

преследованием обнаруженных случаев торговли женщинами, принимал участие в работе Международной аболиционистской лиги, воздействовал на властные структуры путем подачи петиций с требованиями отмены регламентации проституции, проводил агитационные и пропагандистские акции. Деятельность НСФЖ в этом направлении, во многом благодаря поддержке французского сенатора Р. Беранже, была успешной. Французское правительство присоединилось в 1904 г. к подписанию Административного соглашения, а в 1910 г. — проекта Конвенции по основным законодательным вопросам (двум международным актам, которые предусматривали административные и уголовные меры борьбы с торговлей женщинами).

Совету удалось провести успешную мобилизацию и привлечь на сторону движения значительные ресурсы. Авриль де Сент-Круа на XI Конгрессе всемирной аболиционистской лиги, который проходил в Женеве в июне 1913 г., в отчете «О регламентации проституции, о морали и общественном порядке во Франции» писала:

«Нашу кампанию стала поддерживать молодежь. Я счастлива констатировать, что уже не один год наблюдается очень большое пробуждение духовного чувства в среде университетской молодежи. Наша кампания заключалась в агитации за то, чтобы регламентация проституции была отменена, чтобы единственная мораль существовала для двух полов... Наши молодые студенты поддержали нас, организовав в этом году кампанию против регламентации проституции и против полиции нравов... Они взяли на себя расходы по организации конференции в «Обществе ученых», они оплатили ее, а Вы знаете, что стипендии студентов очень невелики. В ней участвовали шесть или семь ассоциаций: студентов, католиков, протестантов, республиканцев, революционеров; они принесли молодой энтузиазм, жертвуя идеи и деньги, предназначенные для удовольствий. Мы имеем молодежь нас поддерживающую, значит, будущее принадлежит нам!»²⁰

НСФЖ долгое время выступал против создания суфражисткой секции. Это была принципиальная позиция руководителей Совета, которые считали преждевременным бороться за женские избира-

²⁰ Rapport de M-me Avril de Saint-Croix. La réglementation, la moral et l'ordre public // Onzieme Congres de federation abjlitionniste international (9–12 juin 1913). Geneve, 1913. P. 203.

тельные права и выдвигали в качестве необходимой предпосылки светское образование женщин (традиционные доводы противников суфражизма во Франции). Их переходу к борьбе за женские избирательные права способствовало принятие суфражизма некоторыми женскими католическими группами. Еще на первом «Конгрессе католических женщин», прошедшем в Париже в начале 1901 г. под председательством г-жи де Бали, выделилось общество «Христианского феминизма», основанное в феврале 1896 г. М. Могере (1844–1923). Наряду с традиционными требованиями сохранения семьи, поднятия престижа материнства и образования девушек на основе католической религии, оно выдвигало феминистские задачи. Для обсуждения проблем католические женщины решили созывать ежегодные конгрессы, получившие название «Конгрессов Жанны Д'Арк». На них Могере развернула активную суфражистскую пропаганду. Ее доводы в защиту предоставления женщинам права голоса были далеки от либерализма и соответствовали общей цели католического женского движения:

«Быть христианином — не значит только практиковать религию в частной жизни, но человек должен быть активным, чтобы воплощать в обществе принципы христианства и поддерживать своими действиями католическую церковь»²¹.

Могере обращалась к делегатам католических конгрессов с призывом поддержать право голоса для женщин, чтобы они могли защитить своими голосами церковь. В результате, на третьем Конгрессе Жанны Д'Арк в 1906 г. была принята резолюция (500 голосов против 67) за представительство женщин в политике²². Требования правых женских организаций об избирательном праве показали, что вопрос назрел, и подтолкнули НСФЖ к суфражизму. Франция не имела национальной суфражистской ассоциации, входящей в Международный Женский Совет, хотя последний настаивал на создании подобной суфражистской секции в каждом национальном совете. В 1906 г. НСФЖ сформировал суфражистскую секцию, где преобладающей была идея о том, что женщинам следует дать политические права для

²¹ *Brinbaum P.* Catholic identity and universal suffrage. The French experience // *International social science journal*. Oxford, 1991. Vol. 43. № 3. P. 573.

²² *Hauswith S.* Op. cit. P. 84.

реформирования и оздоровления общества. Эта идея получила большое распространение во Франции. Созданный в 1909 г. Ж. Шмаль Французский Суфражистский Союз Женщин, входящий в Международный Женский Суфражистский Альянс, несмотря на конкретность и единичность заявленной цели (завоевание для женщин избирательных прав), для привлечения симпатий населения занимался целым кругом социальных вопросов.

«Женский голос будет гарантировать установление важных социальных законов. Мы требуем проведения нескольких реформ: по борьбе с алкоголизмом, с азартными играми, с государственной регламентацией проституции, отменой ночной работы детей и установления минимальной заработной платы для женщин»²³.

Идеи и проекты НСФЖ пользовались большой популярностью в обществе. По количеству членов Совет был одним из крупнейших женских объединений во Франции своего времени. Его численный состав с 1901 по 1914 гг. вырос с 21.000 до 100.000 человек, количество секций, следовательно, и направлений деятельности Совета — с 4 до 12²⁴.

Так, социальное направление женского движения стало одной из наиболее влиятельных сил не только в женском движении, но и в общественно-политической жизни французского общества. Можно выделить несколько причин этого успеха.

Во-первых, мобильность лидеров, способных к восприятию новых идей и к сотрудничеству, способствовала мобилизации ресурсов в интересах движения. Во-вторых, основная направленность на попечительскую и просветительскую работу позволила участвовать в движении глубоко консервативным женщинам, не воспринимающим феминистские идеи о равноправии полов. В-третьих, программа, учитывавшая ценности и интересы разнообразных женских групп, привлекла в движение самые разнохарактерные общества и организации. В-четвертых, приверженность традициям и полное отрицание радикальных идей и методов борьбы способствовали популярности движения в обществе.

²³ *Schlumberger W. de.* (President UFSF). France. A Year's Progress // *Jus Suffragii*. 1914. May 1. P. 110.

²⁴ *Lecler A.* Op. cit. P. 84.

Решая социальные проблемы, движение завоевывало симпатии населения и способствовало изменению ценностных установок общества по отношению к женскому движению. Из «социального зла», направленного на разрушение устоев семьи и общества, восприятие движения трансформировалось в общественном сознании в рациональный субъект, имеющий право на существование. Его лидеры и участники: образованные, состоятельные, уважаемые женщины, стремившиеся не к разрушению, а к укреплению семьи и общественной морали, явно не соответствовали традиционному убеждению, что участницы женского движения — сплошь маргиналы, одинокие дамы, которые не смогли реализовать себя в жизни.

Эта тактика имела успех. Переход к решению социальных проблем способствовал мобилизации ресурсов, за счет чего произошло пополнение состава участников движения. В него вошли умеренные женщины среднего класса, отрицавшие радикальные теории эмансипации, но готовые бороться за изменение законов для улучшения морали и нравственности общества. Аристократки и убежденные католички тоже стали принимать участие в акциях, так как благотворительность, помощь проституткам, просвещение народа было частью обязанностей добропорядочной христианки.

Феномен социального феминизма в истории женского движения во Франции заключался в том, что оно единственное из всех направлений движения перешло в фазу институционализации, то есть приобрело легальный статус. Было признано его право на существование и релевантность его целей. Соответствие целей движения ценностям, распространенным в обществе, привело к росту мобилизационного потенциала, переходу движения в разряд массовых и способствовало реализации большинства проектов и задач движения.

В. П. ФРОЛОВ

ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ЛИБЕРАЛКИ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ (1921–1951 гг.)

Выбор темы данной статьи объясняется не только возросшей в современных условиях актуальностью вопроса участия женщин на всех уровнях политической жизни в разных странах вообще и в Великобритании, в частности, но и тем, что проблемы, связанные с британской Либерально-демократической партией и ее предшественниками, до сих пор не достаточно отражены в российской научной литературе, в том числе и в гендерном аспекте. Известно, что фактами британской истории являются как целый ряд пионерских шагов либералов в постановке вопроса о предоставлении избирательных прав женщинам¹, так и принятие в 1918 г. правительством, возглавляемом Д. Ллойд Джорджем, первых законов, наделивших британских женщин правом избирать и быть избранными в Палату общин. Наконец, хотя значительная часть начала XX в. была свидетелем достаточно острого противостояния суфражистских обществ и британских либеральных и коалиционных правительств, в том числе и лично Д. Ллойд Джорджа, в суфражистском движении активное участие принимали деятельницы Либеральной партии, в рамках которой с 1887 г. действовала Женская либеральная федерация.

Речь Дж. С. Милля в парламенте и другие его работы по женскому вопросу уже многократно издавались в дореволюционной

¹ Первые дебаты по вопросу предоставления права голоса женщинам состоялись 20 мая 1867 г. по инициативе депутата-либерала Дж. С. Милля, произнесшего в Палате общин речь о необходимости признания за женщинами избирательных прав. В 1916 г. лидер Либеральной партии и премьер-министр Г. Асквит дал согласие на проведение конференции по избирательной реформе, которая рекомендовала распространение избирательного права на женщин. Через год во исполнение резолюции, предложенной либералом, Г. Сэмюэлем, был разработан и принят закон о предоставлении женщинам права быть избранными в Палату общин.

России². Этим трудам сопутствовала соответствующая российская популярная и научная литература³. В наше время также можно найти немногочисленные соответствующие публикации, как и работы, посвященные партийно-политическому аспекту британской гендерной проблемы⁴. Но автору не известны публикации, исследующие какие-либо стороны общественной и политической деятельности женщин, представлявших Либеральную партию⁵.

В статье речь пойдет об общественно-политической, прежде всего парламентской, деятельности первых женщин, представлявших в Палате общин Либеральную партию в период с 1921 по 1951 гг. Однако до того, как непосредственно обратиться к предмету статьи, хотелось бы бросить беглый взгляд на основные организационные проявления общественно-политической активности женщин-либералок в предшествующий период.

Женщины принимали заметное участие в ее деятельности Либеральной партии со времени ее образования, но впервые вопрос о распространении избирательного права на женщин публично прозвучал в рядах партии в 1883 г. на съезде Национальной либеральной федерации (Либеральной партии) в рамках обсуждения готовившейся третьей избирательной реформы. Делегаты съезда с энту-

² См., напр.: *Милль Дж. С.* Избирательные права женщин. [Речь о признании за женщинами избирательных прав, произнесенная в Палате общин 20 мая 1867 г.]. [М.], [1905]; *Он же.* О подчинении женщины. СПб., 1869; *Он же.* О подчинении женщины. Изд. 3-е. СПб., 1882; *Он же.* Подчиненность женщины. СПб., 1906 и др.

³ *Утрахов Н. Н.* Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871; *Соловьёв Н. И.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. [Из соч. «Искусство и жизнь»]. М., 1870.

⁴ *Степанова Н. М.* Женщины в политических партиях и парламенте Великобритании // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2001. № 2; *Она же.* Феминизм в британской политике // Великобритания после всеобщих выборов 2001 г.: Результаты и тенденции: Материалы «круглого стола» (Москва, Институт Европы РАН, 13 декабря 2001 г.). Доклады Института Европы, № 91. М., 2002.

⁵ В упомянутых статьях Н. М. Степановой, речь идет о представленности в политической жизни Великобритании только женщин, принадлежащих к Консервативной и Лейбористской партиям.

зиязмом поддержали резолюцию «Право голоса для женщин», содержащей призыв предусмотреть при расширении избирательного права распространение его на женщин. Этого не произошло, и вскоре начался процесс возникновения женских либеральных ассоциаций. Первая появилась в Бристоле по инициативе и под руководством миссис Пристмэн, родственницы известного английского общественного и политического деятеля Дж. Брайта. Активное образование женских ассоциаций в последующие годы — в 1886 г. их насчитывалось уже 15 — привел к необходимости координации усилий, и в 1887 г. была создана общебританская Женская либеральная федерация. В том же году начало действовать Либеральное женское суфражистское общество, инициатива создания которого принадлежала Ив Макларен, Фрэнсис Бальфур и Мэри Корбетт. Инициатива в создании данного общества последовала потому, что стало ясно: президент Женской либеральной федерации графиня Карлайл, безоглядно преданная сторонница Г. Асквита, стойкого противника предоставления права голоса женщинам, была решительно настроена против любых акций Федерации идущих вразрез с его политикой в этом вопросе. Деятельность общества, правда, не получила большого размаха и впоследствии многие женщины — члены Либеральной партии активно участвовали в деятельности Национального союза женских суфражистских обществ, повлияв на принятие в будущем женского избирательного законодательства⁶.

Первые всеобщие выборы, на которых женщины смогли осуществить право голосовать и быть избранными в Палату общин, не привели в нее ни одну из 17-ти женщин-кандидатов, боровшихся за парламентские места. Начиная же со следующих всеобщих выборов, британский парламент постепенно стал наполняться депутатами-женщинами, о динамике численности которых в период 1922–50 гг. можно составить представление из следующей таблицы:

⁶ В суфражистском движении участвовали и мужчины, представители Либеральной партии. В качестве примера укажем на мужа М. Корбетт, Чарльза Корбетта, депутата парламента в 1906–1910 гг., в 1913 г. вместе с другими членами Либеральной партии основавшего в Ист Гринстеде местное отделение Мужской лиги за избирательные права женщин.

Представительство женщин от трех партий в Палате общин, 1918–1950 гг.⁷

Год выборов	Консерваторы		Лейбористы		Либералы	
	Количество	% во фракции	Количество	% во фракции	Количество	% во фракции
1918	0	0	0	0	0	0
1922	1	0,2	0	0	1	1
1923	2	1	3	2	2	1
1924	3	1	1	1	0	0
1929	4	2	9	3	1	2
1931	13	3	0	0	1	1
1935	6	2	1	1	1	5
1945	1	1	21	5	1	8
1950	6	2	14	4	1	13

Для восстановления формального исторического приоритета необходимо отметить, что первая женская парламентская победа в Англии все-таки состоялась в 1918 г., и относилась к представительнице партии Шин Фейн. Ею была графиня Констанс Маркиевич (урожденная Гор-Бут), которая победила на всеобщих выборах в одном из дублинских округов, находясь в тюремной камере⁸. Получив от Д. Ллойд Джорджа письмо с приглашением на открытие сессии нового парламента, она, как и другие шинфейнеры, избранные депутатами Вестминстера, предпочла остаться в Дублине, отказавшись поехать в Лондон в знак протеста против английской политики в Ирландии. Впоследствии леди Маркиевич заняла пост министра труда в Ирландской республике. Поэтому фактически первой женщиной, не только завоевавшей парламентский мандат, но и занявшей место в Палате общин британского парламента, оказалась виконтесса Нэнси Астор (урожденная Лэнгхорн), победившая в ноябре 1919 г. на дополнительных выборах в округе Плимут Саттон как кандидат консервативной партии.

Второй же дамой (и англичанкой по рождению, в отличие от леди Астор, американки, родившейся в штате Вирджиния), про-

⁷ См.: Former women members of the House of Commons by Party. <http://www.qub.ac.uk/cawp/Observatory%20docs/MPs%20%20by%20party.doc>

⁸ Women in the House of Commons. House of Commons. HC Fact-sheets — Members / Elections Series. № 4. February 2002. P. 2–3.

шедшей в Палату общин, стала представительница Либеральной партии Маргарет Уинtringхэм (урожденная Лонгботтом, 1879–1955 гг.). Так же как и леди Астор, М. Уинtringхэм завоевала парламентский мандат, одержав победу на дополнительных выборах. Случилось это в начале осени 1921 г. после того, как ее муж, представлявший до этого в Палате общин линкольнширский округ Лаут, скорострительно скончался от инфаркта⁹.

В отличие от леди Астор, до избрания членом Палаты общин не участвовавшей ни в британской политике, ни в деятельности британского женского суфражистского движения, в багаже у Маргарет к 1921 г. имелся достаточно солидный соответствующий опыт. В 1903 г она вышла замуж за Томаса Уинtringхэма, к тому времени бывшего одним из активных деятелей местной либеральной ассоциации (еще в 1898 г. он безуспешно пытался баллотироваться в парламент). Маргарет с самого начала оказалась глубоко вовлеченной в разнообразную женскую общественную деятельность сначала в Гримсби, а затем в Лауте: она выступила основательницей филиала канадского Женского института, была магистратом и членом местного комитета по вопросам образования, возглавляла местный Женский военный комитет по сельскому хозяйству, входила в состав Комитета по сельскому хозяйству графства Линкольншир и т. д. Она избиралась также президентом Женской либеральной ассоциации Лаута, которая под ее руководством превратилась в одну из самых крупных в стране¹⁰.

Активная общественная деятельность Маргарет, а также ее усилия по ликвидации последствий крупного наводнения в районе, сыграли значительную роль в победе ее мужа на парламентских довыборах в Лауте летом 1920 г. Поэтому после его неожиданной смерти вполне закономерным для местных либералов стало избрание вдовы в качестве парламентского кандидата. Несмотря на усилия, предпринимавшиеся консерваторами, которым принадлежал округ до 1920 г., а также вмешательство в борьбу лейбористов, также выставивших кандидата, М. Уинtringхэм, опираясь на заслуженный авторитет, достойное ведение избирательной кампании и широкую под-

⁹ *Iles L., Ingham R.* The first woman Liberal MP // *Journal of Liberal Democrat History*. 2002. № 36. P. 19.

¹⁰ *Ibidem.*

держку, полученную от британского суфражистского движения (она была членом Национального союза женских суфражистских обществ), одержала победу большинством в 721 голос¹¹. События, связанные с избирательной кампанией, вызвали значительный, но не всегда благожелательный, интерес британской и зарубежной прессы, в то время как суфражистские общества расценили победу М. Уинтринхэм как крупный шаг в борьбе за их дело.

Вопреки многочисленным трудностям, оказывавшим влияние на деятельность женщины в мужском парламентском сообществе, М. Уинтринхэм скоро показала себя одной из самых радикальных и прогрессивных депутатов Палаты общин, заняв место на самом левом фланге Либеральной партии. В парламентских выступлениях основное внимание она уделяла социальным вопросам, уже в первой речи подвергнув жесткой критике сокращения социальных статей государственных расходов коалиционным правительством Д. Ллойд Джорджа. Уинтрингхэм активно использовала процедуру парламентских вопросов, став здесь первой, кто поставил такие проблемы, как уровень заработной платы женщин и условия их труда. Она обращала внимание парламентских коллег и правительства также на такие проблемы, как неспособность колониальных властей Гонконга эффективно бороться с детским рабством и проституцией, депортация в Ирландию сторонников де Валера, что грозило им смертной казнью. Уинтрингхэм внесла в Палату общин законопроект, предусматривавший более благоприятные условия для выдачи детских пособий. Законопроект встретил сопротивление, в том числе со стороны некоторых либеральных депутатов, но оказал влияние на последующие инициативы первого лейбористского правительства и послужил в дальнейшем основой соответствующего законодательства консерваторов. Ее критическая речь на конференции Женской либеральной федерации в 1924 г. по адресу лейбористского правительства, не поставившего подпись под конвенцией МОТ о регулировании эксплуатации женского и детского труда, способствовала пересмотру позиции кабинета. Маргарет заслужила уважение Палаты общин выступлениями по вопросам сельского хозяйства. Для нас же наиболее любопытным является, наверно, то, что она оказалась одной из 15 либеральных депутатов,

¹¹ Ibidem.

поддержавших в 1924 г. политику лейбористского правительства по отношению к Советскому Союзу. Тогда же она призывала руководство Либеральной партии сконцентрировать внимание на социально-экономической проблематике, а не заниматься бесполезной тратой времени и сил, обличая большевистскую угрозу¹².

М. Уинtringхэм достаточно легко победила на всеобщих выборах 1922 и 1923 годов. Неудивительно, что, когда в результате выборов 1923 г. женский депутатский корпус в Палате общин увеличился до 8 человек, именно она стала выполнять среди них роль неофициального межпартийного координатора. Это требовало, конечно, больших усилий, имея в виду различную партийную принадлежность депутатов-женщин и существовавшие партийные разногласия. Тем не менее, осуществляя указанную функцию, Уинtringхэм удалось привлечь дополнительное внимание к женским проблемам, например, к такой, как контроль за рождаемостью.

После всеобщих выборов 1923 г. наряду с М. Уинtringхэм Либеральную партию стала представлять вторая женщина-депутат — леди Террингтон (урожденная Вера Баушер, 1889–1956 гг.), победившая в округе Вайкомб. Ее вхождению в парламент предшествовала безуспешная баллотировка на всеобщих выборах 1922 г. Судя по имеющимся данным, ее привели в Палату общин не экстраординарные обстоятельства (как М. Уинtringхэм) или общественно-политические побуждения, а экстравагантные мотивы. В интервью газете «Daily Express», данном в год успешных для нее выборов, леди Террингтон пообещала будущим избирателям: «Если меня изберут, то я собираюсь носить [в Палате общин] свои самые лучшие наряды. Я буду надевать шляпки, меха и ожерелья». Когда же интервью увидело свет, его заголовок — «Цель избрания — меха и ожерелья», — вызвал негодование леди Террингтон, заявившей, что газета изобразила ее «тщеславной, легкомысленной и экстравагантной»¹³. Скорее всего, в этом содержалась значительная доля истины, так как суд отказался удовлетворить ее иск к «Daily Express», а в Палате общин она не успела даже произнести свою первую речь, потерпев поражение на следующих внеочередных всеобщих выборах 1924 г.

¹² Ibid. P. 20.

¹³ <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/Wterrington.htm>

Данные выборы оказались несчастливими и для М. Уинtringхэм, как, впрочем, и для многих десятков других либеральных кандидатов-инкумбентов (в новом составе Палаты общин либералов оказалось в четыре раза меньше) — она проиграла консерватору. Оставшись верной Либеральной партии и не перебежав к лейбористам, что сделали ее многочисленные партийные коллеги, она еще дважды предпринимала попытки бороться за парламентское место на всеобщих выборах: в 1929 г., проиграв в том же Лауте лишь 439 голосов, и в 1935 г. в Айлсбери, надежном консервативном округе, где потерпела сокрушительное поражение, отстав от победителя на более чем 11 тыс. голосов¹⁴.

Оказавшись вне парламента, М. Уинtringхэм не оставила общественно-политическую деятельность: она несколько раз избиралась президентом Женской либеральной федерации, регулярно писала для «Women's Liberal News» и «Christian Science Monitor», входила в совет графства Линдси, посещала разные страны с целью изучения социальных проблем и социальной политики. В 1934 г. она побывала в СССР, после чего выступила с заявлением, наделавшим много шума в Британии, в котором воздала хвалу советскому дошкольному воспитанию и одинаковым условиям труда для мужчин и женщин¹⁵. Остается добавить, что активность Уинtringхэм в 1930-х гг. мало была связана с деятельностью Либеральной партии, руководство которой, видя в ней опасную выразительницу левых взглядов, постаралось избавиться от нее как активного члена.

В течение последующих четырех лет в парламенте отсутствовали женщины, представлявшие либералов, и в нем заседали лишь 4 дамы, 3 из которых принадлежали к Консервативной партии. В марте 1928 г. к ним на год присоединилась Хильда Рансимэн (урожденная Стивенсон), прошедшая в парламент в результате победы на довыборах в округе Сэйнт Ивз. Так же как и в случае с леди Террингтон, парламентская активность Х. Рансимэн не оставила глубокого следа в истории деятельности Палаты общин, однако с ее именем связан один из рекордов в летописи Вестминстера. Муж миссис Рансимэн, видный либерал, министр торговли в 1914–1916 гг. и член Палаты общин от Сванси, сэр Уолтер, давно уже не

¹⁴ *Iles L., Ingham R.* Op. cit. P. 20.

¹⁵ *Ibidem.*

скрывал своего нежелания и далее баллотироваться от этого округа, положив глаз на Сэйнт Ивз. Когда же в начале 1928 г. это место стало вакантным и там были назначены довыборы, семейный совет решил, что, исходя из интересов самого сэра Уолтера и интересов партии, баллотироваться от него будет 59-летняя миссис Рансимэн, мать пятерых детей, для того, чтобы сохранить данный округ для мужа на время, оставшееся до всеобщих выборов! Супружеская пара, появившаяся в Палате общин после успеха Х. Рансимэн на довыборах, стала первой такой в истории британского парламентского учреждения. Победив на всеобщих выборах 1929 г., сэр Уолтер стал кандидатом в Сэйнт Ивзе и продолжил парламентскую и правительственную карьеру, присоединившись к так называемым «национальным либералам»¹⁶, а его жена, попытавшаяся также возвратиться в Палату общин, переместилась в качестве кандидата в соседний округ Тэйвисток, в котором и проиграла.

Выборы 30 мая 1929 г. оказались успешными для четырнадцати из принимавших в них участие женщин. Две трети из них принадлежали к лейбористскому лагерю, а среди оставшихся только одна представляла Либеральную партию. Ею была Мегэн Ллойд Джордж (1902–1966 гг.), дочь выдающегося британского государственного и политического деятеля. Прежде чем обратиться к характеристике деятельности М. Ллойд Джордж в качестве парламентария, необходимо заметить следующее.

Мегэн принадлежит почетное звание первой женщины-депутата от Уэльса (она оставалась единственной в этом качестве до 1950 г.). Ей было только 27 лет, когда она впервые прошла в Палату общин, став одной из двух самых молодых представительниц среди женской парламентской «фракции» (моложе ее на два года была лишь лейбористка Дженни Ли). Поскольку тогда же парламентские мандаты получили ее отец и брат Гвайлим, она доставила Д. Ллойд Джорджу славу первого человека в британской истории, заседавше-

¹⁶ «Национальные либералы» — порвавшие с Либеральной партией парламентарии и местные ассоциации, принявшие участие в «национальных» правительствах периода 1931–1940 гг. Лидером «национальных либералов» был бывший главный парламентский организатор либеральной парламентской фракции Дж. Саймон. Они все больше дрейфовали в сторону консерваторов, пока не объединились с ними в 1947 г.

го в Палате общин одновременно с сыном и дочерью. Ее 32-летний парламентский стаж¹⁷ является также одним из самых продолжительных, принадлежащих женщинам, — впереди находится только Айрин Уард, женщина-консерватор с 38-летним стажем депутатской деятельности. Мегэн постоянно избиралась в Палату общин вплоть до 1951 г. Плескольку численность либералов в последней неумолимо сокращалась, то в 1950 г. показатель представленности женщин в либеральной парламентской фракции составил 13% — достижение, продержавшееся среди трех общebritанских партий несколько десятилетий. Наконец, дочь выдающегося деятеля Либеральной партии своей победой уже в качестве кандидата лейбористов¹⁸ на парламентских довыборах 1956 г. в округе, представлявшемся до этого либералом, способствовала погружению своей бывшей партии в один из самых тяжелых кризисов, когда ее представительство в Палате общин сократилось до 5 депутатов.

Итак, в 1929 г. М. Ллойд Джордж впервые получила парламентский мандат, весьма уверенно победив в уэльском округе Энглси под флагом либерального манифеста «Мы в состоянии обуздать безработицу». Ее первая речь в Палате общин, которую она произнесла почти через год, в апреле 1930 г., отличалась остротой и была направлена в поддержку одного из биллей, внесенного вторым лейбористским правительством Р. Макдональда. Очень скоро стало очевидным, что Мегэн мало обращает внимания на формальности своего парламентского положения, связанные с принадлежностью к либералам — она быстро утверждала себя в качестве независимо мыслящей и действующей, очень радикальной, близкой к лейбористам парламентской деятельницы. Уже тогда стали появляться первые слухи о ее намерениях присоединиться к Лейбористской партии и, может быть, только преданность и любовь к отцу

¹⁷ Парламентская деятельность М. Ллойд Джордж по партийной принадлежности распадается на две части: в 1929–1951 гг. она представляла либералов, а в период 1956–1966 гг., — лейбористов.

¹⁸ Отец Мегэн не увидел этого дня, скончавшись в 1945 г., но идейно-политический дрейф детей не был для него секретом: еще в 1938 г. он сообщал личному секретарю, что «в конечном счете, Гвайлим уйдет направо, а Мегэн — налево». (*Jones G. J. A breach in the family // Journal of Liberal Democrat History. 2000. № 25. P. 34.*)

удержали ее от такого шага. Действительно, кроме сказанного выше, Мегэн часто выступала за сотрудничество между либералами и лейбористами, но, тем не менее, когда Макдональд в августе 1931 г. сформировал так называемое «национальное правительство», она осталась с отцом, вокруг которого сложилась небольшая группа «независимых либералов». Главной причиной этого был, конечно, ее радикализм — во время избирательной кампании 1931 г. Мегэн жестко критиковала планы премьера по сокращению социальных расходов и выступала за меры, направленные на создание рабочих мест, особенно в портовых городах Уэльса, где безработица превышала все возможные пределы¹⁹.

В 1931–1935 гг. М. Ллойд Джордж продолжала активно и настойчиво призывать к разработке и реализации необходимых экономических мероприятий для решения проблемы безработицы. Тогда же она решительно поддержала «Новый курс» — план ее отца, предназначенный для борьбы с безработицей и другими социальными проблемами. В последующие предвоенные годы Мегэн не изменяла своим радикальным социально-экономическим позициям, атакуя правительства С. Болдуина и Н. Чемберлена по широкому кругу соответствующих вопросов и пытаясь добиться признания за ее округом Энглси статуса бедствующего района, нуждающегося в помощи. Поэтому ничего удивительного не было в том, что и в 1935 г. на последних довоенных всеобщих выборах она уверенно победила, увеличив свое большинство за счет поддержки лейбористских сторонников, несмотря на то, что ей кроме консерватора противостоял и кандидат Лейбористской партии.

Годы Второй мировой войны еще дальше продвинули Мегэн по пути углубления ее независимых и радикальных взглядов, потому что в военный период она увидела реальную возможность форсирования дальнейших социальных изменений, особенно в таких сферах, как благосостояние и права женщин. Как член Палаты общин она принимала активное участие в работе нескольких комитетов, действовавших во время войны при министерствах здравоохранения, труда и снабжения. В 1940 г. по предложению министра снабжения лейбориста Г. Моррисона Мегэн Ллойд Джордж возглавила в качестве председателя широко разрекламированную кампа-

¹⁹ *Jones G. J. Op. cit. P. 34.*

нию «Женщины против расточительства». Тогда же она часто выступала за наращивание производства сельскохозяйственной продукции и повышение эффективности деятельности Женского сельскохозяйственного корпуса, воссозданного в 1939 г. в связи с войной для того, чтобы восполнить недостаток мужской рабочей силы на фермах²⁰. В конце войны она приняла самое деятельное участие в работе Центрального комитета по жилищной политике, учрежденного для изучения вопроса и координации действий и программ в области восстановления и строительства жилья после завершения военных действий. Конечно, Мегэн с энтузиазмом встретила «Доклад по социальному обеспечению и социальным службам», широко известном как «план Бевериджа», содержащий программу мероприятий, заложившую в Великобритании основы послевоенного государства всеобщего благосостояния.

Как и ранее, большое внимание Мегэн продолжала уделять парламентской и общественной деятельности, непосредственно связанной с проблемами Уэльса. Так, когда в октябре 1944 г. в Палате общин впервые состоялись специальные дебаты по Уэльсу, именно ей была предоставлена честь их открытия, что выглядело, конечно, совершенно естественным по многим причинам. Воспользовавшись благоприятной возможностью, Мегэн в очередной раз использовала парламентскую трибуну для привлечения внимания правительства, депутатов и британской общественности к уэльским проблемам, призвав к реконструкции отраслей промышленности государственного сектора, имевшихся в регионе — угольной, металлургической, электроэнергетической и лесной. Она также решительно настаивала на принятии мер, необходимых для сохранения полной занятости в Уэльсе в послевоенный период.

Подобная активность единственной либеральной женщины-депутата все более в идейном и политическом смыслах расходилась с основными направлениями партийной идеологии и практики либералов, в деятельности которых происходил заметный сдвиг в сторону все большей умеренности, в том числе и в связи с отходом от активной политики ее отца. Мегэн же настаивала на том, чтобы либералы недвусмысленно позиционировали себя на левом фланге британской политики и не допускали даже мысли о воссоединении

²⁰ Ibidem.

или хотя бы союзе с так называемыми «саймонитами» («национальными либералами»).

Добиваясь очередного переизбрания на всеобщих выборах 1945 г., Мегэн стремилась убедить британских избирателей в необходимости избрания в Палату общин как можно большего числа представителей Либеральной партии.

«Если либерализм не станет доминирующей силой в новом парламенте, — утверждала она во время предвыборной кампании, — мы не получим мира, хорошего жилья и рабочих мест»²¹.

Она также не уставала напоминать, что упоминавшийся «план Бевериджа» — не что иное, как воплощение политики Либеральной партии. Борьба за парламентское место и на этот раз завершилась для Мегэн успешно. С одной стороны, это выглядело достаточно неожиданным, имея в виду ее радикальный идейно-политический багаж и отсутствие соперничества с консерваторами, не выставившими кандидата. С другой стороны, такой результат вполне вписывался в рамки послевоенного левого сдвига в сознании значительной части британского общества и был, возможно, реакцией на отсутствие лейбористской риторики в предвыборных выступлениях Мегэн, а также на участие в выборах кандидата-лейбориста, героя войны. Мегэн же, как мы видели, отталкивалась от либеральных ценностей; после завершения выборов она поблагодарила своих избирателей, сохранивших верность либерализму под накрывшей страну «социалистической лавиной», добавив: «Моя вера в либерализм и его будущее остается неизменной»²².

Не все было просто в ее идейно-политических и партийных привязанностях: вопрос о том, как ей, «инстинктивной лейбористке» и искренней радикалке, действовать в условиях произошедшей широкомасштабной победы Лейбористской партии, правительство которой решительно было настроено на выполнение далеко идущих социальных целей. Дилемма усугублялась еще больше под воздействием ситуации, сложившейся и развивавшейся в Либеральной партии. Либералы не только претерпели почти двукратное уменьшение парламентской фракции, но и не досчитались среди оставшихся 12

²¹ Ibid. P. 35.

²² Ibidem.

депутатов своего лидера, А. Синклэра. Новым лидером партии стал 61-летний К. Дэйвис, бывший «саймонит», впервые появившийся в Палате общин, как и Мегэн, в 1929 г., но, в отличие от нее, мало известный британской общественности. Таким образом, дочь «великого уэльсца», единственная, пожалуй, на тот момент фигура национального масштаба в Либеральной партии, обнаружила себя в ней в позиции единственного члена, кто мог реально противостоять правому курсу нового лидера. Но в либеральной фракции ей фактически не находилось места, и она все больше ощущала себя там чужой.

В таких условиях²³ у леди Мегэн Ллойд Джордж продолжали укрепляться личные отношения, в том числе и дружеские, с лейбористским премьером К. Эттли и некоторыми министрами его правительства, но особенно — с представительницами женской группы лейбористской фракции, которые воспринимали ее как свою. В парламентских выступлениях она решительно поддержала лейбористскую программу национализации целого ряда отраслей промышленности и голосовала вразрез с позицией либеральной фракции по соответствующим законопроектам. Леди Мегэн не только продолжила, но и усилила критику правого дрейфа либерального руководства, особенно атакуя консервативно-либеральные предвыборные пакты, заключавшиеся тогда в ряде избирательных округов при полном бездействии, по ее мнению, руководителей Либеральной партии. Пытаясь ограничить свободу ее политического маневра и предотвратить ее возможный уход к лейбористам, упорные слухи о чем циркулировали в кулуарах парламента уже в течение двух лет, в январе 1949 г. К. Дэйвис назначил леди Мегэн заместителем лидера партии. Несмотря на назначение, она все равно продолжала заявлять о необходимости для партии обзавестись настоящей радикальной программой и избавиться от представителей правого крыла.

На всеобщих выборах 1950 г. леди Мегэн увеличила свое большинство почти до 2000 человек, что должно было укрепить ее положение как в парламентской фракции, так и в партии в целом, тем более, что из оставшихся в Палате общин девяти либеральных депутатов пятеро представляли уэльские округа, включая лидера. Перед Либеральной партией наряду с продолжавшимся процессом политической маргинализации явственно обозначилась проблема

²³ Среди прочего можно отметить и смерть ее отца в 1945 г.

маргинализации географической. Для леди Мегэн и двух или трех ее сторонников в парламентской фракции главные причины неуклонного упадка когда-то великой партии были очевидны: полный разрыв с каким бы то ни было радикализмом, присущим ранее либералам и продолжавшийся сдвиг в сторону правого фланга британской политики, архаичная и неэффективная организационная структура, слабый, безынициативный и проконсервативно настроенный лидер. Подозрения в его отношении подкреплялись у леди Мегэн не только отмеченными обстоятельствами, но и информацией о его контактах с представителями Консервативной партии.

Действительно, начиная с 1949 г., такие контакты имели место, но большую заинтересованность в них проявляла консервативная сторона, особенно после только что состоявшихся всеобщих выборов, когда абсолютное лейбористское большинство в парламенте составило только 5 депутатов. При таком раскладе сил голос каждого депутата был на вес золота и, главное, ожидание новых выборов не должно было затянуться. В свете такой перспективы У. Черчилль и другие руководящие консерваторы предпринимали попытки налаживания контактов с лидером Либеральной партии для возможного распределения избирательных округов между партиями. Хотя К. Дэйвис время от времени выступал с заявлениями, что он «не имеет намерений рисковать независимостью Либеральной партии»²⁴, левое крыло либеральной фракции во главе с леди Мегэн не доверяло ему. Спустя несколько недель после ежегодной партийной ассамблеи 1950 г., произведшей на наблюдателей унылое впечатление, она и трое ее сторонников предъявили фактический ультиматум Дэйвису, угрожая немедленно перейти к лейбористам, если он не подаст в отставку. Угроза выглядела реальной, имея в виду не только известный идейно-политический багаж леди Мегэн, но и не оставшиеся в секрете ее консультации в 1950 г. с некоторыми видными лейбористами по выработке условий заключения либерально-лейбористского пакта²⁵. Дэйвис, реагируя на требование отставки и в поисках поддержки со стороны ведущих либералов для сохранения своих позиций, выделял именно эту составляющую в качестве доминировавшей в мотивах заговорщиков:

²⁴ The Times. 3 May 1950.

²⁵ Jones G. J. Op. cit. P. 35.

«В действительности они не обеспокоены ни судьбой партии, ни судьбой страны. Их волнует только собственное положение, и они уверены, что их лучшие шансы состоят в поддержке со стороны социалистов»²⁶.

Лидера либералов интуиция не подвела, так как многих высших деятелей Либеральной партии давно не устраивали ни взгляды леди Мегэн, ни ее парламентская и внепарламентская деятельность. Еще более их страшила сама мысль о ее претензиях на пост лидера партии — именно так они расценивали подоплеку ультиматума и последствия отставки Дэйвиса. Квинтэссенция такого восприятия содержалась в письме леди Вайолет Бонхэм-Картер, видной деятельницы партии, дочери Г. Асквита, в адрес К. Дэйвиса: «Даже и думать не смейте об отставке... Ни у Мегэн, ни у Эмриса Робертса нет и капли желания покидать партию. Они отдают себе отчет в том, какая маленькая роль уготована им в Лейбористской партии»²⁷.

Поддержанный единомышленниками, Дэйвис не уступил, и ситуация была в целом урегулирована без значительных последствий. Тем не менее, разрешение конфликта не привело к разрядке напряженной обстановки и согласованию интересов в парламентской фракции либералов. Более того, произошедшее укрепило уверенность леди Мегэн в том, что с нынешним руководством Либеральной партией ей не по пути. Действительно, что общего могло быть у нее с «кораблем Либеральной партии, штурвал которого заложен направо, а само судно почти скрылось под водой», как она резко выразилась на ноябрьском заседании партийного комитета²⁸.

Внеочередные всеобщие выборы, объявленные лейбористским правительством осенью 1951 г., оказались трудными для леди Мегэн не только потому, что в ее округе на этот раз в борьбе сошлись кандидаты трех партий, но и из-за решимости консерваторов сделать максимально возможное для поражения либеральных кандидатов-инкумбентов, известных своими пролейбористскими выступлениями, в первую очередь, конечно, леди Мегэн.

²⁶ Jones G. J. Churchill, Clement Davies and the Ministry of Education // Journal of Liberal Democrat History. 2000. № 27. P. 11.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Jones G. J. A breach in the family... P. 35.

В связи с этим тори интенсивно эксплуатировали темы политической незначительности Либеральной партии и отсутствие в ней единства, особо акцентируя внимание избирателей на несоответствии позиций леди Мегэн официальной политике либералов. Усилия тори, а также лейбориста Г. Хьюза, в третий раз противостоявшего ей в Энглси, принесли плоды — существенная часть сторонников Либеральной партии качнулась в сторону консерваторов, что привело к победе лейбористского кандидата.

Для леди Мегэн, уверенной в победе больше, чем в 1950 г., поражение стало тяжелым ударом по самолюбию и одновременно лишним подтверждением сдвига либералов вправо. «Правда заключается в том, что я оказалась слишком левой с точки зрения нынешней Либеральной партии», — с горечью констатировала она²⁹. Ее поражение лишило радикальное крыло либералов последнего депутата в парламенте, а также означало, что впервые с 1890 г. никто из Ллойд Джорджей больше не представлял какой-либо уэльский округ в Палате общин. С точки же зрения предмета статьи самым важным было, конечно, то, что с поражением леди Мегэн Ллойд Джордж на выборах 1951 г. Либеральная партия лишилась своей единственной женщины-депутата, причем на целую четверть века, так как только в далеком 1987 г. в Палате общин появилась Рэй Мичи, завоевавшая для либералов место от округа Аргил энд Бьют. Но это уже факт совсем другой истории.

В годы, последовавшие за поражением, леди Мегэн почти полностью отстранилась от какого бы то ни было участия в деятельности Либеральной партии как в своем бывшем округе, так и в центральных партийных органах. Несмотря на свое первоначальное решительное заявление, сделанное в первые часы после объявления результатов выборов, что она готова участвовать в следующей схватке, когда бы она ни случилась, уже через месяц она сочла необходимым подчеркнуть перед либералами Энглси:

«Я скорее готова потерять все, что имею, чем откажусь от своих радикальных принципов... Я смело боролась и сохранила свои идеалы».

Уже через год леди Мегэн отвергла приглашение английских либералов вновь стать их парламентским кандидатом, сопроводив

²⁹ Ibid. P. 36.

отказ выражением обеспокоенности необратимой тенденцией официального руководства Либеральной партии маршировать в направлении правого фланга³⁰. Она подала в отставку с поста заместителя лидера партии и сосредоточилась на не очень обременительной общественно-политической деятельности в Уэльсе в рамках кампании «Парламент для Уэльса». Это движение было организовано в 1950 г. и его президентом стала леди Мегэн. Основная цель кампании, заявленная в названии, могла быть достигнута с использованием широкого арсенала конституционных средств, в том числе петиционных. Отметим, что когда в 1956 г. огромная петиция с требованием создания в Уэльсе избираемого представительного органа, содержащая подписи четверти миллиона человек, была доставлена в Лондон, именно леди Мегэн передала ее министру по делам Уэльса в консервативном правительстве У. Черчилля — ее брата Гвайлима. Впрочем, в это время леди Мегэн, как и ее брата, ничего уже и формально не связывало с партией ее отца: после довольно длительных размышлений, колебаний и выжидания, растянувшихся на два года, весной 1955 г. она официально покинула стан либералов и присоединилась к Лейбористской партии. Так завершился этап карьеры известной англичанки, общественной и парламентской деятельницы, связанный с Либеральной партией.

В качестве общего заключения можно отметить, что количественные параметры парламентского представительства женщин — членов Либеральной партии соответствовали как представленности либералов в целом в Палате общин, так и соответствующим относительным показателям консерваторов и лейбористов. С содержательной же стороны парламентская активность женщин-либералок, в особенности двух из них — М. Уинtringхэм и М. Ллойд Джордж — оставила заметный след в деятельности Палаты общин, характеризовалась их пристальным вниманием к социальным проблемам, в том числе связанным с положением женщин в британском обществе, а также в значительной мере препятствовала выходу радикального потенциала социально-экономических установок Либеральной партии.

³⁰ Ibidem.

М. О. ДУБОВИЦКАЯ

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА ПОЛИТИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ШВЕЦИИ: СТЕРИЛИЗАЦИЯ 1935–1975 ГОДОВ

История Швеции XX века отмечена сильным влиянием в обществе социал-демократических идей, в частности популярностью лозунга построения «дома для народа». Находясь у власти, практически, беспрерывно с 1932 по 1976 г., социал-демократическая рабочая партия Швеции¹ совместно с профсоюзными экономистами и идеологами сумела разработать и претворить в жизнь многие идеи проекта государства всеобщего благосостояния. Тем не менее, политика социал-демократов неоднократно вызывала критику, как со стороны буржуазных партий, так и левой оппозиции. Одним из наиболее острых стал вопрос о принудительной стерилизации.

К истории вопроса

Проблема стерилизации обсуждалась в Швеции с начала двадцатого века. В 1922 г. предложение о стерилизации было выдвинуто в риксдаге. Его суть была в следующем: человека с нарушениями в развитии следовало либо поместить в спецбольницу, либо стерилизовать. Не исключалась возможность применения этой меры к эпилептикам и некоторым категориям душевнобольных, а также в определенных случаях к насильникам, преступникам и другим нарушителям нравственности. Лица, внесшие это предложение в риксдаг, особое внимание обращали на социальные стороны стерилизации (генетические исследования тогда только начинались). Риксдаг постановил, что этот вопрос заслуживает рассмотрения.

Хотя никакое официальное решение вопроса не последовало, к 1925 г. были стерилизованы отдельные лица (эпилептики, люди с дефектами развития и нарушители нравственности). В 1927 г. риксдаг назначил комиссию по исследованию этого вопроса. Через два года комиссия представила законопроект о стерилизации, который

¹ Далее — СДРПШ.

предполагал ее проведение на добровольной основе. Это положение было встречено в штыки рядом заинтересованных организаций и учреждений (в частности Медицинским Управлением и Управлением здравоохранения и социального обеспечения). Они настаивали на обязательной стерилизации определенных социальных категорий (в основном бродяг и других асоциальных элементов общества). Возражения вызвала аргументация, апеллировавшая к достижениям генетики, поэтому в 1929 г. он был отклонен.

Вопрос вновь стал актуальным в 1933 году. Во главе вновь образованной государственной комиссии был поставлен профессор государственного права Рагнар Бергендаль. Он полагал, что закон должен разрешать стерилизацию «бесправных» граждан без их согласия. Кроме того, он настаивал на применении этого закона к несовершеннолетним, причем даже в том случае, если родители или опекуны будут против этого решения. Через год риксдаг одобрил разработанный им проект. Таким образом, с 1 января 1935 года в Швеции начал действовать первый закон о стерилизации.

Закон 1934 г. предусматривал стерилизацию так называемых «бесправных» граждан, т.е. людей, по состоянию физического и психического здоровья не способных дать согласие на эту процедуру². Кроме того, люди, которые не могли осуществлять уход за своими детьми (душевнобольные, слабоумные, психически невменяемые), тоже могли быть подвергнуты принудительной стерилизации. Для ее проведения в отношении людей с дефектами развития достаточно было только медицинского заключения двух врачей, остальным категориям граждан необходимо было разрешение Медицинского Управления³. В период с января 1935 по 30 июня 1941 г. (время действия первого закона о стерилизации) операции подверглись 2953 человека. Хот не было никаких оснований, позволяющих считать женщин более подходящим объектом для стерилизации, и закон не содержал никаких специальных формулировок на сей счет, статистика показывает, что количество стерилизованных женщин намного превышает количество мужчин, подвергшихся операции. Из всех, стерилизованных в указанный период, 2.585 были женщины.

² Prop. 1934:103.

³ Kvinnovetenskaplig tidskrift. 1992. № 2. S. 59.

Закон о стерилизации был направлен против самых незащищенных групп населения. Подававшие прошение о стерилизации, были или безработными, или беднейшими представителями рабочего класса. Кроме того, согласно статистическим данным⁴, большая часть случаев стерилизации происходила по генетическим показаниям. Закон давал возможность Медицинскому Управлению и местным властям совершать узаконенное насилие над беднейшими, отверженными и криминальными элементами, объявляя их душевнобольными, слабоумными или просто неподходящими родителями. Подобные оценки не могли быть обжалованы в суде.

В день принятия закона о стерилизации (8 мая 1934 г.) была учреждена новая комиссия по дальнейшему рассмотрению вопроса. Ее председателем стал признанный генетик Нильс фон Хольфстен. В 1941 г на основе заключения комиссии был принят второй закон по данному вопросу⁵.

Закон утверждал, что никто не мог быть подвергнут операции без разрешения Медицинского управления. Запрещая стерилизацию без согласия пациента, закон утверждал, что человек должен сам ходатайствовать о стерилизации, а если ходатайствует кто-то другой, требовалось личное письменное согласие на операцию. Запрещая насильственную стерилизацию, закон 1941 г. фактически предоставлял множество возможностей для косвенного принуждения. Если в законе 1934 г. говорилось о стерилизации людей, не способных осуществлять уход за своими детьми, то в 1941 г. речь шла о *неподходящих, несоответствующих нормам* родителей. Так создавалась возможность стерилизовать людей за антиобщественный образ жизни. Допускалась стерилизация алкоголиков, людей с психическими отклонениями, бродяг, бомжей и других антисоциальных элементов (считалось, что их образ жизни был связан с нарушениями психики)⁶. Новый закон предоставлял женщинам (и только жен-

⁴ Broberg G., Tyden M. Eugenics in Sweden. Efficient care // Eugenics in the Welfare state. Sterilisation policy in Denmark, Sweden, Norway and Finland. N.Y., 1997. S. 140.

⁵ Sterilisering. Statlig Offentliga Utredning. SOU 1936:46. Stockholm, 1936.

⁶ Socialdemokratiska samhälle. SAP och Sverige under 100 år. Stck., 1989. S. 171.

щинам (!) право самим ходатайствовать о стерилизации по медицинским показателям (например, если еще одна беременность угрожала здоровью). Фактически подразумевалось, что женщины оказывались главным объектом применения нового закона.

Новым в законе было и то, что он охватывал и «полноценных» граждан, которые дали согласие на стерилизацию. Так, новая версия закона содержала как медицинские, так и моральные аргументы, дававшие возможность его широкой трактовки. Человека могли подвергнуть операции по утвержденным Медицинским Управлением в 1947 г. показаниям⁷ — евгеническим, социальным или медицинским. Закон 1941 г. предусматривал, что все ходатайства о стерилизации должны рассматриваться Медицинским Управлением. Однако, если речь шла о дееспособной женщине, направленной на операцию по медицинским показаниям, одобрения Управления не требовалось. Если в период до 1941 г. было сделано примерно 750 операций с согласия двух врачей, то в период с 1940 по 1950 гг. осуществлялось от 100 до 250 операций ежегодно.

Число стерилизованных быстро росло в течение 1940-х гг. С 1936 по 1946 гг. количество операций увеличилось более чем в шесть раз. Всего в период с 1942 по 1945 гг. были прооперированы 5.285 человек, из них женщин — 3.348⁸. Самое большое число операций было сделано в 1949 году — 2.531⁹. Больше всего мужчин было стерилизовано в 1944 году, затем их число начало быстро уменьшаться. Количество же прооперированных женщин, напротив, постоянно возрастало¹⁰. Значительно возросло и число очень молодых и несовершеннолетних, ходатайствующих о стерилизации. Кроме того, отчетливо проявилась тенденция к увеличению количества стерилизаций среди лиц, состоящих в браке¹¹.

Причины того, почему женщин, подвергшихся стерилизации, было намного больше, чем мужчин, кроются в законе об абортах 1938 г. Он сделал стерилизацию непременным условием при аборте,

⁷ Broberg G., Tyden M. Op. cit. S. 102.

⁸ Runcis, Maja. Steriliseringar i folkhemmet. Stockholm, 1998. S. 178.

⁹ Broberg G., Tyden M. Op. cit. S. 97.

¹⁰ Kvinnovetenskaplig tidskrift. 1992. № 2. S. 61.

¹¹ Runcis, Maija. Op. cit. S. 206.

если существовала опасность передачи генетических болезней или если беременность представляла угрозу для жизни женщины.

После 1950 г. количество операций начало медленно снижаться, их число колебалось между 1500 и 1900 ежегодно вплоть до 1975 года, когда закон 1941 года был отменен. Из всех душевнобольных, прооперированных в 40-е гг., женщины составляли 65 %, в 1950-е годы — более 80 %¹². За прошедшее с 1941 г. двадцатилетие было проведено 35 тыс. операций, а в течение всего периода действия законов о стерилизации (1935-1975 гг.) — примерно 63 тыс. операций¹³. В 1950 году доля женщин в общем количестве прооперированных составляла 94 %, а к 1965 году — 99 %.

С 50-х до 70-х гг. произошли изменения в практике применения закона. Стерилизация по евгеническому¹⁴ и социальному признакам исчезла практически полностью, так же как и стерилизация мужчин. Официальные отчеты показывают, что стерилизовали в основном женщин по медицинским показаниям (из-за слабости здоровья или параллельно с абортom)¹⁵. С течением времени связь между законами о стерилизации и об абортах становилась все более очевидной. С 1941 по 1964 гг. 4 тыс. женщин подверглись стерилизации во время аборта¹⁶. Мужчины не могли быть стерилизованы по медицинским показаниям, хотя допускалась стерилизация по собственному желанию (без разрешения Медицинского Управления) в связи с болезнью или одновременно с операцией на половых органах. В течение первого десятилетия действия закона инициатива исходила в основном от приютов для бедных, ведомств, занимающихся беспризорными и трудновоспитуемыми детьми. В 1950-е гг. ее чаще стали проявлять другие представители сферы социального обеспечения: психологи, гинекологи, попечители.

В 1950-е гг. выделилась еще одна категория среди тех, кто подвергался стерилизации — эмигранты. Из ходатайств о стерили-

¹² Broberg G., Tyden M. Op. cit. S. 98.

¹³ 62.888 человек // SOS. Allmän hälsooch sjukvård.

¹⁴ Если в 1945 году по генетическому признаку стерилизовали 76 % от общего числа, то к 1950 году уже 37 % См: Runcis M. Op. cit. S. 232.

¹⁵ В течение 1940-х гг. каждый год происходило несколько сот таких случаев См. там же. S. 222.

¹⁶ Broberg G., Tyden M. Op. cit. S. 139.

зации видно, что это были в основном женщины, находящиеся в очень сложной экономической ситуации¹⁷. В эти же годы наметилось изменение отношения общества к «отверженным» и к инвалидам (физически и душевно больным). Со временем средний возраст женщин, которые подвергались стерилизации, увеличился: с 32 лет в 1950 г. до 37 в 1970 г. Это свидетельствует о более осторожном отношении к операционному вмешательству. С начала 1960-х гг. все большее число женщин получило отказ на просьбу о стерилизации, тогда как на начальном этапе было наоборот: сами женщины отказывались подписывать решение Медицинского правления о стерилизации¹⁸. Все большее распространение получили противозачаточные таблетки. Те прошения о стерилизации, которые были удовлетворены в этот период Медицинским правлением, обычно касались случаев, когда использование других средств контрацепции оказывалось невозможным.

Одновременно политиками были поставлены под сомнение условия стерилизации. С 1955 до 1960 гг. обсуждался вопрос о возможности стерилизовать мужчин, имевших много детей, но даже само это предположение вызывало бурный протест в риксдаге¹⁹.

К 1970-м гг. вопрос о стерилизации вышел за рамки собственно генетики и стал частью проблемы равноправия полов в Швеции. Женщины, заседающие в риксдаге, и два депутата-мужчины от социал-демократов выдвинули в 1955 году предложение по пересмотру закона о стерилизации. В этот же период другая группа в парламенте, состоящая из 45 человек (5 из которых были женщины) начала борьбу за пересмотр закона об абортах. Основной целью предложения 1955 года было смягчение некоторых пунктов закона для облегчения положения женщин и для того, чтобы они могли сами решать, нужна им стерилизация или нет. В числе прочих было требование отменить обязательное разрешение мужа в прошении о стерилизации. Вопрос был поставлен на обсуждение в риксдаге, которое показало, что общество не было еще готово к подобным изменениям, грозящим усилением позиций женщин.

¹⁷ Хотя их ситуация улучшилась к 1970-м гг.

¹⁸ В 1970 году 26 % из всех подавших прошение о стерилизации было отказано. См. *Runcis, Maija*. Op. cit. S. 230.

¹⁹ *Runcis, Maija*. Op. cit. S. 242–250.

Только спустя пять лет после первого предложения об изменении закона вопрос был поднят вновь. Однако понадобилось еще десять лет, прежде чем общество решилось внести изменения в закон о стерилизации. В 1972 г. была учреждена соответствующая Правительственная комиссия. В результате ее работы в 1975 г. был принят Новый закон о стерилизации, действующий до сих пор. Он основан на полной добровольности. Для его применения, как правило, не требуется разрешения каких-либо властей. Одно из условий для стерилизации — возраст: человеку должно быть более 25 лет. Второе требование — пациент должен быть самым тщательным образом проинформирован обо всех последствиях хирургического вмешательства и о других возможностях предотвращения беременности. Если возраст подавшего ходатайство о стерилизации от 18 до 25 лет, то для проведения операции требуется также разрешение властей, курирующих социальную сферу.

Несмотря на то, что в ходе реформ пытались снизить до минимума социальную астигматизацию, это не вполне удалось. Все равно существовали отверженные, которые оказывались за рамками реформ. И, конечно же, их большей частью были женщины.

Дискуссия в шведской прессе 1997 г.

20 августа 1997 г. в шведской прессе началась дискуссия по проблемам стерилизации, инициированная статьей Мацей Зарембы в одной из центральных шведских газет «Дагенс Нюхетер»²⁰. В дискуссии приняли участие как журналисты (Мацей Заремба, Буссе Линдквист, Арне Рут), так и ученые-историки (Маттиас Тюден, Майа Рунсис, Гуннар Бруберг, Туре Фрэнгсмюр и др.). Чудовищные размеры, которые приняла политика стерилизации в Швеции, и особенно факт ее шестидесятилетнего замалчивания, вскрытые журналистом²¹, привлекли огромное внимание как шведских, так и иностранных средств массовой информации²².

Журналисты и ранее поднимали вопрос о политике стерилизации. Еще в 1950-х гг. она обсуждалась в прессе. Конечно, масштабы

²⁰ «Dagens nyheter». Далее «DN».

²¹ DN, 20,21 aug. 1997.

²² Sanningen som skrämmer. Massiv tystnad om sterilisering // DN, 22 aug. 1997.

дискуссии были другие, и она не была такой напряженной, но была схожей по форме. В 1986 г. проблема была поставлена журналистами Спренгелем и Дальгреном в серии статей; в 1987 г. она прозвучала в телепередаче «Рекордмагазинет». В 1990 г. журналист Буссе Линдквист подготовил специальный выпуск радиопередачи, посвященной этой проблеме²³. В следующем 1991 г. вышла книга Линдквиста. В том же году в газете «Афтонбладет» была опубликована статья Маттиаса Тюдена «Расовая биология — тогда и сейчас». В декабре 1993 г. в «Свенска Дагбладет» появились две статьи, посвященные современным генным исследованиям, где было названо количество подвергшихся стерилизации — 63.000 человек²⁴. Но все эти публикации не привлекли большого общественного внимания.

Нельзя сказать, что происходившая с 1935 по 1975 гг. в Швеции политика стерилизации «никогда и нигде не упоминалась». Та же «Дагенс Нюхетер» в начале 1990-х гг. не стала печатать статьи о расовой гигиене и принудительной стерилизации поскольку, что тема не нова и хорошо всем известна. И все же неоспоримым тот факт, что в течение нескольких дней после первых статей Зарембы, появившихся в «Дагенс Нюхетер» в 1997 г., новость о «разоблачении» шведской политики принудительной стерилизации обошла весь мир, и именно благодаря этой дискуссии, пожалуй, не осталось ни одного шведа, не узнавшего об этом. Средства массовой информации многих стран с огромным вниманием следили за ходом дискуссии²⁵.

Почему же именно в конце 1990-х гг. стерилизация стала предметом обсуждения и пристального внимания всего шведского общества? Шокировало в дискуссии о принудительной стерилизации то

²³ Главный редактор «DN» позже назвал Линдквиста «первым журналистом, который попытался разоблачить миф о политике принудительной стерилизации» // DN. 28 aug. 1997.

²⁴ SvD. 30 dec. 1993. См. также: Expressen. 20 aug. 1994; Sydsvenskan. 6 maj. 1996.

²⁵ По замечанию Г. Бруберга и М. Тюдена, о политике стерилизации было известно достаточно, и сам факт ее проведения не скрывался, так что сенсация о принудительной стерилизации была «сфабрикованной новостью». Г. Бруберг и М. Тюден утверждают, что дискуссия вполне могла начаться и в начале 1990-х гг. См. *Broberg G., Tyden M. När svensk historia blev en världsnyhet* // *Tvärnsnitt*. 1998. № 3. S. 3–11.

обстоятельство, что ее проведение начали связывать с партией социал-демократов. По утверждению М. Зарембы, расовая гигиена была в первую очередь социал-демократическим проектом, и только в период правления социал-демократов стало возможным, чтобы гражданин страны мог быть лишен способности к размножению из-за происхождения и физической или умственной неполноценности. Он утверждал, что в Швеции стерилизация легла в основание «дома для народа»²⁶. Для М. Зарембы и «Дагенс Нюхетер» не вызывало сомнения «кто виноват». Вся вина и ответственность возлагалась на социал-демократов²⁷. Ни один из предыдущих исследователей этой проблемы не ставил ее столь остро²⁸.

²⁶ DN. 22 aug. 1997. Предположения о связи стерилизации с политикой всеобщего благосостояния высказывались и ранее. Так, Ивонн Хирдман показала стерилизацию как пример социальной инженерии. См. *Hirdman, Yvonne. Att lägga livet till rätta. Sthlm., 1989.*

²⁷ Позже Заремба уже не в такой степени возлагал вину на социал-демократов и их «дом для народа» (DN. 27 sept. 1997).

²⁸ Свен Линдквист сделал противоположный вывод: общество всеобщего благосостояния не выросло из евгенических опытов, напротив, его расцвет означал конец политики стерилизации. Эта политика не может быть связана с каким-либо определенным политическим направлением или отдельной политической партией. Во всех странах в евгеническом движении участвовали как левые, так и правые. См. *Lindquist, Sven. Välfärden stoppade steriliseringarna. TLM. 1997. № 3–4. S. 91–101.* Действительно, похожие программы стерилизации существовали в ряде других стран. Первый закон о стерилизации был принят в США в 1907 г., в 1931 г. подобные законы имелись уже в 30 американских штатах. К 1941 г. в США подверглись стерилизации около 36 000 человек (См. *Lindquist, Bosse. Förädlade Svenskar. Sthlm, 1991. S. 83.*) В Финляндии, Бельгии и одном из кантонов Швейцарии также существовали законы о стерилизации. Норвежский закон о стерилизации вступил в силу в 1929 г. До 1974 г., пока закон оставался в силе, примерно 40 000 человек подверглись операции. В Дании было, фактически, наибольшее число законов о стерилизации (1929, 1934, 1935 и 1956 гг.), количество подвергшихся стерилизации колеблется от 11 до 12 тыс. человек (См. *Arena. 1997. № 5 (specialbilaga). S. 5.*) В 1933 г. в Германии был принят закон о стерилизации (там к 1939 г. было стерилизовано более 350.000 человек). И сейчас законы о стерилизации действуют во многих странах — причем в некоторых предусмотрена принудительная стерилизация. В Пуэрто-Рико подверглись стерилизации 35 % женщин по требо-

Некоторые были согласны с Зарембой, хотя не шли в оценках настолько далеко. Бу Седерстрем, Ёран Грейдер и другие полагали, что нельзя отрицать вину социал-демократов в том, что касается политики стерилизации. Но Грейдер указывал, что в правительстве и риксдаге были представители и других партий²⁹. Ориентированная на профсоюзы «Афтонбладет» утверждала, что ответственность за происшедшее лежит на всех³⁰, так как буржуазные партии в равной степени участвовали в принятии ответственных решений. Лидер Умеренной коалиционной партии Карл Бильдт отмечал, что ответственны все, ибо никто: ни церковь, ни ученые, ни политики не били тревогу в то время.

Факт принуждения и число насильственно стерилизованных ужаснули общественность, что способствовало росту дискуссии. «Дагенс Нюхетер» утверждала, что в период с 1935 по 1975 гг. в Швеции принудительно стерилизовались десятки тысяч людей. Подразумевалось, что все 62.888 подвергшихся операции были стерилизованы принудительно³¹.

Согласно законам 1934 и 1941 гг. люди, страдающие заболеваниями психики и с задержками в развитии, могли быть стерилизованы без их согласия. Несмотря на это, и политики, и муниципальные власти отказывались рассматривать эти законы как принудительные. Они утверждали, что законы строятся на добровольности, так как те, кто находились в здравом рассудке, не могли быть стерилизованы без их согласия. Всякое физическое принуждение было запрещено, Косвенное принуждение использовалось против разных категорий граждан, например, как условие при выписке из специальных школ, больниц для душевнобольных, параллельно с абортom, чтобы получить разрешение на вступление в брак. Поэтому сложно определить,

ванию Международного Валютного Фонда. В Бразилии — 44 %. Это произошло из-за экономического давления и пропаганды (в основном со стороны американских организаций по защите окружающей среды). В Японии и сегодня стерилизации подвергаются люди с нарушениями в развитии (См. *Zaremba, Maziej. De rena och de andra. Falkenberg, 1999. S. 114–120.*

²⁹ DN. 24 sept. 1997; TLM. 1997. № 3–4. S. 96–101.

³⁰ АВ. 22, 24 aug. 1997.

³¹ «Афтонбладет» обвинила Зарембу в том, что он очень небрежно обращается с фактами // АВ. 29 aug. 1997.

сколько именно человек были стерилизованы против воли. То, что подвергнутые стерилизации в большинстве случаев подписывали ходатайства о стерилизации, ни о чем не говорит, так как многие находились под косвенным давлением и вынуждены были пойти на стерилизацию, а другие даже не осознавали, что подписывают.

По данным Г. Бруберга и М. Тюден, около 18,5 тыс. случаев стерилизации, совершенной по евгеническим или социальным показателям, можно рассматривать как принудительные (подавляющее большинство из них произошло до 1960 г.). Они также насчитали 20 тыс. случаев стерилизации по медицинским показателям, проведенной под давлением³². Эта гигантская цифра в любом случае меньше, чем 63.000³³.

Не менее пугающим было заявление прессы, что в основе политики стерилизации лежали принципы расовой гигиены. На примере отдельных случаев 1930-1940-х гг. утверждалось, что политика стерилизации была пронизана расистской идеологией, существовавшей в Швеции еще долгое время после второй мировой войны. Проводилась параллель между шведской и немецкой политикой социального обеспечения. По заявлениям прессы, в Швеции вплоть до 1975 г. проводилась расистская политика стерилизации³⁴. Заметим, что расовая гигиена не была только шведско-немецким делом, и этот феномен нельзя связывать с какой-то определенной политической идеологией. Вместе с тем, расовая гигиена (и стерилизация в частности) имела в глазах общественных и политических сил Швеции того времени свои привлекательные стороны, и рассматривалась как техническое решение социальных и общественных проблем.

³² DN. 13 sept. 1997.

³³ Можно сравнить эти данные с количеством стерилизованных в соответствии с законом 1975 г. о добровольной стерилизации. С 1976 г. в течение первых десяти лет ежегодно стерилизовались примерно 8 тыс. человек. За 20 лет действия закона стерилизации подверглись 160 тыс. человек. И это абсолютно нормальные люди, добровольно выбравшие стерилизацию как одну из возможностей контроля рождаемости // SOU 1999:2. Sthlm, 1999. S. 167.

³⁴ Эта точка зрения вызвала резкую критику шведских исследователей вопроса. См. *Broberg G., Tyden M.* Op. cit. S. 182.

Большую роль в принятии законов сыграла «проблема экономии». Это объясняет направленность дискриминационных законов на людей с дефектами развития, а не на этнические группы. Именно такие люди претендовали на заботу государства и получение различных пособий. Именно эти люди рассматривались как «нагрузка» на общественную экономику. Эти соображения позволяют определить политику стерилизации как социальную.

Почему же законы, позволяющие принудительную стерилизацию, просуществовали так долго? Вопрос о стерилизации стал в целом частью государственной демографической политики Швеции. В 1930-е гг. снижение численности населения страны приобрело угрожающие размеры, казалось, что это принесет ухудшение качества нации. Существовало опасение, что люди с хорошей наследственностью рожают слишком мало детей, а так называемые «дегенеративные» семьи — много. Заботясь об оздоровлении нации, государство ставило интересы общества над интересами отдельного человека, даже «размножение» людей было подчинено медицинскому контролю посредством генетики и стерилизации. С этим были согласны и медики, и политики.

Принудительная стерилизация и проблема компенсации

В ходе дискуссии³⁵ неоднократно говорили о денежной компенсации тем, кто подвергся насильственной стерилизации³⁶. Требования о расследовании дел о принудительной стерилизации зазвучали по всей стране. 4 сентября 1997 г. Департамент социального обеспечения с одобрения правительства учредил специальную подготовительную комиссию по исследованию этого вопроса.

Перед комиссией были поставлены три задачи. Первая: выяснить, как закон осуществлялся на практике; проследить и проана-

³⁵ DN. 21, 29 aug., 3 sept. 1997.; SvD. 28 aug. 1997.

³⁶ С начала 1980 гг. примерно тридцать человек пытались получить компенсацию, но только семнадцати это удалось. Юридически люди, прошедшие через операцию по стерилизации, не имели право на денежную компенсацию за нанесенный ущерб, так как все происходило в соответствии с действующим тогда законодательством. Поэтому компенсация была выплачена только в тех случаях, где имела место формальная ошибка и не было письменного согласия на операцию. См. DN. 21 aug. 1997.

лизировать те дискуссии, которые велись в риксдаге, в политических партиях, в научном мире в течение всех лет действия законов; осветить, как принимались и применялись законы, что послужило причиной их отмены.

Вторая: выяснить, сколько человек были стерилизованы согласно букве закона и по разным категориям (медицинской, евгенической и социальной); кто из стерилизованных сам подавал ходатайство об оперативном вмешательстве, и сколько человек были подвергнуты вмешательству по ходатайству кого-то другого.

Третья: выработать законопроект о денежной компенсации тем, кто был стерилизован против воли или по чьей-то инициативе, и выяснить, по каким принципам будет производиться выплата. Комиссия не должна была рассматривать и принимать решения по каким-то отдельным случаям, в ходе ее работы должна была быть выработана общая схема³⁷.

Уже 26 января 1999 г. был представлен промежуточный отчет «Политика стерилизации в Швеции в 1935–1975 гг. Денежная компенсация» (Отчет правительственной комиссии 1999:2), куда был включен и разработанный законопроект. С 1 июля 1999 года закон вступил в силу. Он дает лицам, которые были стерилизованы в течение действия законов о стерилизации 1934 и 1941 гг., право ходатайствовать и получить денежную компенсацию от государства. Кроме этого он определяет, при каких условиях должна была произойти стерилизация, чтобы человек мог требовать выплаты компенсации; устанавливает размер выплаты (175 000 шведских крон, независимо от пола, возраста и проч.); указывает инстанцию, которая будет заниматься вопросами, связанными со стерилизацией; ограничивает период времени, в течение которого заявления о получении компенсации должны быть приняты к рассмотрению и т.п.

Многие из тех, кто уже ходатайствовал о получении компенсации, не хотели, чтобы стало известно, при каких обстоятельствах они подверглись стерилизации. Поэтому правительство предложило добавить новый параграф в закон о государственной тайне. Все сведения, касающиеся здоровья человека и другие персональные

³⁷ SOU 1999:2. S. 55.

данные объявлялись засекреченными на 70-тилетний период. Они также были объявлены исключением из закона о свободе СМИ³⁸.

Правительство предполагало, что инициативу проявят от 500 до 1 000 человек, в связи с чем предложило выделить из государственного бюджета в период с 1999 по 2001 гг. сумму в 180 миллионов крон для выплат денежной компенсации всем пострадавшим от действия законов о стерилизации³⁹.

Результаты работы комиссии снова возбудили интерес к проблеме. «Дагенс Нюхетер», «Свенска Дагбладет», «Упсала Нюа Тиднинг», «Нерикес Аллеханда» писали о восстановлении справедливости. В ряде статей делались процедурные разъяснения⁴⁰.

Очевидно, с течением времени отношение государства к проблеме изменилось. Если сначала заявляли, что деньги не являются компенсацией за убытки, так как ничего преступного не было предпринято, была лишь допущена служебная ошибка⁴¹, то теперь член комиссии Карл-Густав Андрен заявил:

«Выплачивая компенсацию, государство тем самым окончательно признает: то, что происходило, было ошибкой. И эту компенсацию можно рассматривать, как попытку попросить прощение⁴²».

По наблюдению «Свенска Дагбладет», сам факт выплаты суммы доказывает, что шведское общество признает, что совершались злоупотребления и надеется, что эта компенсация хоть немного смягчит боль и страдания. В законопроекте говорится:

«денежная компенсация никогда не сможет возместить те страдания, которым подверглись стерилизованные. Поэтому компенсация выполняет символическую функцию⁴³».

В «Свенска Дагбладет» полагали, что названное правительством количество пострадавших не соответствует действительности: в реальности, от 6 до 15 тысяч случаев могут рассматриваться как на-

³⁸ Ibid. S. 6–7.

³⁹ Ibid. S. 31.

⁴⁰ Nerikes Allehanda. 27 jan. 1999.; GP. 27 jan., 9 feb. 1999.

⁴¹ Lindquist, Bosse. Op. cit. S. 132.

⁴² UNT. 27 jan. 1999.

⁴³ Prop. 1998/99:71. S. 22.

сильственная стерилизация. Следовательно, комиссия недостаточно хорошо продумала экономические последствия, ведь размеры компенсации в этом случае возрастают до 1 — 2,7 миллиардов крон⁴⁴.

Кроме того, в прессе был поднят вопрос о том, насколько правильным было решение комиссии, предписывающее пострадавшим самим заявлять о себе (писать ходатайства или сообщать по телефону). «Упсала Ньюс Тиднинг» писала:

«Несмотря на то, что Комиссия имела доступ к огромному количеству документов, в которых содержались все данные о пострадавших, было принято решение, сохранив неприкосновенной тайну личной жизни, не устанавливать с ними контакт. Они должны сами дать о себе знать⁴⁵».

То же издание предположило, что комиссии не чужда была мысль, что многие из пострадавших из боязни растревожить так долго носимую в себе боль, предпочтут отказаться от денег.

Была специально организована новая структура — Комитет по вопросам, связанным с выплатой компенсации, который будет действовать до тех пор, пока будут поступать письма и звонки от пострадавших. Его возглавила Анита Вернер⁴⁶. Комитет начал работу 1 июля 1999 г. В течение первого месяца он получил около 400 писем с ходатайствами о получении компенсации. И около 200 человек позвонили в Комитет и Министерство социального обеспечения. К концу апреля 2000 г. примерно 1.700 человек подали ходатайства на получение компенсации, и в отношении приблизительно 800 дел было принято положительное решение в пользу пострадавших.

Дискуссия в шведской прессе сыграла важную роль, именно благодаря инициированным ею дебатам был принят закон о выплате денежной компенсации, и что гораздо важнее, общество смогло признать вину и взяло на себя ответственность за происшедшее.

⁴⁴ SvD. 27 jan. 1999.

⁴⁵ UNT. 27 jan. 1999.

⁴⁶ А. Вернер является также генеральным председателем Дисциплинарной комиссии по здравоохранению и медицинской помощи.

Т. В. ТИЙНЕН

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЕМИНИЗМА» В ШВЕЦИИ (1950-2006 гг.)

«Лучшая страна для женщин»¹, «страна победившего феминизма»², «лучшая страна для мам и детей»³, «передовая» страна в вопросах равенства полов⁴ — таковы наиболее часто встречающиеся в отечественной и зарубежной научной и публицистической литературе эпитеты, характеризующие положение женщин в современной Швеции. На международной арене, и особенно в ЕС, Швеция признается своего рода эталоном, в котором достигнуто равенство между полами.

Специфика развития шведского феминизма проявилась в становлении так называемого «государственного феминизма», как характеризуют процесс институционализации феминизма на государственном уровне профессор Стокгольмского университета Кристина Флорин и преподаватель университетов Стокгольма и Уппсалы Бенгт Нильссон⁵. В последние три десятилетия прошлого века в Швеции протекали интенсивные процессы формирования официальной идеологии гендерного равенства⁶, создания институтов,

¹ *Gustafsson G., Edwards M., Rönnblom M.* Towards a new democratic order? Women's organizing in Sweden in the 1990s. Stockholm, 1997. P. 196.

² *Ильина Н.* В стране победившего феминизма // Диалог женщин. 2001. № 14. С. 32.

³ *Olsson C.* Sverige bästa landet för mammor och barn // Metroinrikes. 2003. Onsdag. 7 Maj. S. 3.

⁴ *Näsman E.* The family in the 21st century // The Nordic countries — a paradise for women? Köpenhamn, 1994. P. 161.

⁵ *Florin C., Nilsson B.* Something in the nature of a bloodless revolution. How new gender relations became gender equality policy in Sweden in the nineteen-sixties and seventies // State policy and gender system in the Two German States and Sweden 1945–1989. Uppsala, 2001. P. 15.

⁶ Согласно шведской традиции, термины «политика гендерного равенства» и «политика равенства полов» в нашей статье мы используем как

программ и стратегий, направленных на достижение «подлинного равенства» между полами. Происходило складывание государственной и муниципальной систем финансирования феминистских организаций (приютов для женщин, женских форумов, так называемых «женских ярмарок» и т.д.), становление гендерных исследований в высшей школе⁷, реформирование образовательного процесса в средней школе, и, наконец, увеличение представительства женщин в органах представительной и исполнительной власти.

Одним из наиболее впечатляющих результатов политики равенства полов является 50-процентное женское представительство в правительстве этой страны, уникальное в мировой политической практике явление. Лидеры ведущих партий Швеции в преддверии выборов 2006 г. не только декларировали симпатию к феминизму, но и называли себя «феминистами»⁸. Феминизм изменил облик и сущность шведского социума, поспособствовал обретению женщинами экономической самостоятельности, окончательному утверждению модели семьи из двух работников⁹, более равному распределению обязанностей между супругами¹⁰, возросшему участию отцов в воспитании детей¹¹.

идентичные понятия. В шведской историографии и в официальных документах используется термин «*jämställdhetspolitik*», означающий «политика равенства полов», в переводной литературе на английском языке как тождественное этому понятию — термин «*gender equal policy*», который можно перевести как «политика гендерного равенства».

⁷ Сорокина Е. А. К изучению актуальных проблем современных гендерных исследований в Швеции // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10-14 сентября 1997 г. Петрозаводск, 1997. С. 213–215; Салычева Т. А. Женщины в истории Швеции: историко-географический аспект шведской идентичности // Там же. С. 15–17.

⁸ Tvinga pappan ta halva föräldradigheten [Электронный ресурс] // Dagens Nyheter. 10.08.2006. Режим доступа к ст.: <http://www.dn.se>

⁹ Mahon E. Changing gender roles // Women, work and the family in Europe. London, 1998. P. 155.

¹⁰ O-jämt. Nyheter från jämställdhetsenheten. Länsstyrelsen Västra Götaland. 1998. № 2. S. 1.

¹¹ Bekkengen L. Män som «pappor» och kvinnor som «föräldrar» // Kvinnovetenskaplig tidskrift. 1999. № 1. S. 33–48.

Следует отметить, что феминизм как феномен западноевропейской цивилизации на современном этапе развития представляет собой многоликое и противоречивое явление. В научной литературе насчитывается до 300 дефиниций этого термина. Логично рассматривать феминизм как «широкое социальное движение за равенство прав и возможностей для женщин, противостоящее социальной системе, в которой положение людей разных полов не равноправно»¹². Теоретико-методологический и ретроспективный анализ истории западного феминизма в современной зарубежной исторической науке успешно осуществляется с применением гендерной истории. Для российской историографии это сравнительно новое направление, обстоятельно представленное в работах Л. П. Репиной и Н. Л. Пушкаревой¹³.

¹² Пушкарева Н. Л. Феминизм // Энциклопедия кругосвет [Электрон. дан.]. <http://www.krugosvet.ru/articles/101/1010190/1010190a1.htm>; В энциклопедии «Британика» предлагается сходное определение феминизма, который характеризуется как «социальное движение, направленное на предоставление женщинам равных прав с мужчинами, дающих им равный с мужчинами статус и свободу выбора в профессиональной деятельности и образе жизни». Encyclopaedia Britannica: Micropedia. Vol. 12. L., 1994. P. 735. В новейших российских энциклопедических печатных изданиях феминизм определяется как «в широком смысле — стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества; в узком смысле — женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их прав с мужчинами». См. например: Краткая российская энциклопедия. В 3 тт. Т. 3 / Сост. В. М. Кареев. М., 2003. С. 565; Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 1272.

¹³ См. например: Пушкарева Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках / Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб., 2001. С. 277–311; Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление. Методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86; Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58; Она же. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Хрестоматия. М., 2002. См. также: Юкина И. И. Женская история как субдисциплина гендерных исследований // Введение в гендерные исследования. Петрозаводск, 2003. С. 7–15; Чикалова И. Женская и гендерная история: состояние и перспек-

Центральной категорией методологии гендерной истории является понятие «гендер» (в англ. Gender — социокультурный пол), заимствованное из лингвистики. Впервые это понятие для обозначения «мужественного» и «женского» как социокультурных характеристик было использовано психологом Робертом Столлером в 1968 г., после чего нашло широкое применение в психологии, социологии, антропологии и истории¹⁴. В отличие от пола биологического (в англ. — sex), гендер рассматривается как социально конструируемый пол, являющийся достигаемым и изменяемым статусом.

История гендерного взаимодействия рассматривается через призму разделения публичного и приватного пространств, которые в разных культурах и обществах, как правило, частично или полностью соответствуют сферам мужского и женского, что считается важной предпосылкой неравенства полов¹⁵. Гендерно-исторический анализ при наблюдаемой тенденции к расширению его предметного поля с включением в него всех сфер межличностных отношений вносит значимый вклад в развитие всеобщей истории, и, особенно, социальной истории, «Новой истории» XXI века, изучающей человека в его исторической социальности¹⁶. При этом интегративный потенциал гендерной истории не раскрывается в полной мере, так как большинство ее последователей признает необходимость рассмотрения исторической динамики взаимоотношений между полами, основываясь на иерархии полов, при пристальном внимании к

тивы развития [Электронный ресурс]: <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/chikalova.htm>; Хайдер И. В. Гендерная методология история (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. <http://www.astrasong.ru/c/science/article/345/>

¹⁴ Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления [Электронный ресурс]. Режим доступа к ст.: <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/bloхина.htm>

¹⁵ История исторического знания: Пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М., 2004. С. 258; Kelly J. The Social relations of the sexes. Methodological implications of women's history // *Eadem. Women, history and theory*. Chicago, 1984. P. 10–11.

¹⁶ Репина Л. П. Социальная история на пороге XXI века: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994. С. 19.

распределению власти, престижа и собственности в различных исторических моделях частного и публичного. Между тем, медиевист А. Л. Ястребицкая предлагает отойти от простого фиксирования примеров угнетения женщин «обществом» мужчин или, напротив, их эмансипации, а, сосредоточить исследовательский интерес на механизмах функционирования в историческом процессе мужской и женской общественных структур, сложную игру вариантов и инверсий, обеспечивающих становление конкретной социо-культурной системы, ее единство и внутреннее равновесие¹⁷.

Ограничение женщин рамками семьи, домохозяйства, частного пространства с признанием неоспоримого превосходства за публичной, мужской, сферой политики обосновал еще Аристотель. В его иерархичной модели мироздания женское начало как проявление телесного, неоформленной материи занимало подчиненное, периферийное положение по отношению к мужскому, символизировавшему Верховный Разум, форму¹⁸. Аристотелевская концепция взаимодействия полов закрепилась в западной традиции и была кодифицирована¹⁹. Между тем, в действительности статус женщин в доиндустриальной Европе, несмотря на ущемление в правах наследования и официальном признании за ними юридической недееспособности, не укладывался в узкую диспозицию господства и подчинения. В условиях преобладания натурального, ориентированного на потребление домохозяйства, он мог быть значительно выше кодифицированного статуса и характеризовался вариативно-

¹⁷ Ястребицкая А. Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. Вып. 57. С. 127.

¹⁸ Аристотель. Политика. 1269b, п. 10.

¹⁹ См. подробнее: Митрофанова А. А. Тема пола в европейской философской и общественно-политической мысли (Античность — Средние века — Возрождение) // Введение в гендерные исследования / Под общ. ред. И. В. Костиковой. М., 2005. С. 26–41; Она же. Тема пола в европейской философской и общественно-политической мысли Нового времени // Введение в гендерные исследования / Под общ. ред. И. В. Костиковой. М., 2005. С. 42–56; Kön, makt, medborgarskap. Kvinnan i politiskt tänkande från Platon till Engels. Malmö, 1993.

стью, в зависимости от социальной, возрастной, этнической принадлежности, нравственных критериев и, наконец, индивидуально-личностных качеств человека.

В процессе становления централизованных национальных государств, формирования систем парламентаризма и развития капиталистических отношений происходило постепенное расширение публичного пространства. В результате, в него переносились производственные функции домохозяйства. Его политическое наполнение изменялось в результате формирования бюрократического аппарата и постепенного увеличения народного представительства²⁰. Таким образом, появление феминизма можно рассматривать как реакцию на сужение приватной, традиционно женской сферы и снижение ее социально-экономической значимости.

Дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной историографии остается вопрос о месте и времени зарождения этого явления. Так, британская феминистка и политолог В. Брайсон начинает историю политической теории феминизма с «Книги о граде женском» Кристины Пизанской²¹. Эта известная средневековая писательница предвосхитила основной тезис французской феминистской школы XX в. о фаллологоцентричности западноевропейской философской традиции. Она считала, что распространенное отношение к женщине, как к существу, значительно уступающему мужчине в способности мыслить и рассуждать, является следствием не критического принятия идей мыслителя древности, первым высказавшего мысль о женщине как существе низшем по отношению к мужчине²².

Специалист по истории Англии Нового времени Т. Л. Лабутина историю феминизма ведет от XVII в. Она рассматривает Английскую буржуазную революцию в качестве Важной предпосылки становления протофеминизма или раннего феминиз-

²⁰ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории. С. 77–89; Ястребицкая А. Л. Указ. соч. С. 136; Ohlander A. S. Kvinnan — historiens huvud person // Kulturrådet. 1992. №. 1/2. S. 62.

²¹ Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М., 2001. С. 223.

²² Кристина Пизанская. Из «Книги о граде женском» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1991. С. 223.

ма, представительницы которого (драматург Афра Бен, писательница Мэри Эстелл, гувернантка детей Карла I Кэтрин Маколи, герцогиня Ньюкасл и др.) выступали за права женщин на образование и за их законодательную защиту в семье²³. Исследователь из Тверского государственного университета В. И. Успенская также придерживается этой концепции²⁴.

Н. Л. Пушкарева относит «рождение идеологии феминизма» к XVI–XVII вв.²⁵, а возникновение феминистского движения к XVIII в., событиям Великой французской революции, в период которой действовали женские клубы и собрания, «Общество женщин революционных республиканок», а в 1791 г. Олимпией де Гуж была составлена «Декларация прав человека и гражданки». Американский историк Джоан Скотт, которая в статье «Гендер — полезная категория исторического знания»²⁶ заложила основы методологии гендерной истории, также связывает появление феминизма как политического движения с революционными событиями во Франции²⁷.

Широкий размах по количеству вовлеченных стран, по массовости и социальной пестроте феминизм приобрел в период так называемой первой волны движения (вторая половина XIX – начало XX вв.). Она была отмечена борьбой женщин за избирательные права (активное и пассивное право), т.е. суфражистским движением, центрами которого стали Великобритания и США²⁸. В этот же период феминизм предстает как часть стратегии и тактики либе-

²³ Лабутина Т. Л. Ранний феминизм в Англии // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 51–67.

²⁴ Успенская В. И. Феминизм до феминизма: идея в защиту прав женщин в истории европейской социальной мысли XV–XVIII вв. // Гендерный калейдоскоп. М., 2001. С. 91.

²⁵ Пушкарева Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках. С. 282.

²⁶ Scott J. W. Gender: A useful category of historical analysis // American historical review. 1986. Vol. 91. P. 1053–1075.

²⁷ Eadem. Universalism and the history of feminism // Differences: A Journal of feminist cultural studies. Vol. 7. № 1. 1995. P. 1.

²⁸ Школьников И. А., Шнырова О. В. Суфражизм и политические партии в середине XIX – начале XX вв.: опыт взаимодействия // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004.

рального и социалистического (рабочего) движений по привлечению новых членов, расширению социальной базы, а при складывании партийной системы — как способ для расширения электората.

Во второй половине XIX в. оформились два течения феминистской мысли: либерально-реформистское и революционно-социалистическое. У истоков первого направления стояли английская писательница Мэри Уоллстоункрафт, автор книги «В защиту прав женщин» (1792 г.) и Джон Стюарт Милль, опубликовавший эссе «О подчинении женщин» (1861 г.). Эти авторы заложили идеологический фундамент современного либерального феминизма, который конституируется идеей об общечеловеческих ценностях, правах и свободах. Революционно-социалистическое направление в феминизме, из которого сформировался современный социалистический или марксистский феминизм, восходит к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Фридриха Энгельса, считавшего социалистическую революцию необходимым условием утверждения равенства между полами, поскольку после нее женщины, участвуя в общественном производстве, обретут экономическую независимость²⁹.

Вторая волна феминистского движения (1960–1970-е гг.), возникла в США. Ее важными предпосылками стали формальный доступ женщин к политической сфере после предоставления им избирательного права, повышение статуса женщин как реакция на Первую и Вторую мировые войны, рост благосостояния среднего класса и, как следствие, модернизация домохозяйства, а также становление современной модели семьи с ограниченным количеством детей. Радикальный характер движения обусловили борьба афро-американцев против дискриминации, молодежный анархизм и сексуальная революция, направленные против сложившихся норм и традиций.

Одним из импульсов к возникновению второй волны стала публикация в 1963 г. книги Бэтти Фридан «Загадка женственности», в которой обращалось внимание на то, что мечты ранних феминисток об образовании и независимости оказались постепенно замещены идеей семьи как естественного предназначения женщин,

²⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 78.

их ограничением домом, представлявшим, по словам Фридан, «комфортабельный концентрационный лагерь»³⁰. В основе тактики либерального феминизма, как отмечает Н. Л. Пушкарёва, лежит борьба с инертностью женщин, их неумением и нежеланием в рамках существующей социально-политической системы пользоваться легитимными методами и добиваться равенства полов³¹.

Специфика второй волны феминистского движения заключалась в том, что борьба велась на качественно ином уровне, за фактическое, а не формальное равенство. Она была направлена против сложившихся стереотипов поведения мужчин и женщин и иногда отличалась откровенной враждебностью по отношению к традиционным представлениям о женственности, жесткой критикой института семьи, которую Кейт Миллет, идеолог появившегося в этот период нового, радикального направления в феминизме, называла «основным институтом патриархата»³². Считая, что отношения между полами основываются на власти, которая принимает вид мужского доминирования во всех сферах жизни общества и индивида, К. Миллет впервые применила понятие «патриархата» для объяснения причин угнетенного положения женщин. Представительницы радикального феминизма считают мужское насилие механизмом контроля над женщинами и поддержания господства мужчин³³.

Хотя феминизм является феноменом западной культуры, импортированным из Великобритании и США, он хорошо прижился в Швеции, поскольку попал на благоприятную культурно-историческую почву. Для индустриальной Швеции был характерен высокий статус женщин, который определялся их важной ролью в отличавшемся трудоемкостью земледельческих работ и многопромысловостью домохозяйстве³⁴. По свидетельствам исландских саг,

³⁰ America Past and present. 1986. P. 512.

³¹ Пушкарёва Н. Л. Феминизм...

³² Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 155.

³³ Maynard M., Winn J. Women, violence and male // *Introducing women's studies? Feminist theory and practice*. N.Y., 1997. P. 177.

³⁴ Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 20; Канн А. С. Социально-экономическая характеристика шведской деревни в XVII веке // Средние века. Вып. 9. С. 350.

при заключении брака указывалось на такое важное качество женщин как «умелая управительница»³⁵. Связка ключей от дома, амбара с зерном, кладовой с припасами и заготовками, традиционный атрибут жены-хозяйки, символизировала «власть» женщины, поскольку в условиях натурального хозяйства запасы «кладовой хозяйки» обеспечивали «выживание» семьи³⁶.

Женщин эпохи викингов (IX–XI вв.), по мнению шведского медиовиста Биргит Сэйер, отличала «самостоятельность», чему способствовало, в числе прочего, длительное пребывание мужей в торговых и военных походах³⁷. Еще одним содержащим феминистский потенциал наследием эпохи викингов для Швеции в последующие исторические периоды стала независимость вдов, чье положение, в отличие от вдов в других регионах Западной Европы, характеризовалось экономической и юридической самостоятельностью³⁸.

В эпоху «великодержавия» XVII в., периода постоянных войн, избыток женского населения принимает особые масштабы, что, возможно, послужило возникновению одной из важных культурно-исторических предпосылок феминизма — особой модели брака, характеризовавшейся большой долей одиноких людей, в том числе женщин, и поздним возрастом вступления в брак мужчин и женщин (в среднем в 25–30 лет)³⁹. Последнее, указывает Л. П. Репина, предполагало преднамеренное накопление ресурсов для обзаведения собственным домохозяйством сразу после бракосочетания и более серьезное отношение к браку, создавая потенциал для развития «партнерских отношений» между супругами⁴⁰.

³⁵ The Saga of the people of Fjotsdal // The Complete Sagas of Icelanders. V. 4. Reykjavik, 1997. P. 379.

³⁶ *Losman B.* Landsbygdens kvinnor. Backlash vid sekelskiftet? // Den osynliga historien. Kvinnornas historia. Uppsala: Ord & Form AB, 1993. S. 77.

³⁷ *Sawyer B.* Women as bridge-builders: the role of women in Viking Age Scandinavia // People and Places in the Northern Europe 500–1600. Woodbridge, 1991. P. 219.

³⁸ *Matovic M.* Utföräkning, bergsbestigning eller berg- och dalbana? Kvinnans ställning i äldre tid // Den osynliga historien. Kvinnornas historia. Uppsala: Ord & Form AB, 1993. S. 13.

³⁹ *Хаджнал Д.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 55.

⁴⁰ *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории. С. 61.

Вследствие ранней коммерциализации деревни и протоиндустриализации (XVII–XVIII вв.) исключительно важной оставалась роль домохозяйек и работниц в производстве мясо-молочных продуктов, широко применялся женский труд в текстильной надомной промышленности и мануфактурах, а индустриализация (середина XIX в.) способствовала быстрому росту численности фабричного пролетариата⁴¹. Таким образом, спецификой развития шведского государства стала важная роль женщин в экономическом развитии страны, чем, по мнению историков Анн-Софи Уландер и Лены Сомместад, определялся высокий статус женщин⁴². Эта особенность послужила, как мы полагаем, значимой исторической предпосылкой успешной реализации политики равенства полов, исходящей из идеи о необходимости экономической независимости женщин.

К XIX в. восходит национальная феминистская традиция, начало которой обычно традиционно ассоциируется с писательницей Фредрикой Бремер, «пионером» женского движения, первой феминистской Швеции⁴³. Она подчеркивала особую миротворческую, материнскую функцию женщин в обществе, публичной сфере. Идеология первой волны феминизма в Швеции (1870–1920 гг.), стратегия и тактика суфражистского движения формировались в синтезе самобытного буржуазного феминизма, опиравшегося на идеи Ф. Бремер, и влияния конституционного направления британского суфражизма, т.е. либерально-реформистского течения в феминизме. Умеренный характер дви-

⁴¹ Schön L. En modern svensk ekonomisk historia. Tillväxt och omvandling under två sekel. Stockholm: SNS Förlag, 2001. S. 89–92, 403.

⁴² Ohlander A. Kvinnor, barn och arbete i Sverige (1850–1993). Stockholm: Fritze, 1994. S. 15; Sommestad L. Welfare state attitudes to the male breadwinning system: the United States and Sweden in comparative perspective // International review of social history. 1997. P. 165.

⁴³ Kvinnorörelsens historia i Sverige. Rösträtt för kvinnor. 1919. № 11. S. 2.

жения определили, вероятно, находившиеся в периоде становления и ставшие традиционными для шведского общества XX столетия консенсусная политическая культура и корпоративизм, характеризующийся тесным взаимодействием между так называемыми «народными движениями» (folk rörelser), т.е. гражданским обществом, и государством, что также создавало благоприятную политическую атмосферу для становления «государственного феминизма»⁴⁴.

Необходимым политическим условием формирования «государственного феминизма» стало доминирование Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), находившейся у власти в 1932–1976, 1982–1991 гг. и с 1994 г. до настоящего времени. Концепция партии «Дом народа», обнародованная лидером партии Пером Альбином Ханссоном на съезде в 1928 г.⁴⁵, содержала идеи о необходимости стирания классовых различий, развития системы социального обеспечения, построения социальной и экономической демократии и достижения равенства в обществе⁴⁶.

Эта концепция создала теоретический и идеологический фундамент государства всеобщего благосостояния, в процессе построения которого вызревал благоприятный политический климат для включения «женского вопроса» в орбиту социальной политики СДРПШ. В свою очередь, книга членов СДРПШ Альвы и Гуннара Мюрдалей «Кризис народонаселения»⁴⁷, вышедшая в свет в 1934 г., способствовала конвертированию острой демографической проблемы в социальную политику, объектами которой становились

⁴⁴ Bergman S. Kvinnorörelser och jämställdhetspolitik // Finland i Norden. Vasa, 2005. S. 94.

⁴⁵ Премьер-министр Швеции в 1932–1936 и 1939–1946 гг.

⁴⁶ Hansson P. A. Folkhemstalet. 1928. [Электронный ресурс] Речь о «доме народа». <http://www.angelfire.com/pe/peralbin/folkhemstalet.html>

⁴⁷ Myrdal A., Myrdal G. Kris i befolkningsfrågan. Stockholm, 1997. S. 100–117.

женщины как отвечающие за воспроизводство населения⁴⁸. Отмечая прогрессирующий процесс старения нации при том, что население не воспроизводит себя, авторы выступили с требованием проведения комплекса решительных преобразований в сфере политики распределения, социальной политики и промышленности с целью адаптации института семьи к новым социально-экономическим и политическим условиям, возникшим вследствие индустриализации⁴⁹.

К наиболее важным мероприятиям супруги Мюрдали относили развертывание государственной программы строительства и субсидирования жилья, предоставление беременным женщинам экономической помощи и пособий на детей матерям, обеспечение бесплатного питания для всех школьников, снижение цен на товары первой необходимости⁵⁰. Согласно Мюрдалям, в решении задачи улучшения качества и количества народонаселения женщинам должна отводиться важная роль. Благодаря публикации книги наметилась тенденция к осознанию ценности репродуктивной функции женщин на государственном уровне и созданию необходимых условий для комбинирования оплачиваемого труда с функциями матери и домохозяйки: женщина стала объектом социальной политики.

В 1937–1938 гг. было введено единовременное пособие для женщин по рождению ребенка, размер которого мог достигать 300 крон. Оно выдавалось не наличными деньгами, а в форме товаров и услуг: детской одежды и питания, помощи по ведению домашнего хозяйства. В 1935 г. начало осуществляться строительство кварталов для многодетных семей, а с 1937 г. стали выдаваться свадебные кредиты, призванные снизить возраст вступающих в брак и, таким образом, увеличить фертильный период супруги и количество детей в семье⁵¹. В 1939 г. был принят закон, запрещающий увольнять жен-

⁴⁸ Уландер А. Незаметное дитя? Борьба вокруг политики социал-демократической партии в области семьи // Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001. С. 290.

⁴⁹ Myrdal A., Myrdal G. Kris i befolkningsfrågan. S. 100–117.

⁵⁰ Ibid. S. 181–201.

⁵¹ Källemark A. More children of better quality? Aspects on Swedish population policy in the 1930's. Uppsala, Stockholm, 1980. P. 39–51.

щин по причине беременности, родов и замужества, в 1948 г. введены денежные пособия на детей, а в 1955 г. — закон об обязательном материнском страховании, предоставлявший матери трехмесячный отпуск по беременности и родам.

Дальнейшее развитие социальной политики и осуществление щедрых социальных программ, в том числе по созданию условий для комбинирования женщинами функций матери и работницы, стало возможным благодаря динамичному росту экономики Швеции в 1950–1970-е гг.⁵² Экономика государства всеобщего благосостояния была обеспечена относительной политической, экономической и социальной стабильностью в период Второй мировой войны, в чем значительную роль сыграл прогерманский нейтралитет, тесное экономическое сотрудничество Швеции с Германией, основывавшееся главным образом на поставках высококачественной железной руды и вооружения в Германию (преимущественно до 1943 г.)⁵³. Средний показатель ежегодного роста ВВП на душу населения в Швеции в период 1937/1939 — 1949/1951 гг. составил 3,7%, что более чем в три раза превышало средний показатель по Европе, 1,1%, и уступало США лишь на 1%⁵⁴. В период 1949/1951–1972/1974 гг., когда рост ВВП на душу населения в США упал и стабилизировался на уровне 2,1% в год, в Швеции этот показатель составил 3,2% в год, уступая остальным странам Европы лишь 0,6%⁵⁵.

Прогнозируемый в 1960-е гг. дефицит рабочей силы в экспортных «мужских» отраслях экономики стал основной предпосылкой возникновения заинтересованности в Объединении предпринимателей Швеции (ОПШ) и Центральном объединении профсоюзов Швеции (ЦОПШ) в масштабном выходе женщин на рынок труда⁵⁶.

⁵² Ahlberger C., Kvarnström L. *Det svenska samhället (1720–2000): Böndernas och arbetarnas tid*. Lund: Studentlitteratur, 2004. S. 337.

⁵³ Чернышева О. В. Швеция в годы второй мировой войны. М., 1980. С. 111; Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977. С. 137–138.

⁵⁴ Schön L. *Op. cit.* S. 335.

⁵⁵ *Ibid.* S. 367.

⁵⁶ Hinnfors J. *Swedish parties and family policies 1960–1980: stability through change // State policy and gender system in two German states and Sweden 1945–1989*. Uppsala, 2000. P. 112.

В 1951 г. была создана Комиссия, занимавшаяся вопросами женского труда на рынке рабочей силы (Arbetsmarknadens kvinnonämnd, AKN), которую шведский историк И. Хирдман называет «первым институтом гендерного равенства»⁵⁷. Комиссию с 1951 г. поочередно возглавляли представители элиты делового мира Швеции: в 1951–1953 гг. Маттс Берг Ларссон, в период с 1953 по 1965 гг. Курт-Стефан Гисек, с 1965 по 1973 гг. Кай Оберг⁵⁸. Для привлечения женщин на рынок труда ОПШ и ЦОПШ совместно с Комитетом управления рынка труда (КУРТ) (Arbetsmarknadsstyrelsekommitte, AMS) была проведена специальная кампания, в рамках которой в частности в радиоэфир регулярно выходила программа с красноречивым названием «Домохозяйка меняет профессию?»⁵⁹.

Следует отметить, что только 39% женщин трудоспособного возраста (16–66 лет) было занято на рынке труда в 1960 г.⁶⁰, при этом 3/4 из них числились незамужними⁶¹. Вследствие роста благосостояния среднего шведского гражданина и стремления рабочих «имитировать» «буржуазный» образ жизни, тенденции подмеченной американским демографом Ф. Ротенбахером⁶², в шведском социуме к этому времени упрочилась модель семьи с одним кормильцем-мужчиной и женщиной домохозяйкой.

Кроме того, женский труд оплачивался ниже, чем мужской. Из 30 наиболее распространенных профессий в Швеции 9 относились к «женским»⁶³. Как правило, это были менее высокооплачиваемые и не требующие высшего или среднего специального образования

⁵⁷ Hirdman Y. Med kluven tunga: LO och genusordningen. Stockholm, 1998. S. 106.

⁵⁸ Schånberg I. SAF och genusordning // Kvinnor tar plats. Arbetsmarknad och industriarbete på 1900-talet. Stockholm, 2002. S. 129.

⁵⁹ Hemmafru byter yrke? Fem uppsatser till en radiokurs / Red. M. Boëthius. Stockholm, Sveriges Radio, 1965.

⁶⁰ Lön för mödan. Fakta om arbetsvillkor och löner för kvinnor och män inom vård och omsorg. SCB. Örebro, 2002. S. 10.

⁶¹ Dahlström E. Familjen och gifta kvinnors försvarsarbete // Kvinnors liv och arbete: Kvinnors liv och arbeid : svenska och norska studier av ett aktuellt samhällsproblem. Stockholm, 1962. S. 195.

⁶² Rothenbacher F. The European population. 1850–1945. N.Y., 2002. P. 46.

⁶³ В которых более 70% составляли женщины.

занятия: офисные ассистенты, помощники экономистов и бухгалтеров, секретари, стенографистки и машинистки, счетоводы и кассиры, уборщицы, санитарки, швеи, учителя, обслуживающий персонал в ресторанах, кафе, столовых и гостиницах⁶⁴. В промышленности женщина, выполняя ту же работу, что и её коллега мужского пола, получала 70–75% от его зарплаты, что видно из специальных платежных ведомостей, в которых уровень заработной платы определялся не только квалификацией работника, но и его половой принадлежностью⁶⁵.

Государственная комиссия, созданная в 1967 г. для исследования проблем населения с минимальными доходами, выявила, что женщины составляли большинство бедных граждан Швеции. В 1966 г. из 3 миллионов трудоспособного населения 1 миллион, из которых 700.000 были женщины, зарабатывали менее 15.000 крон в год и только 400.000 работников в стране, преимущественно мужского пола, зарабатывали в два раза больше⁶⁶. Примерно 115.000 из числа работающих женщин составляли матери-одиночки, зарплата большинства из них (97.400) не превышала 18.000 крон, а 61.000 зарабатывали менее 10.000 крон в год. Средняя сумма доходов женщин, работающих в течение полного рабочего дня, составляла 60% от заработной платы мужчин, соответственно, 16.000 крон в год у женщин и 27.000 крон в год у мужчин⁶⁷.

В совокупности с недостаточно развитым социальным законодательством, отсутствием широкой сети дошкольных учреждений и сохранением прогрессивного налога на совместный доход супругов, большинство женщин не были заинтересованы в активном участии на рынке труда. Вероятно, учитывая эти обстоятельства, И. Хирдман именуется период 1930–1960 гг. в гендерной истории Швеции «контрактом домохозяйки» или «контрактом домохозяйств»⁶⁸.

⁶⁴ Lön för mödan. S. 10.

⁶⁵ Ahlberger A., Kvarnström L. Op. cit. S. 343.

⁶⁶ Kvinnobulletenin. 1971. № 1. S. 12.

⁶⁷ Ibid. S. 13.

⁶⁸ Hirdman Y. State policy and gender contracts: the Swedish experience // Women, work and the family in Europe. London, 1998. P. 38; Хирдман И. Женщины — от возможности к проблеме? Конфликт полов в «го-

Успешности реализации плана по превращению домохозяек в работниц способствовали общественно-политические дискуссии о роли полов в 1960-е гг., которые финляндский социолог Солвейг Бергман относит к первому этапу второй волны феминистского движения в Скандинавских странах⁶⁹. В указанный период в Швеции сформировалось мощное общественно-политическое движение, ставившее целью изменить роль мужчин и женщин в обществе. Ключевыми в «дебатах о роли полов» (könsrollsdebatten), как их принято называть в шведской историографии, стали эссе Эвы Муберг «Условное освобождение женщин», опубликованное в антологии «Молодые либералы» в 1961 году⁷⁰, и солидный научный труд «Жизнь и работа женщин» (1962), изданный под редакцией социолога Эдмунда Дальстрёма⁷¹. Молодые интеллектуалы (как правило, социал-демократы, либералы или коммунисты), многие из которых объединились в «Группу 222», лоббировавшую вопросы равенства полов, отстаивали «радикальную линию», целесообразность обеспечения равнозначных ролей мужчин и женщин в семье, на работе и общественно-политической жизни при выстраивании государственной системы ухода за детьми⁷².

В 1960-е гг. руководство СДРПШ во главе с лидером Таге Эрландером колебалось между «радикальной» и «умеренной линией» идеологии роли полов в обществе. Умеренного направления вплоть до 1960-х гг. придерживался женский социал-демократический союз Швеции (ЖСДСШ), возглавляемый Ингой Торссон, продолжательницей миротворческой традиции, восходящей к идеям Ф. Бремер⁷³. Трогательная и дальновидная речь Инги Торссон, проникнутая заботой о будущем человечества, отражает идеи Ф. Бремер:

сударстве всеобщего благоденствия» — Шведская модель // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 230.

⁶⁹ Bergman S. Kvinnor i nya sociala rörelser // Likestilte demokratier? Kjønn og politikk i Norden. Oslo, 1999. S. 101.

⁷⁰ Moberg E. Kvinnans villkorliga frigivning // Moberg E. Prima Materia: Texter i Urval. Stockhohlm, 2003. S. 11–26.

⁷¹ Kvinnors liv och arbete: Kvinnors liv og arbeid: svenska och norska studier av ett aktuellt samhällsproblem. Stockholm, 1962.

⁷² Florin C., Nilsson B. Op. cit. P. 45.

⁷³ Ekbohm I. Den kvinnliga fredstanken. Stockholm, 1991. S. 155.

«Наше поколение, первое в истории человечества, обладает всеми ресурсами, чтобы играючи совершить самоубийство. Если человек считает себя вправе ради национальных интересов и иллюзорных требований безопасности применить эти ресурсы, то нарушит естественные природные законы жизни — нашу принадлежность ко всему живому в прошлом, настоящем и будущем»⁷⁴.

И. Торссон считала, что Швеция в международной политике должна выступать за мирное решение конфликтов. «Умеренная линия» отражалась в концепции «свободы выбора», в соответствии с которой государство должно было обеспечить женщинам возможность выбора — быть домохозяйкой или работницей, или создать условия для комбинирования оплачиваемой работы и материнства, в том числе для матерей-одиночек.

Переход к «радикальной линии» в ЖДСШ состоялся после победы на выборах председателя союза в 1964 г. сторонницы И. Торссон 46-летней Лисы Маттсон⁷⁵. «Радикальная линия» идеологии роли полов получила одобрение СДРПШ в 1969 г. после принятия «Доклада о равенстве». В документе говорилось о необходимости обеспечения экономической независимости каждого из супругов для достижения равенства, реализации принципа равной оплаты за равный труд и создании сети дошкольных учреждений с тем, чтобы матери

⁷⁴ Fredsduvan Inga Thorsson [Электронный ресурс]. <http://www.arbarkiv.nu/ur2004-02.htm>

⁷⁴ Till Regeringen. Stockholm den 1 september // Sveriges socialdemokratiska kvinnoförbund. Årsberättelser. 1960–1963 // Arbetarrörelsens Arkiv. Stockholm C. BIBLIOTEKET. S. 57.

⁷⁵ Karlsson G. Mansamhället till behag? Stockholm, 1990. S. 111.

маленьких детей могли беспрепятственно выполнять оплачиваемую работу⁷⁶.

В 1970-е гг. СДРПШ признала равенство полов необходимым условием построения демократического общества, в связи с чем был введен специальный термин *jämställdhet*, «равенство между полами», предложенный Эвой Муберг для того, чтобы отличать его от простого равенства (*jämlikhet*)⁷⁷. Расширенная концепция равенства гармонично сочеталась с экономической программой партии, включавшей расширение государственного сектора за счет притока женских трудовых ресурсов⁷⁸. Таким образом, партия могла обеспечить экономическую независимость женщин, признанную новым лидером партии Улофом Пальме на конгрессе партии в 1972 г., считающемся вехой в истории шведского феминизма⁷⁹. Наконец, мировой экономический кризис середины 1970-х гг., приведший к истощению экономического базиса «шведской модели» государства благоденствия с его универсальной и достаточно щедрой системой социальных пособий и услуг окончательно способствовал переориентации СДРПШ на поддержку семьи из двух работников⁸⁰. Поэтому период 1960–1975 гг. в гендерной истории Швеции И. Хирдман характеризует как «контракт равенства»⁸¹. Для характеристики периода, начавшегося с 1975 года и продолжающегося по настоящее время, исследователь предлагает использовать наименование «контракт гендерного равенства» или «контракт равного статуса»⁸².

⁷⁶ *Jämlikhet: första rapport från SAP-LO:s arbetsgrupp för jämlikhetsfrågor / från partikongressen 1969: Alva Myrdals föredragning: kongressens beslut.* Stockholm, 1969. S. 96–101.

⁷⁷ *Wikander U.* Kvinnokultur, skillnader och sociobiologi // *Kvinnor mot kvinnor. Om systerskapets svårigheter.* Stockholm, 1999. S. 220.

⁷⁸ *Hirdman Y.* Med kluven tunga. S. 285.

⁷⁹ *Antman P.* Den kämpande demokraten — Olof Palmes inrikes politiska idearv [Электронный ресурс]: <http://www.abc.se>. S. 39.

⁸⁰ *Hinnfors J.* Familjepolitik. Samhällsförändringen och partistrategier 1960–1990. Stockholm, 1993. S. 10.

⁸¹ *Hirdman Y.* State policy and gender contracts. P. 41; *Хирдман И.* Указ. соч. С. 234.

⁸² *Hirdman Y.* State policy and gender contracts. P. 38–43; *Хирдман И.* Указ. соч. С. 225–239.

В 1980-1990-е гг. при министерстве труда Швеции были сформированы специальные институты, призванные обеспечить гендерное равенство на рынке рабочей силы, в том числе ведомство омбудсмана по равным возможностям (Jämställdhetsombudsmannen). Законодательное оформление политика равенства полов на рынке труда получила в 1980 г. с принятием Акта о равных возможностях (Jämställdhetslagen), в соответствии с которым работодатель обязывался осуществлять мониторинг и поощрять соблюдение равенства между полами с предоставлением ежегодного отчета о разнице в оплате труда сотрудников и составлением ежегодного плана по достижению гендерного равенства на предприятии⁸³.

В 1988 г. был принят пятилетний план по достижению гендерного равенства на рынке труда, в системе образования, семейной сфере и сфере принятия решений, а в 1996 г. одобрена стратегия «gender-mainstreaming» с целью интегрирования гендерной перспективы во все сферы государственного аппарата и социума. В 2002 г. правительство Швеции одобрило национальную программу достижения гендерного равенства⁸⁴.

В этот же период постепенно реализуется на практике идея о необходимости увеличения представительства женщин в органах власти, уходящая корнями во внутренние дискуссии женских партийных союзов и клубов в годы Второй мировой войны⁸⁵. Объявленный приоритетным в середине 1980-х гг. лозунг «50/50» или «Каждое второе место — для дамы» был впервые в истории Швеции реализован в 1994 г. в правительстве, сформированном лидером СДРПШ Ингваром Ларссоном. Достижение закрепилось в следующем социал-демократическом правительстве, возглавляемом Йораном Перссоном, в котором 11 из 22 постов министров занимали женщины⁸⁶. Между тем, в новом сформированном по итогам

⁸³ Detta är Jämo. Stockholm, 1992. S. 2.

⁸⁴ The Swedish government's national action plan for gender equality. Stockholm: Regeringskansliet, 2003. P. 4.

⁸⁵ Protokoll fört vid möte med Gävle Soc. Dem. Kvinnoklubb, 13.03.1944 // Fölkrorelsernas Arkiv i Gävleborg. Gävle Soc. Dem. Kvinnoklubb, Mötesprotokoll. № 504.

⁸⁶ Kvinnor i riksdagen. Riksdagens faktablad. Stockholm: Sveriges riksdagen, 2005. S. 2.

очередных выборов осенью 2006 г. коалиционном правительстве в составе четырех правых партий (Умеренной коалиционной партии (УКП), Партии центра (ПЦ), Народной партии (НП) и Христианско-демократической партии (ХДП)), из 22 министров 9 женщин. Впрочем, в правительство впервые вошла женщина африканского происхождения Ньямко Сабуни, заняв пост министра интеграции и равенства полов (*integrations och jämställdhetsminister*)⁸⁷. Кроме того, представительство женщин в риксдаге (парламенте) возросло по сравнению с периодом (2002–2006 гг.) на 2%, достигнув 47%, в то время как в 1994 г. этот показатель составлял 43%, а в 1970 г. только 13%⁸⁸. Женское представительство на губернском уровне в законодательных органах, ландстингах, а также в аппарате чиновников на всех уровнях в 2003 г. составило в среднем 40–50%.

В муниципальных органах законодательной власти темпы увеличения женского представительства более скромные. Несмотря на то, что доля женщин в собрании муниципальных уполномоченных в 2003 г. составила 42%, в правлении и на должностях председателей советов — только 36% и 30%⁸⁹. Кроме того, из 21 губернатора, назначаемого на 6 лет правительством, в 2004 г. только 5 были женщинами⁹⁰. Несмотря на то, что Швеция является лидером по женскому представительству в органах принятия решений, важно отметить, что в правлении ЦОПШ, обладающем серьезным политическим весом, оно более скромное (27% в 2003 г.), а деловая элита страны состоит почти исключительно из мужчин⁹¹.

Важным политическим условием реализации политики гендерного равенства стало «новое женское движение» (*den nya kvinnorörelsen*), как называют вторую волну феминистского движения в шведской историографии, импульсом к возникновению которой послужили либеральное и радикальное женское движение США⁹².

⁸⁷ Regeringskansliet [Сайт правительства Швеции]: www.regeringen.se

⁸⁸ Kvinnor i riksdagen. S. 2.

⁸⁹ På tal om kvinnor och män. Lathund om jämställdhet 2004. SCB. Örebro, 2004. S. 91–92.

⁹⁰ Ibid. S. 88.

⁹¹ Ibid. S. 93.

⁹² Schmitz E. Den nya kvinnorörelsen under 1970-talet // Kärlek, makt och systerskap: 30 år av kvinnokamp. Göteborg, 2002. S. 15.

«Новое женское движение» в 1970 гг. в Швеции, ядром которого стала «Группа 8», заимствовало у американских феминисток радикального толка антипатриархатную, неиерархичную, горизонтальную структуру организации. Оно отличалось «умеренным характером», придерживаясь традиционных реформистских способов борьбы, таких как организация «дебатов» и демонстраций⁹³.

Специфика «нового женского движения» заключалась в преобладании в его идеологии идей социалистического феминизма, что в полной мере отражалось в теории о «двойном угнетении» (*det dubbla förtrycket*), разработанной членами «Группы 8». Согласно этой теории, женщина экономически подавлялась капиталистической системой, а идеологически — системой патриархатной⁹⁴. Создание отдельной женской организации объяснялось неспособностью других социалистических организаций решить проблемы женщин в связи с доминированием в них мужчин⁹⁵, назревшей необходимостью учиться работать в группах, проявлять инициативу и принимать самостоятельные решения, чего женщины не умели делать из-за традиционно женского «воспитания» и «культуры»⁹⁶. «Новому женскому движению» удалось стать влиятельной политической силой. Оно ускорило принятие нового либерального закона об абортах в 1974 г. и строительство системы муниципальных детских дошкольных учреждений.

В числе мер, направленных на достижение гендерного равенства в семье, следует также отметить введение в 1971 г. индивидуального налогообложения и преобразование в 1974 г. материнского страхования в родительское, в соответствии с которым один из ро-

⁹³ *Register C. Kvinnokamp och litteratur i USA och Sverige*. Stockholm, 1977. S. 85; Bergman S. *Kvinnor i nya sociala rörelser*. S. 105.

⁹⁴ *Grupp 8: s programförklaring // Kvinnobulletinen*. 1971. № 1. S. 14–15.

⁹⁵ *Matthis I. Kvinnans plats: i hemmet eller i revolutionen? // Ord & bild*. 1971. № 1. S. 66.

⁹⁶ *Protokoll fört vid lokalgruppsmöte City-gruppen 28.10.1970 // Arbetarrörelsens Arkiv*. Stockholm C. BIBLIOTEKET. Grupp 8. Protokoll, PM klipp med mera (1969-1971). ACC. 1983. № 16. См. *Varför behövs självständiga socialistiska kvinnoorganisationer? // Kvinnobulletinen*. 1972. № 2–3. S. 2.

дителей получал право на 180 дней отпуска по уходу за ребенком с компенсацией в размере 90% от заработной платы⁹⁷. В 1979 г. родители маленьких детей получили право на шестичасовой рабочий день без компенсации. В 1995 г. был принят закон об обязательном использовании каждым из родителей ребенка одного месяца в рамках родительского страхования (для отцов он получил название «*pappamånad*», «месяца папы»), в 2002 г. увеличенного до двух месяцев. Новый закон 1998 г. о родительском опекунстве после развода обязывал родителей к совместному опекунству⁹⁸.

В 1980–1990 гг. происходит фрагментация и специализация феминистского движения, его распад на отдельные, несвязанные между собой организации и проекты, сосредоточенные вокруг решения специфических проблем женщин.

Наиболее значительное политическое влияние на формирование государственной идеологии и политики по вопросу насилия над женщинами удалось оказать движению по устройству шелтеров — приютов для женщин-жертв насилия, института заимствованного также из США и Великобритании. К середине 1990-х гг. активистки шелтеров, большинство которых в 1984 г. вошли в Национальную организацию Швеции против насилия над женщинами (НОПНЖ) (*Riksorganisationen för kvinnojourer i Sverige, ROKS*), добились признания «мужского насилия над женщинами» проблемой государственной значимости и включения концепции радикального феминизма о природе насилия над женщинами в государственную программу реализации политики равенства полов. В новейшей программе, принятой в 2003 г., насилие над женщинами признается «манифестацией исторически сложившегося дисбаланса властных отношений в обществе», который привел к «мужскому доминированию» и «дискриминации женщин»⁹⁹.

⁹⁷ В 2002 году закон о родительском страховании претерпел последнее изменение, в соответствии с которым отпуск по уходу за ребенком с компенсацией в 80% от заработной платы предоставлялся на 480 дней, из них 120 дней делятся поровну между родителями.

⁹⁸ *Bergman H., Hobson B.* The coding of fatherhood in the Swedish welfare state // *Making men into fathers. Men, masculinity and the social politics of fatherhood.* Cambridge, 2002. P. 102.

⁹⁹ The Swedish government's national action plan for gender equality. P. 7.

Поскольку экономическая зависимость кризисных центров от муниципалитетов и государства ведет к отступлению от изначально отстаиваемых принципов функционирования и организации (например, от работы волонтеров, неиерархичной структуры, обеспечения анонимности жертвам насилия и др.) движение шелтеров затронуло процесс «профессионализации» и «бюрократизации»¹⁰⁰. Наступление третьей волны феминизма с характерным для нее вниманием к квир-идентичностям обострило противоречия в НОПНЖ между лесбийскими группами (рассматривающими «всех мужчин как насильников» и «животных») и членами гетеросексуальной ориентации более умеренных взглядов¹⁰¹. Этот конфликт, приведший к расколу внутри НОПНЖ, отражает, на наш взгляд, одно из противоречий современного западного феминизма в целом.

Противоречивость феминизма проявилась также в неоднозначности влияния его политической реализации на семью в Швеции. Уже в 1970-е гг. политика в области семьи, проводившаяся СДРПШ, встретила сопротивление, когда Бритой Нордстрём была организована «Кампания в поддержку семьи» («Familjekampanjen»). В письме, адресованном Улофу Пальме, подписанном 63.000 человек, подвергалась критике семейная политика последних лет, «лишавшая дома старых и малых и их родителей»¹⁰². Острой критике со стороны буржуазных партий в составе УКП, ПЦ и ХДП она подверглась в 1990-е гг. Вопрос об организации ухода за маленькими детьми стал основной темой общественно-политических дискуссий.

Указывая на несправедливость получения государственных субсидий в размере 70% только родителями, пользующимися услугами муниципальных детских садов, буржуазные партии отстаивают «свободу выбора», право родителей на альтернативные формы ухода за ребенком. Оппозиция ссылается на результаты американских и шведских исследователей в области психологии и медици-

¹⁰⁰ *Eduards M.* The Women's shelter movement // Towards a new democratic order? Stockholm, 1997. P. 145.

¹⁰¹ ROKS verkar vara splittrat // Kvinnotryck. 2000. № 5. S. 13.

¹⁰² *Nordström B.* Brev till Olof Palme // *Thorgren G.* Grupp 8 och jag, Stockholm, 2003. S. 190.

ны, свидетельствующие о негативных последствиях ранней депривации для психического и физического развития ребенка¹⁰³.

Недовольные семейной политикой СДРПШ граждане, часть которых объединилась в «Союз по защите прав детей» (Föreningen barnens rätt till föräldrarnas tid), утверждают, что государственная монополия на уход за детьми привела к тому, что психологическая неуравновешенность, «тупость» и душевные болезни стали характерными явлениями среди шведской молодежи. Об этом свидетельствуют, кроме прочего, скромная успеваемость шведских школьников¹⁰⁴, рост насилия и численности криминальных элементов, а также тот, что продажа антидепрессантных средств для молодежи возросла вдвое за последние три года. За десятилетний период вдвое увеличилось и количество консультаций в психиатрических отделениях юношества и детства¹⁰⁵. Анализ шведских научно-исследовательских разработок и статистических данных о состоянии здоровья нации свидетельствует о повышенном факторе стресса в жизни шведских детей и широком распространении молодежных фрустраций. Ее признаками стали, в частности, рост суицидов особенно среди молодежи, а также двукратное увеличение потребления антидепрессантных средств гражданами в возрасте от 15 до 24 лет с 1999 по 2002 гг.¹⁰⁶ Доцент в области кардиологии Салгренской больницы г. Гётеборга Петер Верборг основной причиной увеличения фактора стресса в жизни детей, а значит, и общего ослабления здоровья, считает нарушение связей между родителями и детьми и эмоционального благополучия детей:

«Ребенок из бедной страны, который имеет меньше игрушек, но больше времени проводит с родителями, чувствует себя лучше, чем ребенок в государстве благосостояния»¹⁰⁷.

¹⁰³ См. например: National institute of child health and human development (USA) [Электронный ресурс]: <http://secc.rti.org>

¹⁰⁴ Föreningen barnens rätt till föräldrarnas tid. Arkiverade debattinlägg [Эл. ресурс]. — Архивированный материал общественно-политических дискуссий: домашнее воспитание или детский сад? <http://www.algonet.se>

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Folkhälsorapport. 2005. Stockholm, 2005. S. 259.

¹⁰⁷ *Malmström C.* Stress i personligheter // *Medikament*. 2004. № 10–11. S. 57; *Andersson S.* Välfärdsamhällets stress gör barn sjuka // *Politik i Norden*. 2002. № 2. S. 7.

Ослабление психического здоровья молодежи несомненно связано и с процессом деинституционализации семьи, феномена, характерного для Западной Европы, который, однако, в шведских реалиях отличается особой стремительностью¹⁰⁸. Во-первых, как отмечает Ф. Ротенбахер, процесс деинституционализации брака начался в Швеции достаточно рано, около полутора веков назад, о чем свидетельствуют распространение в XIX в. сожительства и рост количества детей, рожденных вне брака¹⁰⁹, доля которых к середине 1990-х гг. достигла 50%¹¹⁰. Во-вторых, следует отметить, что популяризация партнерских договорных отношений между супругами, включающих «переговоры» об удобном графике работы по дому и уходу за ребенком, объем расходования средств каждого из супругов на нужды семьи и др., способствует деинституционализации семьи, поскольку содержит в себе и потенциал для конкуренции между мужем и женой.

По данным на 2003 г. только 19% домохозяйств в Швеции состоят из пар, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке, с одним и более детьми до 17 лет. Домохозяйства из одного родителя с ребенком, матерью и отцом составляют соответственно 4% и 1%. Доля бездетных пар — 28%, 18% женщин и 17% мужчин относятся к одиноким домохозяйствам без детей¹¹¹. Если в 1960 г. домохозяйства с детьми составляли 39,3%, то к 2000 г. этот показатель упал до 24%.¹¹² Количество одиноких домохозяйств с 1960 по 1990 гг. почти удвоилось, увеличившись с 20,2% до 39%¹¹³.

¹⁰⁸ И. Персон отмечает увеличение количества одиноких людей, рост неполных семей и снижение уровня рождаемости. См. *Persson I. Svenska kvinnor möter Europa. Ekonomisk integration och social harmonisering ur ett kvinnorsperspektiv.* Stockholm, 1993. S. 16.

¹⁰⁹ *Rothenbacher F. The European population. 1980–1945.* N.Y., 2002. P. 645.

¹¹⁰ *Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С. История Швеции / Пер. со швед. М., 2002. С. 354.*

¹¹¹ På tal om kvinnor och män. S. 17.

¹¹² Andel hushåll med barn [Электронный ресурс] // SCB. http://www.scb.se/templates/tableOrChart_26350.asp

¹¹³ Ibid.

Количество разводов достигло одного из самых высоких показателей в Европе. Из 40.000 заключенных браков в год около 20.000 заканчиваются разводом, в результате чего каждый четвертый ребенок в своей жизни пережил развод родителей¹¹⁴. Если в период 1946–1955 гг. только 5,5% детей в возрасте 16–17 лет, родившихся в Швеции, пережили развод родителей, к 1999 г. этот показатель составил 25,3%, а 4,8% детей вообще никогда не жили с обоими родителями¹¹⁵.

Реализация политики равенства полов в Швеции имела и позитивные итоги. Были созданы благоприятные условия для профессиональной самореализации женщин на относительно равных условиях с мужчинами, о чем свидетельствуют, в частности, установившиеся на высоком для Западной Европы уровне показатели женской трудовой занятости¹¹⁶. Показатель занятости среди женщин в период 1970–1990-х гг. оставался самым высоким в Западной Европе, составляя 58,4% в 1970 г., 72,4% в 1980 г. и 79,4% в 1990 г. Для сравнения: во Франции эти показатели составили, соответственно, 46,4%, 49,6 и 51%. В последнее десятилетие доля женщин трудоспособного возраста, занятых на рынке труда несколько снизилась, достигнув в 2004 году 70,4%, что, впрочем, ненамного уступает показателю занятости среди мужчин, который составил 73,5%¹¹⁷. Кроме того, значительно возросло участие мужчин в ведении хозяйства и отцов в воспитании детей. В современной Швеции отцовство ассоциируется с непосредственным уходом отца за ребенком, близким общением и эмоциональной связью между ними, что способствует не только всестороннему развитию обоих индивидов, но и гармонизации семейной жизни.

¹¹⁴ Allt fler har upplevt en separation [Электронный ресурс] // SCB www.scb.se/templates/tableOrChart_27475.htm

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Report on equality between women and men 2005. Luxembourg, 2005. P. 16.

¹¹⁷ Nationalräkenskaper 1999–2004. Sveriges officiella statistik. Statistiska meddelanden. SCB. 2005. № 10. SM 0501. S. 30.

Между тем, высокий статус и социальная значимость женщин определяется их участием на рынке труда и в общественно-политической сфере, в то время как «активное» материнство рассматривается скорее как препятствие на пути достижения гендерного равенства, что снижает статус женщины как матери. В последние годы иммиграция обеспечивает прирост населения: в настоящий момент около 20% жителей страны являются либо иммигрантами, либо потомками иммигрантов. 25% населения в возрастной категории 0-19 лет либо иммигрировали в Швецию, либо, по крайней мере, один из родителей является иммигрантом¹¹⁸.

Резюмируя, следует отметить, что сама специфика исторического развития шведского государства состояла в том, что женщины играли существенную роль в экономическом развитии страны, которая оставалась важной и при переходе к индустриальному обществу вследствие ранней коммерциализации деревни, protoиндустриализации и малочисленности класса буржуазии. Поэтому феминизм, тесно связанный с идеей экономической независимости женщин и ее права на оплачиваемую работу, имел в Швеции беспрецедентный успех.

Существенными факторами формирования «государственного феминизма» в Швеции в XX веке стали политическое доминирование СДРПШ, прямая заинтересованность шведских промышленников и профсоюзов в масштабном привлечении женщин на рынок труда. Особо следует отметить рост влияния общественно-политического движения за изменение социальных ролей полов в 1960-е годы, значительную роль «нового женского движения» 1970-х гг., способствовавшего ускорению и углублению преобразований в сфере политики гендерного равенства, и движения шелтеров 1980–1990-х гг., политическим достижением которого стало возведение проблемы насилия над женщинами в ранг государственной.

Совместным действиям государства, промышленников и профсоюзов в кампании по привлечению женщин на рынок труда и плодотворному взаимодействию государства и феминистских об-

¹¹⁸ På tal om kvinnor och män. S. 13.

ественных организаций способствовали традиционные для Швеции политическая культура консенсуса и корпоративизм.

Шведский феминизм за свою более чем вековую историю прошел от отстаивания идеи особой женской, материнской миссии в публичной сфере к концепции одинаковых социальных ролей мужчин и женщин в обществе, конституирующих основу идеологии «государственного феминизма». Впрочем, тем самым, шведский феминизм продемонстрировал приверженность западной традиции, основывающейся на признании превосходства публичной сферы над частной. Равенство полов в Швеции достигается за счет дальнейшего перенесения функций семьи в публичное пространство при сужении и нивелировании частной сферы, снижении ее социального значения и социализирующей функции.

Плакат с названием «легендарной» «Группы 8» и ее символикой в виде знака, символизирующее женское начало с кулаком и лозунгом «Одна женщина – просто раб», призванного подчеркнуть необходимость объединенных усилий и действий, солидарной женской борьбы, «сестринства». (экспонируются на выставке «Любовь, власть и сестринство: 30 лет женской борьбе», открывшейся 8 марта 2002 г. в «Арбететс музеум» в Норчёпинге).

Плакаты «нового женского движения» 1970-х гг. с лозунгами «6-часовой рабочий день для всех!», «Равная оплата за равный труд!», «Любовь, сестринство и революция!», «Не трогай закон об абортках!» экспонируются на выставке «Любовь, власть и сестринство: 30 лет женской борьбе», открывшейся 8 марта 2002 г. в «Арбететс музей» в Норчёпинге

И. Р. ЧИКАЛОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПРОЕКТЫ ГЕНДЕРНЫХ РЕФОРМ В США

Ко времени появления нового женского движения и республиканцы, и демократы не рассматривали женщин в качестве достойного внимания участников политической жизни. Тем не менее, в 1970-е гг. обе партии под влиянием феминистского движения подключились к дискуссии по всем направлениям реформирования гендерной системы. Наиболее острые споры, инициированные феминистками/ами и их противниками/цами и перенесенные во внутрипартийную жизнь, разворачивались прежде всего по поводу принятия *Поправки о равных правах* к Конституции США, предоставления и сохранения *права на аборт* и политики *аффирмативных действий*¹.

Поправка о равных правах к Конституции США впервые поступила на рассмотрение Конгресса в 1923 г., но была отвергнута. В 1969 г. она опять появилась в политической повестке благодаря *Национальной организации женщин*. В 1972 г. *Поправка* была принята в Конгрессе страны. С этого момента для ее сторонников принципиальным стало включение этой поправки в платформы политических партий и развертывание движения за ее ратификацию 38 штатами. Несмотря на поддержку со стороны президентов Никсона и Форда, *Поправке* противостояла сильная оппозиция консервативного республиканского большинства в законодательных органах многих штатов. В то время как ее сторонники пытались устраивать экономический бойкот штатов, отказавшихся ее ратифицировать, противники организовывались под лозунгом «*STOP ERA*». С избранием в 1980 г. на президентский пост ее противника Рональда Рейгана и исключением требования *Поправки* из партийной платформы Республиканской партии ее судьба была предрешена: к 30 июня 1982 г. для вступления в силу ей не хватило ратификации тремя штатами.

¹ Англ.: Affirmative Actions. Affirmative — утвердительный, положительный.

Одновременно с борьбой за принятие *Поправки о равных правах* и особенно после ее провала в центре столкновений оказалась проблема защиты репродуктивных прав женщин, осуществление и сохранение антидискриминационного законодательства в этой сфере. Аборт, начиная с середины XIX в. поставленный вне закона большинством штатов, стал легальным в 1973 г. благодаря решению Верховного Суда «*Ро против Вейд*». Принятие закона означало признание основополагающего права женщин контролировать свое тело. Сохранение закона стало следующим пунктом программы женского движения, ибо сразу же евангелические консервативные группы выступили за отмену решения Верховного Суда. При этом языковые средства сами стали силой, способной оказывать подсознательное влияние на политическую мысль и на предпочтения избирателей. Две стороны дебатов редко пользуются термином «аборт» и определяют себя как приверженцев позиции «*pro-life*» (за жизнь) или «*pro-choice*» (за выбор): как невозможно покушаться на «жизнь», так и проблематично не поддерживать в демократическом обществе право на «выбор».

Третьим направлением активности демократического и феминистского движения стало введение, расширение, а в дальнейшем — сохранение политики *аффирмативных действий*. На практике она представляет собой комплекс специальных программ, расширяющих возможности для традиционно дискриминируемых групп (по причине расы, пола или каким-либо иным признакам) в области образования, на рабочем месте, в политике, бизнесе и других социальных сферах. В связи с развернувшимися острыми дебатами по этому поводу республиканцы и демократы должны были определить свое отношение к вопросам паритетного представительства мужчин и женщин внутри самих партийных структур и принять соответствующие решения.

Было бы заблуждением думать, что все американки разделяли требование *Поправки о равных правах*, признавали право на репродуктивную свободу и добивались проведения программ *аффирмативных действий* или, что все мужчины находились к ним в оппозиции. Водораздел в плане персонального отношения к этим вопросам пролегал по линии партийной и религиозной принадлежности.

Наиболее последовательными и активными сторонниками принятия *Поправки о равных правах*, введения программ *аффирмативных действий*, участниками движения «за выбор» были феминистские организации, многочисленные и неоднородные. Тактики достижения ими конкретных целей не всегда совпадали, что проявлялось, например, в объявлении себя то двухпартийными, то однопартийными группами. Часть феминисток не отчуждала себя от политических партий, но относилась к ним с подозрением, как к закрытым для женщин мужским бастионам, и не видело большого будущего в развитии электоральной стратегии. В 1966 г. была создана во главе с Бетти Фридан и Элеонор Смил *Национальная организация женщин*², выросшая до 250 тыс. членов, с отделениями во всех штатах. Она стала самой большой и одной из наиболее успешных феминистских организаций в США³. Она защищала доступность аборта, а с течением времени в коалиции с другими группами стала работать над продвижением большего числа женщин в общественные структуры⁴. Некоторые участники группы (Белла Абзуг и Ширли Чишолм) были избраны в Конгресс, а другие (Глория Стайнем и Бетти Фридан), в конце концов, пришли к выводу, что политические партии могут обеспечить наилучшие возможности для продвижения их целей. На неформальной конференции в Вашингтоне в 1971 г. они создали *Национальный женский политический кокус* во главе с Айрис Митганг⁵. С момента основания он в качестве задачи рассматривал вовлечение женщин в политические структуры и реализацию феминистских целей в общественной политике⁶.

Новая генерация женских организаций появилась в конце 1980-х — 1990-е гг. В 1987 г. были основаны *Фонд феминистского*

² The History of the National Organization for Women. Washington, D.C.: National Organization for Women, 1997. P. 1.

³ NOW Pressrelease. Washington D.C.: National Organization for Women. November 27, 1996. P. 1.

⁴ The History of the National Organization for Women. P. 1.

⁵ NWPC Overview // Information Packet. Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1999. P. 1.

⁶ What is the National Women's Political Caucus? Washington, D.C.: National Women's Political Caucus, 1997. P. 1.

большинства⁷ и связанное с ним *Феминистское большинство*⁸. Президентом обеих организаций стала Элеонор Смил, бывший руководитель *Национальной организации женщин*. Название было выбрано под впечатлением от результатов опроса журнала *Newsweek* совместно с *Институтом Гэллага*, показавшего, что большинство американок в стране (56%) идентифицируют себя в качестве феминисток⁹. Опросы показывали, что это большинство будет расти, так как феминистками себя считали 2/3 молодых женщин. Большинство мужчин, особенно молодых, тоже высказывали поддержку движению за женские права. Организация поставила целью обеспечение развития общества на принципах равенства, ненасилия, социальной справедливости, роста феминистского участия в общественной политике, в сфере принятия решений на всех уровнях. В 1991 г. Пег Йоркин, сооснователь и председатель правления *Фонда феминистского большинства*, передала организации 10 млн. долларов. Этот взнос запомнился как самый крупный в истории движения за женские права¹⁰.

Сразу после съездов 1972 года Демократической и Республиканской партий *Национальный женский политический кокус* решил институализировать свою работу в политических партиях с помощью групп внутрипартийных активисток, организованных в *оперативные группы*¹¹. В 1974 и 1975 гг. соответственно были созданы демократическая и республиканская *оперативные группы*. Если первая всегда проявляла лояльность руководству *НЖПК*, то вторая часто вела себя независимо, и на практике не более 12 активисток либерального крыла партии осуществляли в ней работу и принима-

⁷ The Feminist Majority Foundation. 1987, 1990, 1991–1999. Washington D.C.: Feminist Majority Foundation, 1999. P. 1.

⁸ The Feminist Majority. P. 1.

⁹ That Name: Feminist Majority. Washington D.C.: Feminist Majority Foundation, 1997.

¹⁰ The Feminist Majority. P. 2.

¹¹ Freeman J. Who You Know Vs. Who You Represent: Feminist Influence in the Democratic and Republican Parties // The Women's Movements of the United States and Western Europe: Feminist Political Opportunity and Public Policy. Philadelphia, 1987. P. 220.

ли решения. Поскольку же *НЖПК* состоял главным образом из демократов, это часто приводило к конфликтам и закончилось исключением республиканок из *Кокуса*.

Хотя обе партии объявляли о поддержке идеи равных прав и возможностей для женщин, фактически они оказались на противоположных полюсах: с середины 1980-х гг. демократы стали ассоциироваться с феминистской позицией, а республиканцы — наоборот. Влияние женского движения на обе партии тоже проявлялось по-разному. С момента основания *Национальный женский политический кокус* оказывал заметное влияние на правила и деятельность Демократической партии, но весьма ограниченное в отношении продвижения феминистских реформ внутри Республиканской. Во многом это объясняется более консервативной природой последней, а также существующими различиями в методах руководства, способах достижения политических целей и воздействия на электорат. В отношении женских требований борьба в политических партиях разворачивалась не столько между мужчинами и женщинами, сколько между носителями противоположных идеологий — феминизмом и антифеминизмом.

Принято считать, что обе партии не демонстрируют больших различий в политических целях, однако разница проявляется во взглядах на методы их достижения и в политической культуре. Отношения внутри Демократической партии основаны на широкой властной базе, а не на абсолютном подчинении лидеру. Круг лиц, входящих в партийную элиту, включает значительное количество общественных деятелей и лидеров «групп интересов». В соответствии с этим руководящие партийные функционеры не теряют влияние вместе с переменой лидера до тех пор, пока убедительно доказывают, что представляют в партии значительное объединение своих сторонников. Демократическая партия состоит из групп избирателей, которые отождествляют себя прежде всего с определенной общностью (афро-американцы, испано-американцы, женщины и т.д.) и только потом с партией. Они выступают в качестве важных блоков избирателей. Демократическая партия учитывает их интересы и к ним апеллирует на выборах.

В Республиканской партии также имеются компоненты, подобные группам избирателей, как у демократов, но они не столь важны, так как не являются основными структурными единицами партии. Ее базовыми составными частями стали четко структурированные местные партийные организации — партии штатов. Они играют роль основных каналов распространения информации о политической линии партийных лидеров и мобилизации электората в ее поддержку. В отличие от независимых групп внутри Демократической партии местные организации Республиканской партии существуют исключительно в качестве внутренних партийных механизмов. Такие идеологические фракции партии, как *Национальная федерация республиканских женщин*, *Национальный совет черных республиканцев*, *Коалиция евреев* имеют целью вовсе не представлять партии взгляды этих групп, а рекрутировать и организовывать объединяемые ими группы населения для работы в качестве помощников партии. Республиканская партия видит себя в качестве органичного целого, чьи части взаимозависимы. Власть в ней строится по вертикали. Лидерство принадлежит ограниченному числу лиц, обычно ключевым сенаторам и губернаторам. Устойчивость персональной позиции внутри партии напрямую зависит от связей с лидером. Президент-республиканец обладает монопольным влиянием на партию. От республиканских функционеров требуется быть хорошими «солдатами», подчиняющимися своим лидерам.

В Демократической партии успех отдельных ее лидеров во многом связан с поддержкой социальной, расовой, этнической и др. группы, чья идентификация наиболее очевидна (афро-американцы, испано-американцы, женщины). Если Демократическая партия добивается власти, то и входящие в состав поддерживающих ее групп лица получают больше назначений и лучшие перспективы для решения своих проблем. Поэтому шансы участников социальных движений предпочтительнее в Демократической партии, нежели в Республиканской. Например, *Национальный женский политический кокус*, несмотря на стремление с момента основания действовать как межпартийная группа, играл более весомую роль именно у демократов.

По обеспечению внутренней жизнедеятельности и работы с делегатами съездов партии также отличаются друг от друга. Демократы в 1970-е гг. начали процесс внутренних реформ. Под влиянием феминистов велись дебаты о выборе делегатов на будущие национальные съезды на основе равного представительства мужчин и женщин. Внутрипартийные реформы 1970-х гг. привели к образованию в рамках Национального комитета Демократической партии трех отдельных комиссий по пересмотру порядка отбора делегатов. Целью было сделать партию более открытой для участия разных групп населения.

Первая комиссия МакГоверна-Фрейзера, действовавшая в 1969–1971 гг., завершила работу директивой ввести квоты для меньшинств, женщин и молодежи при отборе делегатов на национальный съезд 1972 года, т.е. для тех групп населения, которые чувствовали себя дискриминированными при отборе на предыдущие съезды¹². Никогда до этого перед местными партиями не выдвигались подобные жесткие условия и даже влиятельной делегации Иллинойса было отказано в аккредитации на съезде за нарушение правил. ДНК накануне съезда также одобрил требование равного представительства мужчин и женщин, работающих в постоянных комитетах, а также среди сотрудников съезда¹³.

В связи с тем, что лидеры демократических партий штатов восстали против политики квот, в 1973 г. была сформирована новая комиссия под руководством Барбары Микалски для дальнейшей модификации порядка отбора кандидатов на съезд¹⁴. Комиссия предложила вместо «квот» использовать *аффирмативные действия*. По существу, речь шла просто об употреблении иной терминологии при преследовании тех же целей. Одобренный в 1974 г. Устав партии объявил *аффирмативные действия* легитимными для обеспечения полного участия всех групп населения, включая женщин, в партийных делах и в процессе отбора делегатов на съезд:

¹² Maisel L. S. Political Parties and Elections in the United States: An Encyclopedia. Vol. 1. N.Y., L.: Garland Publishing, Inc., 1991. P. 256.

¹³ The Encyclopedia of the Democratic Party / Ed. G. Kurian. Vol. 3. N.Y., 1997. P. 448.

¹⁴ Maisel L. S. Op. cit. Vol. 1. P. 256.

«национальная партия и партии штатов одобряют и имплементируют эти программы с тем, чтобы добиться их представительства в соответствии с присутствием в электорате»¹⁵.

Подчеркивалось, что обеспечение паритетного представительства мужчин и женщин не будет достигаться путем введения квот на любом уровне селекционного процесса или в партийных делах, но достижение на практике представительства в соответствии с пропорциональным соотношением в электорате не будет считаться квотой¹⁶. Принципы формирования Демократического национального комитета в соответствии с одобренным Уставом также стали основываться на соблюдении паритета в представительстве в его составе мужчин и женщин¹⁷. Такое же требование выдвигалось при распределении мест в Исполнительном комитете ДНК: были предложены специальные правила по избранию четырех членов ИК от региональных кокусов ДНК и десяти членов ИК из состава ДНК¹⁸. Президент *Национальной федерации демократических женщин* и Председатель *Женского кокуса ДНК* по должности тоже вошли в Исполнительный комитет.

Наконец, комиссия ДНК по президентским выборам и партийной структуре под руководством Уайнград, действовавшая в 1977–1978 гг., предложила, чтобы все делегации на съезд были представлены в равной степени мужчинами и женщинами¹⁹, хотя при этом термин «квоты» не использовался. Демократический национальный комитет в декабре 1979 г. одобрил это предложение²⁰. Таким образом, при отборе кандидатов на съезд 1980 года действовало новое официально принятое условие: все делегации штатов долж-

¹⁵ Charter and By-Laws of the Democratic Party of the United States. Washington D.C.: Democratic National Committee, 1997. P. 7.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 3.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Maisel L. S. Op. cit. Vol. 1. P. 256.

²⁰ Freeman J. Feminism vs. Family Values. Women at the 1992 Democratic and Republican Conventions // Political Science and Politics. March, 1993. Vol. 26, № 1. P. 25.

ны наполовину состоять из женщин²¹. С тех пор выборы делегатов на все последующие национальные съезды обеспечивали равное представительство мужчин и женщин без использования понятия «квоты» в официальной терминологии. Указанное положение закреплено в действующем Уставе партии²².

Внутрипартийные реформы республиканцев затронули лишь организационную сферу. Начали публиковаться новые партийные издания, проводиться семинары и консультации с кандидатами на выборные посты, анализировались итоги выборов, т.е. осуществлялись мероприятия, которыми в других странах всегда занимались национальные комитеты. Республиканская партия в сравнении с Демократической действовала более успешно в привлечении средств во время избирательных кампаний. В то же время партия никогда не требовала равного представительства женщин и мужчин на съездах. Республиканский национальный комитет практически ничего не предпринял, чтобы сделать процесс отбора кандидатов более открытым. Республиканцы продолжали отрицательно относиться к введению квот для избрания делегатов местными партиями на национальный съезд. Республиканский национальный комитет в 1975 г. разрешил партиям штатов по-своему интерпретировать идею наиболее эффективного достижения равного представительства мужчин и женщин на съездах, после чего Республиканская партия больше не возвращалась к этому вопросу.

Различия в политической культуре Республиканской и Демократической партий во многом объясняют контраст как в отношениях с феминистскими группами во внутрипартийной жизни, так и в целом между партиями по проблемам женского и феминистского движений. От съезда к съезду у республиканцев феминисты чувствовали себя все более в позиции аутсайдеров. На форумах демократов они, наоборот, постепенно превращались в легитимную часть партии. В связи с этим обратимся к политическим решениям

²¹ How to Participate in the 1980 Delegate Selection Process. Prepared by the Office of Party Affairs and Delegate Selection. Washington D.C.: Democratic National Committee. June, 1979. P. 2.

²² Charter and By-Laws of the Democratic Party of the United States. P. 3.

Республиканской и Демократической партий по проблемам, связанным с борьбой вокруг *Поправки о равных правах*, отношением к *репродуктивной свободе* и *аффирмативным действиям*.

Республиканская партия до 1970-х гг. относилась более благосклонно к проблеме продвижения политических и социально-экономических прав женщин. Она первая из национальных партий поддержала суфражизм: контролируемые республиканцами законодательные органы штатов в конце XIX — начале XX вв. активно продвигали женские права. Начиная с 1940 г. партия включала в платформу требование *Поправки о равных правах*²³. С 1944 г. она (впрочем, как и Демократическая) установила порядок, согласно которому в *Комитете по платформе* половина мест должна быть предоставлена женщинам при условии, что они являются делегатами съезда²⁴. Республиканская партия первой в 1960 г. приняла решение о том, что женщины и мужчины должны иметь равное представительство во всех комитетах партийного съезда²⁵. После отставки Никсона впервые на протяжении 1974–1977 гг. Республиканский национальный комитет возглавляла сторонница программ *аффирмативных действий* Мэри Смит²⁶. С тех пор до конца 1990-х гг. ни в одной из партий женщина не руководила ею в качестве единственного председателя, хотя женщины впоследствии избирались сопредседателями и заместителями председателей партий.

Увеличение присутствия женщин до 30% на съезде республиканцев, состоявшемся в 1972 г. в Майами-Бич, отражало рост популярности женского движения в стране²⁷. Платформа партии содержала объемный раздел «Равные права для женщин». В нем перечислялись успехи республиканской администрации в продвижении прав женщин, в том числе в осуществлении программ *аф-*

²³ The Encyclopedia of the Republican Party / Ed. G. Kurian Vol. 2. P. 438.

²⁴ Freeman J. Feminism vs. Family Values. P. 24.

²⁵ Women at the Democratic and Republican National Conventions: An Historical Overview. Fact Sheet. Center for the American Woman and Politics (CAWP). Eagleton Institute of Politics. Rutgers University, 1998. P. 1.

²⁶ Republican Women are Wonderful. Washington D.C.: National Women's Political Caucus, 1980. P. 1.

²⁷ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

фирмативных действий. Платформа поддерживала необходимость соблюдения принципа равных прав и возможностей и требование *Поправки о равных правах* к Конституции США²⁸. Однако дальше этих требований партия не пошла, более того, совершила поворот вправо. Сразу после съезда внутри нее стало расширяться антифеминистское движение, организованное под лозунгами исключения из платформы требований *Поправки о равных правах, права на аборт и аффирмативных действий*. В октябре 1972 г. республиканская активистка Филлис Шлафли создала движение «*STOP ERA*». В течение года к нему подключился ряд правых организаций: *Общество Джона Берча, Про-Америка Инкорпорейтид, Христианский крестовый поход, Молодые американцы за свободу*, а также религиозные организации правого толка. Шлафли стала главным идеологом консерваторов в вопросах, относившихся к роли женщин в американском обществе.

На съезде 1976 г. вновь развернулась борьба по поводу сохранения в партийной платформе требования *Поправки о равных правах*. Противостояние фундаменталистов и профеминистов по поводу *Поправки* провело водораздел между сторонниками и противниками претендовавших на президентский пост Джеральда Форда и Рональда Рейгана. Супруга президента Бетти Форд была активной сторонницей *Поправки* и использовала роль первой леди государства для продвижения как *Поправки*, так и других инициатив женского движения. С президентской кампанией Форда на съезде 1976 г. были связаны все активные участники республиканской феминистской *оперативной группы*. Феминисты рассматривали содействие переизбранию Форда на пост президента в качестве важнейшего вклада в женское движение. С его поддержкой они надеялись сохранить *Поправку* в платформе партии, против чего выступали сторонники Рейгана. Вдохновленные победой движения против *Поправки* в отдельных штатах, рейганисты настаивали на ее изъятии из партийной платформы. В конечном счете, требование *Поправки* осталось. Но произошло это не столько благодаря дея-

²⁸ 1972 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party / Ed. G. Kurian. Vol. 2. P. 628.

тельности феминисток, сколько из-за того, что Рейган не собирался разворачивать на съезде полемику по этому вопросу. Таким образом, формулировка «Республиканская партия подтверждает поддержку ратификации *Поправки о равных правах*» сохранилась в платформе до 1980 г.²⁹

Не менее жесткая борьба на съезде велась относительно *репродуктивных прав* и программ *аффирмативных действий*, которая закончилась принятием съездом антифеминистского итогового документа. Проект платформы поддерживал конституционную поправку, гарантирующую право на жизнь. Во время обсуждения поступило предложение снять все упоминания об абортах, но после дебатов было решено сохранить первоначальный вариант³⁰. В итоге платформа критиковала решение Верховного суда и объявляла о поддержке усилий по «введению в действие конституционной поправки по восстановлению защиты права на жизнь нерожденных детей»³¹. Хотя платформа 1976 г. заверяла в верности принципу равных прав, возможностей и ответственности для женщин, вместо поддержки в ней содержалась критика программ *аффирмативных действий*, которые она ассоциировала с квотами³².

В работе очередного съезда 1980 г. в Детройте женщины (29% от делегатов) были мало заметны³³. На нем не было большинства из феминисток, проявлявших активность на предыдущих двух форумах. Некоторые из них покинули партию и получили назначения в администрации Картера, а потому не могли участвовать в съезде республиканцев; другие не хотели находиться в атмосфере, которая обещала быть враждебной по отношению к их целям. Несмотря на неприятие внутривнутрипартийных групп со специфическими интересами, в партии выросла влиятельная группировка *Новые Христианские правые*. Ответы на анкету, разосланную делегатам съезда рес-

²⁹ 1976 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 643.

³⁰ The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 438.

³¹ 1976 Republican National Platform. P. 644.

³² Ibid.

³³ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

публиканской *оперативной группой*, были разочаровывающими: трое из четырех делегатов находились в оппозиции к *Поправке о равных правах*³⁴. В результате, требование *Поправки* было убрано из платформы партии голосованием в *Комитете по Платформе* при соотношении голосов 90 к 9³⁵. В *Платформе* осуждалось давление, которое федеральные ведомства оказывали на штаты, отказывавшиеся ратифицировать *Поправку*³⁶. В то же время она содержала пространный раздел «Женские права», в котором заверяла избирателей в верности принципу равных прав и возможностей для женщин и перечисляла назревшие для немедленного разрешения проблемы в сфере их занятости, оплаты, образования³⁷. Она окончательно отказалась от поддержки *аффирмативных действий*, заявляя, что равенство возможностей не может основываться на квотах и численных требованиях, на исключении одних за счет других, поскольку подобные требования сами по себе являются дискриминационными³⁸. На съезде Рональд Рейган стал главной фигурой в усилиях «*pro-life*» групп вынудить Республиканскую партию занять жесткую позицию по отношению к абортам. Ему оппонировал Джордж Буш-старший, который выступал против их запрета³⁹. Одобренная *Платформа* поддерживала «конституционную поправку, которая бы восстанавливала право на жизнь нерожденных детей» и другое законодательство, отменяющее решение Верховного суда «*Ро против Вейд*»⁴⁰. Партия рекомендовала назначать на должности верховных судей только тех, кто занимал «*pro-life*» позицию. Начиная с 1980 г., недовольные легализацией абортот христиане-евангелики стали смещаться в сторону республиканцев, симпатизируя взглядам Р. Рейгана.

³⁴ Freeman J. Who You Know Vs. P. 220.

³⁵ Idem. Feminism vs. Family Values. P. 26.

³⁶ 1980 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 666.

³⁷ Ibid. P. 666–667.

³⁸ Ibid. P. 667.

³⁹ The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 1. P. 201.

⁴⁰ 1980 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 668.

Съезд республиканцев 1984 года в Далласе существенно отличался от предшествовавших. Антифеминисты прочно закрепили свое присутствие в партии, заняв положение инсайдеров в президентской кампании. Ф. Шлафли получила место в *Подкомитете по национальной обороне* и в *Комитете по платформе*. Трактовка женских вопросов в проекте платформы была продиктована правыми организациями *Моральное большинство*⁴¹ и *Игл Форум*. Шлафли влияла на содержание всех документов, вырабатывавшихся в других комитетах через сторонников *Игл Форум*. Республиканки-феминистки бойкотировали съезд из-за практической бесполезности участия в нем. Поскольку администрация Рейгана относилась к феминистским организациям как к ставленникам демократов, многие симпатизировавшие им республиканки старались держаться на безопасной дистанции от *Национального женского политического кокуса*. В свою очередь некоторые участницы *НЖПК* тяготились ситуацией, в которую попали те республиканки, которые хотели оставаться лояльными к партии. Поэтому республиканская *оперативная группа* организационно самораспустилась. Ее бывшие участницы чувствовали отчуждение одновременно и в партии, и в женском движении.

Несмотря на практически полное организационное и индивидуальное исключение феминисток из Республиканской партии, никогда прежде женские вопросы не занимали столько места в партийной платформе. В 1983 г. был даже восстановлен *Женский отдел* партии. Он профинансировал многочисленные конференции и брифинги, создание женских сетей, подготовку агитаторов и из-

⁴¹ С англ. Moral Majority — политическая организация христианских фундаменталистов, основанная в 1978 г. телевизионным евангелическим проповедником Джерри Фолвеллом. Эта организация поддерживала крайне правых республиканских кандидатов, выступала против аборт и прав сексуальных меньшинств, поддерживала обязательную молитву в школах. Организация была важной силой в избрании Рональда Рейгана президентом и продвижении других консервативных политиков в 1980 г. В 1986 г. группа изменила наименование на Liberty Federation. Наименование Moral Majority также используется для характеристики правого крыла американского общества, которое считает, что аборт должны быть поставлены вне закона.

дание множества материалов, пропагандировавших политику Рейгана в отношении женщин. Хотя Республиканская партия не требовала равного представительства на съезде, 44% его делегатов были именно женщины⁴². Они же составили третью часть главных ораторов. На съезде проходили специальные приемы и обеды, организованные информационной службой женщин-республиканок. Впервые в пресс-центре съезда был создан специальный стенд для предоставления информации по проблемам женщин.

Одобренная *Платформа* даже активней, чем Демократическая, заявляла о необходимости предоставления женщинам социальной помощи и специальных ресурсов для избрания. В остальном Республиканская партия приняла антифеминистские документы по всем ключевым проблемам. *Поправка о равных правах* не упоминалась. Язык в отношении *аффирмативных действий* стал более жестким⁴³. Если в *Платформах* 1976 г. и 1980 г. тема аборта либо включалась в раздел «Женщины», либо находила специальное, самостоятельное отражение, то в 1984 г. она была включена в главу «Наша конституционная система». Рональд Рейган стал героем «религиозных правых». Платформа приветствовала действия Рейгана по назначению судей — противников аборт и подтверждала будущую поддержку назначения судей всех уровней с учетом их позиции в отношении репродуктивных прав.

«Нерожденный ребенок имеет фундаментальное индивидуальное право на жизнь, которое не может быть нарушено. Мы подтверждаем нашу поддержку поправке к Конституции о человеческой жизни, ... выступаем против использования общественных средств для аборт и прекратим финансирование организаций, которые защищают или поддерживают аборт», — заявляла Платформа⁴⁴.

Так, на республиканском съезде 1984 г. в Далласе окончательно сформировались концептуальные подходы к «женскому вопро-

⁴² Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

⁴³ 1984 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 725.

⁴⁴ Ibid. P. 729.

су», складывавшиеся на протяжении предшествовавшего десятилетия. Поражение феминистов было очевидным.

На партийном съезде 1988 года, на котором женщины составляли 35%⁴⁵, было особенно много христиан-евангеликов. И хотя впервые председателем *Комитета по Платформе* была женщина (губернатор Небраски Кей Опп), она, тем не менее, занимала «*pro-life*» позицию. Темой дня вновь стало обсуждение права на аборт — пункт, внесенный в повестку как «поправка о человеческой жизни». Многие прежние республиканские феминистки либо уже не были связаны с партией, либо вошли в команду Дж. Буша и не были заинтересованы в продвижении вопросов, которые могли бы вызвать разногласия. За 10 лет отношение Буша к абортам полностью трансформировалось: от оппозиции к поддержке конституционной поправки, запрещающей аборт, и, наконец, до объявления аборта криминальным и призывам наказывать врачей, как это делалось до принятия Верховным судом решения «*Ро против Вейд*»⁴⁶. Поэтому сложилась в основном новая группа женщин и мужчин, которые выступали против «поправки о человеческой жизни» в республиканской платформе и старались убрать формулировки типа «нерожденный ребенок имеет фундаментальное право на жизнь, на которое нельзя посягать». Они, однако, проиграли в комитете 55 голосами против 32⁴⁷.

Язык *Платформы* 1988 г. в отношении репродуктивных свобод стал еще жестче: она заявляла полную поддержку назначений Рейганом судей на основе «уважения семейных ценностей и святости невинной человеческой жизни»⁴⁸. *Платформа* уделяла беспрецедентное внимание проблеме усыновления посредством создания специальной президентской *оперативной группы* и обещала облегчить процесс усыновления семьям, основывавшимся на традиционных ценностях. Впервые республиканская *Платформа* содержа-

⁴⁵ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

⁴⁶ The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 1. P. 201.

⁴⁷ Freeman J. Feminism vs. Family Values. P. 25.

⁴⁸ 1988 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 755.

ла параграф «Усыновление» в разделе «Сильные семьи и сильные коммуны». Объявлялась поддержка усилиям религиозных и частных организаций, предлагавших альтернативы абортам в виде физической, эмоциональной, финансовой поддержки беременных женщин и предоставления услуг по усыновлению в случае необходимости⁴⁹. Съезд 1988 года сохранил отрицательное отношение к *аффирмативным действиям*, которые в *Платформе* именовались «квотами» и объявлялись несправедливыми и дискриминационными⁵⁰. Лишь в одном случае *Платформа* использовала феминистские лексические средства, в частности, заявляя о недопустимости для женщин оставаться гражданами «второго класса».

На съезде республиканцев 1992 г. в Хьюстоне ультраконсервативная группа *Новые Христианские правые* обладала такой же гегемонией в определении социальных вопросов внутри Республиканской партии, как и либеральные группы избирателей внутри Демократической. Ф. Шлафли более не являлась ключевой фигурой на съезде. Но она уже была своего рода национальной знаменитостью, выигравшей кампанию «*STOP ERA*». Это позволило ей трансформировать движение «*STOP ERA*» в *Республиканскую Национальную коалицию за жизнь*, поставившую цель объявить аборт вне закона. Конечный смысл партийного видения женских проблем, продемонстрированный на съезде в Хьюстоне, мог уложиться в короткую фразу: «*семейные ценности*». Хотя Платформа республиканцев и не включала эту фразу, сам документ и выступления на съезде демонстрировали, что программа и политика партии нацелены на традиционную, состоящую из двух родителей, семью, в которой муж является добытчиком, а жена — заботливой хозяйкой⁵¹. В платформу вошел весь набор требований, с которыми республиканцы выиграли предыдущие выборы. Глава «Права женщин» отсутствовала. Установка на «традиционные семейные ценности», включавшие нерабо-

⁴⁹ Ibid. P. 751.

⁵⁰ Ibid. P. 755.

⁵¹ 1992 Republican National Platform // The Encyclopedia of the Republican Party. Vol. 2. P. 790–801.

тающую мать-домохозяйку, в 1980-1990-е гг. отвернула от партии значительную часть женщин.

Демократы первоначально находились в оппозиции к суфражистскому движению и были более консервативны в женском вопросе. Представительство женщин на съездах Демократической партии (как, впрочем, и Республиканской) в 1950-1960-е гг. варьировалось от 10 до 17%⁵². Но начиная с 1970-х гг. ситуация стала постепенно меняться. Демократическая коалиция в качестве широкого неформального объединения демократических сил включила в себя движения новых левых, одним из которых являлся феминизм.

В целом представительство женщин на съезде демократов 1972 г. в Майами-Бич значительно выросло: они составили 40% от общего состава делегатов⁵³. Позиции мужчин и женщин по основным политическим вопросам были достаточно схожими: на волне разворачивавшегося женского движения идея покончить с юридической дискриминацией женщин вошла в основное русло политики. *Платформа* в разделе «Права, власть и социальная справедливость» содержала отдельные пункты, посвященные правам женщин, молодежи, малообеспеченных слоев, американских индейцев, инвалидов, пожилых людей и ветеранов, и требовала ратификации *Поправки о равных правах*. Она открыто признавала, что женщины оказались в одном ряду со всеми остальными ущемленными группами, объединенными общим желанием создать более гуманное общество⁵⁴. В Платформе содержался длинный перечень обещаний, суть которых сводилась к намерению искоренить неравенство и дискриминацию в отношении женщин в сфере экономики, образования, налогообложения, кредита, ипотеки, страховки, владения собственностью, арендных и финансовых контрактов⁵⁵. Партия брала обязательство назначать «женщин на ответственные посты во всех ветвях федерального правительства для достижения

⁵² Freeman J. Who You Know Vs. P. 222.

⁵³ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

⁵⁴ 1972 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4. P. 664.

⁵⁵ Ibid.

паритета с мужчинами», включая Кабинет, руководителей департаментов и судей Верховного суда; включать женщин-консультантов во все правительственные исследовательские группы, комиссии и слушания⁵⁶.

На прошедшем в Нью-Йорке в 1976 г. очередном съезде партии женщины составляли 34%⁵⁷. Одним из основных ораторов была Барбара Джордан — первая чернокожая женщина Юга, ставшая членом Конгресса. Партия выступила за *Поправку о равных правах* и включила соответствующее требование в *Платформу*⁵⁸. В целом партия поддерживала и право на репродуктивный выбор. Картер, будучи глубоко религиозным баптистом, лично не был с этим согласен и выступал за прекращение федерального финансирования аборт. Однако он, как и его соперник-республиканец Джеральд Форд, был против внесения поправки в Конституцию страны, отменяющей решение «*Ро против Вейд*». Поэтому президентство Картера означало уступку сторонникам принципа «*pro-choice*» внутри партии. Первая после разрешения аборт Верховным судом партийная платформа заявляла, что «нежелательно предпринимать попытки изменить Конституцию и отменять решение Верховного суда в этой области»⁵⁹. Таким образом, деятельность феминистской *оперативной группы* внутри Демократической партии с самого начала была весьма успешной.

На съезде 1980 года в Нью-Йорке, где женщины составили 49%⁶⁰, ключевой проблемой стало отношение к кандидатам в президенты, выступавшим против *Поправки о равных правах*. Накануне съезда президенты *Национальной организации женщин* Элеонор Смил и *Национального женского политического кокуса* Айрис Митганг договорились о создании феминистской коалиции по женским правам. Для совместной работы по продвижению феминист-

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

⁵⁸ 1976 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4. P. 700.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

ских требований в нее также вошли известные феминистки — конгрессмен Белла Абзуг и редактор ведущего феминистского журнала «Ms» Глория Стайнем.

Комитет по партийной платформе, собравшийся накануне съезда, внес в *Платформу* предложение под названием *Отчет меньшинства №10*, которое предлагало «не оказывать финансовой и технической помощи кандидатам, не поддерживающим *Поправку*»⁶¹. Принятие этого предложения стало основной задачей феминистов на съезде, поскольку проект платформы и так уже содержал их основные требования.

Сторонники Джимми Картера не были в восторге от предложения, которое, с их точки зрения, походило на недопустимый в плюралистской партии «тест на лояльность». Но его провал при голосовании пресса могла преподнести как отказ от *Поправки*, что отрицательно повлияло бы на имидж партии накануне выборов. Поэтому, когда самый большой и монолитный блок сторонников Картера *Национальная ассоциация образования* объявил о поддержке *Отчета меньшинства №10*, его судьба была решена: не занимаясь скрупулезным подсчетом голосов при открытом голосовании, председатель съезда объявил о его одобрении. Организаторы кампании Картера и в целом Демократическая партия пошли на этот компромисс.

Одобренная в результате *Платформа* содержала требование *Поправки* и обещание не предоставлять помощь кандидатам, ее не поддерживавшим⁶². Более того, Демократический национальный комитет брал на себя обязательство не проводить собрания, конференции и съезды в штатах, которые не ратифицировали *Поправку*, и призывал все национальные организации бойкотировать такие штаты и не проводить на их территории своих мероприятий. *Платформа* содержала обещание искоренить дискриминацию и неравен-

⁶¹ Report of the Platform Committee to the 1980 Democratic National Convention. Democratic Platform Committee. Washington D.C.: Democratic National Committee, 1980. P. 120.

⁶² 1980 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4. P. 729.

ство на базе пола в сфере экономики, оплаты труда, образования, и призывала к расширению программ *аффирмативных действий*⁶³.

Новым в *Платформе* было включение проблем домашнего насилия, от которого в стране «ежегодно страдало от 3 до 6 млн. человек»⁶⁴. В дополнение к уже действовавшим программам администрации Картера, демократы обещали содействовать прохождению законодательства, которое бы обеспечивало немедленную и эффективную помощь жертвам насилия⁶⁵. В вопросе репродуктивных прав также были предприняты дальнейшие шаги: *pro-choice* силы действовали в партии активней, чем в 1976 г., и подняли планку требований в поддержку абортот. *Платформа* разделяла «убеждение многих американцев, что женщина имеет право выбирать, иметь ли и когда иметь ребенка»⁶⁶. Это заявление явилось компромиссом между позицией Картера и частью партии во главе с Эдвардом Кеннеди, поддержавшим призыв Глории Стайнем ввести федеральное финансирование абортот через медикейд⁶⁷. Так, делегаты съезда передали право решать, какой должна быть позиция партии по женским вопросам, феминистским лидерам, а президент Картер подкрепил это решение, пригласив осенью 1980 г. президента *Национальной организации женщин* Элеонор Смил в Белый дом для обсуждения *Поправки о равных правах*⁶⁸.

Отношения феминистов с демократами до и во время съезда партии в 1984 г. в Сан-Франциско разительно отличались от их отношений с республиканцами. К 1984 г. феминисты прочно закрепили свое присутствие в Демократической партии. Вице-президент *Национальной организации женщин* была включена в *Комитет по Платформе*, председателем которого была назначена Джеральдин Ферраро. Накануне съезда *Национальный женский политический кокус* объявил о поддержке на предстоявших выборах кандидата в

⁶³ Ibid. P. 735, 743, 744.

⁶⁴ Ibid. P. 745.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid. P. 729.

⁶⁷ Medicaid — пакет бесплатных медицинских услуг, предоставляемых государством определенным группам населения.

⁶⁸ Freeman J. Who You Know Vs. P. 220.

президенты от этой партии, но обусловил благожелательное отношение к потенциальному претенденту четырьмя критериями: позиция кандидата и его приоритеты в женском вопросе; число женщин на ключевых позициях в его команде; согласие привлечь женщину в качестве кандидата в вице-президенты; электоральная привлекательность. Шестеро потенциальных кандидатов были приглашены с выступлениями на съезд *кокуса* в июле 1983 г. Все они надеялись заручиться его поддержкой. *Кокус* решил поддержать Уолтера Мондейла и убедить его идти на выборы, пригласив кандидатом на пост вице-президента женщину. С этой целью на съезде работал единый женский кокус, спонсировавшийся Женской секцией Демократического национального комитета. Под давлением *НЖПК* Мондейл вступил в борьбу за президентство совместно с Джеральдин Ферраро. Благодаря Мондейлу и другим демократам на съезде, где женщины составляли половину⁶⁹, феминисты ощутили себя в качестве членов одной семьи. Несмотря на проигрыш избирательной кампании, совместное обращение кандидатов на пост президента и вице-президента за поддержкой к женскому *Кокусу* стало триумфом для феминистов: оно символизировало превращение бывших аутсайдеров в составную и легитимную часть партии.

Демократы одобрили феминистскую платформу по всем вопросам, прямым образом затрагивающим женщин, и ясно дали понять, что женщины под руководством феминистских лидеров являются важной составной частью Демократической коалиции. Платформа партии вновь в качестве приоритетного включала требование *Поправки о равных правах*, а также содержала четыре раздела, затрагивающих женщин: «*Равенство прав*», «*Политическое усиление меньшинств и женщин*», «*Репродуктивная свобода*», «*Аффирмативные действия*»⁷⁰. Документ включал требование равной оплаты для женщин за одинаковый с мужчинами труд, акцентируя внимание на существовавшем разрыве: на каждый доллар, заработанный мужчинами, белые женщины получали только

⁶⁹ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

⁷⁰ 1984 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4.

62, чернокожие — 58 и латиноамериканского происхождения — всего 56 центов⁷¹. Платформа признавала, что женщины не в состоянии на равных конкурировать с мужчинами до тех пор, пока они должны выбирать между семьей и работой. Для решения этой проблемы предлагалось развивать систему детских учреждений, финансируемых государством и частным бизнесом, предоставлять возможности для занятости на неполный рабочий день и гибких часов работы, чтобы и женщины, и мужчины могли сочетать семейные обязанности с работой. Демократы брали обязательство продвигать женщин и национальные меньшинства на должности в правительстве, а также к 1988 г. удвоить их число в Конгрессе. Партия обещала привлечь максимальные ресурсы для избрания кандидатов-женщин и представителей меньшинств⁷².

На протяжении 1980-х гг. партия заняла еще более определенную позицию в отношении аборт. *Платформа* демократов 1984 года в поддержке аборт и впервые — сексуальных меньшинств была более либеральной, чем предыдущая. Она объявляла репродуктивную свободу в качестве одного из фундаментальных прав человека. Демократы выступали против правительственного вмешательства в сферу репродуктивных решений американцев. Они объявили о поддержке принятого в 1973 г. Верховным судом США решения о праве на аборт и выступали против любых конституционных поправок, ограничивающих или отменяющих это решение. Партия обещала покончить с актами насилия в отношении врачей и женщин, развивать образовательные программы и службу планирования семьи⁷³. Съезд в Сан-Франциско окончательно закрепил направление, по которому двигалась партия в «женском вопросе» в течение предшествовавших 10 лет.

К очередному съезду 1988 года в Атланте, на котором женщины составили 49%⁷⁴, демократы после консультаций с представительницами нескольких национальных организаций вновь подгото-

⁷¹ Ibid. P. 741.

⁷² Ibid. P. 742.

⁷³ Ibid. P. 744.

⁷⁴ Women at the Democratic and Republican National Conventions. P. 1.

вили феминистскую платформу⁷⁵. Она критиковала республиканцев за подбор членов Верховного суда, основанный более на их идеологических взглядах, нежели на уважении буквы закона. *Платформа* вновь подтверждала приверженность партии *Поправке о равных правах*, гарантированному фундаментальному праву на репродуктивную свободу⁷⁶. Легкость, с которой феминисты в Демократической партии получали одобрение, объяснялась произошедшей в ней к этому времени трансформацией. Реформирование партии видоизменило ее структурную форму от коалиции партий штатов к организации, представляющей группы избирателей. Избиратели штатов оставались ее традиционной опорой, но со временем к ним присоединились организованные группы меньшинств, в том числе женщин, цветного населения, эмигрантов, сексуальных меньшинств, адаптированных партией благодаря их способности выбирать делегатов, находить деньги и вести борьбу за отдельные положения партийной платформы и изменение правил. Демократы стали выступать за равные права, антидискриминационное законодательство и репродуктивные права. Они стали также более решительны в назначении женщин на высшие правительственные позиции и в попытках защитить женщин и людей, ведущих нетрадиционный образ жизни, от республиканской кампании навязывания «традиционных семейных ценностей».

Съезд демократов в Нью-Йорке в 1992 г. открылся специальной программой, приветствовавшей шестерых женщин, выдвинутых в Сенат. Среди трех основных докладчиков была женщина — бывший член Конгресса от Техаса Барбара Джордан. Председательствовала губернатор Техаса Энн Ричардс. На съезде каждый выступавший стоял на позиции «*pro-choice*» и встречался бурей аплодисментов. Даже в случае, если бы демократы проиграли выборы, организации *Национальная лига действий за право на аборт* и *Планируемое родительство* лоббировали бы в Конгрессе закон *О свободе выбора*, который бы ограничил возможность для штатов

⁷⁵ 1988 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4. P. 825.

⁷⁶ Ibid. P. 827.

накладывать ограничения на аборт. Политическая связка демократов Билл Клинтон — Альберт Гор, выдвинутых в качестве кандидатов на посты президента и вице-президента страны, стала самой молодой в истории партии, символизируя новый тип политиков. Семейная пара Билл — Хиллари Клинтон тоже не выглядела традиционной для американского политического Олимпа. Одна из самых высокооплачиваемых юристов в стране Хиллари Клинтон заняла активную политическую позицию, в том числе в вопросе продвижения прав женщин, противопоставив ее традиционной церемониальной роли первой леди в государстве.

Демократы инкорпорировали в свою программу популярное феминистское требование «*персональное есть политическое*». Они включили в общественную повестку проблемы и требования, ранее представлявшиеся исключительно частными. Наиболее противоречивым из них было, как обычно, право на безопасный и легальный аборт, обеспечение широкого набора репродуктивных выборов. *Платформа* демократов объявляла репродуктивную свободу в качестве «фундаментальной конституционной свободы», провозглашала, что «каждый американец, а не правительство, может брать на себя ответственность за принятие наиболее трудного и исключительно персонального решения относительно репродукции»⁷⁷. *Платформа* выдвигала проблемы сексуального домогательства, борьбы с домашним насилием, дискриминации сексуальных и иных меньшинств, ведущих нетрадиционный образ жизни; развращения наступления на женские онкологические заболевания; содержала предложение ратифицировать *Поправку о равных правах*, обещания продвигать программы *аффирмативных действий*, ослабить существующий конфликт между работой и домашними обязанностями⁷⁸. В широком смысле *Платформа* демократов стала отражением позиции: «обеспечение прав меньшинств в условиях правления большинства».

⁷⁷ 1992 Democratic National Platform // The Encyclopedia of the Democratic Party. Vol. 4. P. 834, 836.

⁷⁸ Ibid. P. 834, 835.

Съезды обеих партий в 1992 г. стали кульминацией тенденций, развивавшихся на протяжении предшествовавших 20 лет: обе организации полностью поляризовались в реакциях на феминистские требования по поводу распределения гендерных ролей, репродукции, заботы о детях, структуры семьи, сексуальной ориентации, пересечения работы с семейными обязанностями, военной службы. Позиция каждой из них институализировалась по этим пунктам и более не ставилась под сомнение. Партии стали представлять две различные и конфликтующие версии того, как рядовому американцу вести себя в повседневной жизни. Проблема аборта уже более не рассматривалась в качестве женского требования: она превратилась в глубокий моральный, бескомпромиссный конфликт, по поводу которого можно было проиграть или выиграть выборы.

Национальные съезды 1996 года и одобренные на них платформы закрепили обе партии на занятых позициях⁷⁹. Конечный смысл партийного видения мог уложиться в короткую формулу: у республиканцев — «*семейные ценности*», у демократов — «*все персональное является политическим*». Различия стали совершенно очевидны для голосующих, в среде которых произошли смещения: сторонники феминистских требований голосовали за демократов, их противники — за республиканцев. Победа же демократов на президентских выборах 1992 года, а затем и в 1996 г. потребовала от республиканцев новых техник борьбы с конкурентами. В ситуации недостойного поведения президента-демократа в частной жизни республиканцы использовали слоган противника — «*персональное является политическим*», и при помощи средств массовой информации превратили его в собственное оружие в межпартийной политической борьбе, в результате вырвав с минимальным преимуществом победу на президентских выборах 2000 г.

⁷⁹ 1996 Democratic National Platform. Today's Democratic Party: Meeting America's Challenges, Protecting America's Values. Washington D.C.: Democratic National Committee, 1996. P. 122.

SUMMARIES

L. P. Pepina

Gender hierarchy: and «women's power»: Individual experience in social context

The article analyses the role of gender in distribution of power in society, including not only a legitimate political authority and formally sanctioned right to make political decisions binding for others, but also a possibility to exert informal influence over people, their actions and what is going on, i.e. to influence on others for achieving his/her own aims. The author considers the expanded conception of power that is now so central for gender history and puts it in the framework of debates on relationship between the private and the public that reflects the distribution of power, prestige and property through the system of political, cultural and economic institutions. Special attention is paid to the problem of conjugal relations and to «political order» of the family. The article also considers such important aspect of women's power as their participation in the religious movements of the Middle Ages and the Reformation époque. The author discusses the forms of political influence that were used by elite and royal women to the interests of their parental kin. The author shows how the access that these women had to hidden channels of influence and in some cases to formal authority didn't abolish the gender asymmetry that was very stable and even stimulated its reproduction.

S. V. Archipova, L. L. Selivanova

Hatchepsut: woman-pharaoh

The period of the XVIII-th dynasty was one of the most brilliant epochs in the history and culture of ancient Egypt. It was a time of powerful and prominent women who inscribed many pages in historical records of the country and of the entire Near East. The Egyptian women were much more independent in their everyday life than women in other countries. The most well-known representative of the XVIII-th dynasty was queen Hatchepsut (1467–1445 B.C.), who declared herself pharaoh. Not only in Egypt, but also in the world history Hatchepsut is reckoned to be a unique phenomenon. This phenomenon of «woman-pharaoh» contradicted the traditional Egyptian idea of the supreme governor, according to which a woman had no right to become king, so the name of the Hatchepsut who ruled Egypt nearly 20 years, was not included in any official king list. The authors demonstrated how Hatchepsut

she appropriated the male gender role, how the features of both sexes manifested themselves in her personality, how it influenced her surroundings and policy and culture of Egypt and how the recruitment of the gender self-consciousness took place.

S. I. Fyodorov

Searching for scenario: Anne of Denmark and her funeral

Royal ceremonial is now universally recognized as having serious political and social impact. It was intended to strengthen both the power of the dynasty and the ties of the crown as well as its most important subjects. The point is tested here by consideration of important event, the funeral of Anne of Denmark, the queen consort of James I.

The article is based on analysis of two Bodleian library manuscripts (Rawlinson MSS. B.138. fol.16; Tanner MSS. 236. fol. 80) and a contemporary narrative from Birch collection (British Library. Birch MSS. 4174), edited by John Nichols.

By serving the queen consort on this formal occasion, nobles expected to emphasize the age and grandeur of their title and their family. They also intended to associate themselves with those mystical attributes of monarchy which were stressed by the ceremonial. But some expectations were not come up.

Explanation can be found beyond tradition. Abridged or modified version of Westminster ordo specially drafted for last Tudor queen was not exact to fit the needs of queen consort's funeral. So heralds were faced unknown precedent but their work was not well done. As a result, scenario was imperfect, the order of precedence was not followed particularly and in general, some ceremonial figures were missed, offerings at funeral were not prescribed as expected.

E. A. Vishlenkova

Gender codes in visual language of Russian nationalism, 18-19th century

The article scrutinizes gender codes in visual narrative of «Russian-ness» in the 18th–19th centuries. Beginning in the 18th century, Russian Empire embarks on the process of overcoming its centuries-long isolation in an attempt to find a new identity through exposure to and interactions with the diverse world. The Europeanization stimulated Russian romantic

nationalism with its quest for the signs of national uniqueness. The author traces this evolution on the basis of illustrations in ethnographic publications, albums containing drawings of Russian traditional dress, engravings of Russian caricatures and memorial coins and medals featuring allegories of Russia. Together, all these images produced narratives of the past and present of the Russian people. Elena Vishlenkova specifically engages gender metaphors in visual language and considers them as codes revealing semantics and imagery of Russian nationalism of the time. This publication involves as illustrations visual images of «Russianness».

M. V. Griger

The status of woman in law documents of Late Antiquity (The Institutions of Gai and the Mishna's chapter «Nashim»)

The article is dedicated to the comparison of the status of woman in two law cultures of Late Antiquity: Roman Law and Jewish-Talmudic Law. The Institutions of Gai and the Mishna's chapter «Nashim» are the sources for this research. They were written in one historical period (second half of II A.D.) and in one state — Roman Empire.

The author makes emphasis on following aspects of comparison: types of women's dependence, routs of emancipation, wife's property in wedlock, legal capacities of emancipated women. The conclusion of the research does not depict the real situation in society of Late Antiquity. It depicts ideology of Roman and Jewish lawgivers, their concepts about the woman's locus in society.

The main result of the M. Griger's research consists in the conclusion that the both law systems demonstrate similar tendency in vesting property's rights in emancipated women. Author states that this changes were favourable for the women from the higher social classes. M. Griger thinks that this tendency was based on global changes that took place in Antique World: the atomization of society and changing orientations of law culture (from the concepts of «community» and «stock» to that of «individual»).

G. S. Zelenina

Doña puta vieja: La Celestina Complex in Inquisitorial Records

This research is based on Records of the Trials of the Spanish Inquisition in Ciudad Real, the complete collection of inquisitorial documents

relating to trials of the Ciudad Real Conversos held between 1483 and 1527. The author avoids romanticizing, often characteristic of Jewish historiography, and analyzes the system of interrelations and mutual perceptions in Converso community on trial, the role of the Tribunal in this system, and representation of women, who were the highest on the list of victims and most active in communal conflicts, in inquisitorial discourse.

V. A. Veremenko

The Pension Rights of a Spouse of a Russian State Employee in the second half of the 19th century and in the early 20th century

The article is focused on the conditions on which state pensions and old-age insurance pensions were granted to the widows of state employees in the second half of the 19th century and in the early 20th century.

The pensions varied from 19 roubles to three thousand roubles per year. In fact, the tsarist government and the old-age insurance offices spent huge amount of money in order to pay pensions to the widows, but most of the grantees found their status unsatisfactory (including those who received the highest pensions). The article shows different ways in which widows of state employees kept the body and soul together. It also tells about state-run and public institutions that helped widows of such civil servants and military men.

The author of the article concludes that it was the government service of the late husband that constituted the main reason to grant money to his widow, no matter whether nobility societies, charitable organizations or even the Russian emperor himself were concerned. It is also noted that widowers did not get any pension. Even in the early 20th century, when a lot of women worked in different institutions and departments and had the right to the state and/or old-age insurance pensions, no pension code provided any pension to the widower for his late wife's government service.

E. Yu. Lykova

Women at the time of the Conquest

E. Yu. Lykova examines the role and the status of women at the epoch of the Spanish Conquest of the South America. She pays attention to the Indian and Spanish women equally. The author's analysis is focused on such questions as what were the motives for migration to the New World, the material conditions and the options open to the Spanish

women-migrants. As for the Indian-women, E. Yu. Lykova studies not only their states at the war-time, but also relations between those, who collaborated with the conquerors, and with their tribesmen. For example, she portrays such person as Malinche.

A. A. Sal'nikova

Some words about «a red revolutionary goat»: symbols and images of 1917 Revolution in contemporary girls' eyes

The Russian Bolshevik revolution and the following events produced a lot of new symbols and images. They caused the very different or even contradictory associations within the given cultural community. The author deals with the special «childish» girls' symbols of the Revolution, which reflected the girls' world outlook and disposition. The special attention is given to the indication signs (colors, smells, and sounds), symbolic signs (things, clothes, and decorations) and iconic signs (toys and dolls) of the childish culture. Analysis of those symbols gives an opportunity to reveal gender and generation semiotic features while constructing the picture and understanding the 1917 Revolution, the specific character of the childish-women semiotic code of that era.

L. M. Makarova

Gender approach to the national socialism

The specific of the gender approach of Nazi consists in its focus on the problem of race. The main role in the world, according to the Nazi, belonged to men, whose task was to secure the flourishing of the Aryans throughout the Germany and the occupied lands. Women's role was less important in that world. The gender and the sex had identical definitions. The statements had been changed according to the transformation of the reality. The gender began to play more important role in society's differentiation. The forming of the racial and gender stereotypes at the same time shaped the intermediate types of a superman and «defective man».

O. V. Shnyrova

Anti-suffrage movement as reflection of suffragism

The article deals with the history of anti-suffrage movement in England. We can consider anti-suffrage to be a reaction of some groups within the British society to the growth of the movement for the women's

political equality. The author examines the reasons of the rise of the anti-suffrage movement, its ideology, evolution and contradictions. The article based on the archival sources mainly from Women's Library of London.

I. A. Shkolnikov

British Labour Party and women's suffrage movement

In the present article the author considers the history of interaction between the British Labour Party and women's suffrage movement. The key problems of this analysis are the following: attitude of different Labour fractions towards women's enfranchisement, the evolution of the Labour policy on the issue of women's political equality and the transformation of the suffragists' tactics from the strong non-party policy to the suffrage-labour alliance. The author also tries to explain the nature of the given alliance and analyse its effectiveness and advantages for both Labour Party and women's suffrage movement

T. V. Koroleva

Women's movement and state policy towards female education in 19th-century France

1880s saw dramatic changes in the system of female education in France. From private monastery schools it turned into secular, state-controlled colleges. The reform took place as a result of the development of women's movement, which treated the right to education as the main condition for the emancipation of women. The reform also became possible after the liberalization of the political system in France that initiated an active state policy in the field of female education. Strong anti-clerical views of republican political elite were also of extreme importance. T. V. Koroleva attempts to find out whether all those processes were intertwined, and which one mostly influenced the changes in the attitudes of French state to female education.

V. P. Frolov

First women — members of the Liberal Party in the British Parliament 1921–1951

The article is devoted to parliamentary and other social and political activity of the first women MPs represented the Liberal Party during

1921–1951. The entrance of the Liberal women into the House of Commons was the objective result not only of the British female suffrage movement, but also of women's activity inside the Liberal Party. In this connection the author mentions some basic organisational forms of the Liberal women's political activity during the previous period of the 1880s – early of the 20th century.

V. Frolov traces basic features of parliamentary activity of such Liberal women MPs as M. Wintringham, V. Terrington, H. Runciman and M. Lloyd George. He pays attention to political fates of the first and the last ladies. Parliamentary standings of the Liberal women MPs — M. Wintringham and M. Lloyd George, in particular — deserved recognition and left appreciable trace in the history of the House of Commons. In Parliament the first Liberal women MPs paid special attention to social problems, including those which referred to women's position in the British society. They occupied the leftist positions in the Liberal Parliamentary Party and were guardians of the heritage of radical liberalism.

The article also shows that the quantitative parameters of parliamentary representation of the women – members of the Liberal Party corresponded to its small representation and to appropriate relative parameters of the Conservatives and the Labours.

M. O. Dubovitskaja

The other side of the policy of the welfare in Sweden: the sterilization of the 1935–1975

The article throws light on the one of the most discussed problems of the modern Sweden society, the problem of the sterilization. The author depicts a brief history of the sterilization's policy. The main attention is paid to the history and to the conditions of the adoption of the sterilization bills. The other object of M. O. Dubovitskaja's interest is the discussion in the Sweden press, which have attracted attention of the Sweden society and the people throughout the world. The discussion and the increase of the interest to the problem as its result have forced the government to reconsider a legislation about the sterilization. Moreover the government was forced to compensate the damage to the victims.

T. B. Tiainen**State feminism in Sweden, 1950-2006**

The article presents a reader an overview of the Swedish 'model' of 'state feminism'. The author shows that Swedish feminism went through several stages in its history. It started with the idea of a unique female role — that of mother — in public sphere, and has transformed itself into notion of equal social roles of men and women, which constitutes a basis for the ideology of 'state feminism'. The moderate feminism of 1950–70s had developed a concept of 'free choice'. According to it state had to provide women with a choice — to be a housewife, or an employee, — or to make it possible for women to work and to have children, even as a single parent. The 1980–90s saw a creation of special institutes that had to safeguard gender equality on labour market. Thus Swedish feminism demonstrated its adherence to Western tradition that accepts the domination of public sphere over private life. Gender equality in Sweden is achieved by further transference of family functions into public sphere. At the same time private sphere is being narrowed, its social value and functions are underrated.

I. R. Chikalova**Political parties and projects of gender reforms in the USA**

By the moment of the emergence of the new feminist movement both Republicans and Democrats did not consider women to be participants in political life worth their notice. Nevertheless, in 1970s under the pressure from the feminist movements both parties took part in disputes on numerous aspects of gender reform. The most passionate polemics initiated by the feminists or their opponents were transferred into disputed among party members; they concerned the Equal Rights Amendment to the Constitution, as well as the right to abortion and the policy of affirmative actions.

I. R. Chikalova compares positions of the Republicans and the Democrats in these disputes and shows the specific features of their attitude towards the feminist movement.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

Л. П. Ретина

От «домашних дел» к «делам государства»:
гендер и власть в историческом контексте5

Женские образы власти: символы, ритуалы, церемонии

С. В. Архипова, Л. Л. Селиванова

Хатшепсут: женщина-фараон.....28

Ф. Козандей

Анна Бретонская и монархические церемонии: репрезентация
королевы Франции на рубеже XV–XVI веков.....49

С. Е. Федоров

В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь.....62

Е. А. Вишленкова

Гендерные коды в визуальном языке описания «русскости»
(XVIII – первая четверть XIX века).....85

Гендер и право

М. В. Григер

Правовой статус женщины в позднеантичных правовых
документах (Институции Гая и раздел «Нашим» Мишны).....110

Г. С. Зеленина

Doña puta vieja: «комплекс Селестины»
в инквизиционных документах.....136

В. А. Веремко

Пенсионные права супруга за службу чиновника в России
во второй половине XIX – начале XX веков.....162

Гендерный аспект общественно-политических катастроф

Е. Ю. Лыкова

Женщины Конкисты.....191

А. А. Сальникова

Немного о «красном революционном козле», или Девочки-
современницы о символах и образах революции 1917 года.....212

<i>Л. М. Макарова</i>	
Национал-социализм в гендерном измерении.....	234
<i>Гендер и политика</i>	
<i>О. В. Шнырова</i>	
Антисуфражизм как зеркало суфражизма.....	253
<i>И. А. Школьников</i>	
Лейбористская партия Великобритании и суфражистское движение.....	284
<i>Т. В. Королева</i>	
Женское движение и государственная политика в сфере женского образования во Франции XIX века.....	300
<i>В. П. Фролов</i>	
Первые женщины-либералки в британском парламенте, 1921–1951 гг.	314
<i>М. О. Дубовицкая</i>	
Теневая сторона политики благосостояния в Швеции: стерилизация 1935–1975 гг.	332
<i>Т. В. Тийнен</i>	
Особенности становления «государственного феминизма» в Швеции (1950–2006 гг.).....	347
<i>И. Р. Чикалова</i>	
Политические партии и проекты гендерных реформ в США.....	377
Summaries.....	403
Содержание.....	411

CONTENTS

Introduction

L. P. Pepina

Gender hierarchy: and «women's power»:
Individual experience in social context.....5

Women's images of authority: symbols, rituals and ceremonies

S. V. Archipova, L. L. Selivanova

Hatchepsut: woman-pharaoh.....28

F. Cosandey

Anne of Brittany and royal ceremonies: representation of the French
queen at the border of the 15-16th centuries.....49

S. I. Fyodorov

Searching for scenario: Anne of Denmark and her funeral62

E. A. Vishlenkova

Gender codes in visual language of Russian nationalism,
18-19th century.....85

Gender and law

M. V. Griger

The status of woman in law documents of Late Antiquity
(The Institutions of Gai and the Mishna's chapter «Nashim»).....110

G. S. Zelenina

Doña puta vieja: La Celestina Complex
in Inquisitorial Records136

V. A. Veremenko

The Pension Rights of a Spouse of a Russian State Employee
in the second half of the 19th century
and in the early 20th century162

Gender aspect of social and political catastrophe

E. Yu. Lykova

Women at the time of the Conquest.....191

<i>A. A. Sal'nikova</i>	
Some words about «a red revolutionary goat»: symbols and images of 1917 Revolution in contemporary girls' eyes.....	212
<i>L. M. Makarova</i>	
Gender approach to the national socialism.....	234
<i>Gender and policy</i>	
<i>O. V. Shnyrova</i>	
Anti-suffrage movement as reflection of suffragism.....	253
<i>I. A. Shkolnikov</i>	
British Labour Party and women's suffrage movement.....	284
<i>T. V. Koroleva</i>	
Women's movement and state policy towards female education in 19 th -century France.....	300
<i>V. P. Frolov</i>	
First women — members of the Liberal Party in the British Parliament 1921–1951.....	314
<i>M. O. Dubovitskaja</i>	
The other side of the policy of the welfare in Sweden: the sterilization of the 1935–1975.....	332
<i>T. B. Tiainen</i>	
State feminism in Sweden, 1950-2006	347
<i>I. R. Chikalova</i>	
Political parties and projects of gender reforms in the USA.....	377
Summaries.....	403
Contents.....	411